МАРТИН ЛИНГЗ

ЖИЗНЬ МУХАММЕДА

на основе ранних источников

СОДЕРЖАНИЕ

1. **ОБИТЕЛЬ БОГА** 4
2. **БОЛЬШАЯ УТРАТА** 7
3. **КУРАЙШ ИЗ ДОЛИНЫ** 9
4. **ОБРЕТЕНИЕ УТРАЧЕННОГО** 12
5. **КЛЯТВА ПРИНЕСТИ СЫНА В ЖЕРТВУ** 14
6. **ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОРОКЕ** 17
7. **ГОД СЛОНА** 21
8. **ПУСТЫНЯ** 24
9. **ДВЕ УТРАТЫ** 28
10. **МОНАХ БАХИРА** 30
11. **ОРДЕН ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА** 32
12. **ВОПРОСЫ БРАКА** 34
13. **ДОМОЧАДЦЫ** 37
14. **ПЕРЕСТРОЙКА КААБЫ** 42
15. **ПЕРВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ** 45
16. **ПОКЛОНЕНИЕ** 50
17. **ПРЕДОСТЕРЕГИ СВОЙ РОД** 56
18. **КУРЕЙШ ПЕРЕХОДИТ В ДЕЙСТВИЕ** 58
19. **АУС И ХАЗРАДЖ** 62
20. **АБУ ДЖАХЛЬ И ХАМЗА** 65
21. **ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ КУРЕЙШИТОВ** 67
22. **ВОЖДИ КУРЕЙША** 71
23. **ИЗУМЛЕНИЕ И НАДЕЖДА** 74

24. **СЕМЕЙНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ** 77
25. **ЧАС** 82
24. **ТРИ ВОПРОСА** 84
27. **АБИССИНИЯ** 88
28. **‘УМАР** 94
29. **ЗАПРЕТ И ЕГО ОТМЕНА** 97
30. **РАЙ И ВЕЧНОСТЬ** 102
31. **ГОД ПЕЧАЛИ** 105
32. СВЕТ ТВОЕГО ЛИКА 110
33. **ПОСЛЕ ГОДА ПЕЧАЛИ** 113
34. **ОТКЛИК ЯСРИБА** 116
35. **МНОЖЕСТВО ПЕРЕСЕЛЕНИЙ** 122
36. **ЗАГОВОР** 125
37. **ХИДЖРА** 127
38. **ВСТУПЛЕНИЕ В МЕДИНУ** 132
39. **СОГЛАСИЕ И РАЗЛАД** 134
40. **НОВЫЕ ДОМОЧАДЦЫ** 142
41. **НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ** 146
42. **ПОХОД НА БАДР** 149
43. **БИТВА У БАДРА** 157
44. **ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОБЕЖДЕННЫХ** 165
45. **ПЛЕННИКИ** 167
46. **БАНУ КАЙНУКА** 172
47. **СМЕРТИ И БРАКИ** 176
48. **ЛЮДИ СКАМЬИ** 180
49. **РАЗРОЗНЕННЫЕ ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ** 183
50. **ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БИТВЕ** 185
51. **ПОХОД К УХУДУ** 190
52. **БИТВА ПРИ УХУДЕ** 193
53. **МЕСТЬ** 202
54. **ПОГРЕБЕНИЕ МУЧЕНИКОВ** 205
55. **ПОСЛЕ УХУДА** 209

56.**ЖЕРТВЫ МЕСТИ** 213
57.**БАНИ НАДИР** 217
58.**ВОЙНА И МИР** 220
59.**РОВ** 231
60.**ОСАДА** 237
61.**БАНИ КУРАЙЗА** 246
62.**ПОСЛЕ ОСАДЫ** 251
63.**ЛИЦЕМЕРЫ** 254
64.**ОЖЕРЕЛЬЕ** 257
65.**ЛОЖЬ** 260
66.**ДИЛЕММА КУРАЙШИТОВ** 264
67.”**ЯВНАЯ ПОБЕДА**” 270
68.**ПОСЛЕ ХУДАЙБИЙИ** 275
69.**ХАЙБАР** 281
70.**КОГО ТЫ ЛЮБИШЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ** 289
71.**ПОСЛЕ ХАЙБАРА** 293
72.**МАЛОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ** 301
73.**СМЕРТИ И ОБЕЩАНИЕ РОЖДЕНИЯ** 307
74.**НАРУШЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ** 312
75.**ПОКОРЕНИЕ МЕККИ** 318
76.**БИТВА ПРИ ХУНАЙНЕ И ОСАДА ТАИФА** 328
77.**ПРИМИРЕНИЯ** 332
78.**ПОСЛЕ ПОБЕДЫ** 337
79.**ТАБУК** 341
80.**ПОСЛЕ ТАБУКА** 345
81.**СТЕПЕНИ** 352
82.**БУДУЩЕЕ** 356
83.**ПОСЛЕДНЕЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО** 359
84.**ВЫБОР** 366
85.**ПРЕЕМСТВО И ПОГРЕБЕНИЕ** 372

1. ОБИТЕЛЬ БОГА

Книга Бытия рассказывает нам, что Авраам был бездетным, без надежды на детей, и однажды ночью Бог вывел его из шатра и сказал ему: «И вывел его вон и сказал [ему]: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их». И когда Авраам смотрел на звезды, он услышал голос, который сказал: «Столько будет у тебя потомков».[1]

Жена Авраама, Сарра, в то время была семидесяти шести лет, а он – восьмидесяти пяти; и она дала ему свою служанку Агарь, египтянку, чтобы он мог взять её в жёны. Но между госпожой и служанкой возникла вражда, и Агарь бежала от гнева Сарры, взывала к Богу в своей беде. И Он послал к ней Ангела с посланием. «*И сказал ей Ангел Господень: умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества. И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя Измаил, ибо услышал Господь страдание твое*».[2] Затем Агарь вернулась к Аврааму и Сарре и рассказала им, что сказал Ангел; и когда родился сын, Авраам назвал его Измаилом, что означает «Бог услышит».

Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, Аврааму было сто лет, а Сарре – девяносто; и Бог снова говорил с Авраамом, обещая ему, что и Сарра родит сына, которого назовут Исааком. Опасаясь, что его старший сын потеряет благоволение в глазах Бога, Авраам молился: «О, что хотя бы Измаил жил перед Тобою!» И Бог сказал ему: *«И о Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ. Но завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год.»*[3].

Сарра родила Исаака, и сама кормила его грудью; и когда он был отнят от груди, она сказала Аврааму, что Агарь и её сын больше не могут оставаться в их доме. И Аврааму было очень тяжело из-за его любви к Измаилу; но Бог снова говорил с ним, и сказал ему последовать совету Сарры и не скорбеть; и снова Он обещал, что Измаил будет благословлен.

Таким образом, не один, а два великих народа должны считать Авраама своим праотцом - два великих народа, то есть две направляемые силы, два орудия для выполнения Воли Небес, ибо Бог не обещает благословения профанам, как и нет иного величия перед Богом, кроме как величия Духа. Авраам тем самым стал истоком двух духовных потоков, которые не должны сливаться вместе, но каждый должен идти своим путем; и он вверил Агарь и

[1] Ветхий Завет, Бытие, 15:5
[2] Ветхий Завет, Бытие, 16:10-11
[3] Ветхий Завет, Бытие, 17:20-21

Измаила благословению Бога и заботе Его Ангелов, будучи уверен, что с ними все будет хорошо.

Два духовных потока, две религии, два мира для Бога; два круга, а значит, два центра. Место никогда не становится святым по выбору человека, оно избирается на Небесах. Было два священных центра в орбите Авраама: один был под рукой, а другой, возможно, он еще не знал; и именно ко второму были направлены Агарь и Измаил, в безжизненную долину Аравии, примерно в сорока верблюжьих днях пути к югу от Ханаана. Долина называлась Бекка, по мнению некоторых, из-за её узости: горы окружали её со всех сторон, за исключением трёх проходов -одного на север, одного на юг и одного, который вёл к Красному морю, находящемуся в пятидесяти милях к западу. Книги не рассказывают, как Агарь и её сын добрались до Бекки; возможно, какие-то путешественники позаботились о них, так как долина находилась на одном из великих караванных маршрутов, иногда называемом «дорогой благовоний», потому что по нему везли благовония и другие товары из Южной Аравии в Средиземноморье. Вероятно, когда место было достигнуто, Агарь была направлена к тому, чтобы оставить караван. Недолго прошло до того, как мать и сын были побеждены жаждой, и Агарь начала опасаться, что Измаил умирает. Согласно преданиям их потомков, мальчик воззвал к Богу с места, где лежал на песке, а его мать взобралась на камень у подножия ближайшего возвышения, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости. Не увидев никого, она поспешила к другому месту, но и оттуда не было видно ни души. Почти обезумев, она семь раз пробежала между этими двумя холмами; и наконец, в седьмой раз, когда она присела отдохнуть на дальнем камне, с ней заговорил Ангел. В словах из Бытия говорится:

«И услышал Бог голос отрока [оттуда, где он был]; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится; встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ. И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою [живою], и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока».[4]

Этот колодец был источником, который Бог вызвал из песка при касании пятки Измаила; и вскоре после этого долина стала местом остановки караванов благодаря превосходному качеству и изобилию воды, и колодец назвали Замзам.

Что касается Бытия, то она является книгой Исаака и его потомков, а не книгой другого рода Авраама. О Измаиле в ней говорится: *« И Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука»*.[5] После этого имя его упоминается лишь вскользь; за исключением того, что говорится, что два брата, Исаак и Измаил, вместе похоронили своего отца в Хевроне, и что несколько лет спустя Исав женился на своей кузине, дочери Измаила. Но косвенная хвала Измаилу и его матери содержится в Псалме, который

[4] Ветхий Завет, Бытие, 21:17-20
[5] Ветхий Завет, Бытие, 21:17-20

начинается словами *«Как любезны жилища Твои, Господи сил!»*, и в котором рассказывается о чуде Замзам, свершившемся, когда они проходили через долину Бекаа: *«Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе.*

Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением».[6]

Когда Агарь и Измаил достигли своей цели, Аврааму оставалось жить еще семьдесят пять лет, и он посещал своего сына в святом месте, куда была направлена Агарь. Коран рассказывает нам, что Бог указал Аврааму точное место, близ колодца Замзам, на котором он и Измаил должны были воздвигнуть святилище,[7] и они были научены тому, как оно должно быть построено. Его название, Кааба, означает «куб» из-за его приблизительной кубической формы; четыре угла его ориентированы по четырём сторонам света. Но самым святым объектом в этом священном месте был небесный камень, который, как говорят, был принесен Ангелом Аврааму с близлежащей горы Абу Кубайс, где он хранился с тех пор, как попал на землю. « Чёрный камень был ниспослан из Рая и он был белее молока, а чёрным его сделали грехи сынов Адама»[8]. Этот чёрный камень был вделан в восточный угол Каабы; и когда святилище было завершено, Бог снова заговорил с Авраамом и велел ему учредить обряд паломничества в Бекку, или Мекку, как её позже стали называть*: « «Ничего не приобщай ко Мне в сотоварищи и очищай Мой Дом (Каабу) для тех, кто совершает обход, выстаивает намазы, кланяется и падает ниц. Возвести людям о хадже, и они будут прибывать к тебе пешком и на всех поджарых верблюдах с самых отдаленных дорог.»*.[9]

Агарь рассказала Аврааму о своём поиске помощи, и он сделал это частью обряда паломничества, чтобы паломники семь раз проходили между Сафа и Марва, так назывались два возвышения, между которыми она проходила.

Позже Авраам молился, возможно, находясь в Ханаане, глядя вокруг на богатые пастбища и поля пшеницы и ячменя: *«Господь наш! Я поселил часть моего потомства в долине, где нет злаков, у Твоего Заповедного дома. Господь наш! Пусть они совершают намаз. Наполни сердца некоторых людей любовью к ним и надели их плодами, -быть может, они будут благодарны»*.[10]

---

[6] Псалм 83:5-6
[7] Коран, XII, 26
[8] Сунна ат-Тирмизи. 7. Книга хаджжа, Хадис 877
[9] Коран, XXII, 26-27
[10] Коран, XIV, 37

2. БОЛЬШАЯ УТРАТА

Молитва Авраама была услышана, и богатые дары постоянно приносились в Мекку паломниками, которые приходили, чтобы посетить Святой Дом, в увеличивающемся количестве из всех частей Аравии и даже из-за её пределов. Великий хадж совершался раз в год; но Каабу можно было почтить и через малое паломничество в любое время; и эти обряды продолжали совершаться с пылом и преданностью в соответствии с правилами, которые установили Авраам и Измаил. Потомки Исаака также чтили Каабу как храм, воздвигнутый Авраамом. Для них это считалось одним из отдалённых святилищ Господа. Но с течением веков чистота поклонения Единому Богу начала искажаться. Потомки Измаила стали слишком многочисленны, чтобы жить все вместе в долине Мекки; и те, кто уходил поселиться в других местах, забирали с собой камни из священной территории и проводили обряды в их честь. Позже, под влиянием соседних языческих племён, к камням начали добавляться идолы; и, в конце концов, паломники начали приносить идолов в Мекку. Они были установлены в окрестностях Каабы, и именно тогда евреи перестали посещать храм Авраама.

Язычники утверждали, что их идолы являлись силами, действующими как посредники между Богом и людьми. В результате их приближение к Богу становилось всё менее прямым, и чем дальше казался Он, тем тусклее становилось их осознание реальности загробного мира, и многие из них перестали верить в жизнь после смерти. Но среди них, для тех, кто мог это истолковать, существовал явный знак того, что они отпали от истины: они больше не имели доступа к колодцу Замзам и даже забыли, где он находился. За это непосредственно отвечали джурхумиты, которые пришли из Йемена. Они установили своё господство над Меккой, и потомки Авраама терпели это, поскольку вторая жена Измаила была родственницей джурхумитов; но настал момент, когда джурхумиты начали совершать всевозможные несправедливости, за что они были в конечном итоге изгнаны; и перед уходом они зарыли колодец Замзам. Нет сомнений, что они сделали это из мести, но также, вероятно, они надеялись вернуться и обогатиться за счёт него, поскольку наполнили его частью сокровищ святилища, подношениями паломников, накопленными в Каабе за годы; затем они засыпали его песком.

Их место в качестве владык Мекки заняли Хуза’а, арабское племя, ведущее своё происхождение от Измаила, которое мигрировало в Йемен, а затем вернулось на север. Однако хузаа не предприняли попыток найти воды, которые были чудесным образом дарованы их предку. Со времён Измаила в Мекке были вырыты другие колодцы, и дар Божий больше не был необходим, а Святой Колодец стал полузабытым воспоминанием.

Таким образом, Хузаа разделили вину джурхумитов. Они также были виноваты и в других отношениях: один из их вождей, возвращаясь из путешествия в Сирию, попросил моавитян

дать ему одного из их идолов. Они дали ему Хубала, которого он привёз в Святилище и установил внутри самой Каабы; и он стал главным идолом Мекки.

3. КУРАЙШ ИЗ ДОЛИНЫ

Ещё одним из самых влиятельных арабских племён, ведущих своё происхождение от Авраама, было племя курайшитов; и примерно через четыреста лет после рождества Христова человек из племени курайшитов по имени Кусай женился на дочери Хулейля, который был тогда вождём племени Хузаа. Хулейль предпочёл своего зятя своим собственным сыновьям, так как Кусай выделялся среди арабов своего времени, и после смерти Хулейля, а также после ожесточённой битвы, окончившейся судом, было решено, что Кусай будет править Меккой и станет хранителем Каабы.

Тогда он привёл курайшитов, которые были его ближайшими родственниками, и поселил их в долине возле святилища -своего брата Зухру, дядю Тайма, Махзума, сына другого дяди, и одного-двух менее близких кузенов. Они и их потомки были известны как «Курайш из Долины», тогда как более отдалённые родственники Кусая поселились в ущельях окружающих холмов и за пределами города, и были известны как «Курайш из Окраин». Кусай правил всеми ими как единый всеми признанный правитель, обладая неоспоримой властью, и они ежегодно платили ему налоги за свои стада, чтобы он мог кормить паломников, которые были слишком бедны, чтобы содержать себя. До этого хранители Святилища жили вокруг него в палатках. Но Кусай велел им построить себе дома, уже построив себе просторное жилище, известное как дом совета.

Всё было гармонично, но семена раздора были готовы к посадке. Отличительной чертой рода Кусая было то, что в каждом поколении был один человек, который полностью выделялся среди всех. Среди четырёх сыновей Кусая таким человеком был Абду Манаф, которого уже почитали при жизни отца. Но Кусай предпочёл своего первенца, Абд ад-Дара, хотя он был наименее способным из всех; и незадолго до смерти он сказал ему: ««Клянусь Аллахом, сын мой! Я тебя сделаю таким же, как и они, хоть они и опередили тебя по авторитету. Никто из них не войдет в Каабу, пока ты не откроешь ее. Никто не развернет курайшитам знамя войны, кроме как ты своими руками. Никто из паломников не будет есть кроме как твою пищу. Курайшиты все свои дела будут решать в твоем доме».[1] Так он передал ему все свои права и полномочия, передав ему также дом совета.

Из сыновнего почтения Абду Манаф без вопросов принял желания отца; но в следующем поколении половина курайшитов собралась вокруг сына Абду Манафа, Хашима, который был явно выдающимся человеком своего времени, и потребовали, чтобы права были переданы от рода Абд ад-Дара его роду. Те, кто поддержал Хашима и его братьев, были потомками Зухры и Тайма, а также все потомки Кусая, кроме старшей линии. Потомки Махзума и других более отдалённых родственников настаивали на том, что права должны остаться в семье Абд ад-Дара.

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.83

Напряжение возросло настолько, что женщины из рода Абду Манафа принесли чашу с благовонным маслом и поставили её возле Каабы; и Хашим, его братья и все их союзники окунули в неё свои руки и дали торжественную клятву никогда не покидать друг друга, натирая свои благоухающие руки о камни Каабы в подтверждение своего союза. Так этот союз кланов стал известен как «надушенные благовониями» (*мутайябун*). Союзники Абд ад-Дара также поклялись в верности друг другу, и они стали известны как «союзники» (*аль-ахлаф*). Насилие было строго запрещено не только в самом Святилище, но и в пределах нескольких миль в диаметре широкого круга вокруг Мекки; и две стороны собирались покинуть этот священный круг, чтобы сразиться до смерти, когда было предложено компромиссное решение, и было согласовано, что сыновья Абду Манафа получат права на сбор налогов и обеспечение паломников едой и питьем, тогда как сыновья Абд ад-Дара сохранят ключи от Каабы и другие свои права, а их дом останется Домом Собраний.

Братья Хашима согласились, что он должен взять на себя ответственность за обеспечение паломников. Когда приближалось время паломничества, он вставал на Собрании и говорил: «О собрание курайшитов! Вы -соседи Аллаха, жители его дома, жители священной Мекки. Паломники -гости Аллаха, его жители, посетители его жилища. Это -гости, достойные всяческого гостеприимства. Готовьте им пищу и питье в дни паломничества, пока они от вас не уйдут».[2]

Хашима очень уважали как дома, так и за его пределами. Именно он организовал два больших караванных пути из Мекки -зимой в Йемен и летом в северо-западную Аравию, а также в Палестину и Сирию, которые в то время были под властью Византии как части Римской империи. Оба пути пролегали вдоль древнего пути благовоний; и одной из первых крупных остановок летних караванов был оазис Ясриб, в одиннадцати днях пути на верблюде к северу от Мекки. Этот оазис когда-то был главным образом населен евреями, но теперь его контролировало арабское племя из Южной Аравии. Тем не менее, евреи продолжали жить там в значительном достатке, принимая участие в общественной жизни, сохраняя при этом свою религию. Что касается арабов Ясриба, у них были определённые матриархальные традиции, и их называли потомками Кайлы, по имени одной из их праматерей. Но теперь они разделились на два племени, которые получили названия Аус и Хазрадж в честь двух сыновей Кайлы.

Одной из самых влиятельных женщин племени Хазрадж была Сальма, дочь Амра из клана Наджджар, и Хашим попросил её руки. Она согласилась при условии, что контроль над её делами останется полностью в её руках; и когда она родила ему сына, она оставила его с собой в Ясрибе, пока ему не исполнилось четырнадцать лет или больше. Хашим не возражал против этого, так как, несмотря на болезни оазиса, которые больше угрожали приезжим, чем местным жителям, климат там был более здоровым, чем в Мекке. Кроме того, он часто ездил в Сирию и останавливался у Сальмы и своего сына на пути туда и

[2] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.87

обратно. Однако Хашиму не суждено было прожить долгую жизнь, и во время одного из путешествий он заболел в Газе, в Палестине, и умер там.

У него было два родных брата, Абду Шамс и Мутталиб, и один сводный брат, Науфаль. Но Абду Шамс был чрезвычайно занят торговлей в Йемене, а позже и в Сирии, тогда как Науфаль не менее активно занимался торговлей в Ираке, и оба отсутствовали в Мекке длительное время. По этим и, возможно, другим причинам младший брат Хашима, Мутталиб, взял на себя права на обеспечение паломников водой и сбор налогов для их питания; и теперь он считал своим долгом задуматься о вопросе своего преемника. У Хашима было трое сыновей от других жен, кроме Сальмы. Но если верить тому, что говорили, ни один из них -и, к слову, ни один из сыновей самого Мутталиба -не мог сравниться с сыном Сальмы. Несмотря на свою юность, Шейба -так она его назвала -уже показывал явные задатки лидера, и отличные отзывы о нем постоянно приносили в Мекку путешественники, проходившие через оазис.

Наконец, Мутталиб отправился посмотреть сам, и то, что он увидел, побудило его попросить Сальму доверить ему своего племянника. Сальма не хотела отпускать своего сына, а мальчик отказался покидать мать без её согласия. Но Мутталиб не терял надежды и указал им обоим, что возможности, которые предлагает Ясриб, не сравнимы с теми, что может предложить Мекка. Как хранители Священного Дома, главного центра паломничества для всей Аравии, курайшиты стояли выше других арабских племён по своему достоинству; и существовала большая вероятность, что Шейба однажды займёт ту должность, которую занимал его отец, и станет одним из вождей курайшитов. Но для этого он должен сначала войти в состав своего народа. Никто, будучи изгнанником, не мог надеяться достичь такой чести.

Сальма была впечатлена его доводами, и если её сын отправится в Мекку, ей будет легко навещать его там, и он также сможет посещать её, поэтому она согласилась отпустить его. Мутталиб взял племянника с собой на верблюде; и когда они въехали в Мекку, некоторые из присутствующих, глядя на молодого незнакомца, сказали: «Абд аль-Мутталиб», то есть «раб Мутталиба». «Да что вы говорите!» -ответил он. -«Он не раб, он сын моего брата Хашима». Смех, вызванный его словами, стал только началом веселья, охватившего весь город, когда история об этой ошибке облетела от дома к дому; и с тех пор юноша ласково стал известен как Абд аль-Мутталиб.

Вскоре после его прибытия он оказался вовлечён в спор о наследстве своего отца со своим дядей Науфалем. Однако, при поддержке своего дяди-хранителя и благодаря давлению, оказанному из Ясриба, Абд аль-Мутталибу удалось отстоять свои права. Он оправдал надежды, вдохновлённые его ранними талантами, и, когда спустя несколько лет умер Мутталиб, никто не оспаривал квалификации его племянника для выполнения серьёзной ответственности по обеспечению паломников едой и водой. Говорили даже, что он превосходил как своего отца, так и своего дядю в выполнении этой задачи.

4. ОБРЕТЕНИЕ УТРАЧЕННОГО

К северо-западной стороне Каабы примыкает небольшой участок, окружённый низкой полукруглой стеной. Два конца этой стены не доходят до северного и западного углов Святилища, оставляя проход для паломников. Однако многие из них, проходя этот участок, расширяют свой круг, включая в обход и этот участок, огибая низкую стену снаружи. Пространство внутри этого участка называют Хиджр Исмаила, так как здесь под каменными плитами лежат захоронения Исмаила и Агари.

'Абд аль-Мутталиб так любил находиться рядом с Каабой, что порой велел расстилать для него постель прямо в Хиджре. И однажды ночью, когда он спал там, перед ним возникла туманная фигура, и во сне голос произнёс: «Выкопай Тайбу (сладкую прозрачность) !». «Что такое Тайба? » -спросил он, но видение исчезло. Однако он проснулся с таким чувством радости и покоя, что решил провести следующую ночь в том же месте. В ту ночь видение вернулось и сказало: «Выкопай Барру (благо) !». Но снова его вопрос остался без ответа. На третью ночь он услышал: «Выкопай аль-Маднуну (сокровищницу) !», и опять-таки видение исчезло, как только он попытался выяснить смысл сказанного. Но на четвёртую ночь ему велено было выкопать Замзам, и на его вопрос «Что такое Замзам?» голос ответил: «Не истощается и не вычерпывается никогда, утоляет жажду великих паломников, находится там, куда сваливают содержимое желудка и кишок закланных животных, где гнездятся вороны и кишат муравьи». В конце концов, ему было велено вознести молитву о «чистой, обильной воде, которая напоит Божьих паломников в их пути».[1]

С первыми лучами рассвета 'Абд аль-Мутталиб поднялся и покинул Хиджр у северного угла Священного Дома, который называют Иракским углом. Затем он прошёл вдоль северо-восточной стены, у другого конца которой находится дверь Каабы, и, миновав её, остановился у восточного угла и с благоговением поцеловал Чёрный Камень. Оттуда он начал обряд обхода, возвращаясь мимо двери к Иракскому углу, переходя через Хиджр к западному углу, который называют Сирийским, и далее к Йеменскому углу на юге. Потомки Авраама, будь то линия Исмаила или Исаака, обходят свои святыни, двигаясь в направлении, противоположном движению солнца. Идя от Йеменского угла к Чёрному Камню, он увидел тёмный склон Абу Кубайса и дальние восточные холмы, отчётливо вырисовывающиеся на фоне золотистого света. Он прошёл круг семь раз, и с каждым кругом свет становился всё ярче, ведь на Аравийском полуострове рассветы и сумерки недолговечны. Завершив обряд, он подошёл от Чёрного Камня к двери и, взявшись за металлическое кольцо, висевшее на замке, произнёс молитву, которой его научили.

Послышался звук крыльев, и в песке позади него приземлилась птица. За ней прилетела другая, и, закончив свою молитву, он повернулся и увидел, как птицы с грацией ворон направились к двум скальным выступам примерно в ста ярдах, почти напротив двери. Эти

[1] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.93

скалы почитались как идолы, и курайшиты совершали свои жертвоприношения между ними. 'Абд аль-Мутталиб знал, как и вороны, что там всегда оставалась кровь на песке. Там был и помёт; и, подойдя ближе, он увидел, что на этом месте устроился муравейник.

Он вернулся домой и взял две кирки, одну для своего сына Хариса, которого привёл с собой на место, где знал, что должен копать. Глухой звук инструментов, бьющих по песку, и необычное зрелище -ведь двор был виден со всех сторон -вскоре привлекли толпу; и, несмотря на всеобщее уважение к 'Абд аль-Мутталибу, вскоре некоторые начали протестовать, утверждая, что копать на месте жертвоприношения между идолами -это кощунство, и что он должен остановиться. Он ответил, что не остановится, и сказал Харису охранять его, чтобы никто не мешал ему копать. Это был напряжённый момент, и исход мог бы оказаться неприятным. Но оба Хашимита были решительно настроены и едины, тогда как толпа была застигнута врасплох. Кроме того, эти идолы, Исаф и Наила, не пользовались высоким почётом среди идолов Мекки, и некоторые даже утверждали, что они были мужчиной и женщиной из рода джурхумитов, превращёнными в камень за осквернение Каабы. Так что 'Абд аль-Мутталиб продолжал копать, и никто не пытался ему помешать. Некоторые люди уже начали покидать святилище, когда он вдруг наткнулся на каменное перекрытие колодца и вознёс благодарственную молитву Богу. Толпа снова собралась и увеличилась; и когда он начал доставать сокровища, которые джурхумиты когда-то зарыли там, все стали требовать право на долю в них.

'Абд аль-Мутталиб согласился, чтобы для каждого предмета бросали жребий, чтобы определить, должен ли он остаться в святилище, достаться ему лично или быть разделённым между членами племени. Этот способ стал общепринятым для решения спорных вопросов и осуществлялся с помощью гадательных стрел перед идолом моавитян Хубалом внутри Каабы. В данном случае часть сокровищ осталась в Каабе, часть досталась 'Абд аль-Мутталибу, а ни одна из частей не перешла к курайшитам в целом. Также было решено, что род Хашима будет отвечать за колодец Замзам, так как их обязанностью было обеспечение паломников водой.

5. КЛЯТВА ПРИНЕСТИ СЫНА В ЖЕРТВУ

Абд аль-Мутталиб пользовался уважением среди курайшитов за своё великодушие, надёжность и мудрость. Он также был очень красивым человеком с впечатляющей внешностью. Его богатство было ещё одной причиной считать себя удачливым; и теперь всё это было увенчано честью быть избранным орудием, через которое Замзам был восстановлен. Он был глубоко благодарен Богу за эти благословения, но душу его всё ещё терзали мысли о том моменте, когда его велели остановить раскопки и когда всё, казалось, висело на волоске. Всё прошло благополучно, слава Богу! Но никогда прежде он не чувствовал так остро свою «бедность» -так это ему казалось -из-за того, что у него был всего один сын. Например, его двоюродный брат Умайя, глава клана Абд Шамса, был благословлен множеством сыновей; и если бы копателем был Мугира, вождь клана Махзум, его сыновья могли бы создать вокруг него широкий и мощный круг. Но сам 'Абд аль-Мутталиб, несмотря на то, что у него было несколько жён, имел только одного сына, который поддерживал его. Он уже был почти готов смириться с этим, но Бог, даровавший ему Замзам, мог благословить его и в других отношениях; и, ободренный только что полученной милостью, он вознёс молитву к Богу, прося даровать ему больше сыновей, добавив к своей молитве обет, что если Он благословит его десятью сыновьями и позволит им всем вырасти, он принесёт одного из них в жертву в Каабе.

Его молитва была услышана: прошли годы, и у него родилось девять сыновей. Когда он дал обет, это казалось очень далёкой возможностью. Но пришло время, когда все его сыновья, кроме самого младшего, 'Абдаллы, уже выросли, и обет стал доминировать в его мыслях. Он гордился всеми своими сыновьями, но никогда не любил их всех одинаково, и ему давно было ясно, что 'Абдалла -тот, кого он любит больше всего. Возможно, Бог также предпочитал именно этого сына, которого Он одарил исключительной красотой, и, возможно, именно его Он выберет для жертвоприношения. Как бы то ни было, 'Абд аль-Мутталиб был человеком слова. Мысль о нарушении клятвы не приходила ему в голову. Он был также человеком справедливым, с глубоким чувством ответственности, что означало, что он знал, каких обязанностей следует избегать. Он не собирался брать на себя бремя решения, какого из сыновей принести в жертву. Поэтому, когда уже стало невозможно считать 'Абдаллу всего лишь юношей, он собрал своих десятерых сыновей, рассказал им о своём обете перед Богом и призвал их помочь ему исполнить его слово. Они не могли не согласиться; клятва отца была и их клятвой, и они спросили, что им нужно сделать. Он сказал им пометить каждую свою стрелу. Тем временем он послал за курайшитским гадателем, чтобы тот прибыл в Каабу.

Затем он привёл сыновей в Святилище и ввёл их в Священный Дом, где рассказал гадателю о своём обете. Каждый сын вытащил свою стрелу, и 'Абд аль-Мутталиб встал возле Хубала, достал большой нож, который принёс с собой, и вознёс молитву к Богу. Был брошен жребий, и выпала стрела 'Абдаллы. Отец взял его за руку и, держа нож в другой руке, повёл

его к выходу, намереваясь сразу направиться к месту жертвоприношения, словно боялся дать себе время на раздумья.

Но он не учёл женщин из своего дома, особенно мать 'Абдаллы, Фатиму. Другие его жёны были из отдалённых племён и имели относительно небольшое влияние в Мекке. Но Фатима была женщиной из курайшитов, из могущественного клана Махзум, а по материнской линии была потомком Абда, одного из сыновей Кусая. Вся её семья была поблизости, готовая помочь ей при необходимости. Трое из десяти сыновей были её детьми -Зубайр, Абу Талиб и 'Абдалла. Она также была матерью пяти дочерей 'Абд аль-Мутталиба, которые были преданы своим братьям. Эти женщины не сидели сложа руки, и, безусловно, другие жёны обратились к Фатиме за помощью, учитывая угрозу, нависшую над всеми десятью сыновьями, один из которых стал обладателем стрелы для жертвоприношения.

К моменту бросания жребия во дворе Святилища собралась большая толпа. Когда 'Абд аль-Мутталиб и 'Абдалла появились на пороге Каабы, оба бледные, как смерть, среди людей клана Махзум раздался ропот, когда они осознали, что жертвой должен стать один из сыновей их сестры. «Для чего этот нож?» -крикнул кто-то, и другие повторили вопрос, хотя все знали ответ. 'Абд аль-Мутталиб начал рассказывать о своём обете, но его прервал Мугира, вождь клана Махзум: «Не приноси его в жертву; но предложи другую жертву вместо него, и, если выкуп будет стоить всего имущества сыновей Махзума, мы его искупим». Братья 'Абдаллы к этому моменту тоже вышли из Священного Дома. Никто из них не говорил, но теперь они обратились к отцу и умоляли позволить их брату жить и предложить другую жертву в качестве искупления. Не было ни одного человека, кто бы не поддержал их, и 'Абд аль-Мутталиб жаждал согласиться, но его сдерживали сомнения. В конце концов, он согласился обратиться к одной мудрой женщине в Ясрибе, которая могла бы сказать, возможно ли в этом случае искупление, и если да, то в какой форме.

Взяв с собой 'Абдаллу и одного-двух других сыновей, 'Абд аль-Мутталиб отправился в страну, где он родился, только чтобы узнать, что та женщина уехала в Хайбар, богатое еврейское поселение в плодородной долине почти в ста милях к северу от Ясриба. Поэтому они продолжили своё путешествие, и, когда нашли женщину и рассказали ей о ситуации, она пообещала обратиться к своему духу-хранителю и велела вернуться на следующий день. 'Абд аль-Мутталиб молился Богу, и на следующее утро женщина сказала: «Мне пришло слово. Каков штраф за кровь среди вас?» Они ответили, что это десять верблюдов. «Возвращайтесь в свою страну, -сказала она, -и поставьте человека и десять верблюдов рядом и бросайте жребий между ними. Если стрела выпадет против вашего сына, добавьте ещё верблюдов и снова бросьте жребий; и, если потребуется, добавляйте верблюдов, пока Господь не примет их, и стрела не выпадет против них. Затем принесите верблюдов в жертву и оставьте человека в живых».

Они немедленно вернулись в Мекку и торжественно привели 'Абдаллу и десять верблюдов во двор Каабы. 'Абд аль-Мутталиб вошёл в Священный Дом и, стоя рядом с Хубалом,

молился Богу, чтобы Он принял их действия. Затем они бросили жребий, и стрела выпала против 'Абдаллы. Добавили ещё десять верблюдов, но снова стрела указала, что верблюды должны жить, а человек должен умереть. Они продолжали добавлять по десять верблюдов и бросать жребий с тем же результатом, пока число верблюдов не достигло ста. Только тогда стрела выпала против них. Но 'Абд аль-Мутталиб был чрезвычайно совестлив: для него одного доказательства было недостаточно, чтобы решить столь важный вопрос. Он настаивал, чтобы жребий бросали ещё дважды, что и сделали, и каждый раз стрела выпадала против верблюдов. Наконец, он был уверен, что Бог принял его искупление, и верблюды были должным образом принесены в жертву.

6. ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОРОКЕ

Абд аль-Мутталиб не молился Хубалу; он всегда молился Богу -Аллаху. Но моавитский идол поколениями находился внутри Дома Божьего и стал для курайшитов своего рода воплощением *бараки* -благословения, духовного влияния, которое пронизывало это величайшее из всех святилищ. В Аравии существовали и другие, менее значимые святилища, из которых самые важные в Хиджазе -это храмы трёх «дочерей Бога», как называли их некоторые из их поклонников: аль-Лат, аль-Узза и Манат. С ранних лет, как и все арабы Ясриба, 'Абд аль-Мутталиб был воспитан в почитании Манат, чей храм находился в Кудайде на Красном море, почти прямо на запад от оазиса. Более важным для курайшитов был храм аль-Уззы в долине Нахля, в одном дне пути на верблюде к югу от Мекки. Ещё один день пути в том же направлении приводил паломников в Таиф, обнесённый стеной город на зелёном плато, где жили представители племени Сакиф, ветвь великого арабского племени Хавазин. Аль-Лат была «госпожой Таифа», и её идол находился в богато украшенном храме. Как стражи этого храма, Сакиф считали себя равными курайшитам; и курайшиты нередко говорили о «двух городах», имея в виду Мекку и Таиф. Однако, несмотря на удивительный климат и плодородие «Сада Хиджаза», как называли Таиф, его жители не были лишены ревности к пустынной долине на севере, зная в душе, что их храм, как бы они его ни возвеличивали, не мог сравниться с Обителью Бога. Впрочем, они не стремились к этому, ведь сами вели происхождение от Исмаила и имели корни в Мекке. Их чувства были смешанными и иногда противоречивыми. Курайшиты же никому не завидовали, ибо знали, что живут в центре мира и что имеют среди себя магнит, способный привлекать паломников со всех сторон света. Им лишь оставалось не делать ничего, что могло бы ослабить добрые отношения с племенами, жившими вокруг.

Должность 'Абд аль-Мутталиба как хозяина паломников в Каабе налагала на него особую чувствительность к этим вопросам. Его функция была межплеменной, и в какой-то степени разделялась всеми курайшитами. Паломники должны были чувствовать, что Мекка -это их второй дом, и гостеприимство означало почтение к тем, кого они почитают, не упуская случая выразить уважение их идолам. Оправданием и основой для принятия идолов и веры в их действенность была традиция: их отцы, деды и прадеды делали это. Тем не менее, для 'Абд аль-Мутталиба Бог был великой реальностью, и, несомненно, он был ближе к религии Авраама, чем большинство его современников из курайшитов, хузаитов, хавазитов и других арабских племён.

Однако были и всегда оставались те, кто сохранял чистоту авраамического поклонения. Эти немногие понимали, что поклонение идолам -это не традиция, а новшество и опасность, от которой следует оберегаться. Достаточно было взглянуть на историю шире, чтобы увидеть, что Хубал не лучше золотого тельца сынов Израилевых. Эти люди называли себя

ханифами[1] и отвергали все идолы, считая их присутствие в Мекке профанацией и осквернением. Их отказ идти на компромисс и их частая откровенность вытесняли их на периферию мекканского общества, где их уважали, терпели или плохо обращались с ними, в зависимости от их личности и от того, были ли их кланы готовы их защищать или нет.

'Абд аль-Мутталиб знал четверых из ханифов, и один из них, по имени Варака, был сыном его двоюродного брата Науфала[2] из клана Асад. Варака принял христианство, и среди христиан тех мест существовало убеждение, что приход Пророка был близок. Это убеждение, возможно, не было широко распространено, но его поддерживали несколько почтенных сановников восточных церквей, а также астрологи и прорицатели. Что касается евреев, для которых это убеждение было ещё проще, поскольку для них линия пророков завершалась только с приходом Мессии, они почти единодушно ожидали Пророка. Их раввины и другие мудрецы заверяли их, что он уже близко; многие предсказанные знаки его прихода уже свершились; и, конечно, Мессия будет евреем, ведь они были избранным народом. Христиане, в том числе Варака, сомневались в этом; они не видели причины, по которой Пророк не мог бы быть арабом. Арабы нуждались в Пророке даже больше, чем евреи, которые хотя бы всё ещё следовали религии Авраама, поклоняясь Единому Богу и не имея идолов; а кто, кроме Пророка, мог бы избавить арабов от поклонения ложным богам?

В широком круге вокруг Каабы, на некотором расстоянии от неё, стояло 360 идолов; и, кроме того, почти в каждом доме в Мекке был свой бог, идол -большой или маленький, который служил центром семейной жизни. Перед тем, как выйти из дома, особенно если это был дальний путь, человек подходил к своему идолу и прикасался к нему, чтобы получить благословение, и то же самое делал при возвращении домой. Мекка не была исключением, поскольку эти практики были распространены по всей Аравии. Правда, в южной части, в Неджране и Йемене, а также на севере, ближе к границам Сирии, существовали давно укоренившиеся арабские христианские общины; но последние 600 лет, изменившие Средиземноморье и огромные пространства Европы, практически не затронули языческое общество, центрированное на мекканском святилище. Арабы Хиджаза и обширного плато Неджд на востоке, казалось, были непроницаемы для послания Евангелия.

Не то чтобы курайшиты и другие языческие племена были враждебны к христианству. Иногда христиане приходили почтить святилище Авраама, и их встречали так же приветливо, как и всех остальных. Более того, одному христианину позволили и даже поощрили нарисовать икону Девы Марии с младенцем Христом на внутренней стене Каабы, где она резко контрастировала со всеми другими изображениями. Но курайшиты

[1] Слово «ханиф» озночает «правоверный». См. Коран VI, 161 @Скажи: «Воистину, мой Господь наставил меня на прямой путь, на правильную религию, веру Ибрахима (Авраама), ханифа. Ведь он не был из числа многобожников»».

[2] Не путать с братом Хашима Науфалом, в честь которого был именован клан Науфал

были по-своему безразличны к этому контрасту: для них это было просто добавление ещё двух идолов к уже существующему множеству; и отчасти именно их терпимость делала их такими непроницаемыми.

В отличие от большинства своих соплеменников, Варака умел читать и изучал Писание и теологию. Поэтому он мог понять, что в одном из обещаний Христа, которое обычно толковалось христианами как относящееся к чуду Пятидесятницы, содержались элементы, которые не вполне подходили к этому событию и должны были указывать на нечто иное - на то, что ещё не свершилось. Но слова были загадочными и вот их смысл: «...ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит»?[3]

У Вараки была сестра по имени Кутайла, которая была ему очень близка. Он часто говорил с ней об этих вещах, и его слова произвели на неё такое сильное впечатление, что мысли о грядущем Пророке часто занимали её. Может быть, он уже среди них?

После того как жертва верблюдов была принята, 'Абд аль-Мутталиб решил найти жену для своего спасённого сына, и после некоторого размышления выбор пал на Амину, дочь Вахба, внука Зухры, брата Кусая. Вахб был вождём клана Зухра, но умер несколько лет назад, и теперь Амина находилась под опекой его брата Вухайба, который занял его место как вождь клана. У самого Вухайба также была дочь на выданье по имени Хала, Когда 'Абд аль-Мутталиб устроил брак своего сына с Аминой, он также попросил, чтобы Хала была выдана замуж за него самого. Вухайб согласился, и все приготовления были завершены для двойной свадьбы, которая должна была состояться одновременно. В назначенный день 'Абд аль-Мутталиб взял сына за руку, и они вместе отправились к жилищам Бану Зухра.[4] По дороге им пришлось пройти мимо домов Бану Асад, и случилось так, что Кутайла, сестра Вараки, стояла у входа в свой дом, возможно, специально, чтобы посмотреть, что происходит, ведь все в Мекке знали о великой свадьбе, которая должна была состояться. 'Абд аль-Мутталибу было уже за семьдесят, но он оставался удивительно молодым для своего возраста во всех отношениях; и медленное приближение двух женихов, их естественное достоинство, усиленное торжественностью момента, было поистине впечатляющим зрелищем.

Однако, когда они подошли ближе, Кутайла обратила всё своё внимание только на младшего из них. 'Абдалла был для своей эпохи подобен Иосифу по красоте. Даже старейшие мужчины и женщины из курайшитов не могли вспомнить, чтобы когда-либо видели его равного. Ему было двадцать пять лет, и он находился в полном расцвете своей молодости. Но больше всего Кутайлу поразило -как и в другие моменты, но никогда так сильно, как сейчас -сияние, озарявшее его лицо, которое, казалось ей, исходило не из этого

[3] Евангелие от Иоанна, 16:13

[4] Сыновья (потомки) Зухры; бани – это множественное число от слова ibn “сын”

мира. Мог ли 'Абдалла быть тем самым ожидаемым Пророком? Или же он должен был стать отцом Пророка?

Они уже прошли мимо неё, когда, поддавшись внезапному порыву, она сказала: «О, 'Абдалла». Его отец отпустил его руку, как бы говоря ему поговорить с двоюродной сестрой. 'Абдалла повернулся к ней, и она спросила его, куда он направляется. «С отцом», -ответил он просто, не из-за сдержанности, а потому, что был уверен, что она знает, что он идёт на свою свадьбу. «Я тебе дам столько верблюдов, сколько было заколото вместо тебя. Женись на мне сейчас!», -сказала она. «Я со своим отцом и не могу идти против его воли и оставить его», -ответил он.[5]

Свадьбы прошли по плану, и обе пары оставались несколько дней в доме Вухайба. В это время 'Абдалла отправился в свой дом за чем-то, и снова встретил Кутайлу, сестру Вараки. Её взгляд так серьёзно искал его лицо, что он остановился рядом с ней, ожидая, что она заговорит. Когда она молчала, он спросил её, почему она не сказала ему того, что говорила накануне. Она ответила ему: «Тебя покинуло то сияние, которое исходило вчера от тебя. Сегодня нет у меня потребности в тебе».[6]

Год этих браков был 569 годом нашей эры. Следующий год известен с тех пор как Год Слона, и он был знаменателен по многим причинам.

[5] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.100
[6] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.101

7. ГОД СЛОНА

В то время Йемен находился под властью Абиссинии, и наместником там был абиссинец по имени Абраха. Он построил величественный собор в Сане, надеясь, что он затмит Мекку как главный центр паломничества для всей Аравии. В собор доставляли мрамор из одного из заброшенных дворцов царицы Савской, там возвели кресты из золота и серебра, амвоны из слоновой кости и чёрного дерева. Абраха написал своему повелителю, негусу: «Я построил для тебя церковь, о король, какой не было ни у одного царя до тебя; и я не успокоюсь, пока не привлеку в неё всех паломников Аравии». Он не скрывал своих намерений, и это вызвало великий гнев среди племён Хиджаза и Неджда. Наконец, один человек из племени Кинана, родственного курайшитам, отправился в Сану с единственной целью -осквернить церковь, что он и сделал однажды ночью, а затем благополучно вернулся к своему народу.

Когда Абраха узнал об этом, он поклялся отомстить, разрушив Каабу до основания. Подготовившись, он отправился в поход на Мекку с большой армией, в авангарде которой шёл слон. Некоторые арабские племена к северу от Саны попытались преградить ему путь, но абиссинцы обратили их в бегство и захватили их предводителя Нуфайля из племени Хатам. Чтобы выкупить свою жизнь, он предложил стать проводником.

Когда армия достигла Таифа, люди из племени Сакиф вышли навстречу Абрахе, опасаясь, что он может по ошибке разрушить их храм аль-Лат вместо Каабы. Они поспешили указать ему, что он ещё не достиг своей цели, и предложили ему нового проводника на оставшуюся часть пути. Хотя у него уже был Нуфайль, он принял их предложение, однако тот человек умер на пути, примерно в двух милях от Мекки, в месте под названием Мугхаммис, где его и похоронили. После этого арабы начали забрасывать его могилу камнями, и жители этого места продолжают делать это до сих пор.

Абраха остановился в Мугхаммисе и отправил отряд всадников к окраинам Мекки. Они захватили всё, что могли по пути, и отправили добычу обратно к Абрахе, включая двести верблюдов, принадлежавших 'Абд аль-Мутталибу. Курайшиты и другие соседние племена собрались на совет и решили, что противостоять врагу бессмысленно. Тем временем Абраха послал гонца в Мекку, приказав ему разыскать главного человека города. Гонец должен был сказать, что армия пришла не сражаться, а лишь для того, чтобы разрушить храм, и что, если он хочет избежать кровопролития, то должен явиться в лагерь абиссинцев.

С тех пор, как привилегии и обязанности курайшитов были разделены между домами Абд ад-Дара и Абд аль-Манафа, в Мекке не было официального вождя. Но большинство людей знало, кто из вождей кланов был по факту, если не по праву, самым уважаемым человеком города. Гонца направили к дому 'Абд аль-Мутталиба, который вместе с одним из своих сыновей отправился в лагерь. Когда Абраха увидел его, он был так поражён его величественным видом, что поднялся со своего трона, чтобы поприветствовать его, а затем

сел рядом с ним на ковёр, велев своему переводчику спросить, есть ли у него какая-либо просьба.

'Абд аль-Мутталиб ответил, что армия захватила его двести верблюдов и попросил вернуть их ему. Абраха был удивлён этим запросом и сказал, что разочарован им, поскольку он думает о верблюдах, а не о своём храме, который они пришли уничтожить. 'Абд аль-Мутталиб ответил: «Я -хозяин верблюдов, а храм имеет своего Хозяина, который защитит его». -«Он не сможет защитить его от меня», -сказал Абраха. «Посмотрим», -ответил 'Абд аль-Мутталиб. -«А теперь верни мне моих верблюдов». И Абраха велел вернуть ему верблюдов.

'Абд аль-Мутталиб вернулся к курайшитам и посоветовал им укрыться в горах над городом. Затем он вместе с членами своей семьи и другими людьми отправился к Святилищу, где они стояли рядом с ним, моля Бога о помощи против Абрахи и его армии, а сам он взялся за металлическое кольцо посередине двери Каабы и сказал: «О Боже, Твой раб защищает свой дом. Защити же Ты Свой Дом!» Помолившись, он отправился к остальным курайшитам на холмы, откуда они могли наблюдать за происходящим в долине.

На следующее утро Абраха приготовился к маршу в город, намереваясь разрушить Каабу и затем вернуться в Сану тем же путём, которым пришёл. Великолепно убранный слон был поставлен в авангарде армии, которая уже выстроилась; и когда могучее животное достигло своего места, его погонщик Унайс повернул его лицом к Мекке. Но Нуфайль, неохотный проводник, прошёл большую часть пути в авангарде армии с Унайсом и выучил некоторые команды, которые понимал слон. Когда Унайс отвлёкся, Нуфайль тихо, но настойчиво прошептал в большое ухо слона повеление встать на колени. На удивление и отчаяние Абрахи и его войска, слон медленно и решительно опустился на землю. Унайс приказал ему подняться, но команда Нуфайля совпала с командой более могущественной силы, чем человек, и слон не двинулся. Они сделали всё возможное, чтобы поднять его на ноги; даже били по голове железными прутьями и кололи живот железными крюками, но он оставался, как скала. Тогда они попробовали заставить всю армию повернуть и пройти несколько шагов в сторону Йемена. Слон сразу же встал, повернулся и последовал за ними. Обрадовавшись, они снова повернули его к Мекке, но он тут же снова опустился на колени.

Это был ясный знак, чтобы не идти дальше, но Абраха был ослеплён своей амбицией для храма, который он построил, и своим намерением разрушить его великого соперника. Если бы он повернул назад, возможно, они все избежали бы беды. Но вдруг было слишком поздно: западное небо потемнело, и раздался странный звук; его громкость увеличивалась, и тьма надвигалась на них, словно волна, с морской стороны. Небо над их головами, насколько хватало взгляда, было полно птиц. Выжившие рассказывали, что птицы летели, как стрижи, и каждая несла по три камешка размером с высушенный горох -один в клюве и по одному в каждой лапе. Они пикировали над рядами солдат, осыпая их камнями, и камешки были настолько твёрды и летели с такой скоростью, что пробивали даже кольчуги.

Каждый камень поражал цель, убивая человека: как только тело поражалось, плоть начинала гнить -у одних быстро, у других постепенно. Не все были поражены, и среди оставшихся в живых были Унайс и слон, но весь лагерь был охвачен ужасом. Немногие остались в Хиджазе, зарабатывая на жизнь пастушеством и другими работами. Но основная часть армии вернулась в Сану в беспорядке. Многие погибли по пути, а многие, включая Абраху, умерли вскоре после возвращения.

С того дня арабы называли курайшитов «людьми Бога» и начали относиться к ним с ещё большим уважением, потому что Бог ответил на их молитвы и спас Каабу от разрушения. Курайшитов чтут и по сей день, но не менее важен другой случай -несомненно, связанный с первым, -который произошёл в том же Году Слона.

'Абд Аллах, сын 'Абд аль-Мутталиба, не был в Мекке во время чуда с птицами. Он отправился с караваном в торговое путешествие в Палестину и Сирию; на обратном пути остановился у родственников своей бабушки в Ясрибе, где и заболел. Караван продолжил путь в Мекку без него и, вернувшись, сообщил о его болезни. Тогда 'Абд аль-Мутталиб отправил Хариса, чтобы тот сопроводил брата домой, как только он будет в состоянии путешествовать. Но когда Харис прибыл в дом своих кузенов в Ясрибе, те встретили его сочувственными словами, и он сразу понял, что его брат скончался.

Когда Харис вернулся, в Мекке царило великое горе. Единственным утешением Амины оставался ребёнок, которого она носила под сердцем. Её утешение росло по мере того, как приближалось время родов. Она чувствовала свет внутри себя, и однажды этот свет засиял так ярко, что она увидела замки Босры в Сирии. И она услышала голос, который сказал ей: « Ты беременна сейчас господином этой нации. Когда ты родишь его, скажи: «Поручаю его под покровительство Всеединого, чтобы защищал его от злого умысла всех завистников. Потом назови его Мухаммадом».[1]

Спустя несколько недель ребёнок родился. Амина находилась в доме своего дяди и послала весть 'Абд аль-Мутталибу, прося его прийти и увидеть внука. Он взял мальчика на руки и отнёс его к Святилищу, войдя с ним в Священную Обитель, где вознёс молитву благодарности Богу за этот дар. Затем он вернул его матери, но по пути показал младенца своим домочадцам. Вскоре у него должен был родиться ещё один сын от Халы, двоюродной сестры Амины. На тот момент его младшим сыном был трёхлетний Аббас, который встретил его у двери дома. «Это твой брат; поцелуй его», -сказал он, протягивая ему новорождённого, и Аббас поцеловал его.

[1] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.102

8. ПУСТЫНЯ

У всех знатных семей арабских городов был обычай вскоре после рождения отправлять своих сыновей в пустыню, чтобы там их кормили грудью, отлучали от груди и чтобы они провели часть детства среди одного из бедуинских племён. Мекка не была исключением, поскольку эпидемии случались здесь довольно часто, а уровень младенческой смертности был высоким. Но не только свежий воздух пустыни был тем, что они хотели дать своим сыновьям. Это было важно для тела. Но пустыня несла в себе дары и для души. Курайшиты недавно перешли к оседлому образу жизни. До тех пор пока Кусай не велел им построить дома вокруг Святилища, они вели полукочевую жизнь. Оседлость, возможно, была неизбежной, но она была опасной. Образ жизни их предков был благороднее -жизнь кочевников, обитателей шатров, часто находящихся в пути. Благородство и свобода были неразделимы, и кочевник был свободен. В пустыне человек осознавал себя повелителем пространства, и благодаря этому господству он в каком-то смысле освобождался от власти времени. Уходя с места лагеря, он сбрасывал с себя вчерашние дни, и завтрашний день казался менее предсказуемым, поскольку место, как и время, ещё предстояло определить. А горожанин был пленником; жить в одном месте -вчера, сегодня, завтра -значит быть мишенью для времени, разрушителя всего. Города были источником разложения. Леность и небрежность таились в тени их стен, готовые ослабить бдительность человека. Всё там разлагалось, даже язык, одно из самых ценных человеческих достояний. Лишь немногие арабы умели читать, но красноречие было добродетелью, которую все арабские родители желали для своих детей. Ценность человека в значительной степени оценивалась его красноречием, и высшей формой красноречия была поэзия. Наличие великого поэта в семье было предметом большой гордости; а лучшие поэты почти всегда были из пустынных племён, поскольку именно в пустыне разговорный язык был ближе всего к поэзии.

Поэтому связь с пустыней нужно было возобновлять в каждом поколении -свежий воздух для груди, чистый арабский язык для языка, свобода для души; и многие из сыновей курайшитов проводили в пустыне до восьми лет, чтобы оказывало на них неизгладимое впечатление, хотя для этого хватало и меньшего количества лет.

Некоторые племена славились своим умением воспитывать и растить детей, среди них были Бану Са'д ибн Бакр, отдалённая ветвь Хавазин, чьи земли лежали к юго-востоку от Мекки. Амина желала доверить своего сына женщине из этого племени. Они регулярно приходили к курайшитам за детьми на воспитание, и вскоре их ждали в Мекке. Об этом прибытии позже рассказывала одна из кочевниц, Халима, дочь Абу Зуайба, которая была в сопровождении мужа, Хариса, и их новорожденного сына, которого она кормила грудью. «Это был год засухи, -рассказывала она, -и у нас ничего не осталось. Я отправилась на своей серой ослице, и у нас была старая верблюдица, которая не могла дать ни капли молока. Наш сын не давал нам покоя всю ночь, плача от голода, потому что у меня не хватало молока для него; а моя ослица была такой слабой и истощённой, что я часто заставляла других ждать нас».

Она рассказывала, что, отправившись в путь, они надеялись лишь на дождь, который позволил бы верблюдице и ослице достаточно поесть и дать хоть немного молока. Но к тому времени, как они достигли Мекки, дождя так и не выпало. Оказавшись там, они начали искать детей на воспитание, и Амина предлагала своего сына сначала одной, потом другой, пока, наконец, она не обратилась ко всем, но все отказались. «Это было потому, что мы надеялись на какую-то помощь от отца ребёнка. “Сирота! -говорили мы. - А что же смогут дать его мать и дед?” Хотя они и не хотели прямой платы за свои услуги, поскольку считалось недостойным брать деньги за вскармливание ребёнка. Ожидаемое вознаграждение было менее непосредственным и менее сиюминутным, а имело гораздо больший размах. То был обмен благами между горожанами и кочевниками: кочевники имели благородный, данный Богом образ жизни, образ жизни Абеля, тогда как сыновья Каина -ведь именно Каин построил первые поселения -обладали имуществом и властью. Преимущество для бедуинов заключалось в том, чтобы создать прочную связь с одной из великих семей. Приёмная мать получала нового сына, который считал её своей второй матерью и испытывал к ней сыновний долг на всю жизнь. Он также чувствовал себя братом её собственным детям. Причём эта связь не была просто номинальной. Арабы верили, что грудное молоко -это один из каналов наследственности и что ребёнок, вскармливаемый молоком кормилицы, перенимает черты её характера. Однако от самого приёмного ребёнка можно было ожидать мало или ничего, пока он не вырастет, и на этот период обычно можно было рассчитывать на то, что его отец возьмёт на себя обязанности сына. Дед же был слишком далёким родственником; а в этом случае им было известно, что 'Абд аль-Мутталиб был уже в преклонных годах и едва ли проживёт долго. Когда он умрёт, его сыновья, а не его внук, унаследуют его. Что касается Амины, то она была бедна; а что касается самого мальчика, то его отец был слишком молод, чтобы успеть скопить богатство. Он оставил своему сыну лишь пять верблюдов, небольшое стадо овец и коз, а также одну рабыню. Сын 'Абд Аллаха был, конечно, ребёнком из великой семьи, но он был самым бедным младенцем среди тех, кого предлагали кормилицам в этом году.

С другой стороны, хотя от приёмных родителей и не ожидали большого богатства, они не должны были быть слишком бедными, и было очевидно, что Халима и её муж были беднее всех своих спутников. Когда выбор стоял между ней и другой кормилицей, предпочтение отдавали другой; и вскоре у каждой из женщин из Бану Са'д, кроме Халимы, появился ребёнок на воспитание. Только самая бедная кормилица осталась без ребёнка, и только самый бедный младенец -без кормилицы.

«Когда мы решили покинуть Мекку, -рассказывала Халима, -я сказала мужу: «Ей-богу, я не могу вернуться, когда все мои подружки взяли на воспитание грудного младенца. А возвращаюсь я без кого-либо. Клянусь Аллахом, я пойду к этому сироте и возьму его». Он ответил: «Нет возражений против этого. Авось, Аллах даст нам с ним благодать». И вот, я пошла и взяла его, не потому что была ещё какая-то причина, а потому что больше не было никого, кроме него. Я вернулась с ним туда, где стояли наши животные, и едва я положила

его на грудь, как мои груди наполнились молоком для него. Он напился досыта, и вместе с ним его приёмный брат также утолил жажду. Затем они оба заснули; а мой муж подошёл к нашей старой верблюдице, и вот, её вымя тоже оказалось полным. Он подоил её и пил её молоко, и я пила с ним, пока мы не насытились и не утолили голод. Это была лучшая ночь, которую мы провели, и утром мой муж сказал мне: «Знай, клянусь Аллахом, о Халима! Я взял благословенную душу». «Клянусь Аллахом, я надеюсь, что так будет», - ответила я. Затем мы отправились в путь, и я ехала на своей ослице, держа его у себя на спине. Моя ослица обогнала весь отряд, и никто из их ослиц не мог угнаться за ней. “Что за чудо!” - говорили они мне. -“Не скачи так быстро, подожди нас! Разве это не та ослица, на которой ты выехала?” -“Да, клянусь Богом, это та же ослица,” -ответила я. “С ней случилось нечто необыкновенное,” -сказали они».

Мы достигли наших шатров в земле Бану Са'д, и я не знаю более бесплодного места на земле Божьей, чем оно тогда было. Но после того, как мы привезли его к нам, наши стада каждый вечер возвращались полными и до краёв наполненными молоком. Мы доили их и пили, когда другие не имели и капли; и наши соседи говорили своим пастухам: “Ведите свои стада туда, где пасутся его стада”, -имея в виду моего пастуха. Их овцы возвращались голодными и без капли молока, а мои овцы возвращались сытыми и полными молока. Мы продолжали получать от Аллаха прибавления и добра, пока не исполнилось ему два года и пока я не отняла его от груди..[1]

«Он рос здоровым, -продолжила она, -и ни один из других мальчиков не мог сравниться с ним по крепости. К двум годам он был сильным ребёнком, и мы снова отвезли его к его матери, хотя нам хотелось, чтобы он остался с нами за те благословения, что приносил. И я сказала ей: “Оставь своего маленького сына со мной, пока он не окрепнет, ибо я боюсь, как бы его не поразила чума Мекки”. И мы уговаривали её, пока она не вернула его нам, и мы привезли его обратно к себе домой.

Однажды, несколько месяцев спустя, когда он и его брат пасли наших ягнят за нашими шатрами, его брат прибежал к нам и сказал: «На моего брата-курайшита напали двое мужчин в белых одеждах, положили его на землю, разрезали живот и начали теребить его». Мы с мужем поспешили к нему и нашли его стоящим, но лицо его было очень бледным. Мы привлекли его к себе и спросили: “Что с тобой, сыночек?” Он ответил: “ Ко мне подошли двое мужчин в белых одеждах. Положили меня на землю и разрезали мой живот. Они искали там что-то, а что я не знаю."[2]

Халима и её муж Харис оглянулись вокруг, но никаких следов мужчин не было. Не было ни крови, ни раны, которые могли бы подтвердить слова мальчиков. Ни один вопрос не заставил их изменить свой рассказ или добавить что-то к нему. Однако на груди их приёмного сына не осталось даже следа шрама, и его тело оставалось таким же

[1] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.105
[2] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.105

безупречным, как и прежде. Единственной необычной чертой было небольшое овальное пятно между его лопатками на спине, где плоть была слегка приподнята, как будто отпечаток от баночной прижигания; но это пятно было с ним с рождения.

В последующие годы он смог более подробно описать это событие: «Когда я вместе со своим братом пас ягнят за нашими домами, ко мне пришли двое мужчин в белых одеждах с тазом из золота, наполненным льдом. Они схватили меня и разрезали живот мой. Вытащили мое сердце и разрезали его. Вытащили из него черный сгусток крови и бросили. Потом они промыли сердце и живот мне этим льдом дочиста»[3] Он также сказал: «Каждого человека в момент его рождения касается шайтан, и от его прикосновения ребёнок начинает кричать, кроме Марьям, и её сына (‘Исы)».[4]

[3] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* I, 96
[4] Мухаммад Ибн Исма’ил аль-Бухари, LX, 54

9. ДВЕ УТРАТЫ

Аль-Харис и его супруга Халима были убеждены, что мальчики говорили правду, и это глубоко потрясло их. Аль-Харис опасался, что их приёмный сын мог быть одержим злым духом или поражён каким-то заклинанием, и велел жене немедленно отвезти его к матери, пока причинённый вред не стал очевиден. Так Халима снова отправилась с ним в Мекку, намереваясь ничего не говорить о подлинной причине своего решения. Однако перемена была слишком внезапной, и Амина, не поддаваясь обману, настояла на том, чтобы ей рассказали всю правду. Выслушав Халиму, она успокоила её страхи, сказав: «Моего маленького сына ждут великие дела». Затем Амина поведала ей о своей беременности и о свете, который она ощущала внутри себя. Халима была утешена, но на этот раз Амина решила оставить сына у себя. «Оставь его со мной, -сказала она, -и счастливого пути домой».

Мальчик счастливо жил в Мекке с матерью около трёх лет, завоевав любовь своего деда, дядей, тёть и многочисленных кузенов, с которыми он играл. Особенно близки ему были Хамза и Саффийя -дети Абд аль-Мутталиба от последнего брака, заключённого в тот же день, что и брак родителей Мухаммада. Хамза был его ровесником, Саффийя чуть младше -дядя и тётя по отцовской линии, кузены по материнской. Между ними сложилась крепкая и длительная связь.

Когда ему исполнилось шесть лет, мать решила посетить своих родственников в Ясрибе. Они присоединились к одному из караванов, направлявшихся на север, путешествуя на двух верблюдах: Амина на одном, а мальчик -на другом вместе со своей преданной рабыней Баракой. Впоследствии он вспоминал, как научился плавать в бассейне, принадлежавшем его родственникам из племени Хазрадж, у которых они гостили, и как мальчики научили его запускать воздушного змея. Но вскоре после того, как они отправились в обратный путь, Амина заболела, и им пришлось остановиться, позволив каравану продолжить путь. Спустя несколько дней она скончалась -это произошло в Абве, неподалёку от Ясриба, где её и похоронили. Барака старалась утешить мальчика, оставшегося круглым сиротой, и в сопровождении торговцев снова привела его в Мекку.

Его дед взял на себя полную ответственность за внука, и вскоре стало ясно, что его особая любовь к Абд Аллаху перешла на сына Абд Аллаха. Абд аль-Мутталиб любил проводить время у Каабы, как это было и прежде, когда он спал в Хиджре в период, когда ему было велено выкопать колодец Замзам. Каждый день семья стелила ему ложа в тени Священного дома, и из уважения к отцу никто из его сыновей, даже Хамза, не осмеливался садиться на него. Но маленький внук таких сомнений не испытывал. Когда дяди велели ему сесть в другом месте, Абд аль-Мутталиб говорил: «Оставьте моего сына. Клянусь Богом, его ждёт великое будущее». Он сажал его рядом с собой, гладил его по спине и всегда с удовольствием наблюдал за ним. Почти каждый день их можно было увидеть вместе, рука

об руку, у Каабы или в других местах Мекки. Абд аль-Мутталиб даже брал Мухаммада с собой на собрания, где встречались самые влиятельные люди города, все старше сорока лет, чтобы обсуждать различные вопросы. И даже спрашивал семилетнего мальчика о его мнении по тому или иному поводу. А когда старейшины спрашивали его, почему он так делает, он отвечал: «Моего сына ждёт великое будущее».

Через два года после смерти матери мальчик потерял и своего деда. На смертном одре Абд аль-Мутталиб поручил своего внука заботам Абу Талиба, который был полнородным братом отца мальчика. Абу Талиб продолжил окружать племянника той же любовью и заботой, что он получал от старика. С тех пор Мухаммад стал для него как родной сын, а его жена, Фатима [1], делала всё возможное, чтобы заменить ему мать. Позже сам Мухаммад говорил о ней, что она скорее оставила бы голодными собственных детей, чем позволила бы голодать ему.

[1] Как и Абу Талиб, она была внучкой Хашима, дочерью Асада, сына Хашима, сводной сестрой Абд аль-Мутталиба.

10. МОНАХ БАХИРА

В последние годы жизни состояние Абд аль-Мутталиба значительно ухудшилось, и после его смерти каждому из сыновей досталось лишь небольшое наследство. Некоторые из них, особенно Абд аль-Узза, известный как Абу Лахаб, успели нажить собственное богатство. Но Абу Талиб был беден, и его племянник считал своим долгом вносить посильный вклад в общее хозяйство. Он зарабатывал на жизнь в основном пастьбой овец и коз, проводя дни в одиночестве на холмах вокруг Мекки или на склонах долин. Однако иногда дядя брал его с собой в торговые путешествия, и однажды, когда Мухаммаду было девять лет (или, по другим сведениям, двенадцать), они вместе отправились с торговым караваном в Сирию. В Босре, неподалёку от одной из стоянок, где обычно останавливался мекканский караван, находилась келья, где из поколения в поколение жили христианские монахи. После смерти одного из них его место занимал другой, унаследовав всё, что было в келье, включая старинные манускрипты. Среди них находилась книга с пророчеством о приходе Пророка к арабам. Бахира, монах, который жил там в то время, хорошо знал содержание этой книги. Оно особенно интересовало его, так как, подобно Вараке, он верил, что появление Пророка произойдёт при его жизни.

Бахира часто видел мекканский караван, приближавшийся к его келье, но в этот раз его внимание привлекло необычное явление: низко висящее облако двигалось над караваном, заслоняя солнце для одного или двух путников. С величайшим интересом он наблюдал, как караван приближался. Когда же путники остановились, облако тоже остановилось и осталось неподвижным над деревом, под которым они расположились, а ветви дерева опустились, образуя двойную тень. Бахира понял, что это неслучайный знак, а указание на присутствие великой духовной силы. Он сразу же подумал об ожидаемом Пророке. Может быть, он уже здесь, среди этих путников?

Накануне келья была пополнена запасами, и, собрав всё, что у него было, Бахира послал в караван приглашение: «Мужи из племени Курайш, я приготовил еду для вас и хотел бы, чтобы все вы, молодые и старые, свободные и обязанные, пришли ко мне». Все путники откликнулись на приглашение, кроме Мухаммада, которого оставили присматривать за верблюдами и поклажами. Когда путники подошли, Бахира внимательно изучил их лица, но ни одно из них не соответствовало описанию из его книги, и никто из присутствующих не казался достойным чудес, которые он наблюдал. Возможно, не все пришли? «Мужи из племени Курайш, все ли вы явились, -спросил он. Абу Талиб и остальные укоряли себя за свою невнимательность. «Мы действительно виноваты, -сказал один из них, -что оставили сына Абд Аллаха и не привели его разделить с нами эту трапезу». С этими словами он пошёл к мальчику, обнял его и привёл, чтобы тот сел вместе с остальными.

Один взгляд на лицо мальчика всё объяснил Бахире. Он пристально наблюдал за ним во время трапезы и заметил многие черты его лица и тела, которые совпадали с описанием в его книге. После трапезы монах подошёл к своему младшему гостю и задал ему вопросы о его жизни, сне и делах. Мухаммад охотно отвечал, так как монах внушал уважение, а

вопросы были учтивыми и доброжелательными. Когда Бахира попросил посмотреть на его спину, мальчик без колебаний снял тунику. Теперь сомнений не осталось: между его лопатками находился знак пророчества, точно описанный в книге.

Бахира обратился к Абу Талибу: «Кем этот мальчик тебе приходится? » -спросил он. «Это мой сын», -ответил Абу Талиб. «Он не может быть твоим сыном, -возразил монах, -отец этого мальчика не может быть жив». «Он сын моего брата», -пояснил Абу Талиб. «А что стало с его отцом? » -спросил монах. «Он умер, когда мальчик был ещё в утробе матери», -ответил тот. «Это правда», -сказал Бахира. «Отвези сына своего брата обратно в его страну и береги его от евреев. Клянусь Богом, если они узнают о нём то, что знаю я, они замыслят против него зло. Этого мальчика ждут великие дела».

11. ОРДЕН ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Когда Абу Талиб завершил свои торговые дела в Сирии, он вместе с племянником вернулся в Мекку. Мухаммед, как и прежде, продолжал проводить уединённую жизнь. Однако его дяди следили за тем, чтобы он, как Аббас и Хамза, прошёл военную подготовку и научился владеть оружием. Хамза обещал быть человеком могучего телосложения, обладающим большой физической силой. Он уже прекрасно владел саблей и искусно боролся. Мухаммад же был среднего роста и средней силы. Он проявлял выдающиеся способности в стрельбе из лука и подавал большие надежды стать отличным лучником, подобным своим великим предкам -Аврааму и Исмаилу. Большую роль в этом играла сила его зрения: по слухам, он мог насчитать до двенадцати звёзд в созвездии Плеяд.

В те годы курайшиты не участвовали в сражениях, за исключением спорадического и нерегулярного конфликта, который стал известен как "священная война", потому что начался в один из священных месяцев. Один распутник из племени Кинана коварно убил человека из племени Амир, одного из племён Хавазин из Неджда, и нашёл убежище в неприступной крепости Хайбара. Последовательность событий была типична для пустыни: честь требовала мести, и племя убитого напало на племя убийцы, Кинану, а курайшиты были вовлечены в конфликт как союзники Кинаны, хотя и не с очень доблестной стороны. Конфликт затянулся на три-четыре года, но активные боевые действия велись лишь в течение пяти дней. Главой клана Хашим в то время был Зубайр, родной брат Абу Талиба и отца Мухаммада. Зубайр и Абу Талиб взяли с собой племянника в один из первых походов, но сочли, что он ещё слишком молод, чтобы участвовать в сражении. Тем не менее, ему позволили помогать, собирая вражеские стрелы, которые не достигли цели, и передавая их своим дядям, чтобы те могли снова пустить их в ход.[1] Однако в одном из последующих сражений, где курайшиты и их союзники потерпели поражение, ему позволили показать свои навыки лучника, и даже похвалили за храбрость[2].

Эта война подогрела растущее недовольство законами пустыни, которое неизбежно возникает у оседлых народов. Многие из видных людей курайшитов путешествовали в Сирию и видели своими глазами относительную справедливость, царившую в Римской империи. Также в Абиссинии можно было добиться справедливости без необходимости сражаться. Но в Аравии не существовало подобной системы законов, которая позволяла бы жертве преступления или её семье добиться возмещения ущерба. Поэтому "священная война", как и предыдущие конфликты, заставила многих задуматься о способах предотвращения подобных ситуаций в будущем. На этот раз результат оказался более значительным, чем просто размышления и слова: среди курайшитов появилось широкое желание действовать. Их чувство справедливости подверглось испытанию из-за

[1] Ибн Хишам «*Сира*», 119

[2] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, I, 81

скандального инцидента, произошедшего в Мекке в первые недели после окончания боевых действий.

Торговец из йеменского порта Забид продал ценные товары одному из знатных людей клана Сахм. Получив товар, сахмит отказался платить обещанную цену. Обманутый торговец, на это рассчитывал его обидчик, был чужаком в Мекке и не имел ни союзников, ни покровителя в городе, к которым мог бы обратиться за помощью. Однако он не испугался наглого самоуверенного поведения своего обидчика и, поднявшись на склон горы Абу Кубайс, громким и страстным красноречием обратился ко всем курайшитам с просьбой восстановить справедливость. Немедленный отклик последовал от тех кланов, которые не имели традиционного союза с Сахмом. Курайшиты стремились быть едиными, несмотря на клановые различия. Однако внутри этого единства всё ещё ощущалась острая разобщённость, которая разделяла их на две группы: "Благовонные" и "Союзники". Сахм принадлежал к "Союзникам". Один из лидеров другой группы, а также один из самых богатых людей в Мекке того времени, был глава Тайма, Абдалла ибн Джудан. Он предложил свой большой дом как место встречи для всех сторонников справедливости.

Среди "Благовонных" отсутствовали только кланы Абд Шамс и Науфаль. Кланы Хашим, Мутталиб, Зухра, Асад и Тайм были хорошо представлены и к ним присоединился клан Ади, который ранее принадлежал к "Союзникам". После горячих обсуждений они решили создать Орден чести для защиты слабых и укрепления справедливости. Собравшись в Каабе, они пролили воду на Чёрный Камень, позволив ей стекать в сосуд. Каждый из них пил из освященной воды, а затем, подняв правую руку, поклялся, что отныне они всегда будут едины в защите угнетённых против угнетателей, пока справедливость не восторжествует, будь то человек из курайшитов или чужестранец. Вскоре сахмит был вынужден заплатить долг, и никакой клан, воздержавшийся от участия в союзе, не предложил ему помощи.

Вместе с главой Тайма, Зубайр из Хашима был одним из основателей этого ордена и привёл с собой своего племянника Мухаммада, который принял участие в клятве и позже сказал: " «Я присутствовал в доме Абдаллаха ибн Джудана, когда был заключен тот договор, который настолько хорош, что кажется мне лучшим, чем получение в награду стада добрых верблюдов. Если бы меня призвали к такому союзу при исламе, то я бы согласился"[3]. Среди присутствующих находился двоюродный брат хозяина дома -Абу Куфафа из Таймы -вместе со своим сыном Абу Бакром, который был на год-два младше Мухаммада и впоследствии стал его ближайшим другом.

[3] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.105

12. ВОПРОСЫ БРАКА

К тому времени Мухаммаду исполнилось двадцать лет, и с каждым годом он получал всё больше приглашений сопровождать родственников в их караванных переходах в другие государства. Наконец настал день, когда ему доверили вести торговые дела одного купца, не имевшего возможности отправиться в путь самостоятельно. Его успех в этом деле привёл к новым предложениям подобного рода, и вскоре он смог зарабатывать достаточно, чтобы задуматься о женитьбе.

Его дядя и опекун Абу Талиб имел троих сыновей: старший, Талиб, был ровесником Мухаммада, Акыль был подростком лет тринадцати-четырнадцати, а Джа ‘фару было всего четыре года. Мухаммад любил детей, с радостью играл с ними, и особенно привязался к Джа ‘фару -красивому и умному ребёнку, который в ответ одарил его нежной и неизменной преданностью. У Абу Талиба были и дочери, и одна из них, по имени Фахита, достигла брачного возраста. Впоследствии её стали звать Умм Хани, и именно под этим именем она вошла в историю. Между Мухаммадом и Умм Хани возникло глубокое чувство, и он обратился к дяде с просьбой выдать её за него замуж.

Однако у Абу Талиба были иные намерения: за руку его дочери сватался также его двоюродный брат Хубайра, сын дядиной сестры, из рода Махзум -человек состоятельный и, подобно самому Абу Талибу, одарённый поэт. В то время влияние клана Махзум в Мекке росло, тогда как положение Хашимитов ослабевало, и потому он выдал дочь за Хубайру. Когда Мухаммад сдержанно выразил своё разочарование, дядя ответил: «Они выдали нам своих дочерей, и благородный человек должен отплатить благородством».[1] Ответ этот, однако, был неубедительным: ведь ‘Абд аль-Мутталиб уже давно воздал должное этому союзу, выдав своих родных дочерей, Атику и Барру, за мужчин из Махзума. Мухаммад, вероятно, воспринял слова дяди как мягкий отказ, прикрывающий суровую реальность: он ещё не в том положении, чтобы брать в жёны девушку из знатного рода. Так он и решил тогда, но судьба готовила ему своеобразный сюрприз.

Одна из самых состоятельных купчих Мекки была женщина по имени Хадиджа, дочь Хувайлида из рода Асад. Она приходилась двоюродной сестрой христианину Вараке и его сестре Кутайле, и была отдалённой родственницей сыновей Хашима. Уже дважды побывав в браке, после смерти второго мужа она управляла торговлей, нанимая мужчин, чтобы те вели дела от её имени. Мухаммад же к тому времени снискал себе славу аль-Амина - Надёжного и Честного. Люди, поручавшие ему свои товары, отзывались о нём с большим уважением. О нём много хорошего говорили и в кругу её семьи. Однажды она передала ему приглашение взять её товары и отправиться в Сирию, пообещав плату вдвое выше той, что когда-либо предлагала представителю курайшитов. Вместе с тем она предоставила ему в помощь своего юного слугу по имени Майсара.

---

[1] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, VIII, 108

Мухаммад согласился. В дороге, в южной части Сирии, они достигли Бусры, и Мухаммад расположился в тени дерева неподалёку от кельи монаха по имени Нестор. Возможно, это было то же самое дерево, под которым он укрывался много лет назад, следуя в тех краях со своим дядей. Тогда там жил другой монах -Бахира. Теперь же, как рассказывал позже Майсара, Нестор вышел из своей кельи, посмотрел на Мухаммада и спросил слугу: «Кто этот человек под деревом? » Тот ответил: «Он из племени Курайш -стражи Святилища». Тогда монах произнёс: «Никто не останавливался под этим деревом никогда, кроме Пророка».[2]

Слова Нестора глубоко запали в душу Майсары, тем более что и в пути он ощущал, будто рядом с ним не просто человек. Он не раз замечал, как невыносимая жара казалась смягчённой, а однажды ему привиделось, как два Ангела заслоняют Мухаммада от палящих солнечных лучей.

По возвращении в Мекку они прибыли в дом Хадиджи с товарами, купленными в сирийских рынках в обмен на проданное. Хадиджа с живым интересом слушала, как Мухаммад рассказывает ей о путешествии, о заключённых сделках. Прибыль оказалась весьма значительной -она почти вдвое перекрыла вложенные средства. Но её внимание было устремлено не к деньгам, а к самому рассказчику.

Мухаммаду было тогда двадцать пять. Он был среднего роста, стройный, с широкими плечами, и всё его телосложение отличалось гармонией. Волосы и борода -густые, чёрные, слегка волнистые, доходили до плеч. Лицо его сияло, особенно лоб и глаза, в которых светилось нечто неземное. У него был орлиный нос, выразительный рот с ровными белыми зубами, кожа -светлая, но обожжённая солнцем. Это был человек с природной красотой и светом на лице -тем самым светом, что сиял прежде в его отце, но теперь он стал ещё ярче.

Хадиджа знала, что она всё ещё красива, но была старше его на пятнадцать лет. Отважится ли он жениться на ней? После его визита она посоветовалась с подругой Нуфайсой, и та вызвалась поговорить с Мухаммадом. Вскоре слуга Майсара рассказал хозяйке и о монахе, и о видении двух Ангелов. Тогда она обратилась к своему кузену Вараке и поведала ему об этих знамениях. Он ответил: «Если это правда, то Мухаммад -пророк нашего народа. Я давно ждал, что пророк должен явиться -и вот настало его время».[3]

---

[2] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, I/I, 83
Согласно исламской традиции, Мухаммад — не кто иной, как таинственный Шило, которому «в последние дни» должна перейти духовная власть, до тех пор остававшаяся прерогативой иудеев, причём сам Иисус был последним пророком из линии Иуды.
Речь идёт о пророчестве, произнесённом Иаковом непосредственно перед смертью:
«И призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни… Не отойдёт скипетр от Иуды и законодатель от чресел его, доколе не придёт Примиритель; и ему покорность народов.» (Бытие 49:1, 10)
[3] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.121

Нуфайса пришла к Мухаммаду и мягко спросила, отчего он до сих пор не вступил в брак.
-У меня нет средств, -ответил он, -чтобы жениться.

Она улыбнулась и сказала:
-А если бы тебе представилась возможность -взять в жёны женщину красивую, знатную, богатую и высокого положения, -согласился бы ты?

Он посмотрел на неё с удивлением:
-Кто же она?

-Хадиджа, -тихо произнесла Нуфайса.

Он помолчал.
-Но возможно ли это?

-Предоставь это мне, -уверенно ответила она.

И тогда он сказал:
-Если она согласится -согласен и я.[4]

Хадиджа послала за ним и, когда он пришёл, сказала: «О сын дяди! Я захотела тебя из-за твоего родства, из-за уважения, которым ты пользуешься в своем народе, из-за твоей честности, высокой нравственности, правильности твоих слов».[5]

Он согласился, и тогда она обратилась к своему дяде ‘Амру ибн Асада, так как её отец Хувайлид уже умер. Мухаммад же обратился к своим дядям. От имени рода Хашим переговоры вёл Хамза, несмотря на свою молодость, поскольку его родная сестра Сафийя недавно вышла замуж за брата Хадиджи. Свадьба состоялась, и Мухаммад выплатил приданое -калым -в виде двадцати верблюдиц.

[4] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, I/I, 84
[5] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.120

13. ДОМОЧАДЦЫ

Жених покинул дом своего дяди и поселился в доме своей невесты. Помимо того что Хадиджа была женой, она стала для своего мужа и другом -человеком, который в удивительной степени разделял его склонности и идеалы. Их брак был по-истине благословенным и исполненным большого счастья, хотя не обошёлся и без скорбей утраты. Она родила ему шестерых детей -двух сыновей и четырёх дочерей.

Первым ребёнком был сын по имени Касим, и поэтому Мухаммад стал известен как Абу-ль-Касим, «отец Касима»; однако мальчик умер, не дожив до двух лет. Следующим ребёнком была дочь, которую назвали Зайнаб; за ней родились ещё три дочери -Рукайя, Умм Кульсум и Фатима; и, наконец, появился ещё один сын, который также прожил недолго.

В день своей женитьбы Мухаммад освободил Бараку -верную рабыню, доставшуюся ему в наследство от отца; в тот же день Хадиджа подарила ему одного из своих рабов - пятнадцатилетнего юношу по имени Зайд. Что касается Бараки, то её выдали замуж за человека из Ясриба; она родила ему сына, после чего её стали называть Умм Айман, «матерью Аймана».

Что же до Зайда, то его вместе с несколькими другими юношами недавно купил на большой ярмарке ‘Указ племянник Хадиджи -Хаким, сын её брата Хизама. Когда его тётка в следующий раз пришла к нему в гости, Хаким велел привести недавно приобретённых рабов и предложил ей выбрать одного для себя. Она выбрала Зайда.

Зайд гордился своим происхождением. Его отец Хариса принадлежал к великому северному племени Кальб, владения которого простирались на равнинах между Сирией и Ираком; его мать происходила из не менее знаменитого соседнего племени Тайй, одним из вождей которого в то время был поэт-рыцарь Хатим, прославленный по всей Аравии своим благородством и легендарной щедростью.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Зайд вместе с матерью отправился навестить её родных; и в той деревне, где они остановились, на них напали всадники из племени Бану Кайн, которые увели мальчика и продали его в рабство. Его отец Хариса тщетно разыскивал его; и сам Зайд не встречал путешественников из племени Кальб, которые могли бы передать его родителям весть.

Но Кааба привлекала паломников со всех уголков Аравии, и однажды в священное время года, спустя несколько месяцев после того как он стал рабом Мухаммада, он увидел на улицах Мекки людей из своего собственного племени и рода. Если бы он встретил их годом раньше, его чувства были бы совсем иными. Он давно жаждал такой встречи; однако

теперь, когда она наконец произошла, она поставила его в затруднительное положение. Он не мог сознательно оставить свою семью в неведении о том, где находится. Но какое послание он мог им передать?

Как бы ни было выражено это послание, он, сын пустыни, знал, что для такого случая ничто меньшее, чем стихотворение, не будет достаточным. Он сочинил несколько стихов, которые выражали часть его мыслей и намекали на большее, чем говорили прямо. Затем он обратился к паломникам из племени Кальб и, сказав им, кто он, произнёс:

Хотя я далеко, донесите мои слова
До моего народа: у Священного Дома
Я живу среди мест, которые Бог освятил.
Отложите же печали, которыми вы скорбели,
Не утомляйте верблюдов, обыскивая землю в поисках меня,
Ибо я, хвала Богу, пребываю среди лучших
Из благородных родов, славных всей своей линией.

Когда паломники вернулись домой с этой вестью, Хариса немедленно отправился в Мекку вместе со своим братом Ка‘бом. Они пришли к Мухаммаду и попросили позволить им выкупить Зайда, за какую бы цену он ни назначил.

«Пусть он сам выберет, -сказал Мухаммад. -Если он выберет вас, то он ваш без всякого выкупа; если же он выберет меня, то я не из тех людей, кто предпочёл бы кого-то другому тому, кто предпочёл меня».

Он позвал Зайда и спросил, знает ли он этих двух людей.
«Это мой отец, -сказал юноша, -а это мой дядя».

«Ты знаешь меня, -сказал Мухаммад, -и видел, как я обходился с тобой. Так выбери между мной и ими».

Но Зайд уже сделал свой выбор. Он сразу ответил:
«Я не предпочту никого тебе. Ты для меня как отец и мать».

«Горе тебе, Зайд! -воскликнули люди из Кальба. -Неужели ты выбираешь рабство вместо свободы, и вместо своего отца, дяди и семьи?»

«Да, -сказал Зайд, -ибо я увидел от этого человека такое, что никогда не смог бы предпочесть ему другого».

Всякий дальнейший разговор прервал Мухаммад. Он велел им идти вместе с ним к Каабе и, встав в Хиджре, громко сказал:

«О все присутствующие! Свидетельствуйте, что Зайд -мой сын; я его наследник, и он мой».[1]

Отцу и дяде пришлось вернуться домой, не солоно хлебавши. Но рассказ, который они принесли своему племени -о глубокой взаимной любви, ставшей причиной этого усыновления, -не был для них позорным. И когда они увидели, что Зайд свободен и занимает почётное положение, которое обещало ему высокое место среди людей Святилища и могло принести пользу его братьям и родственникам в будущем, они примирились с этим и ушли без горечи.

С того дня в Мекке нового хашимита стали называть Зайд ибн Мухаммад.

Одной из самых частых посетительниц дома была Сафия, теперь уже невестка Хадиджи и младшая из тёток Мухаммада -даже моложе его самого. Она приводила с собой маленького сына Зубайра, названного в честь её старшего брата. Так Зубайр с ранних лет был хорошо знаком со своими двоюродными сёстрами -дочерьми Мухаммада.

С Сафией приходила и её верная служанка Сальма, принимавшая роды у Хадиджи при всех её детях и считавшая себя членом их семьи.

С годами иногда приезжала и Халима, кормилица Мухаммада, и Хадиджа всегда щедро одаривала её. Один из таких визитов произошёл во время сильной засухи, которая серьёзно истощила стада Халимы; тогда Хадиджа подарила ей сорок овец и верблюдицу с паланкином.[2]

Та же засуха, почти превратившаяся в голод в Хиджазе, стала причиной ещё одного важного пополнения семьи.

У Абу Талиба было больше детей, чем он мог легко прокормить, и голод тяжело давил на него. Мухаммад заметил это и решил, что нужно помочь. Самым богатым из его дядей был Абу Лахаб, но он держался несколько в стороне от остальных родственников. Поэтому Мухаммад предпочёл обратиться к ‘Аббасу, успешному торговцу и своему близкому родственнику, с которым он вырос.

Жена ‘Аббаса, Умм аль-Фадль, тоже была очень привязана к нему и всегда принимала его радушно. Он предложил, чтобы каждое из их домов взяло на воспитание одного из сыновей Абу Талиба, пока положение дяди не улучшится.

Они охотно согласились и вместе пошли к Абу Талибу. Тот сказал:

---

[1] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, III/I, 28

[2] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, I/I, 71

«Делайте как хотите, только оставьте мне ‘Акиля и Талиба».

Джа‘фару было тогда около пятнадцати лет, и он уже не был младшим в семье: его мать Фатима родила Абу Талибу ещё одного сына, примерно на десять лет младше, которого назвали ‘Али.

‘Аббас взял на себя заботу о Джа‘фаре, а Мухаммад согласился воспитывать ‘Али. Примерно в то же время Хадиджа родила своего последнего ребёнка -сына ‘Абдаллу, но он умер ещё раньше, чем Касим.

В некотором смысле его заменил ‘Али, который рос как брат четырём дочерям Мухаммада -примерно одного возраста с Рукайей и Умм Кульсум, немного младше Зайнаб и немного старше Фатимы.

Эти пятеро -вместе с Зайдом -составляли ближайшую семью Мухаммада и Хадиджи. Но у него было и много других родственников, к которым он испытывал глубокую привязанность и которые ещё сыграют ту или иную роль в последующей истории.

Старший дядя Мухаммада, Харис, к тому времени уже умер, оставив многих детей. Один из них, его двоюродный брат Абу Суфьян, был также его молочным братом, так как после него его тоже кормила Халима среди племени Бану Са‘д. Люди говорили, что Абу Суфьян больше других походил на Мухаммада внешне; и одним из их общих качеств было красноречие. Но Абу Суфьян был талантливым поэтом -возможно, даже более одарённым, чем его дяди Зубайр и Абу Талиб; тогда как Мухаммад никогда не проявлял склонности сочинять стихи, хотя превосходил всех в владении арабским языком и красоте речи.

Абу Суфьян, примерно ровесник Мухаммада, был для него своего рода другом и товарищем.

Ещё ближе по кровному родству были многочисленные дети его тёток -дочерей ‘Абд аль-Мутталиба. Среди старших двоюродных братьев были дети его тётки Умаймы, вышедшей замуж за человека по имени Джахш из североаравийского племени Асад.[3]

Он имел дом в Мекке, и человек, живший среди племени, отличного от его собственного, мог по взаимному соглашению стать союзником (конфедератом) одного из членов этого племени; тем самым он частично входил в его состав, разделяя в известной мере его обязанности и его привилегии.

[3] Асад ибн Хузайма — племя к северо-востоку от Мекки, чьи владения находились на северной окраине равнины Неджда. Его не следует путать с кланом Асад из племени курайшитов.

Харб, который теперь был главой омейядской [4] ветви рода ‘Абду Шамс, сделал Джахша своим союзником; так что, выйдя за него замуж, Умайма могла почти считаться вышедшей замуж за человека из шамситов.

Их старший сын, названный ‘Абдаллой в честь брата матери, был примерно на двенадцать лет моложе Мухаммада, и между ними существовала глубокая взаимная привязанность. В эту же связь входила и дочь Умаймы -Зайнаб, девушка необыкновенной красоты. Мухаммад знал и любил их обоих с раннего детства.

То же относилось и к другим родственникам, особенно к Абу Саламе, сыну его тётки Барры.

Мощное притяжение, которое исходило от аль-Амина -так его часто называли, - распространялось далеко за пределы его семьи. Хадиджа была рядом с ним в центре этого круга -любимая и почитаемая всеми, кто входил в широкий круг их сияния; в него входили и многие её родственники.

Особенно близка ей была её сестра Хала, чей сын Абу-ль-Ас часто бывал в их доме. Хадиджа любила этого племянника как собственного сына, и однажды Хала попросила её найти для него жену. Когда Хадиджа посоветовалась с мужем, он предложил их дочь Зайнаб, которая скоро должна была достигнуть брачного возраста. Когда пришло время, они поженились.

Кланы Хашим и Мутталиб возлагали большие надежды на Мухаммада, ожидая, что он восстановит их ослабевающее влияние. Но независимо от клановых интересов, вожди курайшитов уже считали его одним из самых способных людей поколения, которое должно было сменить их и поддерживать честь и власть племени во всей Аравии.

Похвала аль-Амину постоянно звучала на устах людей. Возможно, именно поэтому Абу Лахаб однажды пришёл к своему племяннику с предложением обручить Рукайю и Умм Кульсум со своими сыновьями ‘Утбой и ‘Утайбой. Мухаммад согласился, так как хорошо относился к этим двоюродным братьям, и помолвки состоялись.

Примерно в это же время Умм Айман снова стала членом их дома. Неизвестно, вернулась ли она вдовой или её муж развёлся с ней. Но она была уверена, что её место -именно там; и Мухаммад иногда обращался к ней как к «матери» и говорил о ней другим:

«Она -всё, что осталось у меня из людей моего дома».[5]

---

[4] Названо по имени Умаййи, отца Харба, сына ‘Абду Шамса.

[5] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, VIII, 162

14. ПЕРЕСТРОЙКА КААБЫ

Несколько ранее описанных событий, приблизительно в то время, когда ‘Али был принят в дом Мухаммада, когда самому Мухаммаду было тридцать пять лет, курайшиты решили перестроить Каабу.

В том виде, в каком она тогда стояла, её стены были лишь немного выше человеческого роста, и у неё не было крыши; поэтому даже при запертой двери внутрь можно было легко проникнуть. Недавно из её сокровищницы, хранившейся в вырытом внутри здания подземном тайнике, была совершена кража.

Дерево для крыши у них уже имелось: корабль одного греческого купца был выброшен бурей на берег у Джидды и разбился так, что восстановить его было невозможно. Курайшиты взяли его брёвна, чтобы использовать их в качестве балок. К тому же в Мекке в то время находился копт, искусный плотник.

Однако благоговение перед Каабой было столь велико, что люди колебались прикоснуться к ней. Они намеревались разобрать её стены, сложенные из свободно лежащих камней, и возвести её заново; но боялись совершить святотатство. Их нерешительность ещё более усилилась из-за появления огромной змеи, которая каждый день выползала из подземного тайника и грелась на солнце у стены Каабы. Если кто-нибудь приближался к ней, она поднимала голову и, широко раскрыв пасть, шипела, и люди приходили в ужас.

Но однажды, когда она грелась на солнце, Бог послал на неё орла, который схватил её и унёс прочь. Тогда курайшиты сказали друг другу:

-Теперь мы вправе надеяться, что Бог благосклонен к нашему намерению. У нас есть мастер, который поддерживает нас, у нас есть древесина, и Бог избавил нас от змеи.

Первым человеком, который снял камень с вершины одной из стен, был Абу Вахб аль-Махзумий, брат Фатимы, бабушки Мухаммада. Но едва он поднял камень, как тот выскользнул из его рук и вернулся на прежнее место. Тогда все отступили от Каабы, боясь продолжать работу.

Тогда глава рода Махзум -Валид, сын уже умершего Мугиры, -взял кирку и сказал:

-Я начну разрушение для вас.

Подойдя к Каабе, он сказал:

-О Боже, не бойся! О Боже, мы намерены лишь к благу.

После этого он начал разрушать часть стены между Чёрным камнем и Йеменским углом, то есть юго-восточную стену. Но остальные всё ещё колебались.

-Подождём и посмотрим, -говорили они. -Если его поразит бедствие, мы больше ничего не будем разрушать и восстановим её в прежнем виде. Но если с ним ничего не случится, значит Бог доволен нашим делом, и мы разберём её до основания.

Ночь прошла без всякого несчастья. На следующее утро Валид снова принялся за работу, и тогда остальные присоединились к нему. Когда стены были разобраны до основания, заложенного Авраамом, они увидели большие зеленоватые камни, похожие на верблюжьи горбы, лежащие рядом друг с другом.

Один человек вставил лом между двумя такими камнями, пытаясь вывернуть один из них; но едва камень чуть сдвинулся, дрожь прошла по всей Мекке. Тогда люди решили, что это знак: основание нельзя тревожить.

Внутри угла Чёрного камня они нашли надпись на сирийском языке. Они сохранили её, не понимая, что это значит, пока один из иудеев не прочёл её им:

«Я -Бог, Господь Бекки. Я создал её в тот день, когда создал небеса и землю, когда образовал солнце и луну, и поставил вокруг неё семь неприкосновенных ангелов. Она будет стоять, пока стоят её два холма, благословенная для своего народа молоком и водой».

Другая надпись была найдена под Местом стояния Авраама -небольшим камнем возле двери Каабы, на котором запечатлён чудесный след его ноги:

«Мекка -святой дом Бога. Её пропитание приходит к ней из трёх сторон. Пусть её народ не будет первым, кто осквернит её».

Теперь курайшиты собрали ещё больше камней, чтобы увеличить высоту здания. Они работали отдельно, род за родом, пока стены не поднялись достаточно высоко, чтобы можно было вновь установить Чёрный камень на его место.

Тогда между ними вспыхнул жестокий спор, потому что каждый род хотел удостоиться чести поднять его в угол. Противостояние продолжалось четыре или пять дней. Напряжение выросло настолько, что уже начали заключаться союзы и готовиться к битве.

Тогда старейший из присутствующих предложил решение:

-О люди курайшитов! Пусть судьёй между вами в этом споре станет первый человек, который войдёт через ворота этой священной ограды.[1]

Площадь вокруг Каабы называлась мечетью (по-арабски *масджид* -место поклонения), потому что с времён Авраама и Исмаила здесь совершали земные поклоны Богу в сторону Священного Дома.

Все согласились принять предложение старца.

И первым человеком, вошедшим в мечеть, оказался Мухаммад, который как раз вернулся в Мекку после отсутствия. Его появление вызвало мгновенное и всеобщее признание, что именно он -тот человек, который способен решить их спор.

-Это аль-Амин! -воскликнули одни.
-Мы принимаем его решение! -говорили другие. -Это Мухаммад.

Когда они объяснили ему дело, он сказал:

-Принесите мне плащ.

Когда плащ принесли, он расстелил его на земле, взял Чёрный камень и положил его в середину ткани.

-Пусть каждый род возьмётся за край плаща, -сказал он. -И поднимите его все вместе.

Когда они подняли плащ на нужную высоту, Мухаммад взял камень своими руками и установил его на его место в углу. После этого строительство продолжилось, и здание было завершено.

[1] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.125

15. ПЕРВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Вскоре после этого внешнего знака его власти и его миссии он начал испытывать и сильные внутренние знамения, помимо тех, которые уже осознавал ранее. Когда его спрашивали о них, он говорил о «правдивых видениях», приходивших к нему во сне, и говорил, что они были «подобны рассветному свету, когда он начинает разливаться на горизонте»[1].

Непосредственным следствием этих видений стало то, что уединение стало ему дорого, и он стал уходить для духовного уединения в пещеру на горе Хира, недалеко от окраины Мекки. В этом не было ничего такого, что показалось бы курайшитам особенно странным, ибо уединение было традиционной практикой среди потомков Исмаила. В каждом поколении находился один или два человека, которые время от времени удалялись в уединённое место, чтобы провести некоторое время вдали от мира людей.

Следуя этому древнему обычаю, Мухаммад брал с собой припасы и посвящал определённое число ночей поклонению Богу. Затем он возвращался к своей семье, а иногда, вернувшись, снова брал припасы и опять поднимался в гору.

В течение этих нескольких лет нередко случалось, что после того как он покидал город и приближался к своему уединённому убежищу, он ясно слышал слова:

«Мир тебе, о Посланник Бога!»[2]

Он оглядывался в поисках того, кто произнёс эти слова, но никого не было видно, и казалось, будто слова исходили от дерева или камня.

Месяц Рамадан был традиционным временем уединения. И вот однажды ночью, ближе к концу Рамадана, когда ему было сорок лет и он находился один в пещере, к нему явился Ангел в образе человека.

Ангел сказал ему:

-Читай!

Он ответил:

-Я не умею читать.

---

[1] Бухари, I, 3

[2] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.151

И тогда, как он сам рассказывал:

«Ангел взял меня и сжал в объятии так сильно, что я достиг предела своих сил. Затем он отпустил меня и сказал:
“Читай!”
Я ответил: “Я не умею читать”.
И снова он взял меня и сжал меня, пока я не достиг предела своих сил. Затем отпустил меня и сказал:
“Читай!”
Я сказал: “Я не умею читать”.
Тогда в третий раз он сжал меня, как прежде, затем отпустил и сказал:»

«Читай во имя Господа твоего, который сотворил -
сотворил человека из сгустка.
Читай! И Господь твой щедрейший,
который научил посредством письменной трости,
научил человека тому, чего он не знал».[3]»[4]
(Коран 96:1–5)

Он повторил эти слова вслед за Ангелом, который после этого покинул его. И он говорил:

«Словно эти слова были написаны в моём сердце»[5].

Но он испугался, подумав, что, быть может, стал поэтом, вдохновлённым джиннами, или человеком, которым овладел дух. Поэтому он поспешно покинул пещеру.

Когда он был уже на середине склона горы, он услышал над собой голос:

-О Мухаммад, ты -Посланник Бога, а я -Джибриль.

Он поднял глаза к небу -и увидел своего посетителя, всё ещё узнаваемого, но теперь уже явно Ангела, заполнявшего весь горизонт.

И снова он сказал:

-О Мухаммад, ты -Посланник Бога, а я -Джибриль.

---

[3] Коран, 96, 1-5
[4] Бухари, I, 3
[5] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.153

Пророк стоял и смотрел на Ангела. Затем он отвёл взгляд, но куда бы ни посмотрел -на север, на юг, на восток или на запад -Ангел по-прежнему стоял, распростёршись по всему горизонту.

Наконец Ангел исчез, и Пророк спустился с горы и вернулся домой.

-Укройте меня! Укройте меня![6] -сказал он Хадидже, и, всё ещё дрожа, лёг на своё ложе.

Встревоженная, но не решаясь расспрашивать его, она быстро принесла плащ и укрыла его. Когда же его страх немного утих, он рассказал ей о том, что видел и слышал.

Она сказала ему слова утешения, а затем пошла к своему двоюродному брату Вараке, который был уже стар и слеп.

-Свят! Свят! -сказал он. -Клянусь Тем, в Чьей руке душа Вараки, к Мухаммаду пришёл величайший Намус[7] -тот самый, который приходил к Моисею. Воистину, Мухаммад -пророк этого народа. Скажи ему, чтобы он был спокоен.

Хадиджа вернулась домой и передала эти слова Пророку. Тогда он снова, уже с миром в сердце, отправился в пещеру, чтобы завершить число дней уединения, которые он посвятил Богу.

Когда же этот срок закончился, он, как обычно, отправился к Каабе и совершил обход вокруг неё. После этого он приветствовал старого и слепого Вараку, сидевшего среди людей в мечети.

Варака сказал ему:

-Скажи мне, о сын моего брата, что ты видел и слышал.

Пророк рассказал ему всё, и старец повторил то, что уже говорил Хадидже. Но теперь он добавил:

-Тебя будут обвинять во лжи, будут преследовать и изгонят, и будут воевать против тебя. И если я доживу до того дня, то, клянусь Богом, я помогу Его делу.[8]

После этого он наклонился и поцеловал его в лоб. Пророк вернулся домой.

---

[6] Бухари, I,3

[7] Греческий «Номос», в смысле Божественного закона или скрижали, здесь отождествлено с Ангелом Откровения

[8] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.153-4

Утешения Хадиджи и Вараки вскоре были подтверждены новым откровением с небес. Способ его ниспослания не описан, но когда Пророка спросили, как приходит откровение, он сказал, что это происходит двумя способами:

«Иногда оно приходит ко мне подобно звону колокола -и это для меня самое тяжёлое; звон прекращается, когда я начинаю понимать послание.
А иногда Ангел принимает образ человека и говорит со мной, и я понимаю то, что он говорит».[9]

Это второе откровение начиналось с одной буквы -первым из тех загадочных буквенных знаков, которыми начинаются некоторые коранические суры.

После буквы следовала Божественная клятва пером, о котором уже говорилось в первом откровении как о главном средстве, посредством которого Бог учит людей Своей мудрости.

Когда Пророка спросили о пере, он сказал:

«Первое, что создал Бог, было перо. Затем Он создал скрижаль и сказал перу: “Пиши!”
Перо сказало: “Что мне писать?”
Он сказал: “Пиши Моё знание о Моём творении до дня воскресения”.
И перо записало всё, что было предопределено».[10]

Клятва пером сопровождается второй клятвой -тем, что пишут.

И среди того, что ангелы пишут на небесах своими перьями на небесных скрижалях[11], находится небесный прообраз Корана[12] -«славное чтение на хранимой скрижали», а также «Матерь Писания»[13].

После этих клятв следует Божественное утешение:

**«Нун. Клянусь письменной тростью и тем, что они пишут!
Ты, по милости твоего Господа, не одержимый.
И поистине, для тебя награда неистощимая.**

[9] Бухари, I,3
[10] Тирмизи, 44
[11] Именно отсюда ислам взял своего имя.
[12] Коран, 85, 1-2
[13] Коран, 13,39

И поистине, ты -великого нрава».»[14]

После первых откровений наступил период молчания, и Пророк начал опасаться, что каким-то образом навлёк на себя небесное недовольство, хотя Хадиджа постоянно уверяла его, что это невозможно.

Наконец молчание было прервано, и пришло новое утешение вместе с первым прямым указанием, связанным с его миссией:

«Клянусь утром,
и ночью, когда она темнеет!
Не покинул тебя Господь твой и не возненавидел.
И, конечно, будущее для тебя лучше, чем первое.
И скоро даст тебе Господь твой, и ты будешь доволен.
Разве Он не нашёл тебя сиротой и не приютил?
И нашёл тебя заблудшим и направил?
И нашёл тебя бедным и обогатил?
И вот сироту не притесняй,
и просящего не отгоняй,
а о милости Господа твоего возвещай».[15]

[14] Коран, 68, 1-4
[15] Коран, 93

16. ПОКЛОНЕНИЕ

В соответствии с этими последними словами он начал говорить об Ангеле и об Откровениях тем, кто, после его жены, был ему ближе и дороже всего. Пока он не предъявлял к ним никаких требований, кроме одного -чтобы они не раскрывали его тайну. Но такое положение длилось недолго: однажды Джибриль явился ему на возвышенности над Меккой и ударил пяткой по земле на склоне холма, и из неё забил источник. Затем он совершил ритуальное омовение, чтобы показать Пророку, как очищаться для поклонения, и Пророк последовал его примеру. После этого он показал ему положения и движения молитвы - стояние, поклон, земной поклон и сидение, -с повторяющимся возвеличиванием, то есть словами Аллаху акбар, «Бог величайший», и заключительным приветствием ас-саляму ‘алейкум, «мир вам», и снова Пророк последовал его примеру. Затем Ангел оставил его, и Пророк вернулся домой и научил Хадиджу всему, чему научился, и они совершили молитву вместе.

Теперь религия утвердилась на основании ритуального очищения и молитвы; и после Хадиджи первыми, кто принял её, были ‘Али и Зайд, а также друг Пророка Абу Бакр из рода Тайм. ‘Али было лишь десять лет, и Зайд ещё не имел влияния в Мекке, но Абу Бакр был любим и уважаем, ибо он был человеком обширных знаний, мягких манер и приятной наружности. Многие приходили к нему за советом, и он начал доверительно говорить со всеми, кому, по его мнению, можно было доверять, побуждая их следовать за Пророком. Через него произошло много обращений; и двое из первых, кто откликнулся на призыв, были человек из рода Зухра -‘Абд ‘Амр, сын ‘Ауфа, дальний родственник матери Пророка, -и Абу ‘Убайда, сын аль-Джарраха из Бану-ль-Харис.[1]

В связи с первым из них, ‘Абд ‘Амром, был установлен важный прецедент. Среди наиболее поразительных особенностей Откровения были два Божественных имени -ар-Рахман и ар-Рахим. Слово *рахим (с ударением на «и»),* усиленная форма слова *рахим (с ударением на «а»)* -милосердный, -употреблялось в значении «очень милосердный» или «безгранично милосердный». Ещё более усиленное чем *ар-Рахим* слово *ар-Рахман*, не имея понятия, соответствующего ему, вышло из употребления. Откровение вновь ввело его в соответствии с основной потребностью новой религии -пребывать на высотах трансцендентности. Будучи ещё сильнее, чем *ар-Рахим* (Милостивый), имя *ар-Рахман* относится к самой сущности или корню милости, то есть к бесконечной благости или доброте Бога, и Коран прямо делает его равнозначным имени Аллах:

[1] См. Генеалогическое древо в конце книги

«Призывайте Аллаха или призывайте Милостивого; каким бы именем вы ни призывали Его -у Него самые прекрасные имена».[2]

Это имя Благости было особенно дорого Пророку, и поскольку имя ‘Абд ‘Амр, «раб ‘Амра», было слишком языческим, он изменил имя нового верующего на ‘Абд ар-Рахман, «раб Милостивого». И сын ‘Ауфа был не единственным человеком, чьё имя он изменил на ‘Абд ар-Рахман.

Некоторые из первых обращений происходили первоначально по причинам, которые нельзя было объяснить каким-либо человеческим убеждением. Абу Бакр давно был известен по всей Мекке своей способностью толковать сны; и однажды утром его неожиданно посетил Халид, сын влиятельного шамсита Са‘ида ибн аль-‘Аса. На лице молодого человека ещё отражался ужас от какого-то недавнего страшного переживания, и он поспешил объяснить, что ночью ему приснился сон, который, как он знал, должен иметь значение, хотя он не понимал его смысла. Может ли Абу Бакр объяснить его? Ему приснилось, что он стоит на краю огромной пропасти, в которой бушует огонь, такой огромный, что конца ему не видно. Затем пришёл его отец и попытался столкнуть его в неё; и пока они боролись на краю, в момент наибольшего ужаса он почувствовал вокруг своей талии крепкое объятие двух рук, которые удерживали его, несмотря на все усилия его отца. Оглянувшись, он увидел, что его спаситель -аль-Амин, Мухаммад, сын ‘Абдаллы; и в этот момент он проснулся.
-Радуйся, -сказал Абу Бакр. -Этот человек, который спас тебя, -Посланник Бога, так следуй за ним -более того, ты последуешь за ним и через него войдёшь в ислам, который убережёт тебя от падения в огонь.

Халид тотчас отправился к Пророку и, рассказав ему свой сон, спросил его, каково его послание и что ему следует делать. Пророк наставил его, и Халид принял ислам, сохраняя это в тайне от своей семьи.[3]

Примерно в то же время другой человек из рода ‘Абд Шамс, купец, возвращавшийся из Сирии, был однажды ночью разбужен голосом, кричавшим в пустыне:

-Спящие, проснитесь! Воистину, Ахмад появился в Мекке.[4]

---

[2] Коран 17, 110. В дальнейшем имена Милости иногда будут передаваться как “Благой” и “Милосердный”, чтобы, как и в арабском языке, употреблять одно слово, полагаясь на определённый артикль для обозначения Абсолюта. Та же практика будет применяться и к другим Божественным именам.
[3] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, IV/I, 68
[4] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, III/I, 37

Этим купцом был ‘Усман, сын омейяда ‘Аффана и внук по матери одной из дочерей ‘Абд аль-Мутталиба, Умм Хакима аль-Байды, тётки Пророка. Эти слова запали ему в сердце, хотя он не понимал, что означало «появился», и не знал, что превосходная форма Ахмад, «наиболее прославленный», соответствует имени Мухаммад, «прославленный». Но прежде чем он достиг Мекки, его догнал человек из рода Тайм по имени Талха, двоюродный брат Абу Бакра; и Талха проходил через Бостру, где один монах спросил его, появился ли уже Ахмад среди людей Святилища.

-Кто такой Ахмад? -спросил Талха.
-Сын ‘Абдаллы, сына ‘Абд аль-Мутталиба, -ответил монах. -Это месяц, в который он появится; и он последний из пророков.

Талха пересказал эти слова ‘Усману, а тот рассказал ему о своём собственном переживании; и, вернувшись, Талха предложил пойти к своему родственнику Абу Бакру, который был известен как ближайший друг человека, о котором они теперь думали. Они пошли к Абу Бакру, и когда рассказали ему о том, что слышали, он тотчас отвёл их к Пророку, чтобы они повторили ему слова монаха и голос пустыни. После этого они исповедали веру.

Четвёртое обращение, столь же примечательное по обстоятельствам, как и эти, было обращение ‘Абдаллы ибн Мас‘уда, молодого союзника рода Зухра. Рассказывая об этом сам, он говорил:

-В то время я был юношей, только вступившим в зрелость, и пас стада ‘Укбы ибн Аби Му‘айта. Однажды мимо проходили Пророк и Абу Бакр. Пророк спросил меня, есть ли у меня молоко, чтобы дать им напиться. Я ответил, что стада не мои, а доверены мне, и я не могу дать им молока. Тогда Пророк сказал: «Есть ли у тебя молодая овца, к которой ещё не приближался баран?» Я сказал, что есть, и привёл её. Привязав её, Пророк положил руку на её вымя и помолился, и вымя наполнилось молоком; и Абу Бакр принёс камень, выдолбленный как чаша. Пророк надоил в него молока, и мы все выпили. Затем он сказал вымени: «Высохни», -и оно высохло.[5]

Через несколько дней ‘Абдалла пришёл к Пророку и принял ислам. И вскоре он выучил от него наизусть семьдесят сур[6], обладая в этом особым даром; и вскоре стал одним из лучших и наиболее авторитетных чтецов Корана.

Пророк тяжело переживал период молчания небес; однако его душа всё ещё содрогалась перед огромной силой Божественного Слова, о которой впоследствии было сказано в аяте:

---

[5] Мухаммад Ибн Са’д, Китаб ат-Табагат аль-Кабир, III, 107

[6] Коран состоит из 114 сур разной протяженности. Самая длинная сура охватывает 285 сур, самая короткая - всего лишь три.

«Если бы Мы ниспослали этот Коран на гору, ты увидел бы её смирившейся и расколовшейся от страха перед Аллахом».[7]

Побуждение, заставившее его воскликнуть: «Укройте меня, укройте меня», время от времени вновь возвращалось к нему; и однажды ночью, когда он лежал, завернувшись в свой плащ, его уединение было прервано Божественным повелением более строгим и настойчивым, чем всё, что он получал прежде, повелением предупредить людей о Дне Суда:

«О закутавшийся!
Встань и увещевай!
И Господа твоего возвеличивай!
И одежды свои очищай!
И скверны избегай! …
А когда затрубят в трубу,
это будет день тяжёлый,
нелёгкий для неверных».[8]

Вскоре после этого ночью он был пробуждён дальнейшими повелениями, говорившими о напряжённости поклонения, ожидаемой от него и его последователей, и полностью подтверждавшими его предчувствие великой ответственности, которая должна быть возложена на него:

«О закутавшийся!
Проводи ночь в молитве, кроме малой части:
половину её или немного меньше,
или немного больше,
и читай Коран размеренным чтением.
Мы возложим на тебя слово тяжёлое»[9].

В том же откровении содержалось и повеление:
«Поминай имя Господа твоего и посвяти себя Ему всецело.
Господь востока и запада -нет божества, кроме Него;
так полагайся же на Него».[10]

---

[7] Коран, 59, 21. Внезапное изменение первого лица на третье лицо. *Мы ниспослали этот Коран*...очень часто встречается в Коране.
[8] Коран, 74, 1-10
[9] Коран, 73, 1-5
[10]Коран, 73, 8-9

Были также и другие откровения, более мягкие по тону, которые подтверждали и усиливали уже дарованные Пророку утешения; и однажды Ангел, видимый только ему, как это обычно и бывало, сказал ему:
-Передай Хадидже привет мира от её Господа.
И он сказал ей:
-О Хадиджа, вот Джибриль передаёт тебе привет мира от твоего Господа.
И когда Хадиджа нашла слова, чтобы ответить, она сказала:
-Аллах -Мир, и от Него мир, и Джибрилю мир.[11]

Первые последователи новой религии воспринимали повеления, обращённые к Пророку, как обращённые и к ним самим, и потому, подобно ему, проводили долгие ночные бдения. Что касается ритуальной молитвы, они теперь заботились не только о совершении омовения перед ней, но и о том, чтобы их одежды были свободны от всякой нечистоты; и они быстро заучивали наизусть всё, что было ниспослано из Корана, чтобы читать это как часть своего поклонения.
Откровения теперь начали приходить всё чаще. Они сразу передавались Пророком тем, кто был рядом с ним, затем переходили из уст в уста, заучивались и произносились -длинная и быстро растущая литания, говорившая о бренности всего земного, о смерти и о несомненности Воскресения и Последнего суда, за которым следуют Ад или Рай. Но прежде всего она говорила о славе Бога, о Его неделимом Единстве, о Его истине, мудрости, благости, милости, щедрости и могуществе; и, далее, постоянно указывала на Его знамения -чудеса природы и их согласованное действие, столь красноречиво свидетельствующее о Единстве их единственного Творца. Гармония есть отпечаток Единства на множественности, и Коран обращает внимание на эту гармонию как на предмет размышления человека.

Когда их не стесняло присутствие враждебных неверующих, верующие приветствовали друг друга словами, которые Джибриль передал Пророку как приветствие людей Рая:

«Мир вам!»
На что отвечали:
«И вам мир!»

Множественное число употреблялось для того, чтобы включить и двух ангелов-хранителей человека, которому обращено приветствие. Ниспосланные аяты посвящения и благодарения также стали играть всё более значительную роль в их жизни и мировоззрении. Коран настаивает на необходимости благодарности, и таинством благодарения является произнесение слов:

[11] Ибн Хишам «Сира», 156

«Хвала Аллаху, Господу миров»,
тогда как таинством посвящения или посвящения себя является произнесение:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного».[12]
Это первый аят каждой суры Корана, и, следуя примеру Пророка, они употребляли его для начала каждого чтения Корана, а затем и каждого обряда и, далее, каждого дела или начинания. Новая религия не допускала ничего профанного.

[12] Только одна сура, 9-ая, начинается без упоминания имен Милостивого и Милосердного, но к тому времени они ещё не была ниспосланы.»

17.ПРЕДОСТЕРЕГИ СВОЙ РОД

До сих пор ещё не было публичного призыва к Исламу, однако число благочестивых верующих и ревностных поклоняющихся неуклонно возрастало - мужчин и женщин, причём большинство из них были молоды. Среди первых, кто примкнул, помимо уже упомянутых, были двоюродные братья Пророка - Джаʿфар и аз-Зубайр. Затем последовали и другие кузены: сыновья их тётки Умаймы - ʿАбдаллах ибн Джахш и его брат ʿУбайд-Аллах, а также сын их тётки Барры - Абу Салама. Были и двое кузенов со стороны матери Пророка - Саʿд, сын Абу Ваккаса из рода Зухра, и его младший брат ʿУмайр.

Но ни один из четырёх дядей Пророка не проявил склонности последовать за ним. Абу Талиб не возражал против Ислама своих двух сыновей - Джаʿфара и ʿАли, однако сам говорил, что не готов оставить религию своих предков. ʿАббас уклонялся от решения, а Хамза не вполне понимал происходящее, хотя оба уверяли Пророка в своей неизменной личной привязанности к нему. Но Абу Лахаб ясно дал понять, что убеждён: его племянник либо пребывает в самообмане, либо сам обманывает других.

После ниспослания аята: «Предостереги свою ближайшую родню», Пророк призвал к себе ʿАли и сказал:

- Бог повелел мне предостеречь мою семью, моих ближайших родственников, и задача эта превышает мои силы. Но приготовь пищу - возьми баранью ногу, наполни чашу молоком и собери род Банū ʿАбд аль-Мутталиба, чтобы я мог сказать им то, что мне велено сказать.

ʿАли сделал в точности так, как ему было сказано, ни больше ни меньше. Большинство людей из рода Хашима пришли на угощение - около сорока мужчин.

«Когда они собрались, - рассказывал ʿАли, - Пророк велел мне принести приготовленную пищу. Затем он взял кусок мяса, откусил от него и снова положил в блюдо, сказав: “Берите во имя Бога”.

Мужчины ели по очереди, несколько человек за раз, пока ни один из них уже не мог есть больше. Но, - говорил ʿАли, - я не видел, чтобы в пище произошла какая-либо перемена, кроме того, что её коснулись руки людей; и клянусь моей жизнью, если бы перед ними был один человек, он мог бы съесть всё то, что я поставил перед ними. Затем Пророк сказал: “Дайте им пить”.

Я принёс чашу, и каждый пил досыта, хотя один человек мог бы опустошить её целиком.

Но когда Пророк уже собирался обратиться к ним, Абу Лахаб опередил его и сказал: “Ваш хозяин наложил на вас чары”.

И люди разошлись, прежде чем он успел заговорить».

На следующий день Пророк велел ʿАли сделать всё то же самое, что и накануне. Было приготовлено ещё одно подобное угощение, и всё произошло так же, как прежде, за исключением того, что на этот раз Пророк был настороже и позаботился о том, чтобы обратиться к ним.[1]

---

[1] Коран, 26, 14

- О сыны ʿАбд аль-Мутталиба, - сказал он, - я не знаю ни одного араба, который принёс бы своему народу более благородное послание, чем то, которое принёс я. Я приношу вам благо этого мира и мира грядущего. Бог повелел мне призвать вас к Нему. Кто же из вас поможет мне в этом и станет моим братом, моим доверенным исполнителем и моим преемником среди вас?

Во всём собрании воцарилось молчание. Джаʿфар и Зайд могли бы заговорить, но они знали, что их Ислам не подвергается сомнению и что цель этого собрания - привести к вере других.

Когда же молчание всё продолжалось, тринадцатилетний ʿАли почувствовал побуждение заговорить и сказал:

- О Посланник Бога, я буду твоим помощником в этом.

Тогда Пророк возложил руку на шею ʿАли и сказал:

- Это мой брат, мой доверенный исполнитель и мой преемник среди вас. Слушайте его и повинуйтесь ему.

Люди поднялись со своих мест, смеясь, и говорили Абу Талибу:

- Он велел тебе слушаться твоего сына и повиноваться ему.[2]

Что же касается тёток Пророка, то Сафийя без колебаний последовала за ним, как это сделал её сын аз-Зубайр; но её пять сестёр не могли решиться на какое-либо решение. Позиция Арвы была типичной для всех них:

- Я подожду и посмотрю, что сделают мои сёстры, - говорила она.

С другой стороны, его тётка по браку, Умм аль-Фадль, жена колеблющегося ʿАббаса, стала первой женщиной, принявшей Ислам после Хадиджи; и вскоре она привела к Пророку трёх своих сестёр - Маймуну, свою родную сестру, и двух сводных сестёр - Салму и Асму.

Именно в доме Умм аль-Фадль воспитывался Джаʿфар, и там он познакомился и полюбил Асму, на которой недавно женился; а Хамза взял в жёны её сестру Салму.

Ещё одной из первых откликнулась Умм Айман. Пророк сказал о ней:

- Кто желает жениться на женщине из людей Рая, пусть женится на Умм Айман.[3]

Эти слова услышал Зайд и принял их близко к сердцу. Она была намного старше его, но это не удержало его; он сказал Пророку о своём намерении, и тот без труда убедил Умм Айман согласиться на брак.

Она родила Зайду сына, которого назвали Усамой. Его воспитывали как внука Пророка, и Пророк нежно любил его.

---

[2] Табари, 1171

[3] Мухаммад Ибн Са'д *Китаб ат-Табагат аль*-Кабир, VIII, 162

18. КУРЕЙШ ПЕРЕХОДИТ В ДЕЙСТВИЕ

В те первые дни Ислама сподвижники Пророка часто выходили вместе небольшими группами в ущелья за пределами Мекки, где могли совершать молитву, не будучи замеченными. Но однажды несколько идолопоклонников натолкнулись на них, когда они молились, и грубо прервали их насмешками и оскорблениями. Наконец дело дошло до рукопашной, и Са‘д из рода Зухра ударил одного из неверующих верблюжьей челюстью и ранил его. Это была первая кровь, пролитая в Исламе.

После этого они решили воздерживаться от насилия до тех пор, пока Бог не повелит иначе, ибо Откровение непрестанно призывало Пророка - а вместе с ним и их - к терпению.

«**Терпи же то, что они говорят, и удаляйся от них достойным удалением**»[1].

И также:

«**Оставь неверующих со Мной, даруй им отсрочку на малое время**» [2].

Этот случай насилия был в некотором смысле исключением с обеих сторон, ибо курайшиты в целом склонны были терпимо относиться к новой религии - даже после того как Пророк открыто возвестил её, - пока не увидели, что она направлена против их богов, их устоев и их укоренившихся обычаев.

Когда же они это поняли, несколько их влиятельных людей отправились к Абу Талибу и стали настаивать, чтобы он удержал своего племянника от его деятельности. Он ответил им примирительно и тем самым отослал их. Но увидев, что он ничего не предпринял, они пришли к нему вновь и сказали:

- О Абу Талиб! Ты занимаешь среди нас высокое и почётное место. Мы просили тебя удержать сына твоего брата, но ты не сделал этого. Клянёмся Богом, мы не потерпим, чтобы оскорбляли наших отцов, высмеивали наши обычаи и поносили наших богов. Либо заставь его прекратить это, либо мы будем сражаться и с ним, и с тобой.

С этими словами они удалились.

Абу Талиб в великом смятении послал за своим племянником и, рассказав ему об их угрозах, сказал:

- О сын моего брата! Пожалей меня и пожалей себя. Не возлагай на меня бремени, которое мне не под силу.

Но Пророк ответил ему:

- Клянусь Богом! Если бы они положили солнце в мою правую руку и луну в левую, чтобы я оставил это дело прежде, чем Бог дарует ему победу или прежде, чем я погибну на этом пути, - я не оставил бы его. [3]

С этими словами, со слезами на глазах, он поднялся и повернулся, чтобы уйти. Но дядя окликнул его:

---

[1] Коран 23, 10

[2] Коран, 76, 17

[3] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 168

- О сын моего брата! Иди и говори что хочешь, ибо, клянусь Богом, я никогда не оставлю тебя ни при каких обстоятельствах.

Когда курайшиты убедились, что их слова не подействовали на Абу Талиба, они всё же не решились прямо напасть на его племянника. Как глава рода, Абу Талиб обладал правом даровать неприкосновенную защиту, и в интересах каждого другого главы рода в Мекке было, чтобы права вождей должным образом уважались.

Поэтому пока они ограничились тем, что организовали широкое преследование всех тех последователей новой религии, у кого не было защитников.

Тем временем они собрались вместе, чтобы выработать общее решение относительно источника их тревоги. Положение было крайне серьёзным: приближалось время Паломничества, и арабы со всей Аравии должны были прийти в Мекку. Курайшиты пользовались высокой славой гостеприимства - не только в том, что касалось пищи и питья, но и потому, что принимали каждого человека вместе с его богами.

Но в этот год паломники услышат, как Мухаммад и его последователи оскорбляют их богов и призывают отказаться от религии предков и принять новую религию, которая, казалось, имела немало недостатков.

Несомненно, многие из них могут больше не прийти в Мекку, что будет плохо не только для торговли, но и уменьшит почёт, которым ныне пользуются хранители Святилища. А в худшем случае арабы могут объединиться, изгнать их из Мекки и поставить на их место другое племя или союз племён - как они сами прежде поступили с Хуза‘а, а Хуза‘а прежде поступили с Джурхумом.

Поэтому было необходимо убедить прибывающих арабов, что Мухаммад никоим образом не представляет Курайш. Но хотя было легко отрицать его пророчество, это было лишь выражением мнения и косвенно побуждало других слушать его слова и судить самим.

Следовало сказать нечто большее.

И здесь заключалась их слабость. Одни говорили, что он прорицатель, другие - что он одержимый, третьи - что он поэт, а иные - что он колдун.

Они обратились за советом к Валиду ибн аль-Мугире, который, вероятно, был тогда самым влиятельным человеком племени, чтобы решить, какое из этих обвинений окажется наиболее убедительным.

Он отверг их все как неверные. Но затем, поразмыслив, сказал, что хотя этот человек, безусловно, не колдун, у него есть одно сходство с колдунами: он способен разлучать человека с его отцом, с его братом, с его женой и вообще с его семьёй.

Поэтому он посоветовал им остановиться именно на этом обвинении и говорить, что Мухаммад - опасный колдун, которого следует всячески избегать.

Они охотно согласились следовать его совету и решили расставить людей на всех дорогах, ведущих к Мекке, чтобы предупреждать прибывающих заранее и предостерегать их от Мухаммада.

Ибо они хорошо знали по собственному опыту, как он умеет привлекать сердца.

Разве не был он прежде, до того как начал проповедовать, одним из самых любимых людей в Мекке? И не утратила ли его речь своей красноречивости? И разве его присутствие потеряло свою властную силу?

Они исполнили свой план с усердием и тщательностью. Но по крайней мере в одном случае им было суждено потерпеть неудачу с самого начала.

Человек из рода Бану Гифар по имени Абу Зарр - его племя жило к северо-западу от Мекки, недалеко от Красного моря - уже слышал о Пророке и о сопротивлении, которое ему оказывают.

Подобно большинству своих соплеменников, Абу Зарр был разбойником на дорогах. Но, в отличие от них, он твёрдо верил в Единство Бога и не оказывал никакого почтения идолам.

Его брат Унайс отправился в Мекку по какому-то делу и по возвращении рассказал ему, что там есть человек из Курайш, который утверждает, что он Пророк, и говорит: «Нет бога, кроме Бога», и что его народ отверг его из-за этого.

Абу Зарр тотчас же отправился в Мекку, будучи уверен, что здесь - истинный Пророк. Когда он прибыл, курайшиты, стоявшие на дорогах, сами рассказали ему всё, что он хотел знать, ещё прежде, чем он успел спросить.

Без труда он нашёл дом Пророка.

Пророк лежал и спал на скамье во дворе, закрыв лицо складкой своего плаща.

Абу Зарр разбудил его и пожелал ему доброго утра.

- Мир тебе! - сказал Пророк.

- Продекламируй мне свои слова, - сказал бедуин.

- Я не поэт, - ответил Пророк. - То, что я произношу, есть Коран. И говорю не я - говорит Бог.

- Прочитай мне, - сказал Абу Зарр.

И он прочитал ему одну суру.

Тогда Абу Зарр сказал:

- Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и что Мухаммад - Посланник Бога.

- Кто твой народ? - спросил Пророк.

Услышав ответ, он посмотрел на него с удивлением и сказал:

- Воистину, Бог ведёт прямым путём кого пожелает. [4]

Было хорошо известно, что большинство людей из Бану Гифар были разбойниками.

После того как Пророк наставил его в Исламе, он велел ему вернуться к своему народу и ждать его повеления.

Абу Зарр возвратился к Бану Гифар, и многие из них через него приняли Ислам.

Между тем он продолжал своё прежнее занятие разбойника, уделяя особое внимание караванам Курайш. Но когда он захватывал караван, он предлагал вернуть добычу при условии, что они засвидетельствуют Единство Бога и пророчество Мухаммада.

Другая встреча с Пророком привела к тому, что Ислам пришёл и к племени Бану Даус - так же, как и Гифар, западному племени, жившему вдали.

---

[4] Мухаммад Ибн Са'д *Китаб ат-Табагат аль*-Кабир, IV, 164

Туфайль из Дауса впоследствии рассказывал, как по прибытии в Мекку его предостерегали не разговаривать с колдуном Мухаммадом и даже не слушать его, чтобы он не оказался разлучённым со своим народом.
Туфайль был поэтом и человеком значительного положения в своём племени.
Поэтому курайшиты особенно настойчиво предупреждали его, и они так напугали его колдовством, что, входя в Мечеть, он заткнул уши ватой.
Пророк был там и стоял для молитвы между Йеменским углом и Чёрным Камнем, как он обычно делал, обращённый лицом к Иерусалиму, так что юго-восточная стена Каабы находилась прямо перед ним.
Он читал аяты Корана не очень громко, но некоторые слова всё же достигли ушей Туфайля.
«Бог не пожелал иного, - говорил он, - кроме того, чтобы я услышал часть того, что было прочитано, и я услышал прекрасные слова. Тогда я сказал себе: я человек разумный, поэт и умею отличать прекрасное от дурного. Почему же мне не выслушать этого человека? Если слова его прекрасны - приму их, а если дурны - отвергну».
Он остался там до тех пор, пока Пророк не ушёл. Тогда он последовал за ним. Когда Пророк вошёл в свой дом, он вошёл вслед за ним и сказал:
- О Мухаммад! Твой народ сказал мне то и это и так напугал меня твоим состоянием, что я заткнул уши, чтобы не слышать твоих слов. Но Бог не пожелал иного, кроме того, чтобы я услышал тебя. Скажи же мне правду о том, кем ты являешься.
Пророк объяснил ему Ислам и прочитал Коран.
И Туфайль произнёс свидетельство веры.
Затем он возвратился к своему народу, решив обратить их.
Его отец и его жена приняли Ислам, но остальные из Дауса медлили. Тогда он вернулся в Мекку в великом разочаровании и гневе и потребовал, чтобы Пророк проклял их.
Но Пророк вместо этого помолился о их наставлении и сказал Туфайлю:
- Вернись к своему народу, призывай их к Исламу и обращайся с ними мягко. [5]
Эти наставления он исполнял верно, и по мере того как проходили годы, всё больше и больше семей из Дауса принимали Ислам.
До встречи с Пророком Туфайль встречал лишь его врагов. Но другие паломники встречали также и его последователей, которые рассказывали им совсем другую историю, чем его враги. И каждый верил тому, к чему склоняла его собственная природа.
Так новая религия стала предметом разговоров - добрых или дурных - по всей Аравии.
Но нигде о ней не говорили так много, как в оазисе Ясриб.

[5] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 252-254

19. АУС И ХАЗРАДЖ

Племена Аус и Хазрадж состояли в союзах с некоторыми иудейскими племенами, жившими рядом с ними в Ясрибе. Однако отношения между ними часто бывали напряжёнными и исполненными взаимной неприязни. Не в последнюю очередь это происходило потому, что иудеи-монотеисты, сознавая себя избранным народом Божиим, презирали многобожников-арабов, хотя и вынуждены были проявлять к ним известное уважение из-за их большей силы.

В минуты раздражения и озлобления иудеи порой говорили: «Время Пророка, который будет послан, уже близко. С ним мы поразим вас, как были поражены ‘Ад и Ирам».[1]

Когда же их раввинов и прорицателей спрашивали, откуда явится этот Пророк, они неизменно указывали на сторону Йемена - а для них это же направление было и направлением Мекки.

Поэтому, когда арабы Ясриба услышали, что некий человек в Мекке действительно объявил себя Пророком, они стали внимать этим вестям. Их интерес ещё более усилился, когда им рассказали о его послании, ибо они уже были знакомы со многими основами истинной религии. В более мирные времена иудеи нередко говорили им о Единстве Бога и о конечной судьбе человека, и они вместе обсуждали эти вопросы.

Особенно трудно было многобожникам принять мысль о воскресении из мёртвых. Заметив это, один из раввинов указал на юг и сказал, что оттуда скоро явится Пророк, который подтвердит истину Воскресения.

Но глубочайшая подготовка их к вести из Мекки пришла косвенно - через одного иудея по имени Ибн аль-Хайябан, переселившегося из Сирии. Не раз случалось, что благодаря его молитвам о дожде оазис спасался от засухи.

Этот благочестивый человек умер приблизительно в то время, когда Пророк получил своё первое Откровение. И когда он почувствовал приближение смерти - как впоследствии рассказывали Аусу и Хазраджу - он сказал собравшимся вокруг него:

«О иудеи! Как вы думаете, что заставило меня оставить землю хлеба и вина ради земли лишений и голода?»

«Ты знаешь лучше», - ответили они. Тогда он сказал: «Я пришёл в эту страну в ожидании явления Пророка, время которого близко. В эту страну он совершит переселение. Я надеялся, что он будет послан ещё при моей жизни, чтобы я мог последовать за ним. Его час уже близок к вам».[2]

Эти слова глубоко запали в сердца некоторых юных иудеев, которые слышали их; и когда настало время, именно благодаря этим словам они смогли принять Пророка, хотя он и не был иудеем.

---

[1] Древние арабские племена, внезапно уничтоженные за отказ повиноваться пророкам, посланным к ним.

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 136

Вообще же, говоря в целом, арабы благоволили человеку, но отвергали его послание; тогда как иудеи благоволили посланию, но отвергали человека. Ибо как мог Бог послать Пророка, который не принадлежал бы к избранному народу?

Тем не менее, когда паломники приносили вести о Пророке в Ясриб, иудеи, несмотря на себя, проявляли большой интерес и жадно расспрашивали их о подробностях. И когда арабы оазиса заметили эту заинтересованность и увидели, как монотеистический характер послания увеличивает интерес раввинов во много раз, это не могло не произвести на них впечатления - равно как и на самих вестников этих новостей.

Помимо всего этого, племя Хазрадж прекрасно сознавало, что его связывают близкие родственные узы с тем самым человеком, который теперь объявил себя Пророком и который ещё ребёнком посещал Ясриб вместе со своей матерью, а позднее бывал там не раз, направляясь в Сирию.

Что касается Ауса, то один из их знатных людей, Абу Кайс, был женат на мекканке, которая приходилась тёткой Вараке и также Хадидже. Абу Кайс часто останавливался у семьи своей жены и уважал мнение Вараки о новом Пророке.

Все эти обстоятельства, дополняемые постоянными рассказами паломников и других приезжих из Мекки, постепенно начинали воздействовать на людей оазиса. Но пока большая часть их внимания была обращена на неотложные дела собственной внутренней жизни.

Ссора между одним человеком из Ауса и одним из Хазраджа, завершившаяся кровопролитием, постепенно втянула всё больше и больше родов обоих племён. Даже иудеи приняли сторону в этом споре.

Три сражения уже были пережиты. Но вместо того чтобы решить дело, они лишь сильнее разжигали души людей и умножали жажду мести. Казалось неизбежным четвёртое сражение, ещё более крупное.

Именно в связи с этим вожди Ауса задумали отправить делегацию в Мекку, чтобы просить помощи у Курайшитов против Хазраджа.

Пока они ожидали ответа, к ним пришёл Пророк и спросил, не желают ли они получить нечто лучшее, чем то, ради чего пришли.

Они спросили:

- Что же это?

Он рассказал им о своей миссии и о религии, которую ему было велено проповедовать. Затем он прочёл им некоторые аяты Корана.

Когда он закончил, один молодой человек по имени Ияс, сын Му‘аза, воскликнул:

«О люди! Клянусь Богом, это лучше того, ради чего вы пришли!»

Но глава делегации взял горсть земли и бросил её юноше в лицо, сказав:

«Довольно с тебя! Клянусь моей жизнью, мы пришли сюда не ради этого».

Ияс замолчал, и Пророк оставил их.

Курайшиты отказались помочь им, и делегация вернулась в Медину.

Вскоре после этого Ияс умер. Те, кто был рядом с ним в последние минуты, рассказывали, что он непрестанно свидетельствовал о Единстве Бога, возвеличивал Его, восхвалял и прославлял до самого конца.
Поэтому его считают первым человеком из Ясриба, вошедшим в Ислам.

20. АБУ ДЖАХЛЬ И ХАМЗА

В Мекке постоянное увеличение числа верующих сопровождалось столь же постоянным ростом враждебности со стороны неверующих. И однажды, когда некоторые из знатнейших людей из Quraysh собрались в Хиджре, возбуждая друг в друге гнев против Пророка, случилось так, что сам Пророк вошёл в Святилище. Подойдя к восточному углу Kaaba, он поцеловал Чёрный Камень и начал совершать семь обходов.

Когда он проходил мимо Хиджра, они подняли голоса и стали поносить его клеветой и злословием, и по его лицу было видно, что он слышал их слова. Он прошёл мимо них и во второй раз -и снова они оклеветали его. Но когда они сделали то же самое, когда он проходил мимо них в третий раз, он остановился и сказал:

-О Гурейш, услышите ли вы меня? Клянусь Тем, в Чьей Руке моя душа, я несу вам гибель![1]

Эти слова -и то, как он их произнёс -словно заколдовали их. Никто из них не двинулся и не произнёс ни слова, пока молчание наконец не нарушил один из тех, кто прежде был наиболее яростен. Теперь же он сказал с величайшей мягкостью:

-Ступай своим путём, о Абу-ль-Касим, ибо клянусь Богом, ты не невежественный безумец.

Но это затишье длилось недолго. Вскоре они стали упрекать себя за то, что столь непонятным образом были подавлены, и поклялись впредь загладить эту минутную слабость.

Одним из самых непримиримых врагов ислама был человек из рода Махзум по имени ‘Амр. Среди родных и друзей он был известен как Абу-ль-Хакам, но мусульмане быстро превратили это имя в Абу Джахль -«отец невежества». Он был внуком Мугиры и племянником уже престарелого Валида, который был главой клана. Абу Джахль был уверен, что станет наследником дяди, и уже приобрёл известное положение в Мекке благодаря своему богатству и показной щедрости, а также тем, что внушал страх своей беспощадностью и готовностью мстить всякому, кто противостоял ему.

Именно он был самым неутомимым из тех людей, которые во время недавнего паломничества стояли на подступах к Мекке, и самым громким в своих обвинениях против Пророка, называя его опасным колдуном. Он же был наиболее деятельным в преследовании беззащитных верующих из собственного клана и подстрекал другие кланы поступать так же. Но однажды, сам того не желая, он оказал новой религии большую услугу.

Пророк сидел вне Мечети у ворот Сафа -так названных потому, что через них паломники выходят для совершения обряда семикратного хождения между холмом Сафа, который находится у этих ворот, и холмом Марва, расположенным примерно в четырёхстах пятидесяти ярдах к северу. Камень у подножия Сафа отмечает начало древнего обряда. Пророк сидел один в этом священном месте, когда мимо проходил Абу Джахль.

Для махзумита это была удобная возможность показать, что он, по крайней мере, не поддался страху. Остановившись перед Пророком, он стал осыпать его всеми оскорблениями и ругательствами, какие только мог придумать. Пророк лишь смотрел на

---

[1] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 136

него, не произнося ни слова. Наконец, излив на него самые тяжёлые оскорбления, какие только пришли ему на ум, Абу Джахль вошёл в Мечеть, чтобы присоединиться к тем из Quraysh, кто сидел в Хиджре.

Пророк печально поднялся и вернулся в свой дом.

Едва он ушёл, как с противоположной стороны появился Хамза, возвращавшийся с охоты; его лук был перекинут через плечо. У него был обычай, всякий раз возвращаясь с охоты, прежде всего воздать честь Священному Дому, прежде чем идти к своей семье. Увидев его, одна женщина вышла из дома неподалёку от ворот Сафа и обратилась к нему. Она была вольноотпущенницей дома покойного ‘Абдаллаха ибн Джуд‘ана из рода Тайм -того самого человека, который двадцать лет назад был одним из главных инициаторов рыцарского союза Хильф аль-Фудуль.

Семья Джуд‘ан была двоюродной роднёй Abu Bakr, а сама она, благосклонно относившаяся к Пророку и его религии, была возмущена оскорблениями Абу Джахля, каждое слово которых она слышала.

-О Абу ‘Умара![2] -сказала она Хамзе. -Если бы ты только видел, как только что поступил с Мухаммадом, сыном твоего брата, Абу-ль-Хакам, сын Хишама. Он нашёл его сидящим здесь и самым отвратительным образом оскорблял и поносил его. А затем оставил его… -она указала в сторону Мечети, показывая, куда тот ушёл. -И Мухаммад не ответил ни единого слова.

Хамза был человеком доброжелательного нрава и лёгкого характера. Но при всём этом он был самым крепким и сильным человеком среди Quraysh, и когда его гнев пробуждался, он становился самым грозным и непреклонным из них. Теперь его могучее тело содрогнулось от ярости, какой он никогда прежде не испытывал. Этот гнев высвободил нечто в его душе и довёл до завершения решение, которое уже наполовину созрело в нём.

Он быстрыми шагами вошёл в Мечеть и направился прямо к Абу Джахлю. Остановившись над ним, он поднял свой лук и со всей силы обрушил его на его спину.

-Ты оскорбляешь его? -сказал он. -Теперь, когда я исповедую его религию и утверждаю то, что утверждает он? Ударь меня в ответ, если можешь!

Абу Джахль не был лишён храбрости, но на этот раз он, по-видимому, решил, что лучше прекратить происшедшее. И когда некоторые из присутствующих махзумитов поднялись, словно желая прийти ему на помощь, он жестом велел им сесть и сказал:

-Оставьте Абу ‘Умару. Клянусь Богом, я оскорбил сына его брата самым мерзким оскорблением.

---

[2] Умара была дочерью Хамзы. Самая вежливая форма обращения у арабов — назвать мужчину «отцом (Абу) такого-то», а женщину — «матерью (Умм) такого-то

21. ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ КУРЕЙШИТОВ

С того дня Хамза твёрдо пребывал в своём исламе и следовал всем наставлениям Пророка. Его обращение не осталось без последствий для курайшитов: теперь они стали гораздо осторожнее в своих прямых нападках на Пророка, зная, что Хамза будет его защищать.

С другой стороны, это совершенно неожиданное событие заставило их ещё яснее осознать, насколько серьёзным они считают сложившееся положение; и это лишь усилило их убеждение в необходимости найти какое-нибудь решение и остановить движение, которое, как им казалось, могло закончиться лишь гибелью их высокого положения среди арабов.

Ввиду этой опасности они решили изменить свою тактику и принять предложение, которое теперь высказал на собрании один из знатных людей рода Абду Шамс, ‘Утба ибн Раби‘а.

-Почему бы мне не пойти к Мухаммаду, -сказал он, -и не предложить ему некоторые условия, из которых он, быть может, примет хотя бы часть? А то, что он примет, мы ему дадим -при условии, что он оставит нас в покое.

Вскоре стало известно, что Пророк сидит один возле Каабы. Тогда ‘Утба немедленно покинул собрание и направился в святилище.

Он сам вызвался на это дело отчасти потому, что был внуком Абду Шамса, брата Хашима. И хотя кланы, названные по именам этих двух сыновей ‘Абду Манафа, сына великого Кусайя, со временем отдалились друг от друга, их разногласия могли легко забыться перед лицом общего предка.

Кроме того, ‘Утба был человеком менее суровым и более склонным к примирению, чем большинство курайшитов; к тому же он отличался и большим умом.

-О сын моего брата, -сказал он Пророку, -ты, как тебе известно, принадлежишь к знатному роду этого племени, и твоё происхождение обеспечивает тебе почётное место. Но теперь ты принёс своему народу дело, которое вызвало великие волнения: ты расколол их общину, объявил их образ жизни безрассудным, говорил позорно об их богах и их религии и назвал их предков неверными.

Так выслушай же, что я предложу тебе, и посмотри, не найдётся ли среди этого того, что ты сможешь принять.

Если ты ищешь богатства -мы соберём для тебя состояние из наших имуществ, чтобы ты стал самым богатым из нас.

Если ты ищешь почёта -мы сделаем тебя нашим владыкой и не примем ни одного решения без твоего согласия.

Если ты желаешь царской власти -мы сделаем тебя нашим царём.

А если ты не можешь избавиться от этого духа, который является тебе, -мы найдём тебе врача и будем тратить наши богатства, пока твоё исцеление не будет завершено.

Когда он закончил говорить, Пророк сказал ему:

-Теперь послушай меня, о отец Валида.

-Я слушаю, -ответил ‘Утба.

Тогда Пророк прочитал ему часть откровения, которое он недавно получил.

Сначала ‘Утба лишь делал вид, что внимательно слушает -из политической осторожности по отношению к человеку, которого он надеялся склонить на свою сторону. Но после нескольких предложений его мысли изменились: его охватило изумление перед самими словами.

Он сидел, откинувшись назад и опираясь руками за спиной, и слушал, поражённый красотой речи, которая струилась в его слух.

Аяты[1], которые были прочитаны, говорили о самом Откровении, о сотворении земли и небесного свода. Затем в них рассказывалось о пророках и о народах древности, которые, отвергнув их, были уничтожены и обречены на Ад.

Потом следовал отрывок о верующих, которым обещалась защита ангелов в этой жизни и исполнение всякого желания в жизни будущей.

Пророк завершил своё чтение словами:

«И среди Его знамений -ночь и день, солнце и луна. Не поклоняйтесь ни солнцу, ни луне, но поклоняйтесь Богу, Который их сотворил, если вы действительно поклоняетесь Ему»[2].

После этих слов он склонился и коснулся лбом земли в поклонении.

Затем он сказал:

-Ты услышал то, что услышал, о Абу-ль-Валид, и теперь всё между тобой и этим.

Когда ‘Утба вернулся к своим спутникам, они сразу заметили перемену в выражении его лица и воскликнули:

-Что случилось с тобой, о Абу-ль-Валид?

Он ответил:

-Я услышал речь, подобной которой никогда прежде не слышал. Клянусь Богом, это не поэзия, и не колдовство, и не прорицание.

О люди Курайша, послушайте меня и сделайте так, как я скажу. Не становитесь между этим человеком и тем, к чему он стремится, но оставьте его. Клянусь Богом, слова, которые я услышал от него, станут великой вестью.

Если арабы убьют его -вы избавитесь от него руками других. А если он одолеет арабов, то его власть будет вашей властью, его сила -вашей силой, и вы станете самыми счастливыми из людей.

Но они лишь насмехались над ним и говорили:

-Он околдовал тебя своим языком.

-Я высказал вам своё мнение, -ответил он, -делайте теперь, как сочтёте нужным.

После этого он более не противился им; и впечатление, произведённое на него кораническими стихами, оказалось лишь мимолётным.

Между тем, поскольку он не принёс ответа ни на один из вопросов, которые задавал, один из них сказал:

---

[1] Каждый аят Корана это «знак», то есть, чудо, бо оно исходит непосредственно из откровения.

[2] Коран, 41, 37

-Пошлём за Мухаммадом и поговорим с ним, и будем спорить с ним, чтобы нельзя было сказать, что мы оставили хоть один путь неиспробованным.
Они послали за ним, сказав:
-Знатные люди твоего народа собрались, чтобы поговорить с тобой.
Он поспешно пришёл к ним, надеясь, что им удалось изменить их отношение. Он горячо желал привести их к истине, но его надежды рассеялись, как только они начали повторять предложения, уже сделанные ему.
Когда они закончили, он сказал им:
-Я не одержим, и не ищу среди вас ни почёта, ни власти над вами. Но Бог послал меня к вам посланником и ниспослал мне книгу, и повелел мне быть для вас вестником благой вести и предостерегающим.
Я передал вам послание моего Господа и дал вам добрый совет. Если вы примете то, что я принёс вам, -это будет вашим благом в этом мире и в мире будущем. Если же вы отвергнете это, тогда я буду терпеливо ожидать суда Бога между нами.[3]
В ответ они лишь продолжили говорить то же самое и сказали:
-Если ты не принимаешь наших предложений, тогда сделай что-нибудь, что доказало бы нам, что ты посланник Бога, и одновременно облегчило бы нашу жизнь.
-Попроси своего Господа убрать от нас эти горы, которые окружают нас, выровнять нашу землю и провести по ней реки, подобные рекам Сирии и Ирака. И воскреси для нас некоторых из наших предков -среди них Кусайя, -чтобы мы спросили их, правда ли то, что ты говоришь, или ложь.
-А если ты не сделаешь этого, тогда попроси милости для самого себя. Попроси Бога послать с тобой ангела, который подтвердил бы твои слова и объявил бы нас лжецами. И попроси Его даровать тебе сады, дворцы и сокровища золота и серебра, чтобы мы узнали, как высоко ты стоишь у своего Господа.
Пророк ответил им:
-Я не из тех, кто просит своего Господа о подобном. И я не был послан для этого. Бог послал меня лишь предостерегать и возвещать благую весть.
Они не пожелали слушать и сказали:
-Тогда обрушь на наши головы небо кусками, -
насмехаясь над уже ниспосланным стихом:
«Если Мы пожелаем, Мы заставим землю поглотить их или низвергнем на них с небес обломки»[4].
-Это решает Бог, -сказал он. -Если Он пожелает, Он сделает это.
Не отвечая ничего, кроме насмешливых взглядов друг другу, они перешли к другому вопросу.

---

[3] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 188
[4] Коран, 34, 9

Одной из самых загадочных черт Откровения для них было постоянное повторение странного имени Рахман[5], которое, казалось, было связано с источником вдохновения Пророка.

Одно из откровений начиналось словами:

«**Милостивый (ар-Рахман) научил Корану**»[6].

И поскольку им было приятно верить слуху о том, будто Мухаммад учится своим речам у человека в Ямаме, их последним ответом на этот раз было:

-Мы слышали, что всему этому тебя учит человек из Ямамы по имени Рахман. И в Рахмана мы никогда не поверим!

Пророк молчал, а они продолжали:

-Теперь мы оправдались перед тобой, Мухаммад. И мы клянемся Богом, что не оставим тебя в покое и не прекратим обращаться с тобой так, как сейчас, пока не уничтожим тебя - или пока ты не уничтожишь нас.

И один из них добавил:

-Мы не поверим в тебя, пока ты не приведёшь нам Бога и ангелов в качестве поручителей.

При этих словах Пророк поднялся. Когда он уже собирался уходить, ‘Абд Аллах, сын Абу Умаййи из рода Махзум, тоже встал и сказал ему:

-Я никогда не поверю в тебя -нет, даже до тех пор, пока ты не поставишь лестницу и я не увижу, как ты поднимаешься по ней на небо и не приведёшь четырёх ангелов, чтобы они засвидетельствовали, что ты тот, кем себя называешь. И даже тогда, думаю, я не поверил бы тебе.

Этот ‘Абд Аллах по отцовской линии был двоюродным братом Абу Джахля; но его матерью была ‘Атика, дочь ‘Абд аль-Мутталиба, и она назвала сына в честь своего брата -отца Пророка.

Поэтому Пророк вернулся домой, и к его общей печали о великой пропасти, возникшей между ним и вождями его народа, прибавилась ещё и скорбь от слов, услышанных от столь близкого родственника.

И всё же из того же рода Махзум, где, казалось, сосредоточилось столько вражды, он имел преданного сторонника -Абу Саламу, сына его тёти Барры.

И теперь именно оттуда пришла неожиданная помощь и новая сила для новой религии.

У Абу Саламы был богатый двоюродный брат по отцовской линии по имени Аркам -их прадеды из рода Махзум были братьями.

Аркам пришёл к Пророку и произнёс два свидетельства: lā ilāha illā Allāh -нет бога кроме Бога, и Muḥammadun rasūlu-llāh -Мухаммад есть Посланник Бога.

Затем он предоставил в распоряжение ислама свой большой дом у подножия горы Сафа.

С этого времени верующие получили убежище в самом центре Мекки, где они могли собираться и совершать молитву вместе, не опасаясь быть замеченными или потревоженными.

---

[5] См.выше

[6] Коран 55, 1

22. ВОЖДИ КУРЕЙША

Число последователей Пророка неуклонно возрастало. Однако всякий раз, когда к нему приходил новый обращённый и приносил присягу верности, чаще всего это оказывался раб, или отпущенник, или человек из Курейша Окраин, либо же юноша или девушка из Курейша Долины -из знатного рода, но сами по себе не обладавшие влиянием; и их обращение обычно лишь во много раз усиливало враждебность их родителей и старших родственников.

ʻАбд ар-Рахман, Хамза и Аркам были исключениями, но и они были далеки от того, чтобы считаться вождями. Между тем Пророк желал привлечь на свою сторону кого-нибудь из старейшин -а ни один из них, даже его дядя Абу Талиб, не проявил склонности присоединиться к нему.

Ему было бы гораздо легче распространить своё послание, если бы он заручился поддержкой такого человека, как Валид -дядя Абу Джахля, который был не только главой рода Махзум, но и, если можно так выразиться, неофициальным вождём всего Курейша. К тому же он казался более открытым для доводов, чем многие другие.

Однажды представился случай, когда Пророк смог говорить с Валидом наедине. Но когда они уже углубились в беседу, мимо проходил слепой человек -один из недавно принявших Ислам. Услышав голос Пророка, он стал просить его прочитать ему что-нибудь из Корана.

Когда его попросили подождать и проявить терпение до более подходящего времени, слепой стал столь настойчив, что в конце концов Пророк нахмурился и отвернулся. Разговор был прерван; но это прерывание не стало причиной утраты какой-либо возможности, ибо Валид в действительности был не более открыт для послания, чем те, чьё положение казалось безнадёжным.

Почти сразу же была ниспослана новая сура, начинавшаяся словами: «Он нахмурился и отвернулся, когда к нему пришёл слепой».

Откровение продолжалось: «**Что касается того, кто считает себя самодостаточным, к нему ты обращаешь всё своё внимание, хотя не тебе отвечать за то, очистится ли он. А того, кто приходит к тебе в стремлении и в страхе перед Богом, ты отталкиваешь**».[1]

Немного спустя Валид сам выдал свою самодовольную уверенность, сказав:

-Неужели откровения посылаются Мухаммаду, а не мне, тогда как я -главный человек Курейша и их господин? Неужели они посылаются ни мне, ни Абу Масʻуду, владыке Сакифа, тогда как мы -два великих человека двух городов? [2]

Реакция Абу Джахля была менее холодной и более страстной. Саму возможность того, что Мухаммад может быть пророком, он находил настолько невыносимой, что не мог допустить её ни на мгновение.

-Мы и сыны ʻАбд Манафа, -говорил он, -соперничали друг с другом в почестях. Они кормили людей -и мы кормили. Они несли чужие тяготы -и мы несли. Они давали -и мы давали. И так продолжалось, пока мы не стали равны, колено к колену, словно две кобылы на скачке. И вот

---

[1] Коран, 80, 5-10

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 238; см.Коран, 43

теперь они говорят:
«У одного из наших людей -пророк; к нему приходят откровения с небес».
Когда же мы достигнем подобного? Клянусь Богом, мы никогда не уверуем в него и никогда не признаем его говорящим истину.
Что касается ʻУтбы из рода Шамс, его реакция была менее отрицательной, но почти столь же лишённой чувства меры. Его первой мыслью было не то, что если Мухаммад -пророк, то ему следует последовать, а то, что его пророчество принесёт честь сынам ʻАбд Манафа.
Однажды Абу Джахль, насмешливо указав на предмет своей ненависти, сказал ʻУтбе:
-Вот ваш пророк, о сыны ʻАбд Манафа.
Но ʻУтба резко ответил:
-И что же плохого в том, если у нас будет пророк -или царь?
Последнее слово было намёком на Кусайя и тонким напоминанием махзумиту о том, что ʻАбд Манаф был сыном Кусайя, тогда как Махзум был лишь его двоюродным родственником.
Пророк находился достаточно близко, чтобы услышать этот спор. Он подошёл к ним и сказал:
-О ʻУтба, ты разгневался не ради Бога и не ради Его посланника, но ради самого себя. А ты, Абу Джахль, -на тебя обрушится бедствие. Мало будешь ты смеяться и много будешь плакать. [3]
Судьбы различных родов Курейша постоянно менялись. Два из самых могущественных в то время были ʻАбд Шамс и Махзум.
ʻУтба и его брат Шайба были вождями одной ветви рода Шамс. Их двоюродный брат Харб, прежний глава его омейядской ветви, после своей смерти был заменён сыном -Абу Суфьяном, который, среди прочих жён, взял в жёны Хинд -дочь ʻУтбы.
Успех Абу Суфьяна -как в политике, так и в торговле -во многом объяснялся его рассудительностью и способностью к холодному и терпеливому размышлению, а также выдержкой, если его тонкое чувство выгоды подсказывало, что благодаря этому можно приобрести преимущество.
Его хладнокровие нередко раздражало импульсивную и вспыльчивую Хинд, но он почти никогда не позволял ей влиять на себя, если уже принял решение. Как и следовало ожидать, его враждебность к Пророку была менее бурной, чем у Абу Джахля.
Но если вожди Курейша и различались между собой в отношении к Посланнику, то в неприятии самого послания они были единодушны.
Каждый из них уже достиг в жизни определённого успеха -хотя младшие надеялись, что для них это лишь начало. И все они, по общему мнению, достигли того, что в Аравии считалось идеалом человеческого величия.
Богатство не считалось частью этого величия, однако в действительности оно почти всегда было необходимым средством для его достижения. Великий человек должен был быть желанным союзником и защитником, а значит, он сам должен был иметь надёжных союзников.
Этого можно было добиться, переплетая вокруг себя сеть сильных и влиятельных связей -через собственные браки и браки своих сыновей и дочерей. Многое в этом отношении могло быть достигнуто благодаря богатству, которое великому человеку было необходимо и как хозяину, принимающему гостей.

[3] Табари, 1203, 3

Добродетели также составляли существенную часть этого идеала -особенно щедрость; но не ради какой-либо небесной награды.

Быть воспеваемым людьми по всей Аравии -и, возможно, за её пределами -за щедрость, за львиную храбрость, за неизменную верность данному слову, будь то слово союза, защиты, поручительства или любого иного обязательства; быть прославляемым за эти добродетели при жизни и после смерти -вот честь и бессмертие, которые, как им казалось, придавали жизни смысл.

Такие люди, как Валид, были уверены в своём величии. Эта уверенность порождала в них самодовольство, делавшее их глухими к посланию, которое говорило о тщете земной жизни - той самой жизни, где произошло их собственное возвышение.

Их бессмертие зависело от того, чтобы Аравия оставалась такой, как прежде, чтобы арабские идеалы продолжали переходить из прошлого в будущее.

Все они, в различной степени, были чувствительны к красоте языка Откровения. Но что касается его смысла, их души сами собой закрывались перед такими словами, как следующие, которые говорили им, что они и их прославленные предки ничего не достигли и что все их усилия были направлены не туда:

«**Эта низшая жизнь -лишь развлечение и игра; а истинная жизнь -обитель будущего мира, если бы только они знали**». [4]

[4] Коран, 29, 64

23. **ИЗУМЛЕНИЕ И НАДЕЖДА**

Не все молодые и не все из числа менее преуспевших людей сразу же приняли Божественное послание. Но, по крайней мере, самодовольство ещё не заглушило в них слуха, и потому резкость и сила этого призыва могли достичь их сердец. Он ворвался в их тесный мир, подобно звуку боевой трубы. Тот голос, который ‘Усман услышал в пустыне, взывавший: «Спящие, пробудитесь!», был сродни самому Посланию. И для тех, кто ныне принял его, всё действительно было так, словно они восстали от сна и вступили в новую жизнь.

Положение неверующих -прежде и теперь -выражалось в словах:

«**И говорят они: "Это - только наша ближайшая жизнь, и мы не будем воскрешены**"». [1]

На это последовал Божественный ответ:

«**Мы не создали небо и землю и то, что между ними, забавляясь**». [2]

И также:

«**Разве вы думали, что Мы создали вас забавляясь и что вы к Нам не будете возвращены**?» [3]

Для тех, в ком неверие ещё не отвердело окончательно, эти слова звучали истиной; и так было со всем Откровением, которое само называло себя светом и содержало в себе силу вести по пути.

Другой, столь же властной причиной принять Послание был сам Посланник -человек, который, как они были убеждены, был слишком исполнен истины, чтобы обманывать, и слишком исполнен мудрости, чтобы быть обманутым самим собой.

Послание содержало в себе и предупреждение, и обещание: предупреждение побуждало их действовать, а обещание наполняло их сердца радостью.

Не менее важной причиной принять Послание был и сам Посланник: человек, в котором, как они знали, было слишком много истины, чтобы обманывать других, и слишком много мудрости, чтобы быть обманутым самим собой. Послание заключало в себе и предостережение, и обетование: предостережение побуждало действовать, а обетование наполняло сердца радостью.

Поистине, те, которые говорят: "Господь наш - Аллах", - а потом стоят прямо, на них нисходят ангелы. Не бойтесь, и не печальтесь, и радуйтесь раю, который вам обещан! Мы - ваши друзья в здешней жизни и в будущей. Для вас там - то, что пожелают ваши души, и для вас там - то, что вы потребуете, как прием от прощающего, милостивого.[4]

Среди аятов о Рае, уже ниспосланных к тому времени, был и тот, где говорится о **саде вечности, который обещан богобоязненным и будет для них воздаянием и пристанищем?" Для них там - то, что они пожелают, - вечно пребывая; это - для твоего Господа обещание, о котором просят**.[5]

Истинно верующие -**это те, которые уверовали и творили благое, - Господь их поведет их по их вере; потекут под ними реки в садах благодати. Неверующие же -это те, которые**

---

[1] Коран, 6, 29
[2] Коран, 21,16; Коран, 44,38
[3] Коран, 23,115
[4] Коран, 41, 30-32
[5] Коран 25, 15-16

не надеются на встречу с Нами, довольны жизнью ближней и успокаиваются на ней, и те, которые небрегут Нашими знамениям.[6] Положение верующего должно быть во всём противоположным.

Одной из сторон того сонного обмана, в котором пребывали неверующие, было то, что они принимали блага природы как нечто само собой разумеющееся. Но пробуждение к реальности означало не только перенесение надежд из этого мира в будущий, но и способность созерцать в этом мире Божьи знамения, явленные повсюду. **Благословен тот, который устроил в небе созвездия и устроил там светильник и сияющий месяц. Он - тот, который ночь и день сделал чередой для тех, кто желает вспомнить и желает благодарить**..[7]

Предводители курайшитов дерзко требовали знамений: чтобы ангел сошёл и подтвердил пророчество Мухаммада, или чтобы сам Мухаммад поднялся на небо. И однажды, в ночь полнолуния, вскоре после восхода луны, когда она сияла над горой Хира, к Пророку подошла группа неверующих и потребовала, чтобы он рассёк луну надвое в доказательство того, что он действительно Посланник Бога.

Многие присутствовали при этом -и верующие, и колеблющиеся. Когда требование было произнесено, все взоры устремились к небесному светилу. И велико было их изумление, когда они увидели, как луна разделилась на две части, и каждая половина отошла в сторону, так что по обеим сторонам горы засияло по полумесяцу. Тогда Пророк сказал: «Засвидетельствуйте».[8] **Но те, кто потребовал этого знамения, отвергли увиденное как одно лишь колдовство**[9] и сказали, что он навёл на них чары. Верующие же возрадовались, а некоторые из колебавшихся вошли в Ислам, другие же приблизились к этому.

Этот немедленный небесный ответ на насмешливый вызов был исключением. Иные знамения, которых требовали курайшиты, действительно были даны, но не совсем так, как они хотели, и не в их время, а в Божье. Были и многие меньшие чудеса, свидетелями которых становились лишь верующие. Но этим чудесам никогда не дозволялось занять центральное место, ибо самой главной чудесной реальностью Божественного вмешательства было ниспосланное Писание -так же как Христос был главным чудом предыдущего вмешательства. Согласно Корану, **Иисус есть и Посланник Бога, и Его Слово, которое Он ниспослал Марии, и Дух от Него**[10]. И как прежде с воплощённым Словом, так теперь, по аналогии, с Словом, ставшим Книгой: именно через это Божественное присутствие в мире Ислам и был подлинной религией, то есть связью с Иной жизнью. Одной из функций этого **Слова-Книги, ввиду первозданной религии, на которую Ислам притязал**[11], было пробудить в человеке его изначальную способность к изумлению -ту способность, которая с течением времени либо ослабела, либо была обращена не туда.

Поэтому, когда курайшиты требуют чудес, основной ответ Корана состоит в том, чтобы указать на те чудеса, которые всегда были перед их глазами, хотя они и не видели в них

---

[6] Коран, 10, 9
[7] Коран, 25, 61-62
[8] Бухари 59,24
[9] Коран, 54, 1-2
[10] Коран, 4, 171
[11] Коран, 30,30

ничего дивного: **на верблюдов -как они созданы, на небо -как оно возвышено, на горы -как они водружены, и на землю -как она распростёрта**.[12]

Изумление и надежда, которых требует от верующего вера, суть оба состояния возвращения к Богу. Таинство благодарения -когда человек говорит: «*Хвала Аллаху, Господу миров*» -заключает в себе изумление и возвращает и хвалимое, и самого хвалящего к Трансцендентному Истоку всякого блага. Таинство посвящения -когда человек говорит: «*Во имя Аллаха милостивого, милосердного*» -устремляет душу в том же направлении, на потоке надежды.

На этом пути возвращения сосредоточена основная молитва Ислама -*аль-Фатиха*, Открывающая, так названная потому, что она составляет первую главу [13]Корана:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Хвала - Аллаху, Господу миров,
милостивому, милосердному,
царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь!
Веди нас по дороге прямой,
по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал,
не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.[14]

Столь же основополагающим, как совершенное и сосредоточенное выражение исламского учения, является и *сура аль-Ихлас*, Глава Искренности, помещённая в конце Корана, третья от конца, и ниспосланная тогда, когда один идолопоклонник попросил Пророка описать его Господа:

Скажи: "Он - Аллах - един,
Аллах, вечный;
не родил и не был рожден,
и не был Ему равным ни один!".[15]

[12] Коран, 88, 17-20
[13] Первая по окончательному расположению, но не по времени откровения. Её место в исламской литургии таково, что она читается не менее семнадцати раз в день
[14] Коран, 1, 1-7
[15] Коран 112

24. **СЕМЕЙНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ**

Талиб и ‘Акиль, старшие сыновья Абу Талиба, не последовали примеру своих младших братьев, Джа‘фара и ‘Али, но, подобно своему отцу, остались вне обращения, хотя и проявляли терпимость. Совершенно иным было отношение Абу Лахаба: после недавнего столкновения с вождями Курайша он стал открыто враждебен; а его жена, Умм Джамиль, сестра шамситского вождя Абу Суфьяна, прониклась ненавистью к Пророку.

Вместе они принудили своих двух сыновей отвергнуть Рукыйю и Умм Кульсум -не вполне известно, были ли эти браки уже совершены или дело ещё ограничивалось только обручением. Но удовлетворение Умм Джамиль от этого разрыва уменьшилось, когда она услышала, что её богатый родственник из Омейядов, ‘Усман ибн ‘Аффан, посватался к Рукыйе и женился на ней. Этот брак был весьма радостен для Пророка и Хадиджи. Их дочь была счастлива, а новый зять был предан и ей, и им.

Было и ещё одно обстоятельство, побуждавшее их к благодарению: Рукыйя была прекраснейшей из их дочерей и одной из самых прекрасных женщин своего поколения во всей Мекке; а ‘Усман был человеком необычайно красивым. Уже одно зрелище их двоих вместе было поводом для радости. «Бог прекрасен и любит красоту».[1]

Немного времени спустя после их брака, когда оба они отсутствовали в Мекке, Пророк послал к ним гонца, и тот возвратился значительно позже ожидаемого. Когда он начал излагать свои оправдания, Пророк прервал его, сказав: «Я сам скажу тебе, если хочешь, что тебя задержало: ты стоял и смотрел на ‘Усмана и Рукыйю, дивясь их красоте».[2]

Тогда тётка Пророка, Арва, решилась принять ислам. Непосредственной причиной её решения стал её сын Тулайб, юноша пятнадцати лет, который недавно исповедал эту веру в доме Аркама. Когда он рассказал об этом своей матери, она сказала: «Если бы мы могли делать то, что могут делать мужчины, мы защитили бы сына нашего брата». Но Тулайб не согласился довольствоваться столь неопределёнными словами.

«Что мешает тебе, -сказал он, -самой войти в ислам и последовать за ним? Ведь твой брат Хамза уже сделал это».

И когда она, по своему обыкновению, сослалась на то, что хочет подождать своих сестёр, он перебил её, сказав: «Заклинаю тебя Богом -пойди и приветствуй его, и скажи, что ты веруешь в него, и засвидетельствуй, что нет божества, кроме Бога».

Она сделала то, что он сказал; а сделав это, обрела мужество и упрекнула своего брата Абу Лахаба за его обращение с племянником.

Что же касается родственников Хадиджи, то едва только ислам стал известен в Мекке, как её единокровный брат Науфаль сделался одним из его худших и наиболее яростных врагов. Это, однако, не помешало его сыну Асваду принять ту религию, которая стала для Хадиджи утешением за вражду Науфаля.

Но разочарованием было то, что её любимый племянник, шамсит Абу-ль-‘Ас, уже несколько лет бывший её зятем, не вошёл в ислам, как это сделала его жена Зайнаб; и теперь вожди его рода и другие люди оказывали на него сильнейшее давление, чтобы он развёлся с нею. Они дошли до того, что предложили ему выбрать себе в Мекке самую богатую, наиболее знатную

---

[1] Высказывания Пророка, Ахмад ибн Мухаммад ибн Ханбал, IV, 133-134

[2] Абд ар-Рахман бн Абд Аллах ас-Сухейли *Ар-Равд аль-унуф*, 205

и самую красивую невесту, какую только можно найти, и обещали, при условии его развода, совместно употребить все усилия, чтобы устроить такой брак.

Но Зайнаб и Абу-ль-‘Ас глубоко любили друг друга: она всегда надеялась и молилась, чтобы он присоединился к ней в исламе; а он, со своей стороны, твёрдо сказал своим соплеменникам, что уже имеет жену по своему выбору и не желает никакой иной.

Хаким, другой из племянников Хадиджи -сын её брата Хизама, который почти двадцать лет тому назад подарил ей Зайда, -подобно Абу-ль-‘Асу, сохранял привязанность к своей тётке и её дому, не отрекаясь при этом от богов Курайша; но брат Хакима, Халид, вошёл в ислам.

«**Ты не ведешь прямым путем тех, кого хочешь: Аллах ведет, кого желает**».[3] Истина, выраженная в этом аяте, повторяется в Коране снова и снова. Но если такие откровения и облегчали бремя ответственности, которое чувствовал Пророк, они всё же не мешали ему скорбеть о неприязни своего кузена из Махзума, ‘Абдаллаха; и был ещё один подобный случай, который, быть может, причинял ему ещё большую печаль, -это случай сына его дяди Хариса, Абу Суфьяна, его молочного брата, кузена и некогда друга.

Он надеялся, что тот откликнется на его призыв; но, напротив, этот призыв произвёл между ними разрыв, и холодность и отдалённость Абу Суфьяна с течением времени лишь возрастали, быть может, под влиянием их дяди Абу Лахаба.

И другие также были приведены к осознанию истины вышеупомянутого аята: Абу Бакр повёл за собой в ислам свою жену Умм Руман, а также ‘Абдаллаха и Асму -сына и дочь от другой жены, вероятно, уже умершей. Умм Руман только что родила ему вторую дочь, которой дали имя ‘Аиша; и она была, подобно сыну Зайда Усаме, одним из первых детей, родившихся в исламе.

Но хотя Абу Бакр и стал причиной столь многих обращений, он не сумел обратить собственного старшего сына, ‘Абд аль-Ка‘бу, который противился всем попыткам отца и матери -ибо он был сыном Умм Руман -убедить его принять их религию.

Если у верующих были свои разочарования, то и их противники испытывали досаду, видя перед собой в Мекке новую и непредсказуемую силу, грозившую нарушить весь их образ жизни и расстроить все их замыслы на будущее, особенно те, что касались браков их детей.

Бану Махзум были весьма довольны, когда их соплеменник ‘Абдаллах так резко выступил против своего кузена Мухаммада в Собрании. Брат ‘Абдаллаха, Зухайр, хотя и был несколько менее враждебен к новой религии, также отказался войти в неё.

Подобно ‘Абдаллаху, он был сыном ‘Атики, дочери ‘Абд аль-Мутталиба; но их уже покойный отец имел и вторую жену, также носившую имя ‘Атика, которая родила ему дочь. Эту дочь звали Хинд; она была женщиной большой красоты, ей шёл теперь девятнадцатый год, и недавно она вышла замуж за двоюродного брата своих двух единокровных братьев -Абу Саламу из другой ветви Махзума.

Весь род был доволен этим союзом двух своих ветвей. Поэтому велико было их смятение, когда стало известно, что Абу Салама принял ислам; и это смятение удвоилось, когда Хинд -или Умм Салама, как её всегда называют, -вместо того чтобы оставить мужа, стала, подобно ему, одной из самых преданных последовательниц Пророка.

---

[3] Коран 28, 56

После смерти отца Абу Саламы его мать Барра вышла замуж за человека из курайшитского рода ‘Амир, от которого родила второго сына, известного под именем Абу Сабра. Сухайль, глава ‘Амира, недавно отдал за Абу Сабру свою дочь Умм Кульсум.

Барра, в отличие от своей сестры Арвы, ещё не вошла в ислам; но Абу Сабра находился под его влиянием не только через своего единокровного брата Абу Саламу, но и через свою мачеху, вторую жену своего отца, Маймуну. Именно к Маймуне и трём её сёстрам, жёнам ‘Аббаса, Хамзы и Джа‘фара, Пророк отнёс слова: «Воистину, сёстры -истинно верующие».[4] И брак Маймуны внёс в род ‘Амира сильное присутствие веры.

У Сухайля была и другая дочь, Сахля, которую он выдал за Абу Хузайфу, сына шамситского вождя ‘Утбы. Род ‘Амир в последнее время быстро возрастал в силе, и этот брак обеими сторонами считался выгодным. Однако вскоре после этого супруги приняли ислам; за ними -или, быть может, прежде них -последовала и другая чета: Абу Сабра и Умм Кульсум.

Так Сухайль лишился двух дочерей ради новой религии и двух тщательно избранных зятьёв. Равным образом он лишился трёх своих братьев -Хатиба, Салита и Сакрана, -а также жены Сакрана, их двоюродной сестры Сауды.

Но хуже всего, с точки зрения Сухайля, было то, что и его старший сын, ‘Абдаллах, стал ревностным последователем Пророка. ‘Абдаллах надеялся, что однажды и его отец присоединится к ним; и эти надежды разделял сам Пророк, ибо Сухайль был человеком более благочестивым и разумным, чем большинство других вождей, и даже был известен тем, что иногда уединялся для духовных размышлений.

Но пока он проявлял враждебность к новой вере -не яростную, но тем не менее твёрдую, -и непослушание его детей, казалось, лишь ожесточало его.

Среди ‘Абд Шамс Абу Хузайфа был не единственным сыном вождя, восставшим против отцовской власти. Халид, которому приснилось, будто Пророк спасает его от огня, скрывал свой ислам, но отец узнал об этом и приказал ему отказаться от него.

Халид сказал: «Я скорее умру, чем оставлю религию Мухаммада»,[5] -после чего его жестоко избили и заточили в комнате без пищи и питья. Но через три дня он бежал, и отец отрёкся от него, не предпринимая более никаких мер.

‘Утба, как и подобало его характеру, был менее жесток и более терпелив с Абу Хузайфой, который, со своей стороны, был привязан к отцу и надеялся, что тот поймёт заблуждение идолопоклонства.

Что же касается омейядской ветви ‘Абд Шамс, то, помимо ислама ‘Усмана и его брака с Рукыйей, были и другие тяжёлые потери. Многие из их союзников из Бану Асад ибн Хузайма также исповедали веру в новую религию -числом четырнадцать, включая семью Джахш, которая, как двоюродные родственники Пророка, несомненно, была среди вождей.

Вместе с этими ценными союзниками Абу Суфьян, омейядский вождь, потерял и собственную дочь, Умм Хабибу, которую выдал замуж за ‘Убайдаллаха ибн Джахша, младшего брата ‘Абдаллаха.

В роду ‘Ади, в одном из его главных семейств, сила уз истины, разрывающих меньшие узы, была уже предуказана в предыдущем поколении. Нуфайль имел двух сыновей, Хаттаба и ‘Амра, от двух разных жён; и после смерти Нуфайля мать Хаттаба вышла замуж за своего

---

[4] Мухаммад Ибн Са’д *Китаб ат-Табагат аль*-Кабир, VIII, 203

[5] Мухаммад Ибн Са’д *Китаб ат-Табагат аль*-Кабир, IV I, 68

пасынка ‘Амра и родила ему сына, которого назвали Зайдом. Таким образом, Хаттаб и Зайд были единокровными братьями по матери.

Зайд был одним из немногих людей, которые, подобно Вараке, видели идолопоклоннические обряды Курайша такими, какими они были в действительности. Он не только сам отказывался принимать в них участие, но даже отказывался есть то, что было принесено в жертву идолам.

Он провозглашал, что поклоняется Богу Авраама, и не колеблясь публично упрекал свой народ. Хаттаб же, напротив, был твёрдым приверженцем укоренившихся обычаев Курайша и был возмущён непочтительностью Зайда к богам и богиням, которым они поклонялись.

Поэтому он преследовал его до тех пор, пока не вынудил покинуть долину Мекки и поселиться в холмах над нею; более того, он даже собрал группу молодых людей и велел им не подпускать Зайда к Святилищу.

Тогда изгнанник покинул Хиджаз и дошёл до Мосула на севере Ирака, а оттуда направился на юго-запад, в Сирию, всюду расспрашивая монахов и раввинов о религии Авраама, пока наконец не встретил монаха, который сказал ему, что время уже близко, когда в самой той стране, которую он оставил, явится Пророк, проповедующий религию, которую он ищет.

Тогда Зайд обратил свои шаги назад; но по дороге, проходя через земли Лахма у южной границы Сирии, он был атакован и убит. Когда Варака услышал о его смерти, он написал элегию в его честь. И Пророк также похвалил его и сказал, что в День воскресения «он будет воздвигнут как имеющий сам в себе одном достоинство целого народа».[6]

С тех пор минуло уже много лет. Хаттаб также умер, и его сын ‘Умар был в добрых отношениях с сыном Зайда, Са‘идом, который женился на сестре ‘Умара, Фатиме. Разрыв между двумя ветвями семьи был исцелён. Но с приходом ислама Са‘ид был одним из первых, кто к нему присоединился, тогда как ‘Умар, чья мать была сестрой Абу Джахля, сделался одним из его наиболее яростных противников.

Фатима последовала за своим мужем, но они не смели сказать об этом её брату, зная его бурный нрав.

С другой стороны ислам окружал ‘Умара и иным образом: его жена Зайнаб была сестрой ‘Усмана, сына Маз‘уна, из рода Джумах; а этот ‘Усман по природе был аскетом и ещё до ниспослания Откровения имел склонность к монотеизму. Он и его два брата были среди первых, кто откликнулся на него; а у них и у Зайнаб было также трое племянников, вошедших в ислам.

О самой Зайнаб, жене ‘Умара, на этой стадии ничего не сообщается -несомненно, потому, что, каковы бы ни были её симпатии, у неё имелись серьёзные причины хранить их в тайне. Её брат ‘Усман был ещё более непреклонен, чем ‘Умар, хотя и менее жесток.

Зайнаб и её братья были младшими двоюродными родственниками вождя своего рода - Умаййи ибн Халафа, одного из самых непримиримых врагов ислама, как и всё его ближайшее семейство. Именно его брат Убайй однажды взял истлевшую кость, пришёл к Пророку и сказал:

«Неужели ты утверждаешь, Мухаммад, что Бог может вернуть это к жизни?»

---

[6] [6] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 145

И затем, с презрительной улыбкой, он раскрошил кость у себя в руке и сдул её прах в лицо Посланнику. Тот сказал:

«Да, именно это я и утверждаю: Он воскресит её -и тебя также, когда ты станешь таким, как она ныне; а затем введёт тебя в огонь».[7]

Именно к Убайю относится следующее откровение:

И приводит он нам притчи и забыл про свое творение. Он говорит: "Кто оживит части, которые истлели?

Скажи: "Оживит их тот, кто создал их в первый раз, и Он сведущ во всяком творении,".[8]

[7] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 239

[8] Коран 36, 78-79

25. **ЧАС**

Одним из самых частых доводов неверующих было то, что если бы Бог действительно имел для них послание, Он послал бы к ним ангела. На это Коран отвечал:

-«**Если бы были на земле ангелы, которые ходят спокойно, тогда бы Мы низвели к ним с неба ангела посланником**.»[1]

Нисхождение Джибриля время от времени не делало его Посланником в кораническом смысле этого слова. Для этого необходимо было пребывать на земле среди тех людей, которым должно было быть раскрыто послание.

Откровение также говорило:

-«**И сказали те, которые надеются Нас встретить: "Если бы к нам были ниспосланы ангелы или увидели мы нашего Господа**!" **Они возгордились в своих думах и преступили великим преступлением. В тот день, когда они увидят ангелов, - нет радостной вести в тот день для грешников, и скажут они: "Преграда нерушимая**!"!»[2]

То есть они будут взывать, но напрасно, чтобы преграда между небом и землёй была вновь поставлена. Тогда наступит конец, когда прямое соприкосновение с Небом уничтожит земные условия времени и пространства, и сама земля распадётся.

«**В тот день, как люди будут, как разогнанные мотыльки, и будут горы, как расщипанная шерсть**.»[3]

И это будет день, «**который детей сделает седыми**.»[4]

Этот конец постоянно возвещается в Коране. Это -**Час**, который близок: **тяжек он на небесах и земле**.[5] Его мгновение ещё не наступило; и когда Писание говорит о нём как о близком, следует помнить, что «**день у твоего Господа, как тысяча лет из тех, что вы считаете**».[6]

И всё же время послания уже является предвосхищением Часа.

Такова сама природа вещей -не земных вещей самих по себе, но вещей в более широком контексте. Ибо если происходит Божественное вмешательство, чтобы утвердить новую религию, неизбежно происходит прохождение через преграду между Небом и землёй: не такое великое раскрытие, которое преобразило бы земные условия, но достаточное, чтобы время миссии Пророка стало совершенно исключительным -подобно временам Иисуса, Моисея, Авраама и Ноя.

---

[1] Коран 17, 95
[2] Коран 25, 21-22
[3] Коран 101, 4-5
[4] Коран 73, 7
[5] Коран 7, 187
[6] Коран 22, 47

Коран говорит о Ночи Могущества -**Лайлат аль-Кадр**, о той ночи, когда Джибриль явился Мухаммаду в пещере на горе Хира [первое откровение пришло в пещере Хира на горе Джабаль-Нур - прим.перев.]:

-**Ночь Могущества лучше тысячи месяцев. Нисходят ангелы и Дух в нее**.[7]

И нечто от этой несравненности неизбежно разлилось на весь период общения между Пророком и Архангелом.

Предвосхищать Час -значит предвосхищать Суд. И Коран недавно провозгласил себя аль-Фурканом [8]-Различением, Критерием.1

То же должно относиться и к каждому откровенному Писанию, ибо Откровение есть присутствие Вечного в преходящем, и это иное-мирное присутствие вызывает нечто подобное окончательному суду. Это означало, что во многих случаях -совершенно независимо от того, что сам Пророк мог предсказывать -конечные судьбы Рая или Ада становились ясно различимыми.

Сокрытые глубины добра и зла поднимались на поверхность. Присутствие Посланника неизбежно производило и параллельное действие: притягательная сила его руководства измеряла всю извращённость тех, кто сопротивлялся ему, тогда как тех, кто принимал его, она вовлекала в саму орбиту его совершенства.

Совершенно естественно было ожидать, что Откровение побуждало добрых людей превосходить самих себя. Но многих верующих не только огорчало, но и ставило в недоумение то, что некоторые из тех, кого они всегда считали не такими уж плохими, внезапно становились несомненно злыми.

Коран говорит им, что этого следует ожидать, ибо его аяты лишь усиливают сопротивление его самых закоренелых противников:

«**Мы изложили в этом Коране, чтобы они припомнили, но увеличивает это только отвращение у вас**.»[9]

«**Мы устрашаем их, но это увеличивает в них только великую непокорность**..»[10]

Ранее никто не знал истинной природы Абу Лахаба. И, чтобы привести другой пример, Абд-аль-Рахман ибн Ауф прежде даже был в некоторой степени другом главы клана Джума -Умаййи ибн Халаф.

Коран приводит возвышенный параллельный пример, рассказывая, как Ной жаловался Богу, что его призыв лишь расширяет пропасть между ним и большинством его народа и ещё больше уводит их в заблуждение.[11]

---

[7] Коран 97, 3-4
[8] Название суры 25
[9] Коран 17, 41
[10] Коран 17, 60
[11] Коран 71, 6

24. **ТРИ ВОПРОСА**

На каждом собрании курайшитов непременно заходила речь о том, что казалось им величайшей их заботой; и в конце концов они решили послать в Ясриб, чтобы посоветоваться с иудейскими раввинами:
«Спросите их о Мухаммаде, -сказали они своим посланцам. -Опишите им его и передайте его слова; ведь они -люди Писания, и им известно о пророках то, чего мы не знаем».
Раввины ответили:
«Задайте ему три вопроса, и мы наставим вас в них. Если он ответит на них -значит, он пророк, посланный Богом; если же не ответит -он выдумщик лжи. Спросите его о юношах, которые в древности покинули свой народ, -какова была их судьба, ибо в их истории есть чудо. И спросите его о страннике, достигшем пределов земли на востоке и на западе. И спросите его о Духе -что это такое. Если он ответит вам на это -последуйте за ним, ибо он пророк».
Когда посланцы вернулись в Мекку с этим ответом, вожди курайшитов послали за Пророком и задали ему три вопроса. Он сказал:
«Завтра я отвечу вам»,
-но не сказал: «если будет на то воля Бога».
Когда же они пришли за ответом, он был вынужден отложить его, и так продолжалось день за днём, пока не прошло пятнадцать ночей, и всё это время к нему не ниспосылалось никакого откровения, и Джибриль не приходил к нему с тех пор, как ему задали эти вопросы.
Люди Мекки стали насмехаться над ним; он же был опечален их словами и глубоко скорбел оттого, что не получил той помощи, на которую надеялся.
Тогда Джибриль принёс ему откровение, в котором его упрекали за его печаль из-за слов его народа и давали ответы на три вопроса. Долгое ожидание было объяснено словами:
«**Не говори ни о чём: "Я сделаю это завтра**", -если только не добавишь: "если будет на то воля Бога"»[1].
Но эта задержка откровения, хотя и была тяжела для Пророка и его последователей, на самом деле укрепила их. Его злейшие враги отказались делать выводы, но для многих курайшитов, колебавшихся между сомнением и верой, это стало мощным подтверждением того, что откровение приходит к нему с небес и что он не имеет над ним ни власти, ни участия. Разве можно было представить, что, если бы Мухаммад сам выдумывал прежние откровения, он стал бы так долго откладывать новое, особенно когда на кону было столь многое?
Верующие, как всегда, находили силу и в самом откровении.
Когда курайшиты спросили о юношах, покинувших свой народ в древности -истории, которую в Мекке никто никогда не слышал, -они не знали, что она отразит нынешнее положение дел, к их же позору и к чести верующих. Эту историю часто называют историей спящих из Эфеса: в середине III века нашей эры некие юноши сохранили верность поклонению Единому Богу, когда их народ впал в идолопоклонство и преследовал их за

[1] Коран 18, 23-24

отказ последовать за ним. Спасаясь от гонений, они укрылись в пещере, где были чудесным образом погружены в сон более чем на триста лет.
Ко всему тому, что уже было известно иудеям, кораническое повествование[2] добавляло детали, которых не видел ни один человеческий глаз: как выглядели спящие в своей пещере на протяжении веков и как их верный пёс лежал у входа, вытянув передние лапы через порог.
Что же касается второго вопроса, великий странник был назван Зу-ль-Карнайн -«обладатель двух рогов». Откровение упоминает его путешествия на крайний запад и крайний восток, а затем, сверх заданного вопроса, рассказывает о третьем, таинственном пути к месту между двумя горами, где люди умоляли его воздвигнуть преграду, чтобы защитить их от Яджуджа и Маджуджа и других джиннов, опустошавших их землю. И Бог дал ему силу заключить эти злые существа в пределы, из которых они не выйдут до назначенного дня[3], когда, по словам Пророка, они принесут великое разрушение на земле. Их выход станет одним из признаков близости Последнего Часа.

На третий вопрос откровение подтвердило превосходство Духа над человеческим разумом, который не способен его постичь:

«**Они спрашивают тебя о духе. Скажи: "Дух от повеления Господа моего. Даровано вам знания только немного**»[4]

Иудеи с большим нетерпением ожидали услышать ответы Мухаммада; и, услышав слова о знании, они спросили его, относится ли это к его народу или к ним. Он ответил:

«К вам обоим».

Они возразили, утверждая, что им дано знание всего, ибо они читали Тору, в которой изложено всё, как и сам Коран свидетельствует.[5] Тогда Пророк сказал:

«Всё это -лишь немного по сравнению со знанием Бога; однако и этого вам достаточно, если бы вы только следовали ему».[6]

Тогда было ниспослано откровение о Словах Бога, выражающих лишь часть Его знания:

«**Если бы все то, что на земле из деревьев, - перья, а морю, кроме него, помогли бы еще семь морей, не иссякли бы словеса Аллаха**. »[7]

---

[2] Коран 18, 9- 25
[3] Коран 18, 93-99
[4] Коран 17, 85
[5] Коран 6, 154
[6] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада, 198
[7] Коран 31, 27

Вожди курайшитов не обязались следовать совету раввинов, и сами раввины также не признали Пророка, несмотря на то что он ответил на их вопросы лучше, чем они могли ожидать. Однако эти ответы привели к обращению других; и чем больше становилось его последователей, тем сильнее его противники ощущали, что их община и образ жизни находятся под угрозой, и тем решительнее они организовывали преследования тех новообращённых, с которыми могли безнаказанно обращаться жестоко.

Каждый род расправлялся со своими мусульманами: их заключали, мучили побоями, голодом и жаждой; их растягивали на раскалённой земле Мекки в часы наибольшего зноя, чтобы заставить их отказаться от своей веры.

Глава рода Джумах, Умаййя, имел африканского раба по имени Биляль, который был твёрдым верующим. Умаййя выводил его в полдень на открытое место и приказывал придавить его к земле большим камнем, положенным ему на грудь, клянясь, что тот останется так, пока не умрёт или не отречётся от Мухаммада и не станет поклоняться ал-Лат и аль-Уззе. Пока он терпел это, Биляль повторял: «Один, Один». И случилось, что престарелый Варака проходил мимо, когда он страдал, повторяя: «Один, Один».
«Воистину Один, Один, о Биляль», -сказал Варака. Затем, обратившись к Умайе, он сказал: «Клянусь Богом, если вы убьёте его таким образом, я сделаю его могилу местом поклонения».

Не каждый человек из курайшитов жил среди своего рода, и Абу Бакр приобрёл дом среди жилищ бану Джумах. Это означало, что у них было больше возможностей видеть Пророка, чем у других родов, ибо он навещал Абу Бакра каждый день после полудня; и говорится, что часть послания пророка всегда написана на его лице. Лицо Абу Бакра также было своего рода книгой; и его присутствие в этой части Мекки, прежде считавшееся выгодой для всего рода, теперь стало причиной беспокойства для его вождей.

Именно через него Биляль принял ислам; и когда он увидел, как его мучают, он сказал Умайе:
«Разве ты не боишься Бога, поступая так с этим бедным человеком?»
«Это ты развратил его», -ответил Умаййя, -«так избавь его от того, что ты видишь».
«Я сделаю это», -сказал Абу Бакр. -«У меня есть чёрный юноша, более крепкий и выносливый, чем он, человек твоей религии. Я дам его тебе в обмен на Биляля».

Умаййя согласился, и Абу Бакр взял Биляля и освободил его.

Он уже освободил шестерых других, первым из которых был Амир ибн Фухайра -человек большой духовной силы, один из самых ранних обращённых. Амир был пастухом и после освобождения стал пасти стада Абу Бакра. Другой из освобождённых был рабыней, принадлежавшей Умару. Она приняла ислам, и Умар бил её, чтобы заставить отказаться от него, когда Абу Бакр случайно проходил мимо и спросил, не продаст ли он её ему. Умар согласился, и Абу Бакр купил её и освободил.

Среди самых неумолимых преследователей был Абу Джахль. Если обращённый имел сильный род, который мог его защитить, Абу Джахль лишь оскорблял его и угрожал разрушить его репутацию. Если он был купцом, он угрожал разорить его, устроив общий бойкот его товаров. Если же он был слаб и беззащитен и принадлежал к его роду, он подвергал его пыткам; и у него были влиятельные союзники в других родах, которых он убеждал поступать так же.

Именно по его наущению его соплеменники мучили троих из своих бедных союзников -Ясира, Сумайю и их сына Аммара. Они отказались отречься от ислама, и Сумайя умерла от тех страданий, которым её подвергали.

Но некоторые жертвы из рода Махзум и других родов не могли вынести мучений, и их преследователи доводили их до такого состояния, что они соглашались на всё. Им говорили:
«Разве ал-Лат и аль-Узза не ваши боги наряду с Аллахом?»
Они отвечали: «Да».
И если мимо полз жук и их спрашивали:
«Разве этот жук не ваш бог наряду с Аллахом?»
они отвечали «Да», лишь бы избавиться от боли, которую не могли вынести.

Эти отречения были только на устах, но не в сердце. Однако те, кто их произнёс, уже не могли исповедовать ислам иначе как в глубокой тайне, а у некоторых не было даже такой возможности.

Но у них был пример в недавно ниспосланной истории юношей, которые покинули свой народ и нашли убежище у Бога, вместо того чтобы поклоняться другим богам.

И когда Пророк увидел, что хотя он сам избегает преследований, многие из его последователей страдают, он сказал им:

«Если бы вы отправились в землю абиссинцев, вы нашли бы там царя, при котором никто не терпит несправедливости. Это страна искренности в религии -до тех пор, пока Бог не даст вам облегчение от того, что вы сейчас терпите»[8].

И некоторые из его сподвижников отправились в Абиссинию; и это было первое переселение в исламе.».

[8] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада,* 208

27.**АБИССИНИЯ**

Переселенцы были хорошо приняты в Абиссинии, и им была предоставлена полная свобода поклонения. Всего их было около восьмидесяти человек, не считая маленьких детей, которых они взяли с собой; но отправились они не все сразу. Их бегство было тайно задумано и незаметно осуществлено малыми группами. Их семьи могли бы и, несомненно, постарались бы их остановить, если бы знали об этом; но уход оказался столь неожиданным, что они поняли, что произошло, лишь тогда, когда верующие уже достигли места назначения.

Однако вожди курайшитов от этого не менее твёрдо решили не дать им жить в мире и покое, устроив там, вне их власти, опасную общину, которая могла бы увеличиться вдесятеро, если бы к ней присоединились другие обращённые. Поэтому они поспешно составили план и приготовили множество подарков именно такого рода, какие, как было известно, особенно ценили абиссинцы. Более всего они дорожили изделиями из кожи, и потому было собрано большое количество прекрасных шкур -достаточно, чтобы подкупить каждого из военачальников Негуса щедрым даром. Были приготовлены и богатые подарки для самого Негуса.

Затем они тщательно выбрали двух людей, одним из которых был Амр ибн аль-Ас из рода Сахм. Курайшиты подробно объяснили им, что надлежит делать: они должны были подойти к каждому из военачальников отдельно, вручить ему его подарок и сказать:

«Некоторые безрассудные юноши и женщины из нашего народа нашли убежище в этом царстве. Они оставили собственную религию -не ради вашей, а ради другой, которую сами выдумали, религии, неведомой ни нам, ни вам. Знатнейшие из их народа послали нас к вашему царю по их делу, чтобы он отправил их домой. Потому, когда мы будем говорить с ним о них, посоветуйте ему отдать их в наши руки и не позволять им говорить; ибо их собственный народ лучше всех знает, каково с ними дело».

Все военачальники согласились, и двое посланцев курайшитов явились с подарками к Негусу, прося выдать переселенцев им в руки и объясняя причину так же, как уже объяснили её военачальникам; а под конец прибавили:

«Знатнейшие из их народа -их отцы, дяди и родственники -просят тебя вернуть их им».

Военачальники присутствовали на приёме, и теперь все в один голос стали убеждать Негуса исполнить эту просьбу и выдать беглецов, ибо родичи, мол, лучше всего знают дела своих родичей.

Но Негус остался недоволен и сказал:

«Нет, клянусь Богом, их не предадут -народ, который искал моего покровительства, сделал мою страну своим убежищем и избрал меня выше всех прочих! Я не выдам их, пока не призову

их к себе и не расспрошу о том, что говорят о них эти люди. Если всё так, как они сказали, тогда я отдам их им, чтобы они вернули их своему народу. Но если нет, тогда я буду их добрым защитником, пока они ищут моей защиты».

Затем он послал за сподвижниками Пророка, а в то же время собрал и своих епископов, которые принесли с собой священные книги и разложили их раскрытыми вокруг трона. Амр и его товарищ-посол надеялись воспрепятствовать этой встрече между Негусом и беглецами; и действительно, в их интересах было помешать ей -и даже более, чем они сами понимали. Ибо им не было известно, что, хотя абиссинцы и терпели их по торговым и политическим причинам, они смотрели на них сверху вниз как на язычников и сознавали между собой и ими преграду. Они сами были христианами, многие из них -людьми благочестивыми; они были крещены, поклонялись Единому Богу и носили в своей плоти таинство Евхаристии. Потому они были чутки к различию между священным и мирским и остро ощущали мирскую, нечестивую природу таких людей, как Амр. И тем более они были восприимчивы -никто больше самого Негуса -к впечатлению святой серьёзности и глубины, которое произвела на них община верующих, теперь введённая в тронный зал; и среди епископов и других присутствующих пробежал шёпот изумления, когда они увидели, что перед ними мужчины и женщины, куда более сродные им самим, нежели те из курайшитов, с которыми им прежде доводилось встречаться. К тому же большинство из них были молоды, и у многих благочестие их облика ещё более подчёркивалось великой природной красотой.

Не для всех из них переселение было необходимостью. Семья Усмана уже перестала пытаться заставить его отречься, но Пророк, тем не менее, позволил ему отправиться и взять с собой Рукыйю. Их присутствие было источником силы для общины изгнанников. Ещё одной парой, радующей взор, были Джафар и его жена Асма. Их хорошо защищал Абу Талиб; но переселенцам нужен был человек, который мог бы говорить за них, а Джафар был красноречив. Кроме того, он отличался необыкновенной привлекательностью, и однажды Пророк сказал ему:

«Ты похож на меня и обликом, и нравом».[1]

Именно Джафара он избрал главой общины изгнанников; и его притягательность и разум в полной мере поддерживались Мусабом из рода Абд ад-Дар -юношей, которому позднее Пророк доверит дело огромной важности, полагаясь на его природные дарования.

Столь же замечателен был и молодой человек из рода Махзум, известный под именем Шаммас, чья мать была сестрой Утбы. Имя его, означающее «диакон», было дано ему потому, что однажды Мекку посетил христианский сановник этого звания, человек столь необыкновенно прекрасный собой, что вызвал всеобщее восхищение; тогда Утба сказал:

«Я покажу вам ш*аммаса* прекраснее него»,

[1] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, I/I, 84

-и привёл им сына своей сестры.

Там был и Зубайр, сын Сафийи; были и другие двоюродные братья Пророка: Тулайб, сын Арвы; двое сыновей Умаймы -Абдаллах ибн Джахш и Убайдуллах вместе с женой Убайдуллаха, Омейядкой Умм Хабибой; и двое сыновей Барры -Абу Салама и Абу Сабра, оба со своими жёнами. Именно от прекрасной Умм Саламы дошло до нас большинство рассказов об этом первом переселении.

Когда все они собрались, Негус обратился к ним и сказал:

«Что это за религия, из-за которой вы отделились от своего народа, не вступив ни в мою религию, ни в религию какого-либо другого народа, который нас окружает?»

И Джафар ответил ему:

«О царь, мы были народом, погружённым в невежество: поклонялись идолам, ели падаль, совершали мерзости, и сильный пожирал слабого. Так жили мы, пока Бог не послал к нам Посланника из нашей среды, человека, происхождение которого нам было известно, и чью правдивость, надёжность и чистоту мы знали. Он призвал нас к Богу, чтобы мы свидетельствовали Его Единство, поклонялись Ему и оставили то, чему поклонялись мы и наши отцы -камни и идолов; он повелел нам говорить правду, исполнять обещания, чтить родственные узы и права соседей, воздерживаться от преступлений и кровопролития. И потому мы поклоняемся одному лишь Богу, ничего не приобщая к Нему, считая запретным то, что Он запретил, и дозволенным то, что Он дозволил. За это наш народ восстал против нас и стал преследовать нас, чтобы заставить нас оставить нашу религию и вернуться от поклонения Богу к поклонению идолам. Поэтому мы пришли в твою страну, избрав тебя выше всех прочих; и мы были счастливы под твоей защитой, и надеемся, о царь, что здесь, у тебя, мы не потерпим неправды».[2]

Царские толмачи перевели всё, что он сказал. Тогда Негус спросил, есть ли у них с собой что-либо из откровения, которое их Пророк принёс им от Бога. Когда Джафар ответил, что есть, Негус сказал:

«Тогда прочти мне это».

И Джафар прочёл отрывок из суры Марйам, ниспосланной незадолго до их отъезда:

«И помяни в Книге Марйам, когда она удалилась от своего народа в место на востоке и укрылась от них. И Мы послали к ней Наш Дух, и он явился ей в облике совершенного человека. Она сказала: “Поистине, я ищу у Милосердного защиты от тебя, если ты

[2] Коран 19, 16-21[Речь Джафара не является цитатой из Корана, полагаю что ссылка на Коран ошибочна - прим.перев.]

богобоязнен". Он сказал: "Я лишь посланник твоего Господа, чтобы даровать тебе сына чистого". Она сказала: "Как может быть у меня сын, если меня не касался ни один мужчина и я не была распутной?" Он сказал: "Так будет; твой Господь говорит: это для Меня легко. И Мы сделаем его знамением для людей и милостью от Нас; и это -дело уже решённое"».

Негус заплакал, и епископы его тоже заплакали, услышав это чтение; а когда им перевели эти слова, они заплакали вновь. И Негус сказал:

«Воистину, это исходит из того же источника, что и то, что принёс Иса».

Затем он обратился к двум посланцам курайшитов и сказал:

«Можете идти, ибо, клянусь Богом, я не выдам их вам; их не предадут».

Но когда они вышли от царя, Амр сказал своему спутнику:

«Завтра я скажу ему такое, что вырвет с корнем это их зелёное благополучие. Я скажу ему, что они утверждают, будто Иса, сын Марйам, -раб».

И на следующее утро он пришёл к Негусу и сказал:

«О царь, они произносят великую ложь об Исе, сыне Марйам. Пошли за ними и спроси их, что они говорят о нём».

И Негус послал за ними снова, чтобы они явились и сказали, что они говорят об Исе. Тогда они встревожились, ибо до сих пор с ними ещё ничего подобного не случалось. Они советовались между собой, что им отвечать, когда этот вопрос будет задан; хотя все знали, что выбора у них нет -они должны сказать то, что сказал Бог.

И когда они предстали перед царём и им было сказано:

«Что вы говорите об Исе, сыне Марйам?» -

Джафар ответил:

«Мы говорим о нём то, что принёс нам наш Пророк: что он -раб Бога, Его Посланник, Его Дух и Его Слово, которое Он вложил в Марйам, благословенную деву».

Тогда Негус поднял маленькую палочку и сказал:

«Иса, сын Марйам, не превосходит сказанного тобой даже на длину этой палочки».

А когда военачальники вокруг него недовольно фыркнули, он добавил:

«Как бы вы ни фыркали».

Потом он обратился к Джафару и его товарищам и сказал:

«Ступайте, ибо вы в безопасности на моей земле. И за горы золота я не причиню вреда ни одному из вас».

И, движением руки указав на посланцев курайшитов, он сказал своему слуге:

«Верни этим двоим их подарки, ибо они мне не нужны».

Так Амр и его спутник с позором вернулись в Мекку.

Тем временем слух о том, что Негус сказал об Исе, распространился среди народа; и они встревожились, выступили против него, требуя объяснений и обвиняя его в том, что он оставил их религию. Тогда он послал за Джафаром и его товарищами, велел приготовить для них лодки и сказал им сесть в них и быть готовыми отплыть, если это понадобится.

После этого он взял пергамент и написал на нём:

«Он свидетельствует, что нет бога, кроме Бога, и что Мухаммад -Его раб и Посланник, и что Иса, сын Марйам, -Его раб, Его Посланник, Его Дух и Его Слово, которое Он вложил в Марйам».

Затем он спрятал этот пергамент под одеждой и вышел к своему народу, собравшемуся его встретить. И сказал им:

«О абиссинцы, разве не имею я лучшего права быть вашим царём?»

Они ответили, что имеет.
«И что вы думаете о моей жизни среди вас?» -спросил он.
«Она была лучшей из всех», -ответили они.
«Тогда что же вас тревожит?» -сказал он.
«Ты оставил нашу религию, -сказали они, -и утверждаешь, что Иса -раб».

«А что вы говорите об Исе?» -спросил он.
«Мы говорим, что он -сын Бога», -ответили они.

Тогда Негус положил руку на грудь, указывая на то место, где был спрятан пергамент, и засвидетельствовал свою веру в «это», что они приняли за согласие с их словами.[3] Так они успокоились и разошлись, ибо были довольны его правлением и хотели лишь убедиться. А

[3] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 224

Негус послал сказать Джафару и его товарищам, что они могут сойти с лодок и вернуться в свои жилища; и они снова стали жить так же, как прежде, в удобстве и безопасности.

28. **‘УМАР**

Когда двое посланцев вернулись в Мекку с вестью о том, что их просьба была отвергнута и что мусульмане нашли благоволение у Негуса, курайшиты пришли в негодование и смятение. Они немедленно усилили притеснения и преследования верующих, главным образом под руководством Абу Джахля, чьим племянником был Умар -один из самых жестоких и необузданных исполнителей его указаний.

Умару в то время было около двадцати шести лет -горячий, неукротимый юноша, которого трудно было остановить, человек большой решимости. Но, в отличие от своего дяди, он был благочестив, и именно в этом заключалась главная причина его вражды к новой религии. Хаттаб воспитал его в почитании Каабы и в уважении ко всему, что было с ней связано -к богам и богиням. Всё это было для него сплетено в нераздельное священное единство, которое нельзя было ни подвергать сомнению, ни тем более нарушать.

Курайшиты тоже прежде были едины; но теперь Мекка стала городом двух религий и двух общин. Он ясно видел, что у этого раскола есть лишь одна причина. Устранить человека, который был этой причиной -и всё скоро вернётся к прежнему состоянию. Иного средства не было, но это было бы верным средством.

Он продолжал размышлять в этом духе, пока не настал день -вскоре после возвращения неудавшихся посланцев из Абиссинии -когда внезапная вспышка гнева подтолкнула его к действию. Взяв меч, он вышел из своего дома. Едва он вышел, как столкнулся лицом к лицу с Нуаймом ибн Абдаллахом, одним из своих соплеменников. Нуайм уже принял ислам, но скрывал это из страха перед Умаром и другими.

Увидев суровое выражение лица Умара, он спросил, куда тот направляется. «Я иду к Мухаммаду, этому отступнику, который расколол курайшитов надвое, -сказал Умар, -и я убью его».

Нуайм попытался остановить его, указав, что сам он наверняка будет убит. Но увидев, что Умар не слушает, он решил задержать его иным способом, чтобы успеть предупредить других. Это означало раскрыть тайну мусульман, которые, как и он сам, скрывали свою веру; но он знал, что они простят его и даже одобрят в таких обстоятельствах.

«О Умар, -сказал он, -не лучше ли тебе сначала вернуться к людям своего дома и навести там порядок?»

«Какие люди моего дома?» -спросил Умар.

«Твой зять Саид и твоя сестра Фатима, -ответил Нуайм. -Они оба последовали за Мухаммадом. Пусть это падёт на твою голову, если ты оставишь их».

Не сказав ни слова, Умар повернулся и направился прямо к дому своей сестры.

В это время у них находился бедный союзник рода Зухра по имени Хаббаб, который часто приходил читать Коран Саиду и Фатиме; он был с ними и теперь, и у него были записанные страницы суры «Та-Ха»[1], только что ниспосланной, и они читали её вместе.

Когда они услышали, как Умар сердито зовёт сестру, приближаясь к дому, Хаббаб спрятался в углу, а Фатима взяла свиток и спрятала его под одеждой. Но Умар услышал их чтение и, войдя, сказал:

---

[1] Коран 20

«Что это за бормотание я слышал?»
Они пытались убедить его, что он ничего не слышал.
«Я слышал, -сказал он, -и мне сказали, что вы оба стали последователями Мухаммада».
Тогда он набросился на Саида и схватил его; и когда Фатима бросилась защищать мужа, Умар ударил её так, что пошла кровь.
«Да, это правда, -сказали они, -мы мусульмане, и веруем в Бога и Его Посланника. Делай, что хочешь».
Кровь текла из раны Фатимы, и когда Умар увидел это, он пожалел о своём поступке. В нём произошла перемена, и он сказал:
«Дай мне тот свиток, который я слышал, как вы читали, чтобы я увидел, что принёс Мухаммад».
Как и они, Умар умел читать; но когда он попросил свиток, она сказала:
«Мы боимся доверить его тебе».
«Не бойся», -сказал он, -и, сняв перевязь с мечом и отложив меч, поклялся своими богами, что вернёт его после чтения.
Она увидела, что он смягчился, и в её сердце возникла надежда, что он примет ислам.
«О брат мой, -сказала она, -ты нечист в своём идолопоклонстве, а касаться его могут лишь чистые».
Тогда Умар пошёл и омылся, и она дала ему страницу с началом суры «Та-Ха». Он начал читать, и, прочитав часть, сказал:
«Как прекрасны и как возвышенны эти слова!»
Когда Хаббаб услышал это, он вышел из своего укрытия и сказал:
«О Умар, я надеюсь, что Бог избрал тебя по молитве Своего Пророка, которого вчера я слышал, как он молился: “О Боже, укрепи ислам либо Абу аль-Хакамом, сыном Хишама, либо Умаром, сыном Хаттаба!”»
«О Хаббаб, -сказал Умар, -где сейчас Мухаммад, чтобы я мог пойти к нему и принять ислам?»
Хаббаб сказал ему, что он находится в доме Аркама возле ворот Сафа вместе с многими своими сподвижниками.
Умар снова опоясался мечом, направился к Сафа, постучал в дверь и назвал своё имя. Они уже были предупреждены Нуаймом, и потому его приход не был неожиданностью, но их поразила спокойная интонация его голоса.
Один из сподвижников подошёл к двери, посмотрел через щель и вернулся встревоженный:
«О Посланник Божий, это Умар, и он с мечом».
«Пусть войдёт», -сказал Хамза. -«Если он пришёл с добрым намерением, мы одарим его добром; если же с дурным -убьём его его же мечом».
Пророк согласился впустить его и, выйдя навстречу, схватил его за пояс и потянул в середину комнаты, говоря:
«Что привело тебя сюда, о сын Хаттаба? Я не вижу, чтобы ты остановился, пока Бог не ниспошлёт на тебя бедствие».
«О Посланник Божий, -сказал Умар, -я пришёл к тебе, чтобы засвидетельствовать свою веру в Бога, в Его Посланника и в то, что он принёс от Бога».

«Аллаху акбар!» -воскликнул Пророк так, что каждый мужчина и женщина в доме поняли: Умар принял ислам; и все они возрадовались.[2]

О том, чтобы Умар скрывал свою веру, не могло быть и речи. Он хотел рассказать об этом всем, особенно тем, кто был наиболее враждебен Пророку. Позднее он говорил:

«Когда я в ту ночь принял ислам, я подумал: кто из жителей Мекки сильнее всех враждебен Посланнику Божию, чтобы я пошёл к нему и сказал, что стал мусульманином? Я ответил себе: Абу Джахль. И на следующее утро я пошёл и постучал к нему в дверь. Он вышел и сказал: “Добро пожаловать, сын моей сестры! Что привело тебя?” Я ответил: “Я пришёл сказать тебе, что верую в Бога и в Его Посланника Мухаммада и свидетельствую истинность того, что он принёс”. Тогда он сказал: “Да проклянёт тебя Бог и да будет проклята весть, которую ты принёс!” -и захлопнул дверь перед моим лицом»[3].

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 227

[3] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 230

29. **ЗАПРЕТ И ЕГО ОТМЕНА**

Умар не мог терпеть того, что курайшиты открыто поклоняются своим богам у Каабы, тогда как верующие поклоняются Богу тайно. Поэтому он сам стал молиться перед Каабой и побуждал других мусульман молиться вместе с ним. Иногда он и Хамза приходили к святилищу с большой группой верующих, и в такие моменты вожди курайшитов предпочитали держаться в стороне. Для них было бы унизительно стоять и позволять этому происходить; но если бы они попытались вмешаться, они знали, что Умар не остановится ни перед чем.

Тем не менее они были полны решимости не позволить этому юноше думать, будто он одержал над ними победу. Под давлением Абу Джахля они решили, что наилучшим выходом будет наложить запрет на весь род Хашим, который -за исключением Абу Лахаба -был твёрдо намерен защищать своего родственника, независимо от того, признавали ли они его Пророком или нет.

Был составлен документ, согласно которому никто не должен был жениться на женщине из рода Хашим или выдавать свою дочь за мужчину из этого рода; никто не должен был ни продавать им что-либо, ни покупать у них. Это должно было продолжаться до тех пор, пока сами хашимиты не объявят Мухаммада вне закона или пока он не откажется от своего пророческого призвания.

Не менее сорока вождей курайшитов поставили свои печати под этим соглашением, хотя не все одинаково его поддерживали, и некоторых пришлось уговаривать. Род Мутталиб отказался оставить своих хашимитских родственников и потому также был включён в запрет. Документ торжественно поместили внутри Каабы.

Ради взаимной безопасности Бану Хашим собрались вокруг Абу Талиба в той части долины Мекки, где он и большинство рода жили. Когда Пророк и Хадиджа с домочадцами пришли туда, Абу Лахаб с женой покинули это место и переселились в другой дом, чтобы показать свою солидарность с курайшитами.

Запрет не всегда строго соблюдался, да и невозможно было перекрыть все пути, поскольку женщина, выйдя замуж в другой род, всё же оставалась членом своей семьи. Абу Джахль постоянно следил за этим, но не всегда мог навязать свою волю.

Однажды он встретил Хакима, племянника Хадиджи, который вёл раба с мешком муки, и они, по-видимому, направлялись к жилищам Бану Хашим. Он обвинил их в том, что они несут пищу врагам, и пригрозил донести на Хакима курайшитам.

Пока они спорили, подошёл Абу аль-Бахтари из рода Асад и спросил, в чём дело. Когда ему объяснили, он сказал Абу Джахлю:
«Это мука его тёти, и она послала за ней. Пусть он идёт своей дорогой».

Ни Хаким, ни Абу аль-Бахтари не были мусульманами, но передача мешка муки внутри рода Асад никого вне этого рода не касалась. Вмешательство махзумита было возмутительным. Когда Абу Джахль продолжал настаивать, Абу аль-Бахтари схватил верблюжью челюсть и с такой силой ударил его по голове, что тот был наполовину оглушён и упал на землю; после чего его ещё и затоптали, к радости Хамзы, который оказался рядом.

Хаким имел право на свои действия, но другие просто нарушали запрет из сострадания к его жертвам. Хишам ибн Амр из рода Амир не был связан кровным родством с хашимитами, но его семья имела с ними тесные брачные связи. По ночам он часто приводил к входу в квартал Абу Талиба верблюда, нагруженного пищей. Затем он снимал с него повод и подгонял, чтобы тот прошёл мимо их домов; в другие ночи он нагружал его одеждой и другими дарами.

Кроме такой помощи от неверующих, сами мусульмане из других родов, особенно Абу Бакр и Умар, находили различные способы обходить запрет. Через два года Абу Бакра уже нельзя было назвать богатым человеком. Но несмотря на всё это, среди двух пострадавших родов постоянно ощущалась нехватка пищи, порой доходившая до голода.

В священные месяцы, когда им позволялось покидать своё убежище и свободно передвигаться без опасности нападения, Пророк часто приходил к Святилищу. Вожди курайшитов пользовались этим, чтобы оскорблять его и высмеивать.

Когда он читал откровения, предупреждающие курайшитов о судьбе прежних народов, ан-Надр ибн Абд ад-Дар вставал и говорил: «Клянусь Богом, Мухаммад не лучший оратор, чем я. Его речи -это всего лишь сказания древних. Их записали для него так же, как и для меня».

И он рассказывал им истории о Рустаме, Исфандияре и царях Персии.

В связи с этим было ниспослано одно из аятов, говорящих о сердце как о способности человека воспринимать сверхчувственную истину:

« **Когда читают ему Наши знамения, он говорит: "Сказки первых**!". **Так нет же! Покрыло ржавчиной их сердца то, что они приобретали**»[1]

Сердце, даже закрытое у падшего человека, может уловить отблеск света -это и есть вера. Но дурной образ жизни покрывает его, словно ржавчина, так что оно перестаёт ощущать божественное происхождение откровения.

О противоположном состоянии -высшей способности видения -Пророк говорил, что «глаз его сердца» открыт даже во сне: «Мои глаза спят, но сердце бодрствует»[2].

В это время было ниспослано и другое откровение -одно из немногих, где по имени упоминается современник Пророка: в нём утверждалось, что Абу Лахаб и его жена предназначены для ада.[3]

Когда Умм Джамиль услышала об этом, она пришла в мечеть с каменным пестиком в руке, разыскивая Пророка, который сидел рядом с Абу Бакром. Подойдя к Абу Бакру, она спросила:

«Где твой товарищ?»

---

[1] Коран 83, 13-14

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 375; Бухари 19, 16 и т.д.

[3] Сура 91

Он понял, что она имеет в виду Пророка, который сидел перед ней, но был слишком поражён, чтобы ответить.

«Я слышала, -сказала она, -что он высмеял меня. Клянусь Богом, если бы я его нашла, я разбила бы ему рот этим пестиком».

Затем она произнесла насмешливые стихи:

«Мы ослушались презренного,
Презрели его веления,
И ненавидим его религию».

Когда она ушла, Абу Бакр спросил Пророка, не видела ли она его.
«Она меня не видела, -ответил он. -Бог отвёл от неё моё лицо».

Что касается слова «презренный» (*mudhammam*), противоположного имени Мухаммад («хвалимый»), некоторые курайшиты употребляли его как оскорбление. Пророк говорил:

«Разве не удивительно, как Бог отвращает от меня обиды курайшитов? Они поносят Музаммама, а я -Мухаммад»[4].

Запрет на Бану Хашим и Бану Мутталиб длился более двух лет и не приносил желаемых результатов. Более того, он имел противоположный эффект: ещё больше привлёк внимание к Пророку, и о новой религии стали говорить по всей Аравии.

Многие курайшиты начали сомневаться в справедливости запрета, особенно те, у кого среди пострадавших были родственники.

Первым действовать решился Хишам. Но он понимал, что в одиночку ничего не добьётся, и обратился к Зухайру:

«Ты доволен тем, что ешь и одеваешься, зная, что твои родственники со стороны матери не могут ни покупать, ни продавать, ни вступать в брак?»

Зухайр ответил:
«Что я могу сделать один? Если бы у меня был союзник, я бы не остановился, пока не отменил бы это».

Хишам сказал:
«Я уже есть».

Они нашли третьего, затем четвёртого и пятого -и договорились действовать.

На следующий день в мечети Зухайр обошёл Каабу семь раз, затем обратился к людям:

[4] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 234

«О жители Мекки! Мы будем есть и одеваться, пока Бану Хашим погибают от голода? Клянусь Богом, я не сяду, пока этот несправедливый запрет не будет уничтожен!»

Абу Джахль закричал:
«Ты лжёшь! Он не будет уничтожен!»

Но один за другим другие выступили против него. Тогда Мутиим вошёл в Каабу и вынес документ: черви съели его полностью, кроме слов:

«Во имя Твоё, о Боже»

Это стало решающим знамением. Запрет был отменён.

После этого в Мекке наступило облегчение, и враждебность временно ослабла.

Вскоре курайшиты попытались добиться компромисса:
«Будем исповедовать обе религии».

Ответ пришёл в откровении:

Скажи: "О вы неверный! Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться, и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться. и я не поклоняюсь тому, чему вы поклонялись, и вы не поклоняетесь тому, чему я буду поклоняться! У вас - ваша вера, и у меня - моя вера!"[5]

К тому времени, как возвращавшиеся переселенцы достигли границы священной территории, это кратковременное смягчение уже во многом исчезло.

За исключением Джафара и Убайд Аллаха ибн Джахша, все двоюродные братья Пророка вернулись. С ними прибыли также Усман и Рукайя. Среди вернувшихся был и Абу Хузайфа из рода Шамс, который мог рассчитывать на защиту своего отца Утбы.

Но Абу Салама и Умм Салама не могли ожидать от своего рода ничего, кроме преследований. Поэтому, прежде чем войти в Мекку, Абу Салама послал весть своему дяде по линии матери - Абу Талибу, прося его защиты. Тот согласился, к великому негодованию махзумитов.

«Ты защитил от нас своего племянника Мухаммада, -сказали они, -но почему ты защищаешь ещё и нашего соплеменника?»

«Он -сын моей сестры, -ответил Абу Талиб. -Если бы я не защищал сына моей сестры, я не смог бы защитить и сына моего брата».

[5] Коран 109

У них не было иного выхода, кроме как признать его право как вождя. Более того, на этот раз Абу Лахаб поддержал своего брата, а махзумиты знали, что он -один из их сильнейших союзников против Пророка, и потому не хотели его раздражать.

Со своей стороны, возможно, он сожалел о том, что во время запрета столь явно проявил непримиримую ненависть к своему племяннику. Не то чтобы его ненависть ослабла; но он стремился улучшить отношения с семьёй, поскольку после смерти старшего брата мог рассчитывать занять его место в качестве главы рода. Возможно, он уже замечал признаки того, что Абу Талибу осталось жить недолго.

30. **РАЙ И ВЕЧНОСТЬ**

Другим переселенцем, просящим защиту от воих соплеменников был зять Умара -Усман ибн Маз‘ун из рода Джумах, ибо он хорошо знал, что его двоюродные братья Умайя и Убайй будут преследовать его. На этот раз именно род Махзум взял под защиту человека из другого рода: сам Валид принял Усмана под своё покровительство. Но когда Усман увидел, что его товарищи-мусульмане подвергаются преследованиям, тогда как он остаётся в безопасности, он пришёл к Валиду и отказался от его защиты. «Сын моего брата, -сказал старик, -причинил ли тебе кто-нибудь из моих людей вред?»

«Нет, -ответил Усман, -но я желаю иметь защиту Бога и не хочу никакой иной защиты, кроме защитыЕго».

Тогда он вместе с Валидом отправился в мечеть и публично освободил его от обязательств покровительства.

Через несколько дней случилось так, что поэт Лабид читал стихи курайшитам, и Усман присутствовал среди большой толпы, собравшейся его слушать. У арабов вообще было природное дарование к поэзии; но среди них были и многие особенно одарённые поэты, такие как Абу Талиб, Хубайра и Абу Суфьян, сын Хариса. Но кроме них существовали немногие, которых признавали великими; и Лабид, по общему мнению, был одним из них. Возможно, он был величайшим из живших тогда арабских поэтов, и курайшиты считали для себя честью иметь его среди себя. Один из стихов, который он тогда произнёс, начинался словами:

«Воистину, всё, кроме Бога, -ничто».

«Ты сказал истину», -произнёс Усман. Лабид продолжил:

«И всякое наслаждение исчезнет».

«Ты лжёшь! -воскликнул Усман. -Наслаждение Рая никогда не исчезнет».

Лабид не привык к тому, чтобы его перебивали; а курайшиты были не только изумлены и возмущены, но и крайне смущены, ведь поэт был их гостем.

«О курайшиты, -сказал он, -те, кто сидел с вами как друзья, никогда не подвергались дурному обращению. С каких это пор так стало?»

Один из присутствующих поднялся, чтобы извиниться от имени племени:

«Этот человек -лишь глупец, один из тех глупцов, которые оставили нашу религию. Пусть его слова не тревожат тебя».

Усман ответил с такой горячностью, что говоривший подошёл и ударил его по глазу, так что тот посинел; и Валид, сидевший рядом, сказал ему, что его глаз не пострадал бы, если бы он остался под его защитой.

«Нет, -ответил Усман, -мой здоровый глаз -бедняк, лишённый того, что постигло его собрата на пути Бога. Я нахожусь под защитой Того, Кто сильнее и решительнее тебя».

«Приди же, сын моего брата, -сказал Валид, -возобнови свой договор со мной».

Но Усман отказался.
Пророка не было на этом собрании. Но он услышал о стихах Лабида и о том, что произошло. Его единственное зафиксированное замечание было:
«Самые правдивые слова, какие когда-либо произнёс поэт, -это: “Воистину, всё, кроме Бога, -ничто”»[1].
Он не осудил Лабида за слова, последовавшие затем. Поэта можно было понять так, что он имел в виду: «все земные наслаждения исчезнут»; с другой стороны, все Райские блаженства, будучи вечными, могут мыслиться как включённые в Бога или в Лик Бога.
Примерно в это время было ниспослано откровение:

«**Всякая вещь гибнет, кроме Его Лика**»[2]

А в более раннем откровении сказано:

«**и остается лик твоего Господа со славой и достоинством**»[3]
(55:27)

Там, где пребывает эта вечная щедрость, должны пребывать и её получатели, и их блаженства.

Затем было ниспослано более ясное откровение, содержащее следующий отрывок. Первый аят относится к Судному дню:

«В тот день, когда он наступит, душа будет говорить только с Его разрешения; из них будут и несчастный и счастливый. А те, которые несчастны, - в огне, для них там - вопли и рев, вечно пребывая там, - пока длятся небеса и земля, если только не пожелает твой Господь, - ведь твой Господь - исполнитель того, что Он желает!
А те, которые достигли счастья, - в раю, - вечно пребывая там, пока длятся небеса и земля, если только твой Господь не пожелает, - наградой не отсеченной»[4]

Заключительные слова ясно показывают, что не воля Божья -отнять у человека дар Рая после Суда, как был отнят его первый Рай.

Другие вопросы, связанные с этим отрывком, разъяснил сам Пророк, который часто говорил своим последователям о Воскресении, Суде, Аде и Рае.

---

[1] Бухари 53, 26
[2] Коран 28, 88
[3] Коран 55, 27
[4] Коран 11, 105-108

Однажды он сказал:

«Бог, вводящий кого пожелает в Свою милость, введёт в Рай людей Рая, а в Ад -людей Ада. Затем Он скажет ангелам: “Найдите того, в чьём сердце есть вера хотя бы весом с горчичное зерно, и выведите его из Ада”… И они выведут множество людей и скажут: “Господи, мы не оставили там никого из тех, кого Ты велел нам вывести”. И Он скажет: “Вернитесь и выведите того, в чьём сердце есть добро хотя бы весом с атом”. И они выведут множество людей и скажут: “Господи, мы не оставили там никакого добра”. Тогда будут ходатайствовать ангелы, затем пророки и верующие. И Бог скажет: “Ангелы ходатайствовали, пророки ходатайствовали, верующие ходатайствовали -остаётся только ходатайство Милосерднейшего из милосердных”. И Он выведет из Огня тех, кто не совершал добра, и бросит их в реку у входа в Рай, называемую Рекой Жизни».[5]

О тех же, кто в Раю, Пророк сказал:

«Бог скажет обитателям Рая: “Довольны ли вы?”
Они скажут: “Как нам не быть довольными, о Господь, ведь Ты даровал нам то, чего не даровал никому из Своих творений?”
Он скажет: “Разве Я не дарую вам нечто лучшее?”
Они скажут: “Что может быть лучше этого, о Господь?”
И Он скажет: “Я ниспошлю на вас Моё довольство (Ридван)”»[6].

Высшее блаженство -Ридван (Божественное довольство) -понимается как окончательное и абсолютное принятие души Богом и её пребывание в Его вечном благоволении.

Это высшее состояние Рая не исключает того, что обычно понимается под Раем, поскольку Коран обещает каждому блаженному две обители Рая [7]. И сам Пророк, говоря о своём состоянии в будущей жизни, называл его двойным благом: «встреча с моим Господом и Рай»[8].

[5] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 79; Бухари 97, 24
[6] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 51, 2
[7] Коран 55, 46
[8] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 1000

31. **ГОД ПЕЧАЛИ**

В 619 году н. э., вскоре после отмены запрета, Пророк понёс тяжёлую утрату -умерла его жена Хадиджа. Ей было около шестидесяти пяти лет, а ему -почти пятьдесят. Они прожили вместе в глубокой гармонии двадцать пять лет, и она была для него не только женой, но и близким другом, мудрым советником и матерью для всего его дома, включая Али и Зайда.
Его четыре дочери были охвачены горем, но он смог утешить их, сказав, что Джибриль однажды пришёл к нему и велел передать Хадидже приветствие мира от её Господа и сообщить ей, что для неё приготовлено жилище в Раю.

Едва прошла эта утрата, как за ней последовала другая -менее глубокая сама по себе, но менее утешимая и более тяжёлая по своим внешним последствиям. Абу Талиб заболел, и вскоре стало ясно, что он умирает. На его смертном одре его посетила группа вождей курайшитов -‘Утба, Шайба, Абу Суфьян из рода ‘Абд Шамс, Умайя из рода Джумах, Абу Джахль из Махзума и другие. Они сказали ему: «О Абу Талиб, ты знаешь, какое уважение мы питаем к тебе; и теперь ты видишь, что с тобой происходит, и мы боимся за тебя. Ты знаешь, что происходит между нами и сыном твоего брата. Так позови его к себе и возьми от нас дар для него, и от него -дар для нас: пусть он оставит нас, а мы оставим его. Пусть он оставит нас и нашу религию в покое». Абу Талиб послал за ним, и когда Пророк пришёл, он сказал:
«Сын моего брата, знатные люди твоего народа собрались ради тебя, чтобы дать и получить». «Хорошо», -сказал Пророк. -«Дайте мне одно слово -слово, посредством которого вы будете властвовать над арабами, и персы станут вашими подданными».
«Да, клянусь твоим отцом, -сказал Абу Джахль, -ради этого мы дадим тебе одно слово и ещё десять!» «Вы должны сказать, -сказал Пророк, -нет божества, кроме Бога, и отказаться от того, чему вы поклоняетесь помимо Него». Они захлопали в ладоши и сказали: «Неужели ты, о Мухаммад, хочешь сделать богов одним Богом? Поистине, странно твоё требование!» Затем они сказали друг другу: «Этот человек не даст вам того, чего вы просите; уходите и держитесь религии ваших отцов, пока Бог не рассудит между вами и им».

Когда они ушли, Абу Талиб сказал Пророку: «Сын моего брата, как мне показалось, ты не просил у них ничего чрезмерного». Эти слова пробудили в Пророке желание, чтобы он принял ислам. «О дядя, -сказал он, -произнеси эти слова, чтобы я мог заступиться за тебя в День Воскресения». Он ответил: «Сын моего брата, если бы я не боялся, что курайшиты подумают, будто я сказал эти слова из страха перед смертью, я бы их произнёс. Но если бы я и произнёс их, то лишь ради тебя». Когда же смерть приблизилась, ‘Аббас увидел, как он шевелит губами. Он приблизился, прислушался и сказал: «Мой брат произнёс слова, которые ты просил его сказать». Но Пророк сказал: «Я этого не слышал».

В Мекке становилось всё труднее для тех, кто не имел официальной защиты. До принятия ислама Абу Бакр был человеком значительного влияния; но, в отличие от Умара и Хамзы, он не был опасен сам по себе и потому не внушал страха, кроме как тем, кто ценил его по духовным причинам. Когда же его ислам отделил его от вождей курайшитов, его влияние среди них почти исчезло, хотя внутри новой общины оно, напротив, возросло. Положение Абу Бакра осложнялось ещё и тем, что он считался причиной многих обращений в ислам; и, возможно, отчасти в отместку за принятие ислама Асвадом, сыном Науфала, сам Науфал -сводный брат Хадиджи -однажды организовал нападение на Абу Бакра и Тальху. Их оставили лежать на дороге, связав по рукам и ногам и привязав друг к другу. Никто из рода Тайм не вмешался, чтобы защитить их от людей рода Асад, что, по-видимому, означало, что они отреклись от своих выдающихся соплеменников-мусульман.

Вероятно, были и другие подобные случаи. Отношения Абу Бакра с Умайей, бывшим хозяином Биляля и вождём рода Джумах, среди которых он жил, становились всё хуже. Наступил момент, когда он почувствовал, что у него нет иного выхода, кроме как переселиться. Получив разрешение Пророка, он отправился к тем, кто остался в Абиссинии. Но не успел он дойти до Красного моря, как встретил Ибн ад-Дугунну -вождя бедуинов, союзников курайшитов. Этот человек хорошо знал Абу Бакра во времена его богатства и влияния, но теперь он выглядел как странствующий отшельник. Поражённый переменой, он спросил его: «Мой народ плохо обошёлся со мной, -сказал Абу Бакр, -и изгнал меня. Я же ищу лишь странствовать по земле и поклоняться Богу». «Почему они так поступили?» -спросил он. «Ты украшение своего рода, помощник в беде, человек праведный, всегда исполняющий нужды других. Вернись -ты под моей защитой».
Он привёл его обратно в Мекку и сказал курайшитам: «Я взял под свою защиту сына Абу Кухафы, и пусть никто не причиняет ему вреда». Курайшиты признали эту защиту, но, по настоянию рода Джумах, сказали: «Пусть он поклоняется своему Господу у себя дома, молится и читает там, сколько пожелает; но пусть не делает этого открыто, ибо его облик привлекателен, и у него есть влияние, так что мы боимся, как бы он не увлёк наших сыновей и наших женщин». Ибн ад-Дугунна передал это Абу Бакру, и некоторое время он молился только у себя дома. Тем временем положение Пророка ухудшилось как никогда прежде. После смерти Абу Талиба главой рода Хашим стал Абу Лахаб; но его покровительство было лишь формальным, и Пророк подвергался оскорблениям сильнее, чем когда-либо. Однажды прохожий перегнулся через ворота и бросил в его котёл гниющие внутренности. В другой раз, когда он молился во дворе своего дома, человек бросил на него овечью утробу, покрытую кровью и нечистотами. Прежде чем убрать её, Пророк поднял её палкой и сказал, стоя у ворот: «О сыны ‘Абд Манафа, что это за защита?» Он видел, что это сделал Шамсит ‘Укба [1] -отчим Усмана, муж Рукаййи. В

[1] Он был вторым мужем матери ‘Усмана Арвы, двоюродной сестры Пророка, названной в честь их тети Арвы, матерью Тулейба.

другой раз, когда он возвращался от Каабы, один человек бросил ему в лицо и на голову горсть пыли. Когда он пришёл домой, одна из его дочерей смыла пыль с него, плача. «Не плачь, доченька, -сказал он, -Бог защитит твоего отца».

Тогда он решил искать помощь у племени Сакиф в Таифе. Это решение ясно показывало, насколько тяжёлым стало его положение в Мекке. Но он не терял надежды. Поднимаясь из пустыни к зелёным садам Таифа, он направился к дому трёх братьев -вождей племени. Он призвал их принять ислам и поддержать его. Один ответил: «Если Бог послал тебя, я сорву покрывала с Каабы!» Другой сказал: «Неужели Бог не нашёл никого, кроме тебя?» Третий сказал: «Я не буду говорить с тобой: если ты посланник -ты слишком велик для меня; если ты лжёшь -ты недостоин того, чтобы я с тобой говорил». Они натравили на него своих слуг и людей. Толпа стала оскорблять его и забрасывать камнями, пока он не укрылся в саду. Там, под виноградной лозой, он сел и произнёс молитву: «О Боже, к Тебе я жалуюсь на свою слабость, беспомощность и унижение перед людьми. О Милосерднейший из милосердных, Ты -Господь слабых, и Ты -мой Господь. В чьи руки Ты меня предаёшь? В руки далёкого чужака, который обойдётся со мной сурово? Или врага, которому Ты дал власть надо мною? Мне всё равно, если только Ты не гневаешься на меня. Но Твоя благосклонная помощь -вот что для меня просторнее и шире всего. Я ищу прибежища в Свете Твоего Лика, которым озаряются все тьмы и в котором приводится в порядок всё, что есть в этом мире и в мире ином, от того, чтобы на меня ниспал Твой гнев или чтобы меня постигла Твоя ярость. Но Тебе принадлежит право укорять, пока Ты не будешь доволен. Нет силы и нет мощи, кроме как через Тебя»[2].

Место, где Пророк нашёл покой, было не столь пустынно, как показалось сначала. Каждый знатный курайшит мечтал когда-нибудь разбогатеть настолько, чтобы купить сад и дом на зелёных высотах Таифа, куда можно было бы укрыться в самые жгучие месяцы мекканской жары; и этот сад принадлежал не человеку из Сакифа, а входил во владение двух шемситов -‘Утбы и Шайбы, которые как раз сидели в углу своего сада, примыкавшего к винограднику. Они видели всё, что произошло, и не были лишены чувства негодования при виде того, как чернь Сакифа осмелилась так обойтись с человеком из Курайша, который, к тому же, подобно им самим, принадлежал к сынам ‘Абд Манафа. Что же до разногласий, возникших между ними, -не подходили ли они теперь почти к концу? В последний раз они видели Мухаммада у смертного ложа Абу Талиба; теперь же он был лишён защитника и находился, по всему видно, в отчаянном положении. Почувствовав, что могут позволить себе великодушие, они позвали своего молодого христианского раба по имени ‘Аддас и сказали ему: «Возьми эту кисть винограда и положи её на блюдо. Потом отнеси её тому человеку и скажи, чтобы он поел». ‘Аддас сделал, как ему было велено. Когда же Пророк протянул руку к винограду, он сказал: «Именем Бога». ‘Аддас пристально вгляделся в его лицо, а затем сказал: «Эти

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 280

слова не из тех, что говорят люди этой страны». «Из какой ты страны?» -спросил Пророк. -«И какова твоя религия?» «Я христианин, -ответил он, -из народа Ниневии». «Из города праведника Юнуса, сына Матты», -сказал Пророк. «Откуда ты знаешь что-либо о Юнусе, сыне Матты?» -спросил ‘Аддас. «Он мой брат, -был ответ. -Он был пророком, и я - пророк». Тогда ‘Аддас склонился над ним и стал целовать его голову, руки и ноги. Когда два брата увидели это, они воскликнули -словно в один голос: «Вот тебе и твой раб! Уже и он развращён!» А когда ‘Аддас вернулся к ним, оставив Пророка есть в покое, они сказали: «Горе тебе, ‘Аддас! Что заставило тебя целовать голову этого человека, его руки и ноги?» Он ответил: «Господа мои, нет на земле никого лучше этого человека. Он сообщил мне то, что может знать только пророк». «Горе тебе, ‘Аддас! -сказали они. -Не дай ему отвратить тебя от твоей религии, ибо твоя религия лучше его религии».

Пророк покинул Таиф и отправился обратно по дороге к Мекке, когда увидел, что в этот момент от племени Сакиф нельзя ожидать добра. Поздно ночью он достиг долины Нахла - места привала на полпути между двумя городами, которые отвергли его. И именно в ту минуту, когда он особенно остро сознавал это отвержение, его пророчество было признано человеком из далёкой Ниневии; а теперь, когда он стоял в молитве в Нахле, мимо проходила группа джиннов -семь джиннов из Насибина, -и они остановились, поражённые словами Корана, которые он читал. Пророк знал, что он послан не только к людям. Откровение недавно утвердило: «**Мы послали тебя только как милость для миров**»[3], и одна из более ранних сур[4] обращена и к джиннам, и к людям, предостерегая тех и других от Ада как воздаяния за зло и обещая тем и другим Рай как награду за благочестие. Теперь же пришло откровение:

«Скажи: "Открыто мне, что слушал сонм джиннов, и сказали они: "Поистине, слышали мы Коран дивный! Он ведет к прямому пути. И уверовали мы в него, и никогда не предадим мы нашему Господу никого”»[5].

И другое откровение[6] рассказывало, как джинны затем вернулись к своему народу и стали увещевать его ответить призыву Божьего призывающего, как они назвали Пророка.

Пророк не желал возвращаться к тем же условиям, которые всего два дня назад побудили его оставить свой дом. Но если бы у него был защитник, он мог бы продолжать исполнять свою миссию. Бану Хашим не поддержали его, и потому его мысли обратились к роду его матери. Положение там было необычным, потому что самым влиятельным и выдающимся человеком в роду Зухра был Ахнас ибн Шариг, который, строго говоря, не был ни членом

[3] Коран 21, 107
[4] Коран 55
[5] Коран, 72, 1-2
[6] Коран 46, 30-31

этого рода, ни даже человеком из Курайша. На самом деле он принадлежал к Сакифу, но давно уже состоял в союзе с Зухрой, и они привыкли считать его своим вождём. Пророк уже решил просить его помощи, когда его обогнал всадник, также ехавший в Мекку, но двигавшийся быстрее. Он попросил его оказать ему услугу: по прибытии в город пойти к Ахнасу и передать ему: «Мухаммад говорит: не окажешь ли ты мне своё покровительство, чтобы я мог возвещать послание моего Господа?» Всадник был расположен к нему хорошо и даже обещал вернуться с ответом. Но ответ оказался отрицательным, ибо Ахнас лишь заметил, что союзник не имеет власти говорить от имени рода, с которым он состоит в союзе, и не может даровать покровительство, обязательное для всех. К этому времени Пророк уже находился недалеко от Мекки. Тогда он послал ту же просьбу Сухайлю. Его ответ был столь же неутешителен, хотя причина отказа не имела отношения к его противостоянию исламу. Это снова был вопрос племенного принципа. В долине Мекки его род отличался от прочих тем, что происходил от ‘Амира, сына Луайя[7], тогда как остальные вели происхождение от брата ‘Амира -Ка‘ба. И Сухайль просто ответил, что сыны ‘Амира не дают покровительства против сынов Ка‘ба. Тогда Пророк свернул с дороги, ведущей в город, и укрылся в пещере на горе Хира, где он получил первое откровение. Оттуда он послал свою просьбу к вождю, который был к нему ближе по родству, -к Мут‘иму, главе рода Науфаль, одному из пяти, организовавших отмену запрета. И Мут‘им тотчас согласился. «Пусть он войдёт в город», -передал он в ответ. И на следующее утро, полностью вооружённый, вместе со своими сыновьями и племянниками, он сопроводил Пророка к Каабе. Абу Джахль спросил их, не стали ли они последователями Мухаммада. «Мы оказываем ему покровительство», -ответили они. И махзумит смог сказать только: «Кого вы защищаете, тому и мы оказываем защиту».

[7] См.генеалогическое дерево

32. СВЕТ ТВОЕГО ЛИКА

Фатима, вдова Абу Талиба, приняла ислам -либо до смерти мужа, либо после неё; то же сделали её дочь Умм Хани -сестра Али и Джафара. Но муж Умм Хани, Хубайра, остался совершенно невосприимчив к призыву к единобожию. Тем не менее он радушно принимал Пророка, когда тот приходил к ним в дом; и если во время одного из таких посещений наступало время молитвы, мусульмане из этого дома молились вместе. Однажды, когда они все совершили ночную молитву позади Пророка, Умм Хани пригласила его остаться у них на ночь. Он принял приглашение; но, немного поспав, поднялся и отправился в мечеть, ибо любил посещать Каабу в ночные часы. Там его снова охватило желание сна, и он лёг в Хиджре.

«Когда я спал в Хиджре, -сказал он, -Джибриль пришёл ко мне и коснулся меня ногой, так что я сел, но ничего не увидел и снова лёг. Он пришёл во второй раз, и в третий; затем он взял меня за руку, и я встал рядом с ним, и он вывел меня к воротам мечети. Там стояло белое животное, между мулом и ослом, с крыльями по бокам, которыми оно двигало ногами; и каждый его шаг был таков, как далеко мог достичь его взгляд»[1].

Пророк рассказал далее, как он сел на Бурака -так называлось это животное; и, с Архангелом рядом, указывающим путь и соразмеряющим шаг с небесным скакуном, они устремились на север, минуя Ясриб и Хайбар, пока не достигли Иерусалима. Там их встретили пророки -Ибрахим, Муса, Иса и другие; и когда он совершил молитву на месте Храма, они собрались позади него в молитве. Затем перед ним поставили два сосуда -один с вином, другой с молоком. Он взял сосуд с молоком и выпил его, а сосуд с вином оставил. И Джибриль сказал: «Ты избрал изначальный путь и направил к нему свой народ, о Мухаммад; и вино запрещено вам».

Затем -как это было прежде с другими: Идрисом, Ильясом, Иисусом и Марией -Мухаммад был вознесён из этой жизни на небеса. С камня в центре храмовой площади он снова сел на Бурака, который, взмахнув крыльями, поднялся вверх, и стал для своего всадника тем, чем огненная колесница была для Ильи. Ведомые Архангелом, который теперь открылся как небесное существо, они поднялись выше области земного пространства, времени и телесных форм. И проходя через семь небес, он вновь встретил тех пророков, с которыми молился в Иерусалиме; но там они предстали ему такими, какими были при жизни на земле, тогда как теперь он видел их в их небесной реальности, как и они видели его, и он дивился их преображению. О Юсуфе он сказал, что лицо его сияло, как полная луна[2], и что ему была дарована половина всей существующей красоты[3]. Но это не уменьшало его восхищения

---

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 264
[2] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*»,270
[3] Ахмад бин Мухаммад ибн Ханбал 3, 286

другими братьями, и он особо отметил великую красоту Харуна[4]. О садах, которые он видел на различных небесах, он сказал: «Участок Рая величиной с дугу лука лучше всего, что находится под солнцем, над чем оно восходит и заходит; и если бы женщина из обитателей Рая явилась людям земли, она наполнила бы пространство между небом и землёй светом и благоуханием»[5]. Всё, что он тогда видел, он видел духовным зрением; и о своей духовной природе, соотнося её с началом всего земного, он сказал: «Я был пророком, когда Адам ещё находился между водой и глиной»[6].

Вершиной его восхождения было Древо Лотоса у крайнего предела. Так оно названо в Коране; и в одном из древнейших толкований, основанных на словах Пророка, говорится: «Древо Лотоса укоренено в Троне и обозначает предел знания всякого знающего, будь то Архангел или пророк-посланник. Всё, что за ним, -скрытая тайна, неизвестная никому, кроме одного Бога».[7] На этой вершине вселенной Джибриль предстал ему во всей своей архангельской славе, такой, каким он был создан изначально.[8] И, по словам откровения:

«Когда покрывало Лотос то, что покрывало, не уклонилось его зрение и не зашло далеко. Он действительно видел из знамений своего Господа величайшее »[9]

Согласно толкованию, Божественный Свет нисшёл на Лотос и покрыл его и всё остальное; и взор Пророка видел это, не колеблясь и не отворачиваясь[10]. Таков был ответ -или один из ответов -на его молитву: «Я прибегаю к Свету Твоего Лика».

У Древа Лотоса Пророк получил для своего народа повеление о пятидесяти молитвах в день; и там же[11] ему было ниспослано откровение, содержащее вероучение ислама:

«Уверовал посланник в то, что ниспослано ему от его Господа, и верующие. Все уверовали в Аллаха, и Его ангелов, и Его писания, и Его посланников. "Не различаем мы между кем бы то ни было из Его посланников". Они говорят: "Мы услышали и повинуемся! Прощение Твое, Господи наш, и к Тебе - возвращение!"»[12]

Они спустились через семь небес так же, как и поднялись. Пророк сказал: «На обратном пути, когда я проходил мимо Мусы -и каким он был добрым другом для вас! -он спросил меня: “Сколько молитв возложено на тебя?” Я ответил: “Пятьдесят в день”. Он сказал: “Общая молитва -тяжёлое бремя, а твой народ слаб. Вернись к своему Господу и попроси облегчения”. Я вернулся и попросил облегчения, и Он снял десять. Затем я снова прошёл мимо Мусы, и он сказал то же, и я снова вернулся, и ещё десять были сняты. И всякий раз,

---

[4] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада»,270;
[5] Бухари 56, 6
[6] Тирмизи 56,1; Ахмад бин Мухаммад ибн Ханбал 4, 66
[7] Табари, Тафсир, 53
[8] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 280; Бухари 59,7
[9] Коран 53, 16-18
[10] Табари, Тасфир, 53
[11] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 280
[12] Коран 2, 285

когда я возвращался к Мусе, он отправлял меня обратно, пока, наконец, не осталось только пять молитв в день и ночь. Тогда я снова прошёл мимо Мусы, и он сказал то же; но я ответил: “Я возвращался к моему Господу и просил, пока мне не стало стыдно. Я больше не вернусь”. И потому тот, кто совершает эти пять с верой и упованием на щедрость Бога, получит награду, как за пятьдесят молитв»[13].

Когда Пророк и Архангел спустились к Скале в Иерусалиме, они вернулись в Мекку тем же путём, обгоняя караваны, идущие на юг. Ещё была ночь, когда они достигли Каабы. Оттуда Пророк снова отправился в дом своей двоюродной сестры. По её словам: «Незадолго до рассвета Пророк разбудил нас, и когда мы совершили утреннюю молитву, он сказал: “О Умм Хани, я совершил с вами вчерашнюю ночную молитву в этой долине, как ты видела. Затем я отправился в Иерусалим и молился там; и теперь я снова совершил с вами утреннюю молитву, как ты видишь”. Он поднялся, чтобы уйти, и я схватила его за одежду с такой силой, что она соскользнула, открыв его живот, словно это была лёгкая ткань. “О Посланник Бога, -сказала я, -не рассказывай об этом людям: они сочтут тебя лжецом и будут оскорблять тебя”. “Клянусь Богом, я расскажу им”, -ответил он»[14].

Он пошёл в мечеть и рассказал о своём путешествии в Иерусалим. Его враги сразу же обрадовались, ибо считали, что получили неоспоримый повод для насмешек. Каждый в Курайше знал, что каравану требуется месяц, чтобы дойти до Сирии, и месяц -чтобы вернуться. А теперь Мухаммад утверждал, что совершил это за одну ночь. Некоторые отправились к Абу Бакру и сказали: «Что ты скажешь теперь о своём друге? Он говорит, что прошлой ночью был в Иерусалиме и вернулся обратно». Абу Бакр сначала обвинил их во лжи, но они заверили его, что Пророк сейчас в мечети и рассказывает об этом. «Если он это сказал, -ответил Абу Бакр, -значит это истина. И что тут удивительного? Он говорит мне, что ему приходят вести с небес на землю за один час дня или ночи -и я знаю, что он говорит правду. А это ещё более удивительно, чем то, чему вы удивляетесь[15]». Он пошёл в мечеть и подтвердил: «Если он это сказал, значит это истина» И за это Пророк назвал его ас-Сиддик -«величайший из подтверждающих истину» или «величайший из свидетельствующих истину». Более того, некоторые из тех, кто сначала счёл рассказ невероятным, начали сомневаться в своих выводах: Пророк описал караваны, которые он обогнал по пути, указал, где они находятся и когда прибудут -и всё сбылось в точности. В мечети он рассказывал лишь о путешествии в Иерусалим; но наедине с Абу Бакром и другими сподвижниками он поведал им о своём восхождении через семь небес -часть из того, что он видел, а многое рассказывал позднее, на протяжении многих лет, часто отвечая на вопросы.

[13] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 171
[14] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 267
[15] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 265

33. **ПОСЛЕ ГОДА ПЕЧАЛИ**

В тот год, который последовал за Годом печали, время Паломничества пришлось на начало июня; и в Праздник Жертвоприношений Пророк отправился в долину Мина, где паломники разбивают лагерь на три дня. Уже несколько лет у него вошло в обычай обходить разные группы шатров и возвещать своё послание всем, кто был готов слушать, читая им те аяты Откровения, которые чувствовал побуждение прочесть. Ближайшей к Мекке точкой Мины является ‘Акаба, где дорога круто поднимается из долины к холмам по направлению к священному городу; и именно в этом году, у ‘Акабы, он встретил шестерых людей из племени Хазрадж, пришедших из Ясриба. Он не знал никого из этих шестерых, но все они уже слышали о нём и о его притязании на пророчество, и едва он сказал им, кто он такой, как их лица озарились интересом, и они стали внимательно его слушать. Каждый из них был знаком с угрозой, которую постоянно повторяли их соседи, ясрибские иудеи: «Вот-вот будет послан Пророк. Мы последуем за ним и истребим вас, как были истреблены ‘Ад и ‘Ирам»; и когда Пророк закончил говорить, они сказали друг другу: «Воистину, это и есть тот Пророк, которого иудеи обещали нам. Пусть же не они первыми придут к нему!» Затем, после того как были заданы и получили ответ один-два вопроса, каждый из шестерых засвидетельствовал истинность послания Пророка и обещал исполнять условия ислама, изложенные им. «Мы оставили свой народ, -сказали они, -а нет народа более раздираемого враждой и злом, чем наш; и, быть может, Бог соединит их через тебя. Теперь мы вернёмся к ним и станем призывать их принять твою религию, так же как приняли её мы; и если Бог соберёт их вокруг тебя, то не будет человека могущественнее тебя».[1]

Пророк продолжал регулярно навещать Абу Бакра в его доме среди жилищ Бану Джумах. Эти посещения были одной из памятных примет детства ‘Аиши, младшей дочери Абу Бакра. Она не помнила такого времени, когда её отец и мать не были мусульманами и когда Пророк не был бы их ежедневным гостем.

В тот же самый год, последовавший за смертью Хадиджи, Пророку приснилось, что он увидел человека, несшего кого-то, завернутого в шёлковую ткань. Этот человек сказал ему: «Это твоя жена, открой же её». Пророк приподнял шёлк -и перед ним была ‘Аиша. Но ‘Аише было всего шесть лет, а он уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Более того, Абу Бакр уже обещал её Мут ‘иму для его сына Джубайра. Пророк лишь сказал себе: «Если это от Бога, Он приведёт это к исполнению»[2]. Через несколько ночей он снова увидел во сне Ангела, несущего тот же свёрток шёлка, и на этот раз уже он сам сказал Ангелу: «Покажи мне». Ангел приподнял шёлк, и снова там была ‘Аиша; и снова Пророк сказал: «Если это от Бога, Он приведёт это к исполнению»[3].

---

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 287
[2] Бухари 91,20
[3] То же

Пока что он не говорил об этих снах никому, даже Абу Бакру. Но вскоре пришло и третье подтверждение -иного рода. Хавла, жена ‘Усмана ибн Маз‘уна, с самой смерти Хадиджи весьма заботливо относилась к различным нуждам дома Пророка; и однажды, когда она была у него дома, она предложила ему взять другую жену. Когда он спросил её, на ком ему следует жениться, она ответила: «Либо на ‘Аише, дочери Абу Бакра, либо на Сауде, дочери Зам‘а». Сауда, двоюродная сестра и родственница по браку Сухайля[4], была тогда вдовой, лет тридцати. Её первый муж, Сакран, брат Сухайля, увёз её с собой в Абиссинию, и они были среди первых, кто вернулся в Мекку. Вскоре после их возвращения Сакран умер.

Пророк велел Хавле постараться устроить его брак с обеими женщинами, которых она предложила. Ответ Сауды был таков: «Я к твоим услугам, о Посланник Божий», и Пророк передал ей весть: «Попроси кого-нибудь из твоего народа выдать тебя за меня». Она выбрала своего деверя Хатиба, который к тому времени тоже уже вернулся из Абиссинии, и он выдал её замуж за Пророка.

Тем временем Абу Бакр обратился к Мут‘иму, и тот без особого труда согласился отказаться от брака ‘Аиши со своим сыном; и спустя несколько месяцев после брака с Саудой ‘Аиша также стала женой Пророка через брак, заключённый между ним и её отцом, при котором сама она не присутствовала. Позднее она рассказывала, что впервые смутно почувствовала своё новое положение в тот день, когда играла с подругами на улице, неподалёку от их дома, а мать подошла, взяла её за руку и увела в дом, сказав, что отныне она не должна выходить играть наружу и что теперь подруги должны приходить к ней сами. ‘Аиша смутно догадалась о причине, хотя мать не сразу сказала ей, что она замужем; и, кроме того, что теперь ей приходилось играть во дворе их дома, а не на дороге, её жизнь продолжалась по-прежнему.

Примерно в это же время Абу Бакр решил построить небольшую мечеть перед своим домом. Она была обнесена стенами, но оставалась открытой к небу, и там он совершал молитву и читал Коран. Но стены были недостаточно высоки, чтобы прохожие не могли заглядывать через них, и нередко несколько человек останавливались там и слушали его чтение; вместе с тем они видели и нечто из того благоговения, которое он питал к ниспосланной Книге и которое трогало его до самой глубины существа. Умайя теперь опасался, что число обращённых Абу Бакром ещё более возрастёт, и по его настоянию вожди Курайша отправили посольство к Ибн ад-Дугунне, напомнив ему, что они сказали в самом начале, когда он взял Абу Бакра под своё покровительство, и указав на то, что стены мечети Абу Бакра недостаточны для того, чтобы считать её частью его дома. «Если он хочет поклоняться своему Господу внутри дома, -сказали они, -пусть так и делает; но если ему непременно нужно делать это открыто, тогда вели ему освободить тебя от твоего покровительства над ним». Но Абу Бакр отказался отказаться от своей мечети и официально

[4] См.с.72

освободил Ибн ад-Дугунну от их договора, сказав: «Я довольствуюсь покровительством Бога».

И именно в тот самый день Пророк объявил ему и другим своим сподвижникам: «Мне было показано место вашего переселения: я увидел хорошо орошённую землю, богатую финиковыми пальмами, между двумя полосами чёрных камней».[5]

[5] Бухари 37, 7

34. **ОТКЛИК ЯСРИБА**

«Раздираемые враждой и злом». Так, описывая свой народ, шесть недавних новообращённых из Ясриба не преувеличивали. Битва при Бу‘асе, четвёртое и самое ожесточённое столкновение гражданской войны, не была окончательно решающей; за ней не последовал и мир, достойный этого имени -лишь соглашение временно прекратить боевые действия. Опасно затянувшееся состояние хронической озлобленности, сопровождавшееся всё возрастающим числом актов насилия, склонило многих более умеренных людей с обеих сторон к мысли о том, что им необходим общий вождь, который объединил бы их так же, как Кусайй объединил курайшитов, и что иного решения их проблемы нет. Одним из наиболее видных людей оазиса был ‘Абдаллах ибн Убайй, которого многие рассматривали как возможного царя. Он не сражался против ауситов в недавнем конфликте, а отвёл своих людей накануне битвы. Тем не менее он принадлежал к хазраджитам; и было крайне сомнительно, что ауситы смогут принять правителя не из их племени.

Шесть человек из Хазраджа передали весть об исламе стольким из своего народа, сколько готовы были их слушать; и следующим летом, то есть в 621 году н. э., пятеро из них вновь совершили паломничество, приведя с собой ещё семерых, двое из которых были из племени Аус. У ‘Акабы эти двенадцать человек дали присягу Пророку, и эта присяга известна как Первая ‘Акаба. По словам одного из них: «Мы поклялись в верности Посланнику Божьему в ночь Первой ‘Акабы, что не будем приобщать к Богу никого, не будем ни красть, ни прелюбодействовать, ни убивать своих детей[1], ни возводить клевету и не будем ослушиваться его в том, что справедливо. И он сказал нам: “Если вы исполните этот обет, то Рай будет вашим; если же совершите один из этих грехов и будете наказаны за него в этом мире, то это станет искуплением. А если вы скроете его до Дня воскресения, то тогда -Богу решать: наказать или простить, как Он пожелает”».[2]

Когда они отправились в Ясриб, Пророк послал с ними Мус‘аба из рода ‘Абд ад-Дар, который к тому времени уже вернулся из Абиссинии. Ему предстояло читать им Коран и давать религиозные наставления. Он остановился у Ас‘ада ибн Зурары, одного из тех шестерых, кто принял ислам в предыдущем году. Мус‘аб также должен был вести молитву, ибо, несмотря на их обращение в ислам, ни ауситы, ни хазраджиты ещё не могли вынести, чтобы уступить друг другу это первенство.

Соперничество между потомками двух сыновей Кайлы имело давнюю историю. Тем не менее между двумя племенами часто заключались браки, и в результате одного из них Ас‘ад, хазраджит -хозяин Мус‘аба, -был двоюродным братом Са‘да ибн Му‘аза, вождя

[1] Речь идёт о практике, существовавшей в Аравии среди бедных бедуинов, особенно во время голода, — закапывать нежелательных новорождённых девочек.

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 289

одного из кланов Ауса. Са‘д решительно не одобрял новую религию. Поэтому он одновременно испытывал гнев и смущение, увидев однажды своего кузена Ас‘ада вместе с Мус‘абом и несколькими новообращёнными мусульманами, сидящими в саду на территории его людей и оживлённо беседующими с членами его клана. Решив положить конец такой деятельности, но не желая сам вступать в неприятный конфликт, он пошёл к Усайду, который был вторым по значимости после него, и сказал: «Ступай к этим двум людям, которые пришли в наши места, чтобы морочить головы нашим слабым братьям» - он, без сомнения, думал о своём младшем брате Иясе, ныне покойном, который был первым человеком Ясриба, принявшим ислам[3] -«и изгони их, и запрети им приходить к нам снова. Если бы Ас‘ад не был моим родственником, я бы избавил тебя от этой заботы; но он сын сестры моей матери, и я ничего не могу сделать против него».

Усайд взял своё копьё, подошёл к ним, встал над ними и сказал, насколько мог сурово: «Что привело вас сюда, чтобы морочить головы нашим слабым братьям? Уходите от нас, если дорожите своей жизнью». Мус‘аб взглянул на него и мягко сказал: «Почему бы тебе не сесть и не выслушать меня? Если тебе понравится -прими это; если нет -держись от этого в стороне». «Это разумно сказано», -ответил Усайд, которому понравились и внешность, и манера посланника Пророка; он воткнул копьё в землю и сел рядом с ними. Мус‘аб рассказал ему об исламе и прочёл ему Коран; и выражение лица Усайда изменилось, так что присутствующие могли увидеть ислам на его лице -в свете, озарившем его, и в покое, смягчившем его черты ещё до того, как он заговорил. «Как прекрасны эти слова и как они красивы!» -сказал он, когда Мус‘аб закончил. «Что следует делать, если хочешь войти в эту религию?» Ему сказали, что нужно омовение всего тела для очищения, очистить свою одежду, а затем совершить молитву. В саду был колодец; он омылся, очистил свою одежду и произнёс: «Нет бога, кроме Бога, и Мухаммад -Посланник Божий». Ему показали, как молиться, и он помолился. Затем он сказал: «Есть человек позади меня, который, если последует за вами, будет непременно принят всеми его людьми; я пошлю его к вам сейчас».

Он вернулся к своему племени, и ещё до того, как он подошёл, они увидели, что он изменился. «Что ты сделал?» -спросил Са‘д. «Я поговорил с этими двумя людьми, -ответил Усайд, -и, клянусь Богом, не нашёл в них ничего дурного. Но я запретил им продолжать, и они сказали: “Мы поступим, как ты велишь”». «Вижу, ты ничего не добился», -сказал Са‘д, взял у него копьё и направился туда, где верующие всё ещё мирно сидели в саду. Он стал упрекать своего кузена Ас‘ада и обвинять его в том, что тот злоупотребляет их родством. Но Мус‘аб вмешался, говоря с ним так же, как говорил с Усайдом; и Са‘д согласился выслушать его -и итог был тем же.

Когда Са‘д совершил молитву, он вернулся к Усайду и тем, кто был с ним, и вместе они пришли к собранию своего народа. Са‘д обратился к ним: «Что вы знаете о моём положении

[3] См. с.57

среди вас?» «Ты наш господин, -ответили они, -лучший из нас в суждении и самый счастливый в руководстве». «Тогда я говорю вам, -сказал он, -клянусь, я не буду говорить ни с вашими мужчинами, ни с вашими женщинами, пока вы не уверуете в Бога и Его Посланника». И к ночи не осталось ни одного мужчины или женщины из его клана, кто бы не принял ислам.

Мус‘аб оставался у Ас‘ада около одиннадцати месяцев, и многие приняли ислам за это время. Затем, когда приблизился месяц следующего паломничества, он вернулся в Мекку, чтобы сообщить Пророку, как он действовал среди различных кланов Ауса и Хазраджа.

Пророк знал, что орошаемая земля между двумя участками чёрных камней, которую он видел во сне, -это Ясриб, и знал, что на этот раз он сам станет одним из переселенцев. Теперь в Мекке было немного людей, которым он доверял так, как своей тёте по браку Умм аль-Фадль. Он также был уверен, что его дядя ‘Аббас, хотя и не принял ислам, никогда не предаст его и не выдаст доверенную ему тайну. Поэтому он рассказал им обоим, что надеется переселиться в Ясриб и что многое зависит от делегации, ожидаемой из оазиса на предстоящем паломничестве. Услышав это, ‘Аббас сказал, что считает своим долгом пойти вместе с племянником встретить делегатов и поговорить с ними, и Пророк согласился.

Вскоре после отъезда Мус‘аба некоторые мусульмане из Ясриба отправились в паломничество, как было условлено, -всего семьдесят три мужчины и две женщины, надеясь установить контакт с Пророком. Одним из их лидеров был хазраджит по имени Бара’, и в первые дни пути его охватила тревожная мысль. Они направлялись в Мекку, где находился Дом Божий -Кааба, величайший центр паломничества всей Аравии; там же был Пророк, к которому они шли, там был ниспослан Коран, и туда устремлялись их души. Правильно ли тогда, когда приходит время молитвы, поворачиваться спиной к этому направлению и обращаться лицом к северу, к Сирии? Возможно, это было больше, чем просто мысль: Бара’ оставалось жить всего несколько месяцев, и люди, стоящие близко к смерти, иногда наделяются предчувствиями. Как бы то ни было, он рассказал своим спутникам о том, что у него на душе, и они ответили, что, насколько им известно, Пророк молится в сторону Сирии, то есть к Иерусалиму, и они не хотят отличаться от него. «Я буду молиться в сторону Каабы», -сказал Бара’, и так он поступал в течение всего пути, тогда как остальные продолжали молиться в сторону Иерусалима. Они уговаривали его, но безуспешно; однако, когда они прибыли в Мекку, его начали одолевать сомнения, и он сказал Ка‘бу ибн Малику, одному из молодых людей своего племени -и одному из наиболее талантливых поэтов Ясриба: «Сын моего брата, давай пойдём к Посланнику Божьему и спросим его о том, что я сделал в пути, ибо сомнения закрались в мою душу, когда я увидел, что вы были против меня».

Они спросили в Мекке, где можно найти Пророка, которого они даже не знали в лицо. «Знаете ли вы его дядю ‘Аббаса?» -спросил человек, и они ответили, что знают, ибо ‘Аббас

часто бывал в Ясрибе и был там хорошо известен. «Когда войдёте в мечеть, -сказал он, -это тот человек, который сидит рядом с ‘Аббасом». Они пришли к Пророку, который ответил Бара’: «У тебя было направление, если бы ты только держался его». Бара’ снова стал молиться в сторону Иерусалима, чтобы следовать примеру Пророка, хотя полученный ответ можно было истолковать более чем одним образом.

Их путь в Мекку проходил в караване вместе с язычниками Ясриба, один из которых принял ислам в долине Мина -знатный хазраджит Абу Джабир ‘Абдаллах ибн ‘Амр, вождь бану Салима и человек большого влияния. Было решено тайно встретиться с Пророком, как и прежде, у ‘Акабы во вторую из ночей сразу после паломничества. По словам одного из них:

«Мы спали той ночью со своими людьми в караване, и когда прошла треть ночи, мы тихо вышли из среды спящих на назначенную встречу с Посланником Божьим, крадучись так же бесшумно, как песчаные куропатки, пока все не собрались в ложбине у ‘Акабы. Там мы ждали, пока пришёл Посланник, и с ним пришёл его дядя ‘Аббас, который в то время ещё оставался в религии своего народа, хотя и желал присутствовать при сделке своего племянника и удостовериться в надёжности данных ему обещаний. Когда Пророк сел, первым заговорил ‘Аббас:

“Люди Хазраджа” -ибо так арабы обычно обращались к Хазраджу и Аусу -“вы знаете, какое место занимает у нас Мухаммад, и мы защищали его от его народа, так что он почитаем в своём клане и находится в безопасности в своей стране. Однако он решил обратиться к вам и присоединиться к вам. Если вы думаете, что выполните то, что обещаете ему, и будете защищать его от всякого противника, тогда берите на себя это бремя. Но если вы думаете, что предадите его и оставите после того, как он придёт к вам, то оставьте его сейчас”.

“Мы услышали то, что ты сказал, -ответили они, -но говори ты, о Посланник Божий, и выбери для себя и для своего Господа то, что желаешь”.

После того как он прочёл Коран и призвал к Богу и к исламу, Пророк сказал:

“Я заключаю с вами этот договор при условии, что ваша присяга обязывает вас защищать меня так же, как вы защищаете своих женщин и своих детей”.

Бара’ поднялся, взял его за руку и сказал:

“Клянусь Тем, Кто послал тебя с истиной, мы будем защищать тебя, как защищаем их. Так прими нашу присягу, о Посланник Божий, ибо мы -люди войны, владеющие оружием, передаваемым от отца к сыну”.

Тогда один человек из Ауса перебил его и сказал:

“О Посланник Божий, между нами и другими людьми существуют связи” -он имел в виду иудеев -“и мы готовы их разорвать. Но не может ли случиться, что если мы это сделаем, и если затем Бог дарует тебе победу, ты вернёшься к своему народу и оставишь нас?”

Пророк улыбнулся и сказал:

“Нет, я ваш, и вы мои. С кем вы будете воевать -с тем буду воевать и я. С кем вы заключите мир -с тем заключу мир и я”.

Затем он сказал:

“Выведите ко мне двенадцать человек из вас в качестве руководителей, чтобы они заботились о делах своего народа”.

Они вывели двенадцать руководителей -девять из Хазраджа и троих из Ауса, поскольку шестьдесят два человека были из Хазраджа, а также обе женщины, тогда как из Ауса было лишь одиннадцать. Среди девяти руководителей Хазраджа были Ас‘ад и Бара’; среди троих ауситов был Усайд, которого Са‘д ибн Му‘аз послал представлять его.

Когда люди собирались по одному принести присягу Пророку, один человек из Хазраджа, один из тех двенадцати, кто дал присягу в предыдущем году, сделал знак, чтобы они подождали, и обратился к ним:

“Люди Хазраджа, знаете ли вы, что значит дать присягу этому человеку?”

“Знаем”, -ответили они, но он не обратил на это внимания.

“Вы присягаете, -продолжил он, -воевать против всех людей -красных и чёрных[4]. Если же вы думаете, что, потеряв имущество и увидев, как гибнут ваши знатные люди, вы оставите его -оставьте его сейчас. Ибо если вы оставите его, это принесёт вам позор в этом мире и в следующем. Но если вы думаете, что исполните свою присягу, тогда примите его, ибо, клянусь Богом, в этом -благо и этого мира, и будущего”.

Они сказали:

“Даже если мы потеряем имущество и будут убиты наши знатные люди, мы всё равно принимаем его. И что будет нашим, о Посланник Божий, если мы выполним свою присягу?”

[4] То есть всех людей без исключения. После этой второй присяги при ‘Акабе первую стали называть «присягой женщин», поскольку она не содержала упоминания о воинских обязанностях

“Рай”, -сказал он.

Они сказали: “Протяни свою руку”, -и он протянул руку, и они принесли свою присягу.

И сатана наблюдал и слушал с вершины ‘Акабы; и когда он уже не мог сдерживаться, он закричал изо всех сил, произнеся имя Музаммам -«Проклятый»; и Пророк узнал, кто это был, и ответил ему:

“О враг Божий, я не дам тебе отсрочки”.

35. **МНОЖЕСТВО ПЕРЕСЕЛЕНИЙ**

Теперь Пророк стал побуждать своих последователей в Мекке переселяться в Ясриб. Но один из них уже сделал это. Смерть Абу Талиба лишила его племянника Абу Саламу покровителя, и он почувствовал, что вынужден искать убежища от собственного клана. Итак, он отправился на север: посадил свою жену на верблюда, с их маленьким сыном Саламой у неё на руках, а сам вёл верблюда. Но Умм Салама принадлежала к другой ветви Махзума -к Бану л-Мугира -и была двоюродной сестрой Абу Джахля; некоторые из её родичей пустились за ними вдогонку и вырвали повод верблюда из руки Абу Саламы. Их было значительно больше, и он понимал, что сопротивление бесполезно, поэтому велел ей вернуться с ними. Он найдёт способ, чтобы она присоединилась к нему позже. Но когда его ветвь Махзума узнала об этом, они разгневались на Бану л-Мугира и ещё более ухудшили положение, потребовав опеки над мальчиком. Так все трое были жестоко разлучены, пока наконец весь клан не сжалился над нею и не позволил ей взять сына и присоединиться к мужу. Она отправилась верхом на верблюде совсем одна, не считая Саламы, но, проехав почти шесть миль, встретила человека из ‘Абд ад-Дара, ‘Усмана ибн Талху, ещё не уверовавшего, который настоял на том, чтобы сопровождать её до конца пути. Они слышали, что Абу Салама находится в Куба, селении у самой южной оконечности Ясриба, там, где оазис вдаётся в лавовое поле, одно из «двух пространств чёрных камней»; и когда пальмовые рощи уже показались вдали, ‘Усман сказал ей: «Твой муж в этом селении; так войди же в него с Божьим благословением», -а сам повернул обратно в сторону Мекки. Умм Салама никогда не забывала его доброты и не переставала восхвалять его благородство.

После присяги Второй ‘Акабы мусульмане из Курайша начали переселяться в значительном числе. Среди первых были и некоторые другие двоюродные родственники Пророка - сыновья и дочери Джахша и Умаймы: ‘Абдаллах и его слепой брат Абу Ахмад, а также их две сестры Зайнаб и Хамна. Вместе с ними отправились и многие другие из Бану Асад, издавна состоявшие в союзе с ‘Абд Шамсом. Хамза и Зайд отправились, оставив пока своих жён в Мекке; но ‘Усман взял с собой Рукайю, а ‘Умар взял свою жену Зайнаб, их дочь Хафсу и их маленького сына ‘Абдаллаха. Муж Хафсы, Хунайс из рода Сахм, также был с ними. Единокровный брат Абу Саламы, Абу Сабра, взял с собой свою жену Умм Кульсум, дочь Сухайля; а среди других молодых двоюродных родственников Пророка, которые теперь отправились в путь, были Зубайр и Тулайб.

Прошло немного времени, и все его ближайшие сподвижники покинули Мекку, кроме Абу Бакра и ‘Али. Абу Бакр просил у Пророка разрешения переселиться, но тот сказал: «Не спеши уходить, ибо, быть может, Бог дарует тебе спутника». Тогда Абу Бакр понял, что должен ждать Пророка, и распорядился, чтобы двух его верблюдов кормили листьями акации, готовя их к пути в Ясриб.

Курайш делал всё, что мог, чтобы остановить переселения. Другая дочь Сухайля теперь ушла вместе со своим мужем Абу Хузайфой, как прежде они уже уходили в Абиссинию; но Сухайль был полон решимости на этот раз не дать ускользнуть своему сыну ‘Абдаллаху и потому зорко следил за ним. Почти то же самое произошло и с сыном сахмитского вождя ‘Аса -Хишамом, который также прежде был среди переселенцев в Абиссинию. Именно его единокровный брат ‘Амр был послан курайшитами, чтобы настроить Негуса против мусульманских беженцев, и Хишам был свидетелем его неудачи и унижения. ‘Умар, приходившийся Хишаму двоюродным братом -их матери были сёстрами, -условился с ним, что теперь они вместе отправятся в Ясриб, выйдя из Мекки по отдельности и встретившись у терновых деревьев Адат, примерно в десяти милях к северу от города. ‘Айяш из Махзума тоже должен был ехать с ними; но в условленное время и в условленном месте Хишам не появился, и потому ‘Умар со своей семьёй отправился дальше вместе с ‘Айяшем, ибо они условились не ждать друг друга. Отец и брат Хишама узнали о его намерении и силой удержали его; и они оказали на него такое давление, что через несколько дней даже убедили его отречься от ислама.

Что же до ‘Айяша, то он достиг Ясриба вместе с ‘Умаром, но два его единокровных брата, Абу Джахль и Харис, последовали за ним и сказали, что их мать, которая была также и его матерью, поклялась не расчёсывать волосы и не укрываться от солнца, пока вновь не увидит его. ‘Айяш был этим крайне встревожен, но ‘Умар сказал ему: «Они желают лишь одного - отвратить тебя от твоей религии; ибо, клянусь Богом, если бы вши стали мучить твою мать, она взялась бы за гребень; а если бы зной Мекки стал ей невыносим, она укрылась бы в тени». Но ‘Айяш не стал слушать: он настаивал на возвращении в Мекку, чтобы освободить мать от её клятвы. Кроме того, он намеревался забрать деньги, которые оставил там. Но когда они были уже на полпути, Абу Джахль и Харис набросились на него, связали ему руки и ноги, привели домой как пленника и, входя в город, говорили: «О жители Мекки, поступайте со своими глупцами так, как мы поступили с этим нашим глупцом». Подобно Хишаму, ‘Айяш был вынужден отречься от ислама, но ни в одном из этих случаев это не оказалось окончательным. Спустя некоторое время обоих начала так мучить совесть, что они стали думать, будто искупление за столь великий грех невозможно; такого же мнения был и ‘Умар. Но затем было ниспослано откровение:

«Скажи: "О рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине, Аллах прощает грехи полностью: ведь Он - прощающий, милостивый! И обратитесь к вашему Господу и предайтесь Ему, прежде чем постигнет вас наказание, и вы не будете защищены.».[1]

‘Умар записал эти слова и нашёл способ переслать это письмо Хишаму, который сказал: «Когда оно пришло ко мне, я поднёс его к глазам и снова отводил от них, но не мог понять

[1] Коран 39, 53-54

его, пока не сказал: “О Боже, дай мне понять это”. И тогда Бог вложил мне в сердце, что это было ниспослано именно ради нас -ввиду того, что мы говорили о самих себе и что говорилось о нас». Хишам показал это ‘Айяшу, и они вновь утвердились в исламе и стали ждать удобного случая для побега.

36. **ЗАГОВОР**

Мнимое отступничество Хишама и ‘Айяша было для курайшитов лишь малой победой, с избытком перевешиваемой непрерывным потоком переселенцев, который они не могли остановить. Некоторые из больших домов в Мекке теперь стояли без жильцов; другие, прежде полные людей, теперь опустели, если не считать одного-двух стариков. В городе, который ещё каких-нибудь десять лет назад казался столь процветающим и исполненным согласия, всё изменилось -из-за одного-единственного человека. Но если это чувство печали и уныния то приходило, то уходило, то неотступно сохранялось сознание растущей опасности со стороны того северного города, где теперь собиралось столь много возможных врагов -людей, которым были нипочём узы родства, если те вступали в противоречие с их религией. Те, кто слышал, как Пророк сказал: «Курайш, я несу вам смерть», никогда не забывали этих слов, хотя в то время, казалось, бояться было нечего. Но если теперь он ускользнёт от них, несмотря на неусыпную слежку за каждым его движением, и доберётся до Ясриба, эти слова могут оказаться не просто угрозой.

Смерть Мут‘има, покровителя Пророка, казалось, расчистила путь к действию; а чтобы расчистить его ещё более, Абу Лахаб намеренно не явился на собрание, которое вожди курайшитов теперь держали в Совете. После долгого обсуждения, когда различные предложения были выдвинуты и отвергнуты, они согласились -некоторые из них с неохотой -на план, предложенный Абу Джахлем как на единственное действенное решение их проблемы. Каждый клан должен был выбрать крепкого, надёжного и влиятельного юношу, и в назначенный миг все эти избранные молодые люди должны были вместе наброситься на Мухаммада, и каждый -нанести ему смертельный удар, так чтобы кровь его легла на все кланы. Бану Хашим не смогли бы воевать со всем племенем Курайш; им пришлось бы принять виру -которую им предложат -вместо мести; и таким образом община наконец избавилась бы от человека, который, пока жив, не даст им покоя.

Тогда к Пророку пришёл Джибрил и сказал ему, что он должен делать. Был полдень -необычное время для визита, -но Пророк тотчас направился в дом Абу Бакра, который сразу, как только увидел его в этот час, понял, что произошло нечто важное. ‘Аиша и её старшая сестра Асма’ были со своим отцом, когда вошёл Пророк. «Бог дозволил мне покинуть город и переселиться», -сказал он. «Вместе со мной?» -спросил Абу Бакр. «Вместе с тобой», -ответил Пророк. ‘Аише тогда шёл седьмой год. Позднее она говорила: «До того дня я не знала, что можно плакать от радости, пока не увидела, как Абу Бакр заплакал от этих слов».

Когда они составили свои планы, Пророк вернулся домой и сказал ‘Али, что собирается отправиться в Ясриб, велев ему остаться в Мекке до тех пор, пока он не возвратит владельцам всё имущество, оставленное в их доме на хранение. Пророк никогда не переставал быть известен как аль-Амин, Надёжный; и по-прежнему было немало

неверующих, которые доверяли ему своё имущество так, как не доверили бы никому другому. Он также рассказал ‘Али то, что Джибрил сообщил ему о заговоре, устроенном против него курайшитами.

Молодые люди, избранные для его убийства, договорились собраться у его ворот после наступления ночи. Но пока они ждали, когда соберутся все, до них донеслись женские голоса из дома -голоса Сауды, Умм Кульсум, Фатимы и Умм Айман. Это заставило их задуматься; и один из них сказал, что, если они перелезут через стену и ворвутся в дом, их имена навеки покроются бесчестьем среди арабов, ибо они нарушили неприкосновенность женских покоев. Поэтому они решили ждать, пока их намеченная жертва выйдет наружу, как он обычно делал ранним утром, если только не выйдет раньше.

Пророк и ‘Али вскоре поняли, что те стоят снаружи; и Пророк взял плащ, в котором обычно спал, и отдал его ‘Али, сказав: «Ляг на мою постель и укройся этим моим зелёным хадрамаутским плащом. Спи в нём, и вреда тебе от них не будет». Затем он начал читать суру, названную по её начальным буквам -«Йа-Син»; и, дойдя до слов: «**Мы устроили перед ними преграду и позади их преграду и закрыли их, и они не видят**»[1], он вышел из дома; и Бог отнял у них зрение, так что они не увидели его, и он прошёл прямо сквозь них и пошёл своей дорогой.

Навстречу ему шёл человек, и их пути пересеклись; тот узнал Пророка. Немного спустя его путь пролёг неподалёку от дома Пророка, и, увидев людей у ворот, он крикнул им, что если им нужен Мухаммад, то его там нет -он вышел некоторое время назад. «Как это могло быть?» -подумали они. Один из заговорщиков следил за домом и видел, как Пророк вошёл в него ещё до того, как пришли остальные; и они были уверены, что, пока они стояли там, никто не выходил. Но теперь их стало охватывать беспокойство, пока один из них, знавший, где именно спал Пророк, не подошёл к месту, откуда мог заглянуть в окно -ровно настолько, чтобы убедиться, что кто-то лежит на постели Пророка, укрытый плащом; и он успокоил своих товарищей, сказав, что их человек всё ещё там. Но на рассвете ‘Али поднялся и подошёл к дверям дома, всё ещё закутанный в плащ; и они увидели, кто это, и начали думать, что каким-то образом были обмануты. Они подождали ещё немного; над восточными холмами уже поднялся тончайший серп -всё, что осталось от убывающей луны месяца Сафар, -и теперь он начал бледнеть по мере того, как усиливался свет. Пророка всё ещё не было видно, и внезапно они решили разойтись -каждый к своему вождю клана, чтобы поднять тревогу.

[1] Коран 36,9

37. **ХИДЖРА**

Тем временем Пророк вернулся к Абу Бакру, и, не теряя ни минуты, они вышли через окно в задней части его дома, где их уже ждали два осёдланных верблюда. Пророк сел на одного из них, Абу Бакр -на другого, посадив позади себя своего сына ‘Абдаллаха. Как и было задумано, они направились к пещере на горе Саур, немного к югу, по дороге в Йемен, ибо знали, что, как только отсутствие Пророка будет обнаружено, во все северные окрестности города будут разосланы поисковые отряды.

Когда они уже немного отошли от пределов Мекки, Пророк остановил свою верблюдицу и, оглянувшись назад, сказал: «Из всей земли Божией ты -самое дорогое для меня место и самое дорогое для Бога; и если бы мой народ не изгнал меня из тебя, я бы не покинул тебя».

‘Амир ибн Фухайра, пастух, которого Абу Бакр когда-то купил как раба, затем освободил и поставил над своими овцами, следовал позади них со стадом, чтобы замести их следы. Когда они достигли пещеры, Абу Бакр отправил сына домой вместе с верблюдами, велев ему на следующий день прислушиваться к тому, что будут говорить в Мекке, когда обнаружат отсутствие Пророка, и принести им эти вести следующей ночью. ‘Амир должен был, как обычно, пасти своих овец днём вместе с другими пастухами, а ночью приводить их к пещере, всякий раз заметая следы ‘Абдаллаха между Сауром и Меккой.

На следующую ночь ‘Абдаллах вернулся в пещеру, и с ним пришла его сестра Асма’, принеся еду. Их новость была такова: курайшиты объявили награду в сто верблюдов тому, кто найдёт Мухаммада и приведёт его обратно в Мекку. Всадники уже двигались по всем обычным дорогам из Мекки в Ясриб, надеясь настичь их обоих, -ибо предполагалось, что Абу Бакр вместе с Пророком, поскольку и он тоже исчез.

Но другие, возможно, неведомые ‘Абдаллаху, думали, что они скрываются где-нибудь в одной из многочисленных пещер в холмах вокруг Мекки. К тому же арабы пустыни - искусные следопыты: даже если за двумя или тремя верблюдами прошло стадо овец, средний бедуин с первого взгляда различил бы остатки крупных отпечатков верблюжьих копыт, которые множество мелких следов почти стёрло. Казалось маловероятным, чтобы беглецы отправились к югу от города; однако ради столь щедрой награды следовало проверить всякую возможность; и было несомненно, что по тем следам, которые вели в сторону Саура, верблюды прошли раньше овец.

На третий день тишина их горного убежища была нарушена птичьими звуками -как им показалось, воркованием и хлопаньем крыльев пары горных голубей снаружи пещеры. Затем, спустя некоторое время, они услышали слабый звук человеческих голосов -где-то внизу, на некотором расстоянии, но постепенно они становились громче, словно люди поднимались по склону горы. ‘Абдаллаха они не ждали до наступления темноты, а до заката

оставалось ещё несколько часов, хотя в действительности в пещере было странно мало света для того времени дня, каким они его себе представляли. Голоса были уже недалеко - по меньшей мере пять или шесть человек, -и всё приближались.

Пророк посмотрел на Абу Бакра и сказал: «**Не печалься, ведь Аллах с нами**»[1]. А затем добавил: «Что ты думаешь о двоих, если Аллах -третий с ними?»[2]

Теперь они уже слышали звук шагов, которые приблизились и остановились: люди стояли у самой пещеры. Они говорили уверенно и единодушно, что нет никакой необходимости входить внутрь, поскольку там никого не может быть. Затем они повернули назад и стали спускаться тем же путём, которым пришли.

Когда звук их удаляющихся шагов и голосов замер, Пророк и Абу Бакр подошли к устью пещеры. Перед ней, почти закрывая вход, росла акация, высотой примерно в человеческий рост, которой утром там ещё не было; а через просвет, оставшийся между деревом и стеной пещеры, паук уже сплёл свою паутину. Они посмотрели сквозь паутину и увидели, что в углублении скалы, именно там, куда человек мог бы поставить ногу, входя в пещеру, горлица устроила гнездо и сидела, тесно прижавшись, словно высиживала яйца, а её самец сидел на уступе немного выше.

Когда в назначенный час они услышали приближение ‘Абдаллаха и его сестры, они осторожно отодвинули паутину, которая была их защитой, и, стараясь не потревожить голубку, вышли им навстречу. ‘Амир тоже пришёл, на этот раз без стада. Он привёл бедуина, которому Абу Бакр поручил двух выбранных им для их пути верблюдов. Этот человек ещё не был верующим, но на него можно было положиться: он сохранит их тайну и проведёт их к месту назначения по таким уединённым тропам, какие знает только истинный сын пустыни. Он ждал в долине внизу с двумя верховыми верблюдами и привёл третьего для себя. Абу Бакр должен был взять ‘Амира позади себя, чтобы тот заботился об их нуждах. Они вышли из пещеры и начали спускаться по склону. Асма’ принесла мешок с припасами, но забыла захватить верёвку. Тогда она сняла с себя пояс, разорвала его на две части, одной крепко привязала мешок к седлу своего отца, а вторую оставила себе. Так она и получила прозвище «Обладательница двух поясов».

Когда Абу Бакр предложил Пророку лучшую из двух верблюдиц, тот сказал: «Я не поеду на верблюдице, которая мне не принадлежит». «Но она твоя, о Посланник Божий», -сказал Абу Бакр. «Нет, -ответил Пророк, -но за какую цену ты её купил?» Абу Бакр назвал цену, и он сказал: «Я беру её за эту цену». И Абу Бакр не стал настаивать, чтобы сделать её подарком, хотя прежде Пророк принимал от него много даров, ибо этот случай был торжественным и особым. Это была хиджра Пророка -разрыв всех уз дома и родины ради

[1] Коран 9, 40
[2] Бухари 57,5

Бога. Его приношение, сам акт переселения, должен был принадлежать ему одному и ни в чём не быть разделённым с другим. Поэтому и животное, на котором совершался этот акт, должно было принадлежать ему самому, поскольку оно тоже было частью его приношения. Звали эту верблюдицу Касва', и она осталась его любимой верблюдицей.

Их проводник повёл их от Мекки на запад и немного к югу, пока они не вышли к берегу Красного моря. Ясриб лежит прямо к северу от Мекки, но лишь в этой точке их путь впервые начал принимать северное направление. Прибрежная дорога идёт на северо-запад, и несколько дней они держались её. В один из первых вечеров, глядя через воду в сторону Нубийской пустыни, они увидели молодой месяц Раби' аль-Авваля. «О серп добра и наставления, моя вера -в Том, Кто сотворил тебя».[3] Так Пророк говорил всякий раз, когда видел молодой месяц.

Однажды утром они с тревогой заметили небольшой караван, приближавшийся навстречу. Но их тревога сменилась радостью, когда они увидели, что это был двоюродный брат Абу Бакра Талха, возвращавшийся из Сирии, где он купил ткани и другие товары, которыми были нагружены его верблюды. По дороге он заезжал в Ясриб и собирался снова вернуться туда, как только распродаст свои товары в Мекке. Прибытия Пророка в оазис, сказал он, ждут с величайшим нетерпением; и, прежде чем проститься с ними, он дал каждому смену одежды из тех прекрасных белых сирийских одеяний, которые намеревался продать некоторым из наиболее богатых людей Курайша.

Вскоре после встречи с Талхой они повернули прямо на север, немного отойдя от побережья, а затем -на северо-восток, теперь уже наконец направляясь непосредственно к Ясрибу. В одном месте пути Пророк получил откровение, в котором ему было сказано: «**Поистине, тот, кто сделал твоей обязанностью Коран, вернет тебя к конечному возвращению**».[4]

Незадолго до рассвета, на двенадцатый день после того, как они покинули пещеру, они достигли долины 'Акик и, перейдя её, стали подниматься по суровым чёрным склонам на другой стороне. Прежде чем они дошли до вершины, солнце уже высоко поднялось, и стояла сильная жара. В другие дни они остановились бы на отдых, пока не пройдёт дневной зной; но теперь они решили преодолеть и последний гребень подъёма, и когда наконец перед ними открылась лежащая внизу равнина, речи о том, чтобы задержаться, уже быть не могло. Место, о котором Пророк видел сон, -«орошаемая земля между двумя пространствами чёрных камней», -лежало перед ними; серо-зелёные пальмовые рощи и более светлая зелень садов и огородов в одном месте подходили почти на три мили к подножию склона, по которому им предстояло спуститься.

---

[3] Ахмад бин Мухаммад ибн Ханбал 5, 329

[4] Коран 27,85

Ближайшей точкой зелени была Куба, где большинство переселенцев из Мекки остановились сначала и где многие из них ещё оставались. Пророк сказал проводнику: «Веди нас прямо к бану ‘Амр в Кубе и пока ещё не приближайся к городу», -ибо так называлась наиболее густо населённая часть оазиса. Этот город вскоре стал известен по всей Аравии, а затем и за её пределами как «Город» -по-арабски аль-Мадина, по-английски Medina.

За несколько дней до этого в оазис уже дошла весть из Мекки об исчезновении Пророка и о награде, назначенной за него. Люди Кубы ждали его каждый день, ибо срок его прибытия уже затягивался; поэтому каждое утро, после рассветной молитвы, некоторые из бану ‘Амр выходили его искать, и с ними шли люди из других кланов, живших в этом селении, а также те из переселенцев-курайшитов, которые ещё оставались там и не перебрались в Медину. Они выходили за поля и пальмовые рощи на лавовое поле и, пройдя некоторое расстояние, останавливались и ждали, пока солнце не начинало палить слишком сильно; тогда они возвращались по домам. И в то утро они тоже выходили, но уже успели вернуться к тому времени, когда четверо путников начали спускаться по каменистому склону.

Ни один взгляд уже не был устремлён с ожиданием в ту сторону; но солнце сияло на новых белых одеждах Пророка и Абу Бакра, которые ещё сильнее выделялись на фоне синевато-чёрных вулканических камней, и один иудей, случайно оказавшийся на крыше своего дома, заметил их. Он сразу понял, кто это должен быть, ибо иудеи Кубы спрашивали и получили объяснение, почему столь многие из их соседей каждое утро, без исключения, выходят всей толпой в пустынную местность. И тогда он закричал во весь голос: «Сыны Кайлы, он пришёл, он пришёл!» Крик был тотчас же подхвачен, и мужчины, женщины и дети поспешили из своих домов и вновь устремились на полосу зелени, ведущую к каменистой местности. Но идти им пришлось недалеко, потому что путники уже достигли самой дальней пальмовой рощи. Это был полдень великой радости для всех, и Пророк обратился к ним со словами: «О люди, приветствуйте друг друга приветствием мира; кормите голодных; чтите узы родства; молитесь в часы, когда люди спят. И так вы войдёте в Рай с миром».[5]

Было решено, что он остановится у Кульсума, старца из Кубы, который прежде уже принял у себя в доме и Хамзу, и Зайда, когда те прибыли из Мекки. Бану ‘Амр, клан Кульсума, принадлежали к Аусу, и, несомненно, отчасти для того, чтобы оба ясрибских племени разделили честь гостеприимства, Абу Бакр поселился у человека из Хазраджа в селении Сунх, которое было немного ближе к Медине. Через день или два из Мекки прибыл ‘Али и остановился в том же доме, что и Пророк. Ему понадобилось три дня, чтобы вернуть всё имущество, оставленное у них на хранение, его владельцам.

Многие теперь приходили приветствовать Пророка, и среди них были некоторые иудеи Медины, которых влекло скорее любопытство, чем доброжелательство. Но на второй или

третий вечер пришёл человек, по виду не похожий ни на кого из остальных, -явно не араб и не иудей. Звали его Салман. Он родился у персидских родителей-зороастрийцев в селении Джайй близ Исфахана, но ещё в ранней юности стал христианином и отправился в Сирию. Там он привязался к одному благочестивому епископу, который на смертном одре посоветовал ему идти к епископу Мосула -старому, как и он сам, но лучшему человеку из всех, кого он знал. Салман отправился на север Ирака, и с этого началась для него целая череда ученичества у престарелых христианских мудрецов, пока последний из них, тоже на смертном одре, не сказал ему, что уже близко время, когда явится Пророк: «Он будет послан с религией Авраама и явится в Аравии, откуда переселится из своей родины в место между двумя лавовыми полями, в страну пальм. Приметы его ясны: он будет есть то, что дано в дар, но не станет есть то, что подано как милостыня; а между его плечами -печать пророчества».

Салман решил присоединиться к Пророку и заплатил группе торговцев из племени Кальб, чтобы они взяли его с собой в Аравию. Но когда они достигли Вади-ль-Кура, близ залива ‘Акаба на севере Красного моря, они продали его в рабство одному иудею. Вид пальм в Вади-ль-Кура заставил его задуматься, не это ли то самое поселение, которое он ищет, но у него были сомнения. Однако вскоре этот иудей продал его своему двоюродному брату из бану Курайза в Медине; и как только Салман увидел расположение местности, он уже без всякого сомнения понял, что именно сюда переселится Пророк.

У нового хозяина Салмана был ещё один двоюродный брат, живший в Кубе; и когда Пророк прибыл, этот иудей из Кубы отправился с новостью в Медину. Он нашёл своего родственника сидящим под одной из пальм; а Салман, работавший на верхушке дерева, услышал, как тот сказал: «Да проклянёт Бог сынов Кайлы! Они сейчас собрались в Кубе вокруг человека, пришедшего к ним сегодня из Мекки. Они утверждают, что он -Пророк».

Эти последние слова наполнили Салмана уверенностью в том, что его надежды исполнились, и потрясение было столь велико, что всё его тело охватила дрожь. Он испугался, как бы не упасть с дерева, и потому спустился; а спустившись на землю, с жаром начал расспрашивать иудея из Кубы, но хозяин рассердился и велел ему возвращаться к работе на дереве. Однако тем же вечером он незаметно ускользнул, взяв с собой часть еды, которую сумел сберечь, и отправился в Кубу, где нашёл Пророка сидящим среди многих сподвижников -и новых, и давних. Салман уже был убеждён, но всё же подошёл к нему и предложил эту еду, особо сказав, что даёт её как милостыню. Пророк велел своим сподвижникам есть её, но сам есть не стал. Салман надеялся, что однажды увидит и печать пророчества; но уже того, что он оказался в присутствии Пророка и услышал его речь, было достаточно для этой первой встречи, и он вернулся в Медину исполненный ликования и благодарности.

38. **ВСТУПЛЕНИЕ В МЕДИНУ**

Пророк прибыл в оазис в понедельник, 27 сентября 622 года н. э.

Вскоре из разных сообщений стало ясно, что жители Медины с нетерпением ждут его прибытия туда, и потому он пробыл в Куба лишь три полных дня, в течение которых заложил основание мечети -первой, построенной в исламе. В пятницу утром он выехал из Куба, и в полдень он и его спутники остановились в долине Рануна, чтобы совершить молитву вместе с хазраджитским кланом Бану Салим, который ожидал его. Это была первая пятничная молитва, которую он совершил в стране, отныне предназначенной стать его домом. Некоторые из его родственников из Бану ан-Наджжар пришли встретить его, а некоторые из Бану ‘Амр сопровождали его из Куба, так что всё собрание насчитывало около ста человек.

После молитвы Пророк сел на Касву, а Абу Бакр и другие курайшиты также сели на своих верблюдов и отправились вместе с ним в город. Справа и слева от них, облачённые в доспехи и с обнажёнными мечами, ехали люди из Ауса и Хазраджа -как почётная стража и как знак того, что клятва защищать его была не пустым словом, хотя они прекрасно знали, что здесь и сейчас он не нуждается ни в какой защите. Никогда ещё не бывало дня большей радости. «Пришёл Посланник Божий! Пришёл Посланник Божий!» -таков был радостный клич, который всё громче поднимался из уст мужчин, женщин и детей, выстроившихся вдоль пути. Касва задавала медленный и величавый темп шествию, проходившему среди садов и пальмовых рощ к югу от Медины. Дома там были ещё редки и стояли далеко друг от друга, но постепенно они въехали в более плотно застроенные кварталы, и многие наперебой приглашали его. «Остановись здесь, о Посланник Божий, ибо у нас есть для тебя сила, защита и изобилие». Не раз какой-нибудь человек или группа соплеменников брались за повод Касвы. Но всякий раз Пророк благословлял их, а затем говорил: «Отпустите её, ибо она движется по велению Бога».

В какой-то момент показалось, что она направляется к домам ближайших родственников Пророка из ветви ‘Ади великого хазраджитского клана Наджжар, ибо свернула в восточную часть города, где жила большая часть этого клана. Но она прошла мимо того места, где он в детстве останавливался со своей матерью, и мимо всех прочих домов его ближайших родичей, несмотря на их настойчивые мольбы, чтобы он устроил там свой дом. Пророк дал им тот же ответ, что и другим, и им оставалось только покориться.

Теперь он достиг домов ветви Бану Малик из клана Наджжар. К этому подклану принадлежали двое из тех шестерых людей, которые присягнули ему за год до Первой ‘Акабы, -Ас‘ад и ‘Ауф; и здесь Касва свернула с дороги в большой обнесённый стеной двор, где росло несколько финиковых пальм и стояли развалины какого-то строения. Один его

конец когда-то использовался как место погребения. Там же было и место, отведённое для сушки фиников. Медленно она направилась к грубому ограждению, которое Ас‘ад устроил как место молитвы, и там, у входа, опустилась на колени. Пророк отпустил её повод, но не сошёл; и спустя мгновение она поднялась на ноги и начала неторопливо удаляться. Но, отойдя совсем немного, остановилась, повернула назад и вернулась туда, где опустилась в первый раз. Затем она снова опустилась на колени; и на этот раз прижала грудь к земле. Пророк сошёл и сказал: «Здесь, если будет на то воля Божья, будет жилище».[1]

Затем он спросил, кому принадлежит этот двор, и Му‘аз, брат ‘Ауфа, сказал ему, что он принадлежит двум мальчикам-сиротам, Сахлю и Сухайлю. Они находились под опекой Ас‘ада, и Пророк попросил привести их к нему, но они уже были неподалёку и подошли и встали перед ним. Он спросил их, продадут ли они ему этот двор, и велел назвать цену, но они сказали: «Нет, о Посланник Божий, мы дарим его тебе». Однако он не захотел принять его в дар, и цена была установлена при помощи Ас‘ада. Тем временем Абу Айюб Халид, живший поблизости, отвязал поклажу и перенёс её в свой дом. Другие люди из этого клана теперь тоже подошли и стали умолять Пророка быть их гостем, но он сказал: «Человек должен быть там, где его поклажа». Абу Айюб был первым из этого клана, кто присягнул ему при Второй ‘Акабе. Теперь он и его жена удалились в верхнюю часть своего дома, оставив нижний этаж Пророку; а Ас‘ад отвёл Касву во двор своего собственного дома, который находился неподалёку.

[1] Бухари 58

39. **СОГЛАСИЕ И РАЗЛАД**

Пророк распорядился, чтобы его недавно приобретённый двор был превращён в мечеть, и, как прежде в Куба, к работе приступили немедленно. Большая часть постройки была возведена из кирпича, но посреди северной стены, то есть стены, обращённой к Иерусалиму, по обе стороны молельной ниши были положены камни. Пальмы, росшие во дворе, срубили, а их стволы использовали как столбы для поддержки кровли из пальмовых ветвей; однако большая часть двора оставалась открытой.

Мусульман Медины Пророк назвал **ансарами**, то есть Помощниками, тогда как мусульман из Курайша и других племён, покинувших свои дома и переселившихся в оазис, он называл **мухаджирами**, то есть Переселенцами. Все принимали участие в работе, в том числе и сам Пророк, и во время труда они распевали два стиха, которые один из них сложил для этого случая:

О Боже, нет иного блага, кроме блага будущей жизни,
Так помоги же Помощникам и Переселенцам.

А иногда они пели:

Нет иной жизни, кроме жизни будущей.
Милость, о Боже, Переселенцам и Помощникам.

Можно было надеяться, что эти две группы укрепятся третьей, и теперь Пророк заключил договор о взаимных обязательствах между своими последователями и иудеями оазиса, образовав из них единую общину верующих, но с сохранением различий между двумя религиями. Мусульмане и иудеи должны были пользоваться равным положением. Если иудея обижали, то в восстановлении его прав должны были помогать и мусульманин, и иудей; так же и в том случае, если обижали мусульманина. В случае войны против многобожников они должны были сражаться как один народ, и ни иудеи, ни мусульмане не должны были заключать отдельного мира, но мир должен был быть неделим. В случае разногласий, спора или распри дело следовало передавать Богу через Его Посланника. Однако в договоре не было прямо оговорено, что иудеи обязаны формально признать Мухаммада Посланником и Пророком Божьим, хотя по всему тексту документа он именовался именно так.

Иудеи приняли этот договор по политическим причинам. Пророк уже был, без сравнения, самым могущественным человеком в Медине, и его влияние, по-видимому, должно было ещё возрасти. У них не было выбора, кроме как согласиться; и всё же очень немногие из них были способны поверить, что Бог пошлёт Пророка, который не будет иудеем. Поначалу они внешне держались дружелюбно, каковы бы ни были их разговоры между собой и как

бы прочно они ни пребывали в сознании собственного превосходства -огромного и несравненного превосходства избранного народа над всеми прочими. Но хотя их скептицизм по отношению к новой религии обычно оставался скрытым, они всегда были готовы разделить его с любым арабом, в котором могли заметить сомнение в божественном происхождении Откровения.

Ислам продолжал быстро распространяться среди кланов Ауса и Хазраджа, и некоторые верующие с надеждой смотрели на день, когда благодаря договору с иудеями весь оазис станет единым и согласным целым. Но теперь Откровение предостерегало о скрытых элементах разлада. Именно в это время начала ниспосылаться самая длинная сура Корана - **аль-Бакара** («Корова»), которая помещена в начале Книги, сразу после семи стихов **аль-Фатихи**, Открывающей. Она начинается определением тех, кто идёт прямым путём:

Алиф. Лям. Мим. Эта книга - нет сомнения в том - руководство для богобоязненных, тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву и из того, чем Мы их наделили, расходуют, и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и в последней жизни они убеждены. Они на прямом пути от их Господа, и они - достигшие успеха..[1]

Затем, после упоминания о неверующих, глухих и слепых к истине, говорится о третьей группе людей:

И среди людей некоторые говорят: "Уверовали мы в Аллаха и в последний день". Но они не веруют... И когда они встречают тех, которые веровали они говорят: "Мы увероволи! А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: "Мы ведь - с вами, мы ведь только издеваемся".[2]

Это были колеблющиеся, сомневающиеся и лицемерные люди Ауса и Хазраджа -во всех различных степенях их неискренности; а их сатанами, то есть вдохновителями ко злу, были мужчины и женщины из числа неверующих, делавшие всё возможное, чтобы сеять семена сомнения. Здесь Пророк получил предупреждение о проблеме, которая в Мекке его совершенно не тревожила. Там в искренности тех, кто принимал ислам, никогда нельзя было сомневаться. Причины обращения могли быть только духовными, ибо в делах этого мира новообращённый ничего не приобретал, а во многих случаях многое терял. Но теперь появились и некоторые земные причины для вступления в новую религию, и число таких причин неуклонно росло. Дни, когда в рядах мусульман вовсе не было лицемеров, ушли навсегда.

---

[1] Коран 2, 2-5
[2] Коран 2, 8, 14

Некоторые из упомянутых здесь сатан были из числа иудеев. В том же Откровении было сказано:

Многие из обладателей писания[3] хотели бы обратить вас после вашей веры в неверных по зависти в них самих, после того как ясна стала им истина.[4]

Иудеи с нетерпением ожидали прихода предсказанного Пророка, но не ради того духовного просветления, которое это принесло бы, а ради того, чтобы вернуть себе прежнее главенство в Ясрибе; и теперь к своему огорчению они увидели, что истину о Едином Боге возвещает потомок Исмаила, а не Исаака, и успех его был поистине таков, что наводил на мысль о божественной поддержке. Они боялись, что он и впрямь может быть обещанным Пророком; отсюда и их зависть к народу, к которому он был послан. Они всё же продолжали надеяться, что это не так, и неустанно пытались убедить как себя, так и окружающих в том, что у него отсутствуют подлинные признаки Посланника, ниспосланного свыше«.

Мухаммад утверждает, что к нему приходят вести с Неба, а сам не знает, где его верблюдица», -сказал один иудей в тот день, когда одна из верблюдиц Пророка отбилась. «Я знаю лишь то, что Бог даёт мне знать, -сказал Пророк, услышав об этом, -и вот что Он мне показал: она в таком-то ущелье, поводом зацепилась за дерево».[5] И некоторые из ансаров пошли и нашли её именно там, где он сказал.

Многие из иудеев сперва приветствовали то, что, по-видимому, означало конец всякой опасности нового всплеска гражданской войны в оазисе. Однако в этой опасности были и свои выгоды, ибо разделение между арабами весьма повышало значение неарабов, которые были весьма востребованы как союзники. Но объединение Ауса и Хазраджа сделало старые союзы ненужными, одновременно придав арабам Ясриба грозную силу. Союз иудеев с Пророком позволял им разделить эту силу. Но это также означало принятие на себя обязательств на случай войны против куда большей арабской силы, лежавшей за пределами оазиса; могли быть и другие серьёзные неудобства в новом порядке вещей, который ещё не был испытан, тогда как старый порядок они знали и были настолько искусны во всех его путях, что многие из них вскоре начали тосковать по возвращению к нему.

Один пожилой иудейский политик из Бану Кайнука, мастер в искусстве использовать раздоры между арабскими племенами, особенно тяжело воспринимал новую дружбу между Аусом и Хазраджем. Поэтому он велел одному юноше из своего племени, обладавшему красивым голосом, пойти и сесть среди ансаров, когда они соберутся вместе, и прочитать им некоторые стихи, сложенные людьми обоих племён непосредственно до и после Бу‘аса, последней битвы гражданской войны, -стихи, полные поношения врагов, славословия

[3] Библия
[4] Коран 2, 109
[5] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 361

подвигам, плача по павшим, угроз мщения. Юноша сделал, как ему было велено, и быстро завладел вниманием всех присутствовавших, перенося их из настоящего в прошлое. Люди Ауса горячо рукоплескали стихам Ауса, а люди Хазраджа -стихам Хазраджа; затем обе стороны начали спорить, хвалиться, выкрикивать оскорбления и угрозы, пока, наконец, не раздался крик: «К оружию! К оружию!» -и они вышли на лавовое поле, намереваясь снова возобновить бой.

Когда весть об этом дошла до Пророка, он собрал всех мухаджиров, которые были под рукой, и поспешил туда, где два войска уже стояли друг против друга в боевом порядке. «О мусульмане», -сказал он, а затем дважды произнёс Божественное Имя: «Аллах! Аллах!» - «Неужели вы будете поступать, как в дни Неведения, несмотря на то, что я среди вас, и Бог направил вас к исламу, и почтил вас им, и тем самым дал вам порвать с языческими обычаями, и тем самым спас вас от неверия, и тем самым соединил ваши сердца?»[6]

Тотчас же они поняли, что были сбиты с пути, и заплакали, и обняли друг друга, и вернулись вместе с Пророком в город, внимая его словам и покоряясь им.[6]

Чтобы ещё более сплотить общину верующих, Пророк теперь установил братский союз между ансарами и мухаджирами, так что каждый из ансаров получал брата из мухаджиров, который становился ему ближе любого ансара, и каждый мухаджир получал брата из ансаров, который становился ему ближе любого мухаджира. Но самого себя и свою семью он сделал исключением, ибо было бы слишком щекотливо выбрать себе в братья одного из ансаров, предпочтя его другим. Поэтому он взял ‘Али за руку и сказал: «Это мой брат», -а Хамзу сделал братом Зайда.

Среди главных противников ислама были два двоюродных брата, сыновья двух сестёр, но по отцовской линии -один из Ауса, другой из Хазраджа; и каждый пользовался большим влиянием в своём племени. Человека из Ауса, Абу ‘Амира, иногда называли **Монахом**, потому что он давно вёл аскетическую жизнь и, как было известно, носил власяницу. Он утверждал, что исповедует религию Авраама, и приобрёл некоторый религиозный авторитет среди жителей Ясриба. Вскоре после прибытия Пророка он пришёл к нему, будто бы для того, чтобы расспросить о новой религии. В ответ он услышал слова Откровения, которое уже не раз определяло её как религию Авраама.[7]

«Но ведь я и есть её последователь», -сказал Абу ‘Амир и, упорно не принимая возражений, обвинил Пророка в искажении авраамической веры. «Нет, -сказал Пророк, -я принёс её

[6] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», 386
[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 135

чистой и ясной». «Да даст Бог лжецу умереть одиноким, отверженным изгнанником! » - сказал Абу ‘Амир. «Да будет так», -ответил Пророк. «Да сделает Бог это с тем, кто лжёт! »[8]

Абу ‘Амир вскоре увидел, что его влияние быстро теряет вес; ещё сильнее озлобляла его преданность его сына Ханзалы Пророку. Не прошло много времени, как он решил отправиться в Мекку со своими оставшимися последователями, которых было около десяти, по-видимому, не сознавая, что этим начинается его собственное изгнание, которое он сам на себя навлёк.

Его двоюродным братом из Хазраджа был ‘Абдаллах ибн Убайй, который тоже чувствовал, что с приходом Пророка его надежды рухнули и что он лишился не духовного авторитета, а главной светской власти в ясрибском оазисе. Ему также было горько видеть, что его собственный сын, ‘Абдаллах, всецело покорился Пророку, как и его дочь Джамиля. Но, в отличие от Абу ‘Амира, Ибн Убайй был готов ждать, думая, что рано или поздно подавляющее влияние пришельца начнёт ослабевать. Пока же его политикой было держаться как можно более уклончиво, хотя порой он всё же невольно выдавал свои чувства.

Один такой случай произошёл, когда другой вождь Хазраджа, Са‘д ибн ‘Убада, заболел, и Пророк отправился навестить его. Все состоятельные жители оазиса возводили свои дома наподобие крепостей; проходя по дороге, он миновал Музахам -укреплённое жилище Ибн Убайя, который сидел в тени его стен в окружении нескольких соплеменников и других представителей хазраджитов. Из вежливости к этому вождю Пророк сошёл со своего осла и, подойдя приветствовать его, некоторое время посидел с ним, читая Коран и призывая его к исламу. Когда он сказал всё, что счёл нужным сказать, Ибн Убайй повернулся к нему и сказал: «Ничего не может быть лучше этих твоих речей -если только это правда. Так сиди же у себя дома, в собственном доме, и кто придёт к тебе -тому и говори так; а кто не приходит -того не тяготи своими словами и не входи в собрание людей с тем, что им не любо».

«Нет, -раздался голос, -приходи к нам с этим, и посещай нас в наших собраниях, в наших кварталах и наших домах, ибо это мы любим, и это Бог даровал нам по Своей милости, и к этому Он нас направил». Говорившим был ‘Абдаллах ибн Раваха -человек, на поддержку которого, как думал Ибн Убайй, он мог рассчитывать в любом деле. Разочарованный вождь мрачно произнёс стих в том смысле, что, когда человека покидают друзья, он неизбежно бывает побеждён. Теперь он яснее, чем когда-либо, понял, что сопротивляться бесполезно.

Что же до Пророка, то он ушёл глубоко опечаленный, несмотря на горячие слова ‘Абдаллаха; и когда он вошёл в дом больного, полученная отповедь всё ещё словно была

[8] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», 411-412

написана у него на лице. Са‘д тотчас спросил, что его тревожит, и когда ему рассказали о непробиваемом неверии Ибн Убайя, он сказал: «Обходись с ним мягко, о Посланник Божий, ибо когда Бог привёл тебя к нам, мы уже тогда готовили ему венец, чтобы возложить его на него; и он думает, что ты лишил его царства».

Пророк никогда не забыл этих слов. Что же до Ибн Убайя, то он вскоре увидел, что его влияние, некогда столь великое, быстро тает и что если он не войдёт в ислам, то оно исчезнет совсем. С другой стороны, он понимал, что хотя бы внешнее принятие ислама укрепит его положение, ибо арабы не любили разрывать старые узы верности, если на то не было очень серьёзной причины. Поэтому вскоре он решил принять ислам; но хотя он формально присягнул Пророку и после этого регулярно посещал молитвы, верующие так и не почувствовали к нему полного доверия. Были и другие, относительно которых они столь же сомневались, но Ибн Убайй отличался от большинства вялых или неискренних новообращённых своим далеко идущим влиянием, что делало его ещё более опасным.

В первые месяцы, пока мечеть ещё строилась, общину постигла тяжёлая утрата -смерть Ас‘ада, первого человека в оазисе, присягнувшего Пророку. Именно он принимал у себя Мус‘аба и так тесно сотрудничал с ним в течение года между двумя ‘Акабами. Пророк сказал: «Иудеи и арабские лицемеры непременно скажут обо мне: “Если бы он был Пророком, его спутник не умер бы”. Но поистине моя воля ничего не может ни для меня, ни для моего спутника против Воли Бога».[9]

Возможно, именно на похоронах Ас‘ада состоялась вторая встреча Салмана Перса с Пророком, ибо сам Салман в поздние годы описывал эту встречу сыну ‘Аббаса, говоря: «Я пришёл к Посланнику Божьему, когда он был в Баки‘аль-Гаркад,[10] куда он последовал за погребальными носилками одного из своих сподвижников». Салман знал, что он будет там, и сумел отлучиться от своей работы вовремя, чтобы прийти на кладбище уже после погребения, когда Пророк всё ещё сидел там с некоторыми из мухаджиров и ансаров.

«Я приветствовал его, -рассказывал Салман, -а затем обошёл его сзади в надежде, что смогу увидеть Печать Пророчества. И он понял, чего я желаю, поэтому взял свой плащ и сбросил его со спины, и я увидел Печать Пророчества в точности такой, как мой наставник описал её мне. Я наклонился к ней, поцеловал её и заплакал. Затем Посланник Божий велел мне перейти вперёд; я сел перед ним и рассказал ему свою историю, и он был рад, что его сподвижники услышали её. Тогда я вступил в ислам»[11].

---

[9] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 346

[10] Кладбище на юго-востоке Медины

[11] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 141; Мухаммад Ибн Са’д Китаб аль-Табагат аль-Кабир 4, 56

Но Салмана, как раба у Бану Курайза, принуждали к тяжёлой работе, и в течение следующих четырёх лет он мог иметь лишь мало общения со своими собратьями-мусульманами.

Другим человеком из Людей Писания, принявшим ислам в это время, был раввин из Бану Кайнука -Хусайн ибн Саллам. Он тайно пришёл к Пророку и присягнул ему. Тогда Пророк дал ему имя ‘Абдаллах, а новый обращённый предложил, чтобы прежде, чем его принятие ислама станет известным, его соплеменников спросили о том, какое положение он занимает среди них. Пророк скрыл его у себя в доме и послал за некоторыми из видных людей Кайнука. «Он наш вождь, -сказали они в ответ на его вопрос, -и сын нашего вождя; он наш раввин и наш учёный». Тогда ‘Абдаллах вышел к ним и сказал: «О иудеи, бойтесь Бога и примите то, что Он ниспослал вам, ибо вы знаете, что этот человек -Посланник Божий». Затем он объявил о своём собственном исламе и об исламе своей семьи; и его народ стал поносить его и отверг его доброе имя среди них, которое прежде сам же признавал.

Теперь ислам твёрдо утвердился в оазисе. Откровение предписало подаяние и пост месяца Рамадан, а также в общих чертах установило, что запретно и что дозволено. Пять ежедневных обрядовых молитв регулярно совершались коллективно, и когда приходило время каждой молитвы, люди собирались на том месте, где строилась мечеть. Время все определяли по положению солнца на небе, или по первым признакам его света на восточном горизонте, или по угасанию его зарева на западе после заката; но мнения могли расходиться, и Пророк почувствовал необходимость в средстве, которое призывало бы людей на молитву, когда наступит нужное время.

Сначала он подумал назначить человека, чтобы тот трубил в рог, как у иудеев, но затем решил использовать деревянную колотушку, **накус**, подобную той, какой пользовались восточные христиане в то время, и для этой цели были изготовлены две деревянные дощечки. Однако им так и не суждено было войти в употребление, ибо однажды ночью одному человеку из Хазраджа, ‘Абдаллаху ибн Зайду, который был при Второй ‘Акабе, приснился сон, который на следующий день он рассказал Пророку:

«Мимо меня проходил человек в двух зелёных одеждах, и в руке у него был накус. И я сказал ему: “О раб Божий, не продашь ли ты мне этот накус?” “А что ты будешь с ним делать?” -спросил он. “Мы будем призывать им людей на молитву”, -ответил я. “Не показать ли мне тебе нечто лучшее?” -сказал он. “Что же это?” -спросил я, и он ответил: “Чтобы ты говорил: ‘Аллах превелик -Аллаху акбар’”.»

Человек в зелёном повторил это возвеличивание четырежды, затем дважды каждое из следующих слов: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Бога; свидетельствую, что Мухаммад -Посланник Бога; идите на молитву; идите к спасению; Аллах превелик»; а затем ещё раз: «Нет божества, кроме Бога».

Пророк сказал, что это было истинное видение, и велел ему пойти к Билялу, который обладал прекрасным голосом, и научить его этим словам в точности так, как он услышал их во сне. Самый высокий дом по соседству с мечетью принадлежал женщине из клана Наджжар, и Билял перед каждым рассветом приходил туда и сидел на крыше, ожидая зарю. Когда он видел первый слабый свет на востоке, он простирал руки и говорил в мольбе: «О Боже, я восхваляю Тебя и прошу Твоей помощи для Курайша, чтобы они приняли Твою религию». Затем он вставал и произносил призыв к молитве.

40. **НОВЫЕ ДОМОЧАДЦЫ**

Когда строительство мечети подходило к завершению, Пророк велел пристроить к её восточной стене два небольших жилища: одно -для своей жены Сауды, другое -для своей обручённой, ‘Аиши. Всё строительство заняло около семи месяцев, и всё это время он жил у Абу Айюба. Когда дом Сауды был почти готов, он отправил Зайда, чтобы тот привёз её в Медину вместе с Умм Кульсум и Фатимой; Абу Бакр же послал весть своему сыну ‘Абдаллаху, чтобы тот привёл Умм Руман, Асму и ‘Аишу. Тогда же Зайд привёз свою жену Умм Айман и их маленького сына Усаму. Вместе с ними переселился и Талха, распродав всё своё недвижимое имущество. Вскоре после их прибытия Абу Бакр выдал Асму замуж за Зубайра, который вместе со своей матерью Сафийей уже несколько месяцев находился в Медине. Сестра Абу Бакра, Курайба, осталась в Мекке, чтобы ухаживать за их отцом Абу Кухафой, который был стар и слеп. В отличие от неё, он ещё не принял ислам.

Затем Пророк решил, что помимо Умм Айман Зайду следует иметь ещё одну жену -ближе к нему по возрасту, -и попросил у своего двоюродного брата ‘Абдаллаха ибн Джахша руки его красивой сестры Зайнаб. Сначала Зайнаб не желала этого брака, и у неё были на то основания, как впоследствии выяснилось. Её довод -что она из курайшитов -был не вполне убедителен: её мать, Умайма, происходившая из чистого курайшитского рода, была замужем за человеком из племени Асад; к тому же и без учёта усыновления Зайда в курайшитской среде нельзя было сказать, что племена его родителей -Бану Кальб и Бану Тайй -уступают Бану Асад. Увидев, что это желание Пророка, она согласилась, и брак состоялся. Примерно в то же время её сестра Хамна была выдана за Мус‘аба. Вскоре после этого Умайма прибыла в Медину и принесла присягу Пророку.

Пророк и его дочери переселились к Сауде в её новый дом, и спустя месяц или два было решено совершить брак с ‘Аишей. Ей было тогда всего девять лет -ребёнок необыкновенной красоты, как и следовало ожидать по её происхождению. Её отца курайшиты называли ‘Атик за его красивое лицо[1], а о её матери Пророк сказал: «Кто желает увидеть женщину из широкооких гурий Рая -пусть взглянет на Умм Руман»[2].

‘Аиша с ранних лет была близка Пророку и любила его: она видела его почти каждый день, за исключением тех месяцев, когда он и её отец уже переселились, а она с матерью оставалась в Мекке. Она знала, что он -Посланник Аллаха, что к нему нисходит ангел Джибриль и что он вознёсся на небеса и возвратился. В его присутствии ощущалось нечто от этой близости к небесам; его прикосновение было прохладнее снега и благоуханнее

[1] Ибн Хишам «*Сира*», 161
[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 7, 202

мускуса[3]. Он казался вне времени: его глаза сохраняли блеск, волосы -чёрный цвет, а в его облике была лёгкость человека, которому дали лишь половину его прожитых лет.

К свадьбе почти не готовились -настолько, что у ‘Аиши не возникло ощущения особого торжества. Незадолго до выхода она даже выбежала во двор поиграть с подругой. «Я качалась на качелях, -вспоминала она, -с распущенными волосами; меня позвали, увели от игры и привели в порядок»[4].

Абу Бакр купил для неё красивую красно-полосатую ткань из Бахрейна, из которой сшили свадебное платье. Мать привела её в новый дом, где у входа её ожидали женщины из числа ансаров. Они приветствовали её словами: «Во благо и на счастье -да будет всё хорошо», -и ввели к Пророку. Он стоял, улыбаясь, пока они расчёсывали ей волосы и украшали её. В отличие от других его браков, свадебного пира не было -всё прошло как можно проще. Принесли чашу молока: он отпил и подал ей. Она сначала смутилась и отказалась, но по его просьбе всё же выпила и передала чашу Асме. После этого все разошлись, оставив их вдвоём.

Последние три года едва ли проходил хоть один день без того, чтобы одна или несколько подруг ‘Аиши не приходили играть с нею во дворик, примыкавший к дому её отца. Переезд в дом Пророка ничего в этом отношении не изменил. Теперь подруги ежедневно навещали её уже в её собственных покоях -и новые, которых она завела после приезда в Медину, и некоторые из прежних, чьи родители, как и её родители, тоже совершили переселение.

«Я играла со своими куклами, -рассказывала она, -вместе с девочками, которые были моими подругами. Когда входил Пророк, они тихонько выбегали из дому, а он выходил за ними, приводил их обратно, потому что ему было приятно ради меня видеть их у меня[5]». Иногда он говорил: «Не надо уходить, оставайтесь[6] », -прежде чем они успевали убежать. Он и сам порою принимал участие в их играх, ибо любил детей и часто играл со своими дочерьми.

Куклы, или фигурки, изображали самые разные персонажи. «Однажды, -рассказывала ‘Аиша, -Пророк вошёл, когда я играла с куклами, и сказал: “О ‘Аиша, что это у тебя за игра?” Я ответила: “Это кони Сулаймана”, -и он рассмеялся».[7] Иногда же он, входя, просто закрывался своей туникой, чтобы не мешать им.

Но в жизни ‘Аиши была и более серьёзная сторона. Ясриб был известен по всей Аравии как место, где в определённые времена года свирепствовала сильная лихорадка, особенно

---

[3] Бухари 51, 22
[4] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 40-41
[5] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 42
[6] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 41
[7] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 42

опасная для тех, кто не был уроженцем этого оазиса. Сам Пророк избежал болезни, однако многих его сподвижников она поразила тяжело -среди них были Абу Бакр и двое его вольноотпущенников, ‘Амир и Билял, которые в то время жили вместе с ним.

Однажды утром ‘Аиша пришла навестить отца и с тревогой увидела, что все трое лежат без сил, в крайнем изнеможении. «Как ты себя чувствуешь, отец?» -спросила она. Но он был слишком болен, чтобы ответить так, как отвечают девятилетней девочке, и вместо этого произнёс два стиха:

«Каждое утро человек приветствует своих близких,
а смерть к нему ближе, чем ремешок его сандалии».

‘Аише показалось, что он сам не понимает, что говорит, и она обратилась к ‘Амиру. Но и тот ответил ей стихами -в том смысле, что, хотя он и не умер, однако подошёл к смерти так близко, что успел узнать, на что она похожа.

Тем временем лихорадка уже оставила Биляла, хотя он был ещё слишком слаб, чтобы делать что-либо, кроме как лежать во дворе дома. Но в голосе его ещё оставалось достаточно силы, чтобы напевать:

«О, доведётся ли мне ещё хоть раз уснуть ночной порою
среди тимьяна и нарда, что растут близ Мекки?
Доведётся ли мне пить воды Маджанны[8]
и видеть перед собою Шаму и Тафиль?[9]»

‘Аиша вернулась домой глубоко встревоженная.

«Они бредят, -сказала она, -от жара лихорадки, они не в своём уме».

Но Пророк несколько успокоился, когда она, с цепкой детской памятью, почти слово в слово повторила строки, которые они произнесли, хотя и не до конца понимала их смысл. Именно тогда он вознёс молитву:

«О Боже, сделай Медину столь же любимой для нас, как Ты сделал любимой Мекку, а лучше -ещё любимее. Благослови для нас её воды и её зерно и унеси из неё её лихорадку далеко -до Махйа‘а[10]»[11].

[8] Местность около Мекки
[9] Два холма у Мекки
[10] Место к югу от Медины, на расстоянии 7 дней караванного хода
[11] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 414

И Бог ответил на его молитву.

41. **НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ**

Дозволено тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены... Поистине, Аллах может помочь им, тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: "Господь наш - Аллах".[1]

Это Откровение Пророк получил вскоре после своего прибытия в Медину. Более того, он знал, что это разрешение было в то же время и повелением, а обязанности войны уже были подчёркнуты в договоре с иудеями. Но в тот момент не могло быть и речи ни о чём, кроме набегов. Курайшиты были уязвимы в своих караванах, и особенно весной и в начале лета, когда их торговля с Сирией была наиболее оживлённой, они были открыты для нападения из Медины. Осенью же и зимой они отправляли большую часть своих караванов на юг - главным образом в Йемен и в Абиссинию.

Сведения, поступавшие в Медину о караванах, редко бывали точными, к тому же в последний момент планы могли измениться. В первые набеги, предпринятые из Медины, мекканские караваны несколько раз вовсе ускользали от мусульман, но всё же им удалось заключить договоры с бедуинскими племенами в стратегически важных пунктах вдоль побережья Красного моря.

Когда Пророк сам выступал в поход, он назначал одного из своих сподвижников управлять Мединой во время его отсутствия, и первым, кому была оказана эта честь, стал вождь хазраджитов Са ‘д ибн ‘Убада. Это было через одиннадцать месяцев после Хиджры; до того Пророк сам не принимал участия в экспедициях, и всякий раз, оставаясь в городе, вручал предводителю белое знамя, укреплённое на копье. В течение первого года он посылал в походы только тех своих сподвижников, которые были из числа переселенцев. Но в сентябре 623 года пришла весть, что с севера возвращается богатый мекканский караван под охраной Умаййи, вождя джумахитов, со ста вооружёнными людьми.

Умаййя всегда был одним из самых яростных врагов ислама; другой же причиной для нападения была сама добыча. Говорили, что товары этого каравана были навьючены едва ли не на две с половиной тысячи верблюдов. Но одни только переселенцы не могли бы тягаться со ста курайшитами, и потому на этот раз Пророк выступил с двумястами людьми, более половины которых составляли помощники. Однако и на сей раз сведения оказались недостаточными, и встречи с караваном не произошло.

Точно так же, примерно три месяца спустя, они упустили и другой богатый караван, охранявшийся слабее, который вёл в Сирию Абу Суфьян из рода ‘Абд Шамс. Весть о нём пришла слишком поздно, и когда Пророк со своими людьми достиг ‘Ушайры в долине Янбу

[1] Коран 22, 39-40

‘, выходящей к Красному морю к юго-западу от Медины, караван уже прошёл. Но Абу Суфьяну предстояло вскоре возвращаться из Сирии, быть может, с ещё более богатым грузом, и тогда, если будет на то воля Божия, им уже не миновать встречи с ним.

Хотя до тех пор ещё не произошло ни одного сражения, курайшиты уже ясно сознавали опасность того, что в Ясрибе утвердился враг. Однако им казалось, что это никоим образом не затронет их торговли с югом. Вскоре им предстояло разувериться в этом: Пророк получил теперь известие о караване, шедшем из Йемена, и послал своего двоюродного брата ‘Абдаллаха ибн Джахша с восемью другими переселенцами подстеречь его у Нахлы, между Таифом и Меккой.

Шёл раджаб, один из четырёх священных месяцев года, и Пророк не дал ‘Абдаллаху никакого повеления нападать на караван, а лишь велел сообщить ему вести о нём. Несомненно, он хотел узнать, насколько хорошо охраняются южные караваны, для будущих действий против них.

Вскоре после того как переселенцы достигли места назначения и расположились на удобной наблюдательной позиции неподалёку от главного пути, мимо них прошёл небольшой караван курайшитов, а затем остановился и разбил лагерь поблизости, не подозревая об их присутствии. Верблюды были нагружены изюмом, кожами и другими товарами.

‘Абдаллах и его спутники оказались в затруднении: единственное ясное повеление Пророка состояло в том, чтобы принести ему вести; но он не запретил им сражаться и ничего не сказал о священном месяце. Обязательны ли ещё были эти доисламские установления? - спрашивали они себя. Они вспомнили и Откровение: **«Дозволено тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены...тем, которые изгнаны из своих домов без права…»**[2]

Они находились в состоянии войны с курайшитами, и, по меньшей мере, двоих из купцов этого каравана они узнали как людей из рода Махзум -того самого рода в Мекке, который проявил к исламу наибольшую враждебность. Было утро последнего дня раджаба; с заходом солнца начинался ша‘бан, уже не священный месяц, но к тому времени их враги, хотя и лишились бы защиты календаря, были бы защищены расстоянием, ибо успели бы достичь священной территории. И после долгих колебаний они решили напасть.

Их первая стрела сразила человека из Кинаны, союзника рода ‘Абд Шамс; затем они обрушились на ‘Усмана, одного из людей рода Махзум, и Хакама, вольноотпущенника. Те сдались, тогда как брат ‘Усмана, Науфаль, сумел бежать в Мекку.

---

[2] Коран 22, 39

‘Абдаллах и его люди привели пленников, а также верблюдов и товары, обратно в Медину. Пятую часть добычи он отложил для Пророка, а остальное разделил между своими спутниками и самим собой. Но Пророк отказался принять что бы то ни было и сказал: «Я не велел вам сражаться в священный месяц», -и тогда совершившие это подумали, что они погибли. Их собратья в Медине порицали их за то, что они нарушили святость месяца раджаб; иудеи говорили, что это дурное знамение для Пророка, а курайшиты стали повсюду разносить весть о том, что Мухаммад совершил святотатство.

И тогда было ниспослано Откровение: **« Спрашивают они тебя о запретном месяце - сражении в нем. Скажи: "Сражение в нем велико, а отвращение от пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее обитателей - еще больше пред Аллахом: ведь соблазн - больше, чем убиение!"».**[3]

Пророк истолковал это как подтверждение традиционного запрета на войну в священный месяц, но вместе с тем -как указание на исключение в данном особом случае. Он избавил ‘Абдаллаха и его спутников от страха, который столь тяжко лежал у них на сердце, и принял пятую часть добычи на общую пользу всей общины. Род Махзум прислал выкуп за двух пленников, но Хакам, их вольноотпущенник, предпочёл принять ислам и остаться в Медине, так что ‘Усман вернулся один.

В тот же месяц ша‘бан было ниспослано откровение огромной обрядовой важности. Его первые слова касаются той крайней заботы, с какой Пророк стремился правильно определять направление молитвы. В мечети это направление задавал михраб -молитвенная ниша в стене, обращённой к Иерусалиму; но, находясь вне города, он определял его по солнцу днём и по звёздам ночью.

Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. Поверни же свое лицо в сторону запретной мечети. И где бы вы ни были, обращайте свои лица в ее сторону. Ведь те, кому даровано писание, знают, конечно, что это - истина от Господа их, - поистине, Аллах не небрежет тем, что они делают!.[4]

И тотчас в южной стене мечети был устроен михраб, обращённый к Мекке, и это изменение было принято Пророком и его сподвижниками с радостью. С того дня мусульмане стали обращаться во время обрядовой молитвы в сторону Каабы, а вместе с тем и при совершении других обрядов.

[3] Коран 2, 217
[4] Коран 2, 144

42. **ПОХОД НА БАДР**

ВРЕМЯ уже было близко к тому, когда Абу Суфьян должен был вернуться со всеми товарами, которые он и его спутники приобрели в Сирии. Пророк послал Тальху и Са‘ида, двоюродного брата ‘Умара, -сына Зайда-ханифа, -в Хавра, на морской берег прямо к западу от Медины, чтобы они, как только караван прибудет, немедленно доставили ему весть. Это позволило бы ему быстрым маршем на юго-запад перехватить его ниже по побережью. Двух его разведчиков гостеприимно принял один из вождей Джухайны, который укрыл их у себя в доме, пока караван не прошёл мимо. Но и он, и они могли бы не утруждать себя, ибо кто-то в Медине, несомненно один из лицемеров или один из иудеев, уже известил Абу Суфьяна о намерениях Пророка. Тот немедленно нанял человека из племени Гифар по имени Дамдам и велел ему со всей поспешностью отправиться в Мекку и убеждать курайшитов тотчас выступить с войском на выручку каравану; сам же он, не теряя времени, продолжал путь по прибрежной дороге, двигаясь и днём и ночью.

Но не у него одного было чувство срочности. У Пророка были свои причины желать оставаться в Медине как можно дольше, ибо его любимая дочь Рукайя тяжело занемогла. Но личные соображения не могли быть приняты в расчёт, и, чтобы не опоздать, он решил не ждать даже возвращения своих разведчиков. К тому времени, когда они достигли Медины, он уже выступил с войском из переселенцев и помощников -всего в числе трёхсот пяти человек. В ту пору в Медине было семьдесят семь способных носить оружие переселенцев, и все они присутствовали в этот раз, кроме троих: Пророк велел своему зятю ‘Усману остаться дома и ухаживать за больной женой; двое других были Тальха и Са‘ид, которые вернулись с побережья слишком поздно, чтобы успеть выступить.

На первой остановке, ещё в пределах оазиса, двоюродный брат Пророка Са‘д из рода Зухра заметил, что его пятнадцатилетний брат ‘Умайр выглядит встревоженным и скрытным, и спросил его, что с ним. «Я боюсь, -сказал ‘Умайр, -что Посланник Божий увидит меня, скажет, что я слишком молод, и отправит назад. А мне так хочется выступить. Быть может, Бог дарует мне мученическую смерть». Как он и опасался, Пророк заметил его, когда выстраивал войско, сказал, что он ещё слишком юн, и велел ему возвращаться домой. Но ‘Умайр заплакал, и Пророк позволил ему остаться и принять участие в походе. «Он был так юн, -рассказывал Са‘д, -что мне пришлось самому застёгивать ремни его мечного пояса».

У них было семьдесят верблюдов, на которых люди ехали по очереди, по три-четыре человека на одного верблюда, и три лошади, одна из которых принадлежала Зубайру. Белое знамя было вручено Мус‘абу -несомненно потому, что он принадлежал к роду ‘Абд ад-Дар, за которым по наследству сохранялось право нести знамя курайшитов на войне. За передовым отрядом следовал сам Пророк, впереди которого несли два чёрных стяга: один -для переселенцев, другой -для помощников. Их несли соответственно ‘Али и Са‘д ибн Му‘аз из рода Аус. Во время отсутствия Пророка в Медине молитвами должен был

руководить Ибн Умм Мактум, тот самый слепец, о котором говорится в Откровении: **«Он нахмурился и отвернулся, когда к нему пришёл слепой»**[1].

В Мекке, незадолго до прибытия Дамдама, тётке Пророка ‘Атике приснился сон, который привёл её в ужас и оставил в ней твёрдое ощущение надвигающейся беды для курайшитов. Она послала за своим братом ‘Аббасом и рассказала ему, что видела: «Я видела человека верхом на верблюде; он остановился в долине и закричал во весь голос: “Спешите, о люди вероломства, к бедствию, которое через три дня повергнет вас ниц!” Я увидела, как вокруг него собрались люди. Потом он вошёл в Священную мечеть, и народ последовал за ним; и из самой их среды верблюд поднял его на крышу Каабы, и снова он выкрикнул те же слова. Потом верблюд вознёс его на вершину горы Абу Кубайс, и там он ещё раз воззвал к людям так же, как прежде. Затем он вырвал скалу и пустил её с грохотом вниз по склону, и когда она достигла подножия горы, то разлетелась на куски; и не осталось в Мекке ни дома, ни жилища, которое не было бы поражено одним из её осколков».

‘Аббас пересказал сон своей сестры сыну ‘Утбы, Валиду, который был его другом; Валид же рассказал об этом отцу, и весть разнеслась по всему городу. На другой день Абу Джахль в присутствии ‘Аббаса с насмешливым торжеством воскликнул: «О сыны ‘Абд аль-Мутталиба, с каких это пор среди вас появилась пророчица, изрекающая свои прорицания? Разве вам мало того, что ваши мужчины разыгрывают из себя пророков? ‘Аббас не нашёлся, что возразить, но на следующий день Абу Джахль получил ответ, когда утёсы Абу Кубайса огласились могучим голосом Дамдама. Люди хлынули из своих домов и из мечети к тому месту в долине, где он остановился. Абу Суфьян щедро заплатил ему, и тот решил сыграть свою роль как следует. Он повернул седло задом наперёд и сидел спиной к голове своего верблюда; а в знак бедствия он рассёк верблюду ноздри, так что кровь хлестала из них, и разодрал в клочья собственную рубаху. «О люди Курайша! -кричал он. -Вьючные верблюды! Вьючные верблюды! Ваши товары, что с Абу Суфьяном! Мухаммад и его спутники напали на них! На помощь!

Город тотчас пришёл в смятение. Караван, который теперь оказался в опасности, был одним из самых богатых в году, и слишком многие имели основания страшиться его утраты. Быстро было собрано войско числом около тысячи человек. «Неужели Мухаммад и его спутники думают, что это будет как с караваном Ибн аль-Хадрами? » -говорили они, имея в виду ‘Амра, союзника рода ‘Абд Шамс, который был убит стрелой в священный месяц у Нахлы. Лишь род ‘Ади не принял участия в этом походе. Все прочие родовые вожди вывели свои отряды, кроме Абу Лахаба, который вместо себя отправил человека из рода Махзум, задолжавшего ему деньги. Но у Бану Хашим и Бану аль-Мутталиб тоже были свои доли в караване, и они считали делом чести выступить на его защиту; поэтому Талиб повёл отряд людей из обоих родов, а ‘Аббас отправился вместе с ними, быть может, намереваясь

[1] См.стр.64

выступить миротворцем. Хаким из рода Асад, племянник Хадиджи, пошёл с той же целью. Подобно Абу Лахабу, Умаййя из рода Джумах тоже сначала решил остаться дома, ибо был уже пожилым человеком и отличался чрезмерной тучностью; но когда он сидел в мечети, ‘Укба подошёл к нему с курильницей благовоний, поставил её перед ним и сказал: «Умащайся этим, Абу ‘Али, ведь ты из женщин». «Да проклянёт тебя Бог», -сказал Умаййя и стал собираться в путь вместе с прочими.

К этому времени Пророк уже оставил прямую дорогу из Медины на юг и направлялся к Бадру, лежавшему на прибрежной дороге из Сирии в Мекку, к западу от него. Именно там он надеялся перехватить Абу Суфьяна; и он послал вперёд двух союзников из Джухайны, хорошо знавших эту местность, чтобы они разведали вести о караване. В Бадре они остановились на холме над колодцем, и когда пошли за водой, то подслушали разговор двух девушек из селения о долге. «Караван подойдёт завтра или послезавтра, -сказала одна из них, -я поработаю у них и расплачусь с тобой». Услышав это, они поспешили обратно к Пророку с этой вестью. Но если бы они задержались ещё немного, то увидели бы одинокого всадника, приближавшегося к колодцу с запада. То был сам Абу Суфьян, который поспешил вперёд каравана, чтобы узнать, безопасно ли продолжать путь в Мекку кратчайшей дорогой, то есть через Бадр. Подойдя к воде, он увидел там местного жителя и спросил, не видел ли тот чужаков. Тот ответил, что видел двух всадников, которые остановились на холме наверху, потом набрали немного воды и уехали. Абу Суфьян подошёл к месту их стоянки, поднял немного верблюжьего помёта и разломил его на куски. В нём были косточки фиников. «Клянусь Богом, -сказал он, -это корм Ясриба». Он поспешно вернулся к своим спутникам, и, свернув караван с дороги, они двинулись полным ходом вдоль морского берега, оставив Бадр по левую руку.

Тем временем двое разведчиков вернулись к Пророку с известием, что караван ожидается в Бадре на следующий день или через день. Они непременно остановились бы в Бадре, который издавна был одной из важнейших стоянок на пути между Меккой и Сирией, и времени было вполне достаточно, чтобы мусульмане застигли их врасплох и одолели.

И тут пришла весть, что курайшиты выступили с войском спасать свой караван. Такая возможность всегда предусматривалась, но теперь, когда она стала действительностью, Пророк счёл себя обязанным посоветоваться со своими людьми и предоставить им самим выбор между наступлением и отступлением. Абу Бакр и ‘Умар высказались от имени переселенцев за то, чтобы идти вперёд; и затем, как бы в подтверждение всего ими сказанного, союзник рода Бану Зухра, лишь недавно пришедший в Медину, человек по имени Микдад, поднялся и добавил: «О Посланник Божий, делай то, что Бог указал тебе сделать. Мы не скажем тебе того, что сыны Израиля сказали Мусе: “**Мы никогда не войдем туда, пока они там остаются. Ступай же ты и твой Господь и сражайтесь вдвоем, а мы**

здесь будем сидеть”[2]; нет, мы скажем: “Иди ты и Господь твой и сражайтесь, и мы будем сражаться вместе с вами -справа и слева, перед тобой и позади тебя”».

‘Абдаллах ибн Мас‘уд впоследствии рассказывал о том великом свете, который озарил лицо Пророка, когда он услышал эти слова и благословил сказавшего их. Не то чтобы он был удивлён, ибо знал, что переселенцы безоговорочно с ним. Но можно ли было сказать то же самое обо всех присутствовавших здесь помощниках? Войско выступило из Медины в надежде захватить караван. Но теперь казалось, что им, возможно, придётся столкнуться с чем-то гораздо более грозным. Более того, когда помощники приносили ему присягу в ‘Акабе, они говорили, что не отвечают за его безопасность, пока он не войдёт на их территорию, но что, когда он будет с ними, они будут защищать его так же, как защищают своих жён и детей. Готовы ли они были теперь помочь ему против врага, когда он уже не находился в Ясрибе? «Люди, дайте мне ваш совет», -сказал он, обращаясь ко всем вообще, но имея в виду помощников; некоторые из них уже угадали его мысль, хотя никто из них ещё не говорил. И тогда Са‘д ибн Му‘аз поднялся на ноги. «Кажется, -сказал он, -ты имеешь в виду нас, о Посланник Божий». И когда Пророк подтвердил это, он продолжал: «Мы уверовали в тебя, и мы поверили тому, что ты нам возвестил, и свидетельствуем, что то, что ты принёс нам, есть истина; и мы дали тебе твёрдые клятвы слушаться и повиноваться. Так поступай, как пожелаешь, -мы с тобой. Клянусь Тем, Кто послал тебя с истиной, если бы ты повелел нам перейти вон то море и сам бросился бы в него, мы бросились бы вместе с тобой. Ни один из нас не остался бы позади. И мы не страшимся встретить врага завтра. Мы испытаны в войне, надёжны в бою. Быть может, Бог покажет тебе от нас такую доблесть, которая усладит твои очи[3]. Так веди же нас вперёд с благословением Божиим».

Пророк возрадовался его словам; и к нему пришла уверенность, что им действительно придётся иметь дело либо с войском, либо с караваном, но не с тем и другим одновременно. «Вперёд, -сказал он, -и будьте бодры духом, ибо Бог Всевышний обещал мне одну из этих двух сторон; и уже теперь мне как будто видно, как враг лежит поверженный»[4].

Хотя они и были готовы к худшему, всё ещё оставалась надежда, что им удастся напасть на караван и уже направляться обратно в Медину, обогащёнными добычей и пленниками, прежде чем подоспеет войско курайшитов. Но когда они достигли стоянки менее чем в дневном переходе от Бадра, Пророк поехал вперёд с Абу Бакром и получил от одного старика такие сведения, из которых заключил, что мекканское войско уже близко. Вернувшись в лагерь, он дождался ночи и послал своих трёх двоюродных братьев -‘Али, Зубайра и Са‘да -вместе с некоторыми другими своими сподвижниками к колодцу Бадра, чтобы выяснить, черпали ли у него воду войско, или караван, или оба, либо не слышал ли

[2] Коран 5, 24

[3] Выражение “прохлада очей” — одно из излюбленных у арабов обозначений радости, утешения, сердечного удовлетворения и счастья

[4] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 435

там кто-нибудь вестей о той или иной стороне. У колодца они наткнулись на двух людей, которые наливали воду на верблюдов для войска курайшитов; одолев их, они привели их к Пророку, который в это время стоял на молитве. Не дожидаясь, пока он окончит, они начали расспрашивать двух пленников, и те сказали, что они водоносы войска. Но некоторые из допрашивавших предпочли думать, что те лгут, ибо горячо надеялись, что их прислал Абу Суфьян за водой для каравана, и принялись бить их, пока те не сказали: «Мы люди Абу Суфьяна», -после чего их оставили в покое. Пророк завершил заключительные земные поклоны в молитве, произнёс слова мира и сказал: «Когда они говорили вам правду, вы били их, а когда лгали -отпускали. Они и в самом деле из войска курайшитов». Затем он обратился к двум пленникам: «Скажите мне, вы двое, о курайшитах, где они находятся?» -«Они за этим холмом, -ответили они, указывая на ‘Аканкаль, -на дальней стороне долины, за его склоном». -«Сколько их?» -спросил он. «Много», -сказали они, и ничего более точного сообщить не могли. Тогда он спросил, сколько животных они режут. «В одни дни девять, в другие -десять», -был ответ. «Значит, их между девятьюстами и тысячью», -сказал он. -«А какие вожди курайшитов среди них?» Они назвали пятнадцать человек; в их числе были из рода ‘Абд Шамс братья ‘Утба и Шайба; из Науфаля -Харис и Ту‘айма; из ‘Абд ад-Дар -Надр, противопоставлявший свои персидские сказания Корану; из Асада -Науфаль, единоутробный брат Хадиджи; из Махзума -Абу Джахль; из Джумаха -Умаййя; из ‘Амира -Сухайль. Услышав эти знатные имена, Пророк, вернувшись к своим людям, заметил: «Мекка бросила вам лучшие куски своей печени».

Незадолго спустя до Абу Суфьяна дошла весть о тысячесильном войске, и к тому времени он уже достиг места, откуда его спасители находились между ним и врагом. Поняв, что караван теперь в безопасности, он послал к курайшитам гонца со словами: «Вы вышли защищать ваших верблюдов, ваших людей и ваши товары; Бог спас их, так что возвращайтесь». Это послание достигло их, когда они уже стояли лагерем в Джухфе, немного южнее Бадра. Была и ещё одна причина, по которой им не следовало идти дальше. На весь лагерь легла тень мрака из-за сна -почти видения, -который приснился Джухайму, человеку из рода Мутталиб. «Между сном и явью, -рассказывал он, -я увидел человека, подъехавшего верхом и ведущего верблюда. Потом он остановился и сказал: “Погублены ‘Утба, и Шайба, и Абу-ль-Хакам, и Умаййя” » -и он продолжал называть других вождей курайшитов, которых поименовал тот всадник. «А затем, -говорил Джухайм, -я увидел, как он вонзил копьё в грудь своему верблюду и пустил его по лагерю, и не было ни одной палатки, на которую не брызнула бы его кровь». Когда об этом сне рассказали Абу Джахлю, он с торжествующим презрением сказал: «Вот вам ещё один пророк из сынов Мутталиба». Он сказал «ещё один», ибо роды Мутталиб и Хашим часто считались почти одним целым. Затем, желая рассеять всеобщее уныние, он обратился ко всем: «Клянусь Богом, мы не вернёмся, пока не побываем в Бадре. Мы пробудем там три дня; будем резать верблюдов, пиршествовать, вино будет литься рекой, а певицы будут играть и петь для нас; и арабы услышат, как мы выступили, и о нашем могучем сборище, и будут вечно трепетать перед нами. Вперёд, к Бадру!»

Ахнас ибн Шарик вышел вместе с Зухрой, союзником которой он был, и теперь он убеждал их не слушать Абу Джахля, так что они повернули из Джухфы назад в Мекку -все до единого. Талиб тоже вернулся с некоторыми из своих соплеменников, ибо между ним и другими курайшитами произошёл разговор, и те сказали: «О сыны Хашима, мы знаем, что, хотя вы и вышли вместе с нами, сердцем вы с Мухаммадом». Но ‘Аббас решил идти дальше к Бадру вместе с остальным войском и взял с собой трёх своих племянников: Абу Суфьяна и Науфаля, сынов Хариса, и ‘Акиля, сына Абу Талиба.

За холмом, немного северо-восточнее, мусульмане снимались с лагеря. Пророк понимал, что им жизненно важно достичь вод Бадра раньше неприятеля, и потому велел немедленно выступать. Вскоре после начала движения пошёл дождь, и он возрадовался ему как знаку Божией милости, благословению и заверению. Он освежил людей, прибил пыль и укрепил мягкий песок долины Ялйаль, где они теперь шли; но врагу он должен был помешать, ибо тому ещё предстояло взобраться на склоны ‘Аканкаля, лежавшего слева от мусульман, на противоположной стороне долины от Бадра. Все колодцы находились на более пологих склонах ближней стороны, и Пророк велел остановиться у первого же колодца, к которому они подошли. Но человек из хазраджитов, Хубаб ибн аль-Мундир, подошёл к нему и сказал: «О Посланник Божий, это место, где мы теперь стоим, -открыл ли его тебе Бог, так что нам не подобает ни идти вперёд, ни отступать от него, или же это вопрос мнения и военной стратегии?» Он ответил, что это лишь вопрос мнения. Тогда Хубаб сказал: «Это не то место, где следует останавливаться. Веди нас, о Посланник Божий, дальше, пока мы не придём к тому из больших колодцев, который ближе всего к врагу. Там остановимся, а колодцы, что дальше, засыплем и устроим для себя водоём. Тогда мы сразимся с врагом: вся вода будет у нас, и они не будут иметь ничего». Пророк тотчас согласился, и план Хубаба был выполнен во всех подробностях. Дальние колодцы засыпали, водоём устроили, и каждый человек наполнил свой сосуд для питья.

Тогда Са‘д ибн Му‘аз подошёл к Пророку и сказал: «О Пророк Божий, давай построим для тебя укрытие и поставим рядом в готовности твоих верховых верблюдов. А затем мы встретим врага. Если Бог укрепит нас и дарует нам победу над ними, именно этого мы страстно желаем. Если же нет, тогда ты сможешь сесть верхом и отправиться к тем, кого мы оставили позади. Ибо у тех, кто не вышел с тобою, о Пророк Божий, любовь к тебе не меньше нашей; и они не остались бы, если бы знали, что тебе предстоит война. Через них Бог защитит тебя, и они дадут тебе добрый совет и будут сражаться рядом с тобою». Пророк похвалил его и призвал на него благословение, и укрытие было устроено из пальмовых ветвей.

В ту ночь Бог ниспослал верующим мирный сон, и они проснулись отдохнувшими[5]. Это была пятница, 17 марта 623 года по Р. Х., что соответствовало 17 рамадана второго года хиджры[6]. Едва занялась заря, курайшиты выступили и поднялись на холм ‘Аканкаль. Солнце уже взошло, когда они достигли вершины; и когда Пророк увидел, как они на своих богато убранных конях и верблюдах спускаются по склону в долину Ялйаль к Бадру, он воззвал: «О Боже, вот курайшиты: они пришли в своей гордыне и своём тщеславии, противясь Тебе и объявляя лжецом Твоего посланника. О Господи, даруй нам Твою помощь, которую Ты обещал нам! О Господи, в это утро сокруши их!»

Они разбили свой лагерь у подножия склона; и так как мусульман, по-видимому, было меньше, чем они ожидали, они послали верхом ‘Умайра из рода Джумах определить их число и выяснить, нет ли у них позади подкрепления. Он доложил, что никаких дополнительных сил не видно, кроме тех, которые стоят против них на другой стороне долины. «Но, о люди Курайша, -добавил он, -я не думаю, чтобы хоть один из них был убит, не убив сперва одного из вас; а если они убьют из вас число, равное их числу, что тогда останется в жизни доброго?» ‘Умайр пользовался в Мекке некоторой славой как человек, способный к предзнаменованиям, и потому его словам придали особый вес. Едва он договорил, как Хаким из рода Асад, племянник Хадиджи, воспользовался случаем и пешком прошёл через лагерь к людям рода ‘Абд Шамс. «Отец Валида, -сказал он ‘Утбе, -ты -величайший человек среди курайшитов, их господин и тот, кому они повинуются. Хочешь ли ты, чтобы о тебе вспоминали с похвалой до конца времён?» -«Как это может быть?» -спросил ‘Утба. «Уведи людей назад, -сказал Хаким, -и возьми на себя дело твоего убитого союзника ‘Амра». Он имел в виду, что ‘Утба должен устранить одну из самых сильных причин войны и выплатить кровную цену родственникам человека, убитого в Нахле; брат же его, ‘Амир, действительно пришёл на поле брани, чтобы отомстить за него. ‘Утба согласился сделать всё, что тот говорил, но посоветовал ему пойти и поговорить с Абу Джахлем -человеком, который скорее всего будет настаивать на войне.

Тем временем он сам обратился к войску: «О люди Курайша! Вам не будет никакой пользы от сражения с Мухаммадом и его спутниками. Если вы повергнете их, то каждый из вас будет потом с отвращением смотреть в лицо другому, убившему его дядю, или двоюродного брата, или ещё более близкого родственника. Потому возвращайтесь и предоставьте Мухаммада прочим арабам. Если они убьют его -это и будет тем, чего вы желаете; если же нет, то он увидит, что вы проявили по отношению к нему сдержанность».

Несомненно, он намеревался тотчас подойти к ‘Амиру аль-Хадрами и предложить выплату крови за его брата, но Абу Джахль опередил его. Он упрекнул ‘Утбу в трусости, в страхе

---

[5] См.Коран 8, 11 **Вот Он покрыл вас дремотой в знак безопасноти от Него и низвел вам с неба воду, чтобы очистить вас ею и удалить от вас мерзость сатаны и чтобы укрепить ваши сердца и утвердить этим ваши стопы**.

[6] Исламское летоисчисление начинается с *хиджры*

смерти -как за самого себя, так и за своего сына Абу Хузайфу, который находился в рядах врага. Затем он обратился к ‘Амиру и призвал его не упускать случая отомстить за брата. «Встань, -сказал он, -и напомни им о твоём праве и об убийстве твоего брата». ‘Амир вскочил, и, в безумном порыве срывая с себя одежду, начал во весь голос издавать крики плача. «О горе по ‘Амру! О горе по ‘Амру!» И так был разожжён огонь войны, и души людей наполнились насилием, и тщетно было ‘Утбе или кому-либо другому пытаться повернуть их назад.

То общее поглощение последними приготовлениями к битве дало одному человеку случай, которого он давно ждал. Опасаясь, что в его отсутствие тот может ускользнуть, Сухайль привёл с собой в Бадр своего сына ‘Абдаллаха. Умаййя, вождь рода Джумах, поступил так же со своим сыном ‘Али, которого он силой заставил отречься от ислама. Но, в отличие от ‘Али, колебавшегося душой, ‘Абдаллах был непоколебим в своей вере; и, скрывшись за ближайшим бугром из виду лагеря, он быстро пересёк неровные пески к мусульманскому стану, где сразу направился к Пророку, и радость была на лицах их обоих. Затем он с радостью приветствовал своих двух зятьёв -Абу Сабру и Абу Хузайфу.

43.БИТВА У БАДРА

Пророк теперь выстроил своё войско и прошёл вдоль рядов, ободряя людей и выравнивая строй; в руке у него была стрела. «Стань в ряд, о Савад», -сказал он одному из помощников, который слишком выступил вперёд, и слегка ткнул его стрелой в живот. «О Посланник Божий, ты сделал мне больно, -сказал Савад, -а Бог послал тебя с истиной и справедливостью; так дай же мне возмездие». «Возьми его», -ответил Пророк, обнажив собственный живот и подавая ему стрелу. Тогда Савад наклонился и запечатлел поцелуй там, куда по праву должен был бы упереться наконечник древка. «Что побудило тебя к этому?» -спросил Пророк. И тот ответил: «О Посланник Божий, теперь перед нами то, что ты видишь; и я пожелал, чтобы в мой последний миг с тобою -если суждено ему настать - моя кожа коснулась твоей кожи». И Пророк помолился за него и благословил его.

Курайшиты к тому времени уже начали наступать. Если смотреть на них через волнистые гряды дюн, мекканское войско казалось гораздо меньше, чем было на самом деле. Но Пророк вполне сознавал их истинную численность и всё огромное неравенство между двумя ратями, и теперь он возвратился в укрытие вместе с Абу Бакром и стал молить о помощи, которую Бог ему обещал.

Лёгкая дремота сошла на него, и, пробудившись, он сказал: «Будь бодр, Абу Бакр; помощь Божия пришла к тебе. Вот Джибриль, и в руке у него повод коня, которого он ведёт, и он вооружён для войны».[1]

В истории арабов не раз бывало, что битву удавалось предотвратить в последний миг, даже когда два войска уже стояли друг против друга лицом к лицу. Но Пророк теперь был уверен, что битва состоится и что этот грозный строй и есть та из двух сторон, которая была ему обещана. И коршуны также знали, что побоище уже близко, и ждали, чтобы кормиться телами убитых: одни кружили вверху, другие сидели на каменистых склонах позади обоих войск. К тому же было ясно по движениям курайшитов, что они готовятся к нападению. Они уже подошли близко и остановились в пределах лёгкой досягаемости до водоёма, который устроили мусульмане. Казалось вероятным, что их первым движением будет овладеть им.

Асуад из рода Махзум широким шагом вышел вперёд, явно намереваясь напиться. Хамза выступил ему навстречу и нанёс удар, отсёкший ему ногу ниже колена; вторым ударом он убил его. Затем ‘Утба, всё ещё уязвлённый насмешками Абу Джахля, вышел из рядов и бросил вызов на единоборство; и для большей чести рода рядом с ним выступили его брат Шайба и его сын Валид. Вызов тотчас приняли ‘Ауф из рода Наджжар, ветви хазраджитов, один из первых шести помощников, давших присягу Пророку; рядом с ‘Ауфом выступил

[1] Бухари 54, 10; Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 444

его брат Му‘аввиз. Именно в их квартале в Медине Касва‘, верблюдица Пророка, остановилась в конце хиджры. Третьим, кто принял вызов, был ‘Абдаллах ибн Раваха, тот самый, кто наперекор своему вождю Ибн Убайю произнёс слова приветствия и утешения Пророку.

«Кто вы?» -спросили вызывавшие. Когда те назвали себя, ‘Утба сказал: «Вы люди благородные и нам ровня, но нам нечего делать с вами. Наш вызов обращён только к людям нашего собственного племени». Тогда глашатай курайшитов крикнул: «О Мухаммад, выведи против нас наших ровней -из нашего же племени». Пророк и не намеревался поступить иначе, однако рвение помощников опередило его. Теперь он обратился к собственной семье, ибо прежде всего именно им надлежало начать битву. Среди вызывавших были двое зрелых мужей и один юноша. «Встань, о ‘Убайда, -сказал он. -Встань, о Хамза. Встань, о ‘Али». ‘Убайда был старейшим и самым опытным человеком в войске, внуком Мутталиба; он сошёлся с ‘Утбой, тогда как Хамза вышел против Шайбы, а ‘Али -против Валида. Поединки были недолги: вскоре Шайба и Валид уже лежали мёртвыми на земле, а Хамза и ‘Али остались невредимы; но в тот миг, когда ‘Убайда поверг ‘Утбу ударом наземь, сам он получил от него взмах меча, отсёкший ему ногу. Это был общий поединок, трое против троих, и потому Хамза и ‘Али обратили свои мечи против ‘Утбы, и смертельный удар ему нанёс Хамза. Затем они унесли своего раненого двоюродного брата обратно в лагерь. Он потерял смертельное количество крови, и мозг сочился из обрубка ноги. Мысль у него была одна. «Разве я не мученик, о Посланник Божий?» -спросил он, когда Пророк подошёл к нему. «Воистину, ты мученик», -ответил тот.

Напряжённую тишину между двумя воинствами теперь разорвал звук стрелы, пущенной курайшитами, и вольноотпущенник ‘Умара рухнул на землю смертельно раненный. Вторая стрела пронзила горло Харисе, юноше из хазраджитов, когда он пил у водоёма. Тогда Пророк стал ободрять своих людей, говоря: «Клянусь Тем, в Чьей руке душа Мухаммада, если кто-либо из вас сегодня будет убит, сражаясь с ними в твёрдой надежде на свою награду, наступая, а не отступая, -того Бог тотчас введёт в Рай»[2]. Слова его передавались теми, кто слышал их, тем, кто стоял дальше и не мог расслышать. ‘Умайр из рода Салима, ветви хазраджитов, держал в руке горсть фиников и ел их. «Вот диво из див!» -воскликнул он. -«Неужели между мною и вхождением в Рай нет ничего, кроме того, чтобы эти люди убили меня?» И он отбросил финики и положил руку на меч, с нетерпеливой готовностью ожидая слова к наступлению.

‘Ауф стоял неподалёку от Пророка, огорчённый тем, что лишился чести выйти на поединок, который первым принял, и теперь обратился к нему со словами: «О Посланник Божий, что заставляет Господа смеяться от радости над Своим рабом?» Ответ последовал тотчас:

[2] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 445

«Когда он без кольчуги врывается в самую гущу врага». И ‘Ауф начал снимать с себя кольчугу, которую носил, тогда как Пророк поднял горсть мелких камешков и, крикнув курайшитам: «Да обезображены будут эти лица!», швырнул их в них, сознавая, что бросает бедствие. Затем он отдал приказ к наступлению. Боевой клич, который он установил для них, -**Йа мансур, амит!** [3]-загремел из всех глоток, когда люди ринулись вперёд. ‘Ауф без кольчуги и ‘Умайр были среди первых, кто встретил неприятеля, и оба сражались, пока не были убиты. Их смерть, а также смерть ‘Убайды и двух воинов, сражённых стрелами, довела число мучеников до пяти. Только ещё девяти верным суждено было пасть в тот день; среди них был и тот другой ‘Умайр, младший брат Са‘да, которого Пророк сперва хотел отослать домой.

Не вы их убивали, но Аллах убивал их, и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил.[4]

Эти слова были частью Откровения, ниспосланного сразу после битвы. И не одни только камешки были проявлением Божественной силы, исходившей в тот день из руки Пророка. В одном месте, где сопротивление курайшитов было особенно упорным, меч сломался в руках одного из верующих, и первой его мыслью было пойти к Пророку просить другое оружие. Это был ‘Уккаша, родственник семьи Джахша. Пророк дал ему деревянную дубинку, сказав: «Сражайся этим, ‘Уккаша». Тот взял её, взмахнул ею -и в его руке она превратилась в длинный, крепкий, сверкающий меч. Он сражался им до конца при Бадре и во всех прочих битвах Пророка; меч этот назывался **аль-‘Аун**, что значит **Божественная помощь**.

Когда верующим был дан приказ идти в атаку, они, как хорошо знал Пророк, шли в атаку не одни, ибо ему было обещано: **Я поддержу вас тысячью ангелов, следующих друг за другом!.[5]** И ангелы также получили Божественное веление: **Вот внушил Господь твой ангелам: "Я - с вами, укрепите тех, которые уверовали! Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!”.[6]**

Присутствие ангелов ощущали все: верные -как силу, неверные -как ужас; однако это присутствие было зримо или слышимо лишь для немногих и в разной степени. Двое людей из соседнего арабского племени поднялись на вершину холма, чтобы видеть исход сражения и, как они надеялись, поучаствовать в грабежах после битвы. Мимо них пронёсся облачный вихрь, наполненный ржанием жеребцов, и один из этих людей тотчас упал

[3] По-арабски это выражение звучит кратко и ёмко, тогда как по-русски такой же лаконичности передать нельзя: “О ты, кому Бог даровал победу, убивай!”
[4] Коран 8, 17
[5] Коран 8, 9
[6] Коран 8, 12

мёртвым. «Сердце у него разорвалось от страха», -сказал тот, кто остался в живых и впоследствии рассказал об этом, судя по тому, что он сам почувствовал в своём сердце.

Один из верующих преследовал врага, и голова того слетела с тела прежде, чем преследователь успел настичь его, -её отсекла незримая рука. Другие мельком видели ангелов, скачущих на конях, чьи копыта не касались земли; впереди их был Джибриль в жёлтом тюрбане, тогда как тюрбаны прочих ангелов были белыми, с одним концом, развевавшимся за плечом. Курайшиты вскоре были полностью обращены в бегство, кроме небольших групп там, куда ангелы не прошли. В одной из таких групп Абу Джахль сражался с неослабной яростью, пока Му‘аз, брат ‘Ауфа, не поверг его наземь. Тогда ‘Икрима, сын Абу Джахля, ударил Му‘аза и почти отсёк ему руку у самого плеча. Му‘аз продолжал сражаться здоровой рукой, а другая безжизненно висела у него сбоку на коже; но когда боль стала слишком мучительной, он наклонился, наступил ногой на собственную мёртвую кисть, рванулся вверх, оторвал мешавшую конечность и продолжил преследовать врага. В Абу Джахле ещё теплилась жизнь, но Му‘аввиз, второй брат ‘Ауфа, узнал его лежащим на земле и нанёс ему удар, от которого тот уже умирал. Затем Му‘аввиз пошёл дальше и, подобно ‘Ауфу, сражался, пока не пал.

Большинство курайшитов бежало, но около пятидесяти были смертельно ранены или убиты прямо в битве либо настигнуты и зарублены во время бегства. Примерно столько же было взято в плен. Пророк сказал своим сподвижникам: «Я знаю, что некоторые люди из сынов Хашима и другие были выведены сюда против своей воли, не имея желания сражаться с нами». И он поимённо назвал некоторых из тех, чью жизнь следовало пощадить, если их захватят. Но большая часть его войска и без того склонялась к тому, чтобы удерживать пленных ради выкупа, а не предавать их мечу.

Так как курайшиты значительно превосходили верующих числом, нельзя было исключать, что они соберутся вновь и вернутся в бой, и потому Пророка убедили удалиться вместе с Абу Бакром в укрытие, пока некоторые из помощников будут стоять на страже. Са‘д ибн Му‘аз с обнажённым мечом охранял вход, и когда его товарищи начали приводить в лагерь пленных, Пророка поразило выражение сурового неодобрения на его лице. «О Са‘д, -сказал он, -видно, то, что они делают, тяжко для тебя». Са‘д горячо подтвердил это, а затем добавил: «Это первое поражение, которое Бог нанёс идолопоклонникам; и мне было бы милее видеть их перебитыми, чем оставленными в живых». Такого же мнения держался и ‘Умар, но Абу Бакр стоял за то, чтобы сохранить пленникам жизнь -в надежде, что рано или поздно они могут стать верующими, -и Пророк склонился к его мнению. Но позднее в тот же день, когда ‘Умар возвратился к укрытию, он нашёл Пророка и Абу Бакра плачущими из-за Откровения, которое было ниспослано:

Ни одному пророку не годилось иметь пленных, пока он не производил избиения на земле.[7] Вы стремитесь к случайностям ближайшего мира, а Аллах желает будущего. Аллах - великий, мудрый!

Однако затем Откровение дало ясно понять, что решение пощадить пленных принято Богом и не должно теперь быть отменено; и Пророку было даровано послание для самих пленников:

О пророк! Скажи тем, в руках которых пленные: "Если Аллах узнает про добро в ваших сердцах, Он дарует вам лучшее, чем то, что взято у вас, и простит вам: Аллах прощающ, милосерд!".[8]

Был, однако, один человек -Абу Джахль, -которому, очевидно, нельзя было позволить остаться в живых. Все полагали, что он уже убит, и Пророк велел разыскать его тело. ‘Абдаллах ибн Мас‘уд вновь вышел на поле битвы и искал, пока не нашёл того человека, который более всех прочих разжигал ненависть к исламу среди жителей Мекки. В Абу Джахле ещё оставалось достаточно жизни, чтобы узнать врага, который теперь стоял над ним. ‘Абдаллах был первым человеком, вслух прочитавшим Коран перед Каабой, и Абу Джахль тогда жестоко ударил его и ранил ему лицо, ибо он был всего лишь союзником рода Зухра и притом бедняком: мать его была рабыней. Теперь ‘Абдаллах поставил ногу на шею Абу Джахлю, и тот сказал: «Высоко же ты взобрался, маленький пастух». Потом он спросил, в чью сторону склонилось в тот день военное счастье, как бы намекая, что в следующий раз оно склонился бы в противоположную. «Победили Бог и Его посланник», - ответил он. И тогда он отсёк ему голову и отнёс её Пророку.

Абу Джахль был не единственным вождём курайшитов, убитым уже после окончания боя. ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф нёс кольчуги, которые захватил как добычу, и проходил мимо тучного Умаййи, потерявшего своего верхового животного и не способного спастись бегством. С ним был его сын ‘Али, которого он держал за руку. Умаййя окликнул своего бывшего друга: «Возьми меня в плен, ибо я стою больше, чем кольчуги». ‘Абд ар-Рахман согласился и, бросив кольчуги, взял его и его сына за руки. Но когда он вёл их к лагерю, Билял увидел их и узнал в Умайе своего прежнего хозяина и мучителя. «Умаййя! - воскликнул он. -Глава неверия! Да не жить мне, если он уцелеет!» ‘Абд ар-Рахман с негодованием возразил, что они -его пленники, но Билял повторил свой крик: «Да не жить мне, если он уцелеет!» -«Неужели ты не слышишь меня, сын чёрной матери?» -сказал возмущённый пленитель. Тогда Билял крикнул во весь голос, той самой мощью голоса, благодаря которой он стал муэдзином: «О помощники Божии! Глава неверия -Умаййя! Да не жить мне, если он уцелеет!» Со всех сторон сбежались люди и тесно окружили ‘Абд ар-

[7] Именно за то, что он вопреки должному пощадил пленника, Саул был лишён царской власти (1 Цар. 15)
[8] Коран 8, 70

Рахмана и двух его пленников. Тогда был обнажён меч, и ‘Али был повержен наземь, хотя не убит. ‘Абд ар-Рахман выпустил руку отца. «Спасайся сам, -сказал он, -хотя спасения тебе нет, ибо, клянусь Богом, я ничем не могу тебе помочь!» Оттеснив его, люди сомкнулись вокруг пленников со своими мечами и быстро покончили с обоими. Впоследствии ‘Абд ар-Рахман любил говорить: «Да помилует Бог Биляла! Кольчуги мои пропали, и он лишил меня двух моих пленников».[9]

Пророк отдал приказ сбросить в яму тела всех неверных, убитых в сражении; и когда тело ‘Утбы волокли к ней, лицо его сына Абу Хузайфы побледнело и исполнилось скорби. Пророк это заметил, сжалился над ним и взглянул на него с состраданием, после чего Абу Хузайфа сказал: «О Посланник Божий, не то чтобы я ставил под сомнение твоё повеление относительно моего отца и места, куда его бросили. Но я знал его как человека разумного, терпеливого и добродетельного, и надеялся, что эти качества приведут его к исламу; когда же я увидел, что с ним стало, и вспомнил, в каком неверии он умер после всех моих надежд на него, мне стало тяжко». Тогда Пророк благословил Абу Хузайфу и сказал ему слова утешения.

Мир и тишина в лагере вскоре были нарушены голосами, поднявшимися в гневе, ибо те, кто оставался позади охранять Пророка, требовали доли в добыче, а те, кто преследовал неприятеля и захватывал людей, кольчуги и оружие, не желали расставаться с тем, что было взято их собственными руками. Но прежде чем Пророк успел восстановить согласие, распорядившись о справедливом разделе всего захваченного, желанный результат был достигнут проще и быстрее посредством Откровения:

Они спрашивают тебя о добыче. Скажи: "Добыча принадлежит Аллаху и посланнику.[10]

Тогда Пророк велел собрать всё, что было взято, включая пленников, и более не считать это частной собственностью какого бы то ни было отдельного человека. Приказ тотчас был исполнен без всяких возражений.

Самым знатным из пленников был вождь рода ‘Амир -Сухайль, двоюродный брат Сауды и брат её первого мужа. Из тех же, кто был ближе связан с самим Пророком, были его дядя ‘Аббас, его зять -муж Зайнаб -Абу-ль-‘Ас, а также его двоюродные братья ‘Акиль и Науфаль. Он отдал общий приказ, чтобы ко всем пленникам относились хорошо, хотя, разумеется, их пришлось связать. Но мысль о том, что его дядя терпит такие узы, не давала Пророку уснуть в ту ночь, и он велел ослабить его путы. Другие пленники получили от ближайших родственников менее снисходительное обращение. Мус‘аб проходил мимо своего брата Абу ‘Азиза, когда того связывал помощник, захвативший его в плен, и сказал:

---

[9] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 448-449

[10] Коран 8, 1

«Свяжи его крепче, ибо мать его богата, и, быть может, она выкупит его у тебя». «Брат, -сказал Абу ‘Азиз, -вот как ты меня рекомендуешь другим?» -«Теперь он мне брат вместо тебя», -ответил Мус‘аб. И всё же Абу ‘Азиз впоследствии рассказывал о добром обращении, которое получил от помощников, отвёзших его в Медину, откуда мать выкупила его за четыре тысячи дирхемов.

Как только стало ясно, что более восьмисот мекканских воинов, всё ещё остававшихся на свободе, рассеяны так, что уже не смогут собраться вновь, Пророк послал ‘Абдаллаха ибн Раваху возвестить благую весть о победе жителям Верхней Медины, то есть более южной части города, а Зайда послал к жителям Нижней Медины. Сам он остался с войском в Бадре; и в ту ночь он подошёл к яме, в которую были сброшены тела врагов ислама. «О люди ямы, -сказал он, -родичи вашего Пророка, сколь дурно родство, которое вы ему оказали. Лжецом вы называли меня, когда другие принимали меня; против меня вы сражались, когда другие помогали мне к победе. Нашли ли вы истинным то, что обещал вам ваш Господь? Я нашёл истинным то, что обещал мне мой Господь». Некоторые из его сподвижников услышали его и удивились, что он говорит с мёртвыми телами. «Ваш слух к тому, что я говорю, не лучше их слуха, -сказал он, -но ответить они мне не могут».[11]

Рано на следующее утро он двинулся к Медине со своим войском и с добычей. Двумя наиболее ценными пленниками, то есть теми, чьи семьи, как можно было рассчитывать, заплатят полный выкуп в четыре тысячи дирхемов, были Надр из рода ‘Абд ад-Дар и ‘Укба[12] из рода ‘Абд Шамс. Но это были и двое из самых злейших врагов ислама, и если бы их отпустили, они тотчас возобновили бы свою пагубную деятельность -разве только победа мусульман при Бадре при столь неравных силах заставила бы их задуматься. Теперь взгляд Пророка постоянно был обращён на них; но ни в одном из них не видно было никакой перемены сердца, и во время перехода ему стало ясно, что воле Божией не соответствует оставлять их в живых. На одной из первых стоянок он повелел предать Надра смерти, и ‘Али отсёк ему голову. На следующей стоянке ‘Укба разделил ту же участь от руки одного человека из рода Аус. Остальных пленников и остальную добычу Пророк разделил на стоянке, находившейся в пределах трёхдневного пути от Медины, дав, насколько это было возможно, равную долю каждому, кто участвовал в походе.

К тому времени Зайд и ‘Абдаллах ибн Раваха уже достигли Медины, и великая радость охватила всех, кроме иудеев и лицемеров. Но Зайду в обмен на его добрую весть сообщили и печальную: Рукайя умерла; ‘Усман и Усама только что вернулись с её похорон. Плач в той части города ещё более усилился, когда Зайд сообщил ‘Афре о смерти её двух сыновей -‘Ауфа и Му‘аввиза. Сауда ходила между своим домом и их домом, разделяя скорбь в обоих. Для ‘Афры радость смешивалась с печалью, ибо её сыновья пали славной смертью.

---

[11] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 454

[12] См.с.98

Но Зайду пришлось также сообщить Рубаййи о гибели её юного сына Харисы ибн Сураки, чья шея была пронзена стрелой, когда он пил у водоёма; и как только несколькими днями позже вернулся сам Пророк, она пришла к нему и спросила о своём сыне, ибо её тревожила мысль, что юноша был убит ещё до начала сражения, прежде чем успел нанести хоть один удар за ислам. «О Посланник Божий, -сказала она, -не скажешь ли ты мне о Харисе, чтобы, если он в Раю, я переносила мою утрату с терпением, а если нет -я оплакивала бы его в искупление». Пророк уже и раньше отвечал на подобные вопросы в общем виде, обещав, что верующему воздаётся за то, что он намеревался совершить, даже если он не успел этого осуществить: **«Дела оцениваются по намерению»**[13]**.** Но теперь он ответил ей особо: «О мать Харисы, в Раю много садов, и, поистине, твой сын достиг наивысшего -Фирдауса».[14]

[13] Бухари 1, 1
[14] Бухари 56, 14

44.**ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОБЕЖДЕННЫХ**

Войско курайшитов возвращалось в Мекку небольшими группами; кое-кто шёл впереди них, кое-кто следовал позади в одиночку. Одним из первых, кто прибыл с вестью о случившемся, был хашимит Абу Суфьян, брат которого, Науфаль, попал в плен. Враждебность Абу Суфьяна к новой религии побудила его сочинять стихи против неё и против своего двоюродного брата и молочного брата -Пророка. Но пережитое при Бадре глубоко его потрясло. Прежде всего он направился к Каабе, и случилось так, что его дядя Абу Лахаб сидел в большом шатре, известном как шатёр Замзама. Увидев племянника, Абу Лахаб окликнул его, велел подойти, сесть рядом и рассказать, что произошло.

«Дело было не сложнее вот чего, -сказал Абу Суфьян. -Мы встретили неприятеля, повернули к нему спиной, и они обратили нас в бегство или брали в плен, как им было угодно. И я не могу винить никого из наших, ибо нам пришлось иметь дело не только с ними, но и с людьми в белом, на пегих конях, между небом и землёй: они никого не щадили, и ничто не могло противостоять им».

В это время Умм аль-Фадль сидела в углу шатра, и с нею был Абу Рафи‘, один из рабов ‘Аббаса, который делал стрелы. Подобно ей, он был мусульманином, и оба они скрывали свою приверженность исламу почти от всех, кроме немногих. Но Абу Рафи‘ не смог сдержать радости, услышав о победе Пророка; и когда он услышал слова о «людях в белом между небом и землёй», то воскликнул с изумлением и торжеством: «То были ангелы».

Абу Лахаба тотчас охватил приступ ярости, и он ударил Абу Рафи‘ по лицу, ранив его. Раб попытался было ответить, но был мал и слаб, а грузный и тяжеловесный Абу Лахаб повалил его на землю, уселся на него верхом и снова и снова наносил удары. Тогда Умм аль-Фадль схватила деревянный шест, которым иногда подпирали столбы шатра, и со всей силы опустила его на голову своему деверю, так что кожа и плоть на голове разошлись длинной раной, обнажив череп; ране этой уже не суждено было зажить. «Неужели ты смеешь обращаться с ним как с ничтожным, -вскричала она, -теперь, когда его хозяин в отлучке и не может его защитить?» Рана загноилась, и менее чем через неделю всё его тело покрылось зловонными нарывами, от которых он и умер.

Когда же были принесены дальнейшие вести о сражении и скорбящие начали оплакивать своих мёртвых, в Совете быстро было принято решение велеть им сдерживаться. «Мухаммад и его спутники, -говорили им, -узнают об этом и будут радоваться». Что же касается родственников пленников, то им настоятельно советовали пока не посылать в Ясриб никаких предложений о выкупе. После гибели столь многих видных людей омейяд Абу Суфьян в глазах многих стал теперь первым человеком среди курайшитов; и, словно желая подать пример, он сказал о двух своих сыновьях -Ханзале, который был убит, и ‘Амре, попавшем в плен: «Неужели мне суждено понести двойную утрату -и крови, и

имущества? Они убили Ханзалу; так неужели теперь я ещё должен выкупать ‘Амра? Оставьте его у них. Пусть держат его столько, сколько захотят».

Пламенная жена Абу Суфьяна, Хинд, не была матерью ни Ханзалы, ни ‘Амра; но в самом начале битвы она потеряла отца -‘Утбу, дядю -Шайбу и брата -Валида; и хотя она сдерживала свои рыдания, она поклялась, что, когда курайшиты отомстят мусульманскому войску -а отомстить они должны непременно, -она съест сырой печень Хамзы, который убил её дядю и нанёс её отцу смертельный удар.

Что же до богатого груза каравана, который Абу Суфьян благополучно доставил в Мекку, то в Совете единодушно постановили: всю прибыль употребить на сбор такого войска - многочисленного и столь хорошо снаряжённого, -чтобы оно не могло не сокрушить всякое сопротивление, какое Ясриб был бы способен ему оказать. И на этот раз женщины выступят вместе с мужчинами, чтобы ободрять их, подстрекать и побуждать превзойти самих себя в подвигах доблести. Было также решено, с той же целью, разослать гонцов ко всем многочисленным союзникам курайшитов по всей Аравии, призывая их присоединиться к походу и приводя, как им казалось, веские доводы в пользу того, почему последователей новой религии следует считать общим врагом.

Хотя большинство курайшитов и соблюдало постановление Совета относительно траура, многие пренебрегли сказанным о выкупе, и вскоре люди почти из каждого рода отправились в Медину, чтобы договориться с теми, кто захватил пленников, и освободить одного или нескольких своих родственников либо союзников.

Абу Суфьян сдержал своё слово; но во время следующего паломничества он задержал одного из паломников из оазиса, старика из рода Аус, и сказал, что не отпустит его до тех пор, пока ему не будет возвращён его сын ‘Амр; и семья этого паломника убедила Пророка согласиться на такой обмен.

45.**ПЛЕННИКИ**

Пленники прибыли в Медину под охраной на день позже Пророка. Сауда, которая снова ходила навестить ‘Афру, по возвращении с изумлением увидела своего двоюродного брата и деверя Сухайля, вождя её рода, сидящим в углу комнаты со связанными у шеи руками. Это зрелище пробудило в ней давно забытые чувства и заставило её на миг забыть всё то, что пришло им на смену. «О Абу Язид, -воскликнула она с упрёком, -слишком уж легко ты сдался. Тебе следовало умереть благородной смертью». «Сауда!» -воскликнул Пророк, присутствия которого она не заметила. Укор в его голосе тотчас вернул её -не без чувства стыда -из её доисламского прошлого в её исламское настоящее. Всё ещё оставалась надежда, что Сухайль примет ислам, и, конечно, впечатление от этой уже процветающей и явно могущественной теократии не могло не подействовать и на него, и на других пленников. Но Пророк полагался на своих последователей, что они будут внушать им исламские, а не языческие мысли. Он снова обратился к раскаявшейся Сауде: «Неужели ты хочешь подстрекать к смуте против Бога и Его Посланника? »

Значение Сухайля, как и Абу Суфьяна, сильно возросло после гибели столь многих вождей. Можно было ожидать, что его влияние приведёт к исламу немало колеблющихся -и из его собственного рода, и из других; но пребывание его в Медине оказалось недолгим, ибо Бану ‘Амир быстро прислали одного из своих, чтобы выкупить его, и этот человек согласился остаться заложником, пока его вождь возвратится в Мекку и устроит уплату условленной суммы.

Каждый из пленников был разделён между тремя или более участниками боя, и группа помощников, которым достался ‘Аббас, привела его к Пророку и сказала: «О Посланник Божий, позволь нам отказаться от причитающегося нам выкупа за сына нашей сестры». Под «сестрой» они разумели бабку пленника, Сальму. Но Пророк сказал: «Вы не уступите ни одного дирхема». Затем он обратился к своему дяде: «Выкупи самого себя, о ‘Аббас, и двух своих племянников -‘Акиля и Науфаля, -и своего союзника ‘Утбу, ибо ты человек богатый». ‘Аббас возразил: «Я уже был мусульманином, но люди заставили меня выйти вместе с ними». Пророк ответил: «Что до твоего ислама, то Богу ведомо лучше. Если то, что ты говоришь, правда, Он воздаст тебе за это. Но внешне ты был против нас, так что плати за себя выкуп». ‘Аббас сказал, что денег у него нет, но Пророк спросил: «А где же те деньги, что ты оставил у Умм аль-Фадль? Вы были вдвоём, когда ты сказал ей: “Если я буду убит, столько-то -Фадлю, столько-то -‘Абдаллаху, столько-то -Кусаму и столько-то -‘Убайдаллаху” ». Только тогда вера поистине вошла в сердце ‘Аббаса. «Клянусь Тем, Кто послал тебя с истиной, -сказал он, -этого не знал никто, кроме неё и меня. Теперь я знаю,

что ты -Посланник Божий»[1]. И он согласился выкупить и двух своих племянников, и своего союзника, так же как и самого себя.

Одним из пленников, помещённых при Пророке, был его зять Абу-ль- ‘Ас. Его брат ‘Амр приехал из Мекки с деньгами, которые Зайнаб прислала на его выкуп; вместе с деньгами она послала ожерелье из оникса, подаренное ей матерью в день её свадьбы. Когда Пророк увидел это ожерелье, он побледнел, тотчас узнав его как ожерелье Хадиджи. Глубоко тронутый, он сказал тем, кому принадлежала доля в пленнике: «Если вы сочтёте возможным освободить её мужа и вернуть ей выкуп, это будет на ваше усмотрение». Они тотчас согласились, и деньги, и ожерелье были возвращены вместе с самим Абу-ль-‘Ас. Надеялись, что, находясь в Медине, он примет ислам, но этого не случилось; и, когда он уезжал в Мекку, Пророк велел ему по возвращении прислать Зайнаб в Медину, и тот печально обещал это сделать. Откровение уже ясно установило, что мусульманка не может быть женой язычника.

‘Абдаллах ибн Джахш имел долю в Валиде, младшем сыне теперь уже покойного Валида, бывшего главы рода Махзум. Два брата юноши, Халид и Хишам, приехали выкупать его. ‘Абдаллах не соглашался менее чем на четыре тысячи дирхемов, и Халид, единокровный брат пленника, не хотел платить так много; но его упрекнул родной брат Хишам, сказав: «Верно, он не сын твоей матери», -и тогда Халид уступил. Однако Пророк не одобрял этой сделки и сказал ‘Абдаллаху, чтобы тот не соглашался ни на что меньшее, чем знаменитое оружие и доспехи их отца. Халид снова отказался, но и теперь Хишам сумел склонить его; и, когда они привезли семейную реликвию в Медину, то отправились обратно в Мекку вместе со своим братом. Но на одной из первых стоянок тот ускользнул от них и возвратился в Медину, где явился к Пророку и официально вступил в ислам, присягнув ему на верность. Братья тотчас бросились за ним; и, увидев, что произошло, возмущённый Халид сказал ему: «Почему ты не сделал этого прежде, чем тебя выкупили, и прежде, чем драгоценное наследие нашего отца ушло из наших рук? Почему ты не стал последователем Мухаммада тогда, если это и было твоей целью? » Валид ответил, что он не из тех, кто позволит курайшитам сказать о себе: «Он последовал за Мухаммадом только для того, чтобы не платить выкуп». Затем он вернулся с братьями в Мекку, чтобы забрать часть своего имущества, не подозревая, что они способны что-либо сделать против него. Но там они заключили его под стражу вместе с ‘Айяшем и Саламой -двумя мусульманскими единокровными братьями Абу Джахля, -которых ‘Икрима, сын Абу Джахля, и после смерти отца продолжал держать под надзором. Пророк часто молился об избавлении всех троих, а также Хишама из рода Сахм и других, которых силой удерживали в Мекке.

Джубайр, сын Мут ‘има, пришёл выкупить своего двоюродного брата и двух их союзников, и Пророк принял его благосклонно. Он сказал ему, что, будь Мут‘им жив и приди он

[1] Табари, 1344

просить за пленников, он отдал бы их ему безо всякого выкупа. Джубайра глубоко впечатлило всё, что он увидел в Медине; и однажды вечером, на закате, он остался снаружи мечети и слушал молитву. Пророк читал суру **ат-Тур** -«Гора», -которая предупреждает о Суде и об аде, а затем говорит о чудесах рая. Она оканчивается словами:

«Терпи же решения Господа твоего! Ведь ты на Наших глазах. И восхваляй славу Господа твоего, когда ты встаешь! И ночью прославляй Его и при обратном движении звезд. [2]

«Именно тогда, -говорил Джубайр, -вера пустила корни в моём сердце[3]». Но он ещё не готов был последовать её побуждению, ибо был слишком поглощён мыслями о недавней смерти своего любимого дяди при Бадре. Ту‘айма, брат Мут‘има, был одним из тех, кого убил Хамза, и Джубайр считал себя по чести обязанным отомстить за него; и, опасаясь, как бы не ослабеть в своём намерении, он покинул Медину, едва лишь достигнув соглашения о выкупе.

Большинство выкупавших были по меньшей мере вежливы с Пророком. Исключением стал Убайй из рода Джумах, брат Умаййи и закадычный друг ‘Укбы, оба из которых были убиты уже после окончания битвы. Уезжая вместе со своим выкупленным сыном, он сказал: «О Мухаммад, у меня есть конь по имени ‘Ауд; я ежедневно кормлю его многими мерами зерна. Я убью тебя, сидя на нём». «Нет, -сказал Пророк, -это я убью тебя, если Бог пожелает»[4].

Тем временем в Мекке два племянника Убайййа, Сафван и ‘Умайр, с ожесточённой горечью говорили о невосполнимой потере, которую понесли курайшиты вследствие гибели тех вождей, что были брошены в яму при Бадре. Сафван был сыном Умаййи и, после смерти отца, вероятным новым главой рода Джумах. Его двоюродный брат ‘Умайр был тем самым человеком, который при Бадре объехал мусульманское войско и оценил его силу. «Клянусь Богом, нет больше радости в жизни, теперь, когда их не стало», -сказал Сафван. ‘Умайр согласился с ним, и в нём искренности было больше, чем в другом. Его сын был среди пленников, но сам он был слишком обременён долгами, чтобы выкупить его, и жизнь так тяготила его, что он готов был пожертвовать ею ради общего дела. «Если бы не долг, которого я не могу выплатить, -сказал он, -и не семья, которую боюсь оставить в нищете, я бы сам отправился к Мухаммаду и убил его». «Твой долг -на мне, -сказал Сафван, -а семья твоя будет для меня как моя собственная. Я буду заботиться о ней, пока они живы. Им не будет недостатка ни в чём, что я только смогу дать». ‘Умайр тотчас принял его предложение, и они поклялись хранить это в тайне между собой, пока замысел не будет

---

[2] Коран 52, 48-49
[3] Бухари 52, 25
[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 251

осуществлён. Затем он наточил меч, смазал его ядом и отправился в Ясриб под предлогом выкупа своего сына.

Когда он достиг Нижней Медины, Пророк сидел в мечети. Увидев ‘Умайра, опоясанного мечом, ‘Умар не пустил его войти, но Пророк велел пропустить джумахита. Тогда ‘Умар сказал нескольким помощникам, бывшим при нём: «Пойдите к Посланнику Божию и сядьте возле него, и будьте настороже ради него против этого злодея, ибо ему нет никакой веры». ‘Умайр пожелал им доброго дня -языческим приветствием, -и Пророк сказал: «Бог даровал нам приветствие лучше твоего, о ‘Умайр. Это -мир, приветствие людей Рая». Затем он спросил, зачем тот пришёл, и ‘Умайр назвал причиной своего сына. «А зачем же тогда этот меч?» -спросил Пророк. «Прокляни Бог мечи! -сказал ‘Умайр. -Разве принесли они нам хоть какую-то пользу?» -«Скажи мне правду, -сказал Пророк. -С какой целью ты пришёл?» И, когда ‘Умайр снова повторил предлог о своём сыне, Пророк дословно повторил ему тот разговор, который у него был с Сафваном в Хиджре. «Так Сафван взял на себя твой долг и твою семью, -заключил он, -чтобы ты убил меня; но Бог встал между тобой и этим». «Кто сказал тебе это? -воскликнул ‘Умайр. -Клянусь Богом, третьего человека при нас не было!» -«Мне это сказал Джибриль», -ответил Пророк. «Мы называли тебя лжецом, -сказал ‘Умайр, -когда ты приносил нам вести с небес. Но хвала Богу, Который привёл меня к исламу. Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и что Мухаммад -Посланник Божий». Тогда Пророк обратился к тем, кто был рядом, и сказал: «Научите вашего брата его религии и читайте ему Коран; и отпустите ради него его пленного сына»[5].

‘Умайр стремился как можно скорее возвратиться в Мекку, чтобы попытаться привести к исламу и других, в том числе Сафвана. Пророк позволил ему уйти, и он действительно обратил многих; но Сафван счёл его изменником и решительно отказался с ним говорить и иметь с ним какое бы то ни было дело. Через несколько месяцев ‘Умайр вновь прибыл в Медину -уже как переселенец.

Когда Абу-ль-‘Ас вернулся в Мекку, он сказал Зайнаб, что обещал её отцу отправить её в Медину. Они решили, что их маленькая дочь Умама поедет с ней. Их сын ‘Али умер ещё младенцем, и теперь Зайнаб ожидала третьего ребёнка. Когда все приготовления к путешествию были закончены, Абу-ль-‘Ас отправил с ними в качестве сопровождающего своего брата Кинану. Они держали свои намерения в тайне, однако всё же выехали днём, и в Мекке об этом пошли толки, пока, наконец, некоторые из курайшитов не решили пуститься за ними вслед и вернуть Зайнаб обратно в лоно рода ‘Абд Шамс, к которому она принадлежала по браку.

[5] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 4, 147; Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 472-473

Когда преследователи почти настигли их, человек из рода Фихр по имени Хаббар вырвался вперёд, подскакал совсем близко и начал кружить вокруг них, потрясая копьём перед Зайнаб, сидевшей в своём хадждаже с Умамой, а затем вновь присоединился к остальным, которые уже были совсем рядом. Кинана спешился, взял лук, опустился на колено лицом к ним и высыпал из колчана стрелы на песок перед собой. «Пусть кто-нибудь из вас только приблизится ко мне, -сказал он, -и, клянусь Богом, я пущу в него стрелу». Люди попятились, когда он натянул лук. После краткого совещания их вождь Абу Суфьян и ещё один или двое спешились и подошли к нему, прося опустить лук и обсудить дело мирно. Кинана согласился, и Абу Суфьян сказал ему: «Было великой ошибкой выводить эту женщину открыто, на глазах у людей, когда ты сам знаешь, какое бедствие постигло нас и что Мухаммад сделал против нас. Это будет сочтено признаком нашего унижения, и люди скажут, что всё это -не что иное, как наша беспомощность. Клянусь жизнью моей, не потому это, что мы хотим удержать её от её отца, и не послужит это нам местью. Но верни женщину в Мекку; а когда языки перестанут судачить о нашей покорности и когда распространится весть, что мы выехали за ней и привезли её назад, тогда тайно выведи её к её отцу». Кинана принял это предложение, и все вместе они возвратились в Мекку.

Вскоре после этого у Зайнаб случился выкидыш, который приписали испугу, причинённому ей Хаббаром. Когда она оправилась и когда прошло достаточно времени, Кинана вывел её вместе с Умамой под покровом ночи и сопровождал их до долины Яджадж, примерно в восьми милях от Мекки. Там их встретил Зайд, как было условлено заранее, и благополучно привёл их в Медину.

46.БАНУ КАЙНУКА

Уже давно стало ясно, что иудеи не считают договор Пророка обязательным для себя и что большинство из них предпочитает язычников-идолопоклонников мусульманам, поклоняющимся Единому Богу. Откровения, признавая благочестие и надёжность отдельных людей среди иудеев, теперь были полны предостережений против их большинства. Пророку и его последователям внушалось остерегаться их:

Они не приминут вам вредить, они хотели бы того, чтобы вы попали бы в беду. Обнаружилась ненависть из их уст, а то, что скрывают их груди больше. Мы разъяснили вам знамения, если вы разумны!.[1]

Не могло быть сомнения, что надежды иудеев всё более обращаются к собственному племени Пророка как к главному средству уничтожить новую религию и тем самым вернуть оазис Ясриб к тому, чем он был прежде. О его передвижениях регулярно сообщалось в Мекку; и если бы курайшиты выступили против него до самых иудейских крепостей к югу от Медины, то есть приблизились бы на расстояние примерно полудневного пути от его мечети, казалось несомненным, что в решающий момент мекканское войско было бы усилено сильными иудейскими отрядами.

Если вас коснется хорошее, это их огорчает; если вас постигнет дурное, они радуются этому.[2]

Это с полной ясностью обнаружилось в том, как иудеи встретили весть о победе при Бадре. Когда пришло известие, племена Кайнука ‘, Надир и Курайза не смогли скрыть своего смятения. Особенно поразителен был случай Ка‘ба ибн Ашрафа. Его отец был арабом из племени Тайй, но сам Ка ‘б считал себя, по матери, принадлежащим к Бану Надир; и те принимали его как одного из своих, потому что мать его была иудейкой. Он и в самом деле стал видным членом племени -отчасти благодаря своему богатству и сильному характеру, а также потому, что был поэтом, пользовавшимся некоторой славой. Услышав вести, принесённые Зайдом и ‘Абдаллахом, с именами всех наиболее видных курайшитов, павших в бою, он воскликнул: «Клянусь Богом, если Мухаммад убил этих людей, то недра земли лучше её поверхности». И, убедившись, что известие истинно, он тотчас покинул оазис ещё до возвращения Пророка и отправился в Мекку, где сочинил плач по Абу Джахлю, ‘Утбе, Шайбе и другим погибшим. В то же время он побуждал курайшитов восстановить свою честь и отомстить, собрав несокрушимое множество войска и выступив с ним против Ясриба.

---

[1] Коран 3, 118
[2] Коран 3, 120

Весть о действиях Ка ‘ба дошла до Медины; но в тот момент он был недосягаем, и более неотложные меры требовались против другого иудейского племени. Пророк был особенно хорошо осведомлён о вероломстве и ненависти Бану Кайнука ‘, ибо ‘Абдаллах ибн Саллам был прежде одним из их виднейших людей и прекрасно знал их нравы. К тому же именно они были союзниками хазраджита Ибн Убайя, вождя лицемеров; и их присутствие ощущалось сильнее, чем присутствие других иудейских племён, потому что их поселения находились близ самого города, тогда как Бану Надир и Курайза, союзники Ауса, жили на некотором расстоянии за его пределами.

Недавно Пророк получил повеление:

А если ты боишься от людей измены, то отбрось договор с ними согласно со справедливостью: поистине, Аллах не любит изменников!.[3]

Но в Откровении было сказано также:

А если они склонятся к миру, то склонись и ты к нему и полагайся на Аллаха.[4]

Потому он не желал прибегать к необратимым мерам, если чего-либо можно было добиться более мягкими средствами; и в один из первых дней по возвращении из Бадра он пошёл к Бану Кайнука‘на их рынок, в южной части Медины. Размышление о чуде Бадра могло бы привести их к перемене сердца, и потому он предостерёг их, чтобы они не навлекли на себя гнев Божий, только что павший на курайшитов. «О Мухаммад, -ответили они, -не обольщайся той встречей: ведь ты имел дело с людьми, не знающими войны, и потому одолел их. Но, клянусь Богом, если мы будем воевать с тобой, ты узнаешь, что именно нас следует страшиться». Пророк повернулся и ушёл, а они на мгновение вообразили, будто одержали верх.

Через несколько дней, на том же самом рынке, произошёл случай, доведший дело до крайности: мусульманка, пришедшая продать или обменять кое-какие товары, была тяжко оскорблена одним иудейским золотых дел мастером. Один помощник, случайно оказавшийся рядом, вступился за неё, и обидчик был убит в завязавшейся схватке; тогда иудеи набросились на мусульманина и убили его. Его семья потребовала мести и принялась поднимать помощников против Кайнука ‘. Но кровь была пролита с обеих сторон, и дело ещё можно было бы уладить и свести к его истинным размерам, если бы иудеи потребовали суда Пророка согласно договору. Но на это они смотрели с презрением; и, решив, что настало время проучить пришельцев, они послали за подкреплением к своим двум прежним союзникам из хазраджитов -Ибн Убайю и ‘Убаде ибн Самиту, -а сами укрылись -как они полагали, лишь на время -в своих крепких и хорошо снабжённых укреплениях. Они могли

[3] Коран 8, 58
[4] Коран 8, 61

выставить войско в семьсот человек, что было более чем вдвое больше мусульманского войска при Бадре; и они рассчитывали ещё по меньшей мере на столько же людей от Ибн Убайя и ‘Убады. Когда те явятся, они, несомненно, намеревались выйти из своих крепостей и показать Пророку, что их недавние угрозы были не пустыми словами.

Но на деле эти угрозы стали их собственным осуждением; и уже через несколько часов они с изумлением и ужасом обнаружили, что со всех сторон блокированы войском, превосходившим их собственное и требовавшим безоговорочной сдачи.

Ибн Убайй пошёл советоваться с ‘Убадой, но ‘Убада непреклонно стоял на том, что никакой прежний союз не может противостоять договору, и отказался от всякой ответственности за Кайнука ‘. Что же до Ибн Убайя, то не в его характере было одним мгновением разорвать те связи, которые он так обдуманно ковал годами между собою и столь могущественными союзниками. Но он не мог, подобно иудеям, закрывать глаза на теперешнюю преданность большинства его сограждан Пророку. Слишком часто ему уже приходилось вкушать горечь оттого, что его прежние горячие сторонники ясно показывали: их верность ему куда слабее иной верности. Два года назад, при помощи осаждённых изнутри, он мог бы прорвать блокаду и более многочисленного войска. Но теперь он знал, что, раз Пророк уже начал действовать, сам он ничего не сможет против него сделать. И Бану Кайнука‘напрасно ждали за своими стенами, а надежда их день за днём таяла, превращаясь в отчаяние, ибо никакой помощи всё не было. Две недели они держались; потом сдались без всяких условий.

Тогда Ибн Убайй явился в лагерь и, подойдя к Пророку, сказал: «О Мухаммад, обойдись хорошо с моими союзниками». Пророк уклонился от ответа, но, когда тот повторил свою просьбу, отвернулся от него; тогда Ибн Убайй схватил его за кольчугу, просунув руку в её ворот. Лицо Пророка потемнело от гнева. «Отпусти», -сказал он. «Клянусь Богом, не отпущу, -ответил Ибн Убайй, -пока ты не пообещаешь обойтись с ними хорошо. Четыреста человек без доспехов и триста в доспехах -они защищали меня и от красного, и от чёрного[5]. Неужели ты в одно утро их всех истребишь ? » -«Я дарую им жизнь», -сказал Пророк. Но Откровение велело относительно тех, кто нарушал договоры с ним:

Если ты застанешь их в битве, то прогони ими тех, которые позади них, - может быть, они вспомнят!.[6]

И, решив, что Бану Кайнука ‘должны лишиться всего имущества и быть изгнаны, он велел ‘Убаде сопроводить их за пределы оазиса. Они нашли убежище у родственного иудейского

[5] См.с.112, примечание
[6] Коран 8, 57

поселения к северо-западу, в Вади-ль-Кура, а впоследствии с его помощью обосновались на сирийской границе.

По ремеслу они были металлообработчиками, и переселенцы с помощниками весьма обогатились оружием и доспехами, которые были разделены между ними после того, как Пророк взял законную пятую часть для себя и своего теократического государства.

47.СМЕРТИ И БРАКИ

Одним из первых дел Пророка по возвращении из Бадра было посещение могилы своей дочери Рукайи, и Фатима пошла с ним. Это была первая утрата, постигшая их самый тесный семейный круг со времени смерти Хадиджи, и Фатима глубоко скорбела по сестре. Слёзы лились из её глаз, когда она сидела рядом с отцом у края могилы, а он утешал её и старался осушить её слёзы краем своего плаща. Прежде он уже говорил против причитаний по умершим, но это привело к недоразумению, и, когда они возвращались с кладбища, послышался голос ‘Умара, гневно возражавшего женщинам, плакавшим по мученикам Бадра и по Рукайе. «О ‘Умар, пусть плачут», -сказал он. А затем добавил: «То, что исходит из сердца и из глаз, -от Бога и от Его милости; но то, что исходит от руки и от языка, -от сатаны»[1]. Под рукой он разумел биение себя в грудь и расцарапывание щёк, а под языком - громкий вопль, в котором все женщины участвовали как в обрядовом проявлении скорби.

Фатима была младшей из его дочерей и в ту пору ей было около двадцати лет. Своим домашним он уже говорил об ‘Али как о наиболее подходящем для неё супруге, но формального брачного договора ещё не было. И Абу Бакр, и ‘Умар просили её руки, но Пророк уклонялся, не говоря, что она уже обещана другому, а лишь отвечая, что должен ждать срока, назначенного Небом. Лишь в недели после возвращения из Бадра он удостоверился, что время настало, и тогда произнёс слова ободрения ‘Али, желая, чтобы тот формально попросил её руки. ‘Али сперва колебался из-за своей крайней бедности. Он ничего не унаследовал от отца, ибо закон новой религии запрещал верующему наследовать от неверующего. Но он уже обзавёлся скромным жилищем неподалёку от мечети и, поскольку воля Пророка не вызывала сомнений, позволил убедить себя. После заключения брачного договора Пророк настоял на свадебном пире. Был заклан баран, и некоторые из помощников принесли в дар зерно. Абу Салама, двоюродный брат и жениха и невесты, горячо хотел помочь, тем более что был многим обязан отцу ‘Али, который защищал его от Абу Джахля и других враждебных членов его рода. Поэтому Умм Салама вместе с ‘Аишей пошла приготовить дом для новобрачных и приготовить еду. С мягкого речного русла принесли песок и рассыпали его по глинобитному полу дома. Брачным ложем служила овчина, а покрывалом -выцветшее полосатое йеменское полотно. Для подушки они набили кожаную подкладку пальмовым волокном. Затем разложили для гостей финики и смоквы, помимо основного угощения, и наполнили бурдюк водой, которую надушили благовониями. Все соглашались, что этот свадебный пир был одним из лучших, какие в то время устраивались в Медине.

Когда Пророк удалился, давая гостям знак оставить новобрачных наедине, он сказал ‘Али не приближаться к жене, пока он сам не вернётся; и действительно, вскоре после ухода последнего гостя он вернулся. Умм Айман всё ещё оставалась там, помогая приводить дом

[1] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 24

в порядок после торжества. В жизни Пророка было немало особых уз, которых не разделял никто, кроме него самого и того человека, о ком шла речь. Одни из таких уз связывали его с Умм Айман. Когда он попросил разрешения войти, к входу вышла именно она. «Где мой брат? » -спросил он. «Да будут мой отец и моя мать выкупом за тебя, о Посланник Божий, -сказала она, -кто же твой брат? » -«Сын Абу Талиба, ‘Али», -сказал он. «Как может он быть твоим братом, -сказала она, -когда ты только что выдал за него свою дочь? » -«Он именно таков, как я сказал», -ответил Пророк и попросил её принести воды, что она и сделала. Взяв воды в рот и прополоскав его, он выплюнул её обратно в сосуд. Затем, когда вошёл ‘Али, он велел ему сесть перед собой; зачерпнув рукой воды, окропил ею его плечи, грудь и руки. Потом он позвал к себе Фатиму, и она подошла, спотыкаясь о край своей одежды от благоговения и страха перед отцом. Он сделал с нею то же, что и с ‘Али, и призвал благословение на них обоих и на их потомство.[2]

В год, последовавший за возвращением из Бадра, семья ‘Умара понесла две утраты. Первой из них была смерть его зятя Хунайса, мужа его дочери Хафсы. Он был одним из переселенцев в Абиссинию, и брак этот состоялся уже после его возвращения. Хафсе было всего восемнадцать лет, когда она овдовела. Она была красива и образованна, умея, как и её отец, читать и писать; и, видя, как безутешен после смерти Рукайи ‘Усман, ‘Умар предложил ему Хафсу в жёны. ‘Усман сказал, что подумает, но спустя несколько дней пришёл к ‘Умару и сказал, что, по его мнению, пока ему не следует жениться вновь. ‘Умар был сильно разочарован и несколько задет отказом ‘Усмана. Но он твёрдо решил найти для дочери достойного мужа и потому пошёл к Абу Бакру, которого считал своим лучшим другом, и предложил ему этот брак. Абу Бакр ответил уклончиво, и это задело чувства ‘Умара ещё больше, чем определённый отказ ‘Усмана, хотя в то же время такое поведение было понятнее, ибо у Абу Бакра уже была жена, к которой он был глубоко привязан, тогда как ‘Усман теперь был одинок. Быть может, его всё же можно было склонить переменить решение; и при следующей беседе с Пророком ‘Умар дал выход своему огорчению. «Вот увидишь, -сказал Пророк, -я укажу тебе зятя лучше ‘Усмана, а ему -тестя лучше тебя». «Да будет так! » -сказал ‘Умар с улыбкой радости, когда, немного подумав, понял, что лучшим человеком в обоих случаях назван не кто иной, как сам Пророк: он сам возьмёт Хафсу в жёны и во второй раз станет тестем ‘Усмана, выдав за него сестру Рукайи -Умм Кульсум. Лишь после этого Абу Бакр объяснил ‘Умару причину своего молчания: Пророк доверил ему, как тайну, ещё не подлежавшую оглашению, своё намерение просить руки Хафсы.

Сначала состоялся брак Умм Кульсум с ‘Усманом; а когда истекли юридически необходимые четыре месяца после смерти Хунайса и когда к покоям Сауды и ‘Аиши, примыкавшим к мечети, были пристроены ещё одни, было отпраздновано и собственное бракосочетание Пророка -немного менее чем через год после битвы при Бадре. Появление Хафсы не нарушило гармонии в доме. ‘Аиша была рада иметь рядом спутницу, более

[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 8, 12-15

близкую ей по возрасту, и вскоре между двумя младшими жёнами завязалась прочная дружба, тогда как Сауда, бывшая в некотором смысле матерью для ‘Аиши, теперь распространила долю своей материнской доброты и на новоприбывшую, которая была почти на двадцать лет моложе её.

Примерно в то же время умер и шурин ‘Умара, дядя Хафсы по матери, -‘Усман ибн Маз ‘ун. И он, и его жена Хауля всегда были особенно близки Пророку, а ‘Усман был самым аскетичным из его сподвижников. Он был аскетом ещё до откровения ислама, а с тех пор как переселился в Медину, настолько стремился подавить в себе земные желания, что попросил у Пророка позволения оскопить себя и провести остаток жизни нищим странником. «Разве не во мне для тебя добрый пример? » -сказал Пророк. -«А я хожу к женщинам, и ем мясо, и пощусь, и разговляюсь. Не из моего народа тот, кто делает мужчин евнухами или сам становится евнухом». Но у Пророка были основания думать, что ‘Усман не вполне его понял, и потому в другой раз он задал ему тот же вопрос: «Разве не во мне для тебя пример? » ‘Усман горячо согласился, а затем спросил, в чём же дело. «Ты постишься каждый день, -сказал Пророк, -и каждую ночь бодрствуешь в молитве». -«Да, именно так я и поступаю», -ответил ‘Усман, ибо он вновь и вновь слышал от него о достоинствах поста и ночной молитвы. «Не поступай так, -сказал Пророк, -ибо, воистину, твои глаза имеют право на тебя, и твоё тело имеет право, и твоя семья имеет право. Так молись, и спи, и постись, и разговляйся»[3].

Как выражение изначальной религии, Откровение постоянно подчёркивало важность благодарения Бога за самые простые и первичные блага жизни.

И Он дал вам слух, зрение, сердца, - может быть, вы будете благодарны!.[4]

Из Его знамений - что Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость. Поистине, в этом - знамение для людей, которые размышляют!.[5]

Скажи: "Думаете ли вы, что если Аллах сделает над вами ночь вечной до дня воскресения - кто бог, кроме Аллаха, что принесет вам сияние? Разве вы не слышите?"

Скажи: "Думаете ли вы, что если Аллах сделает над вами день вечным до дня воскресения - кто бог, кроме Аллаха, что принесет вам ночь, чтобы покоится в ней. Разве вы не видите?

---

[3] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 3/1, 289
[4] Коран 16, 78
[5] Коран 30, 21

От Своей милости Он сделал для вас ночь и день, чтобы вы отдыхали и искали Его милости и, может быть, вы будете благодарны!".[6]

Для первозданного человека естественные радости жизни, освящённые благодарностью Богу, сами становятся видами поклонения; и, говоря о себе, Пророк упоминал чувственные удовольствия и молитву в одном и том же ряду: «Мне дано любить благовония и женщин, а прохлада очей моих заключена в молитве».[7]

Сразу после смерти ‘Усмана, ещё до похорон, Пророк вместе с ‘Аишей пошёл навестить Хаулю, и ‘Аиша впоследствии рассказывала: «Пророк поцеловал ‘Усмана, когда тот уже умер, и я видела, как слёзы его текли по щеке ‘Усмана». На его погребении Пророк услышал, как одна старая женщина обращается к покойному со словами: «Радуйся, о отец Са’иба, ибо рай -твой». Пророк несколько резко повернулся к ней и сказал: «Откуда тебе знать это? » -«О Посланник Божий, -возразила она, -ведь это же Абу-с-Са’иб!» -«Клянусь Богом, -сказал он, -мы не знаем о нём ничего, кроме доброго». Затем, чтобы было ясно, что первые его слова никак не были направлены против самого ‘Усмана, а лишь против неё -за то, что она сказала больше, чем имела право сказать, -он снова обратился к ней и добавил: «Тебе было бы довольно сказать: “Он любил Бога и Его посланника” »[8].

‘Умар признавался, что его высокое уважение к шурину было несколько поколеблено тем, что тому не была дарована мученическая смерть. Он говорил: «Когда ‘Усман ибн Маз‘ун умер, не будучи убит, он неизмеримо пал в моих глазах, и я сказал: “Вот человек, который строже всех нас воздерживался от благ этого мира, и вот он умер -и не был убит” ». Так он и оставался в представлении ‘Умара, пока естественной смертью не умерли и сам Пророк, и Абу Бакр; тогда он упрекнул себя за то, что не имел истинного чувства ценностей, и сказал самому себе: «Горе тебе! Лучшие из нас умирают! » -то есть **умирают естественной смертью**, -и ‘Усман вновь занял в его глазах то место, которое по праву прежде занимал[9].

---

[6] Коран 28, 71-73

[7] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 1/2, 112; См.выше, с.141, примечание

[8] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 3/1, 289-290

[9] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 3/1, 289-290

48.**ЛЮДИ СКАМЬИ**

Часть одной из длинных колоннад мечети теперь была отведена для тех новопришедших, у кого не было ни жилья, ни средств к существованию. Их называли **«людьми скамьи»**, **ахль ас-суффа**, по каменной скамье, поставленной там для них; и поскольку мечеть была как бы продолжением самого дома Пророка, он и его домашние чувствовали особую ответственность за это всё растущее число обедневших беженцев, живших у самого их порога, чью нужду они ежедневно видели собственными глазами и которые приходили по одному, по двое со всех сторон, привлечённые вестью ислама и рассказами о нём и о его общине, уже достигшими к тому времени племён по всей Аравии. Весть о Бадре также не осталась без своего действия в этом отношении. Поэтому редко случалось, чтобы те, кто жил в домах, примыкавших к мечети, ели досыта за какой-либо трапезой. Пророк любил говорить: «Пищи одного хватает на двоих, пищи двоих -на четверых, а пищи четверых -на восьмерых».[1]

Как он любил сладкие запахи и благоухание вообще, так же он был чрезвычайно чувствителен к малейшей неприятности запаха, особенно дыхания, -и в себе, и в других. ‘Аиша рассказывала, что первое, что он делал, входя в дом, -брал в руки мисвак, зубную палочку из зелёной пальмовой древесины. Когда он был в пути, на ‘Абдаллаха ибн Мас‘уда можно было вполне положиться: у него всегда была наготове такая палочка для него. Сподвижники следовали его примеру и в употреблении зубной палочки, и в полосканиях рта после каждой еды.

Голод нисколько не ослаблял этой его крайней чувствительности, хотя он и не всегда ожидал того же от других. Были некоторые виды пищи, дозволенные законом, которые он побуждал своих сподвижников есть, но сам их не ел, -например крупных ящериц, которых не было в Мекке, но которые были обычны в Ясрибе и в других местах. Иногда он отказывался от блюда скорее из внимания к другим, чем из-за себя самого. Однажды ему принесли в подарок от одного из помощников похлёбку; но как раз когда он уже собирался отведать её, он заметил, что от неё сильно пахнет чесноком, и отдёрнул руку. Те, кто были с ним, тотчас сделали то же самое. «Что с вами?» -спросил он их. «Ты убрал руку, -ответили они, -и мы убрали свои». «Ешьте с именем Божиим, -сказал он. -Я веду близкую беседу с тем, с кем вы не беседуете».[2] Они поняли, что он говорит об ангеле. В тот раз блюдо уже было приготовлено, и его нельзя было попусту губить. Но вообще он всё же удерживал их от пищи, чрезмерно приправленной чесноком или луком, особенно перед тем, как идти в мечеть.[3]

---

[1] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри
[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 1/2, 110
[3] Бухари 96, 24

До замужества Фатима в некотором смысле была хозяйкой для людей скамьи. Но, несмотря на лишения, составлявшие часть ежедневной жизни в доме Пророка, её жизнь после брака показалась ещё суровее из-за одной нужды, которой она прежде не знала. У неё никогда прежде не было недостатка в помогающих руках. Помимо её сестры Умм Кульсум, всегда была Умм Айман, готовая сделать всё, что могла. Умм Сулейм отдала Пророку в услужение своего десятилетнего сына Анаса, и Анас был прилежен и рассудителен далеко не по летам; а его мать и Абу Тальха, её второй муж, всегда стояли где-то рядом, готовые помочь. Ибн Мас‘уд так тесно привязался к Пророку, что стал почти членом его дома; а недавно, уже после возвращения в Мекку, ‘Аббас прислал Пророку в дар своего раба Абу Рафи‘а. Пророк даровал ему свободу, но свобода ничуть не уменьшила его готовности служить. Была ещё и Хауля, вдова ‘Усмана ибн Маз‘уна, которая давно уже считала себя их служанкой. Но теперь у Фатимы в доме не было никого, кто помогал бы ей. Чтобы облегчить их крайнюю бедность, ‘Али зарабатывал немного как носильщик воды, а она -как мололщица зерна. «Я молола, пока руки мои не покрылись волдырями», -сказала она однажды ‘Али. «Я носил воду, пока не почувствовал боли в груди, -ответил ‘Али, -а Бог даровал твоему отцу пленников; так пойди и попроси его, чтобы он дал тебе слугу». Не слишком охотно она пошла к Пророку, и тот спросил: «Что привело тебя сюда, доченька?» -«Я пришла приветствовать тебя миром», -ответила она, ибо от благоговения перед ним не смогла заставить себя попросить о том, зачем пришла. «Что ты сделала?» -спросил ‘Али, когда она вернулась с пустыми руками. «Мне было стыдно просить его», -сказала она. Тогда они пошли вдвоём, но Пророк счёл, что нужда их меньше, чем нужда других. «Я не дам вам, -сказал он, -а люди скамьи будут томиться от голода. У меня нет достаточно средств на их содержание; но то, что может прийти от продажи пленников, я истрачу на них».

Они вернулись домой несколько разочарованными, но в ту ночь, когда они уже легли, услышали голос Пророка, спрашивавшего разрешения войти. Приветствуя его, они оба поднялись, но он сказал им: «Оставайтесь, где вы есть», -и сел рядом с ними. «Не сказать ли мне вам о чём-то лучшем, чем то, о чём вы меня просили?» -сказал он; и когда они ответили утвердительно, он продолжил: «Это слова, которым научил меня Джибриль: после каждой молитвы говорите десять раз: “Слава Богу”, и десять раз: “Хвала Богу”, и десять раз: “Бог превелик”. А когда ложитесь спать, говорите каждое из этих слов по тридцать три раза». Впоследствии ‘Али говорил: «С тех пор как Посланник Божий научил нас им, я ни разу не оставил их».[4]

Их дом находился не очень далеко от мечети, но Пророк хотел бы, чтобы его дочь была ещё ближе к нему; и через несколько месяцев после брака Хариса из рода Хазрадж, дальний родственник Пророка, пришёл к нему и сказал: «О Посланник Божий, я слышал, что ты хотел бы поселить Фатиму ближе к себе; а этот мой дом -ближайший из всех жилищ сынов Наджжара, и он твой. И я, и моё имущество -всё принадлежит Богу и Его Посланнику, и то,

[4]Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 8, 16

что ты возьмёшь у меня, мне дороже того, что ты оставишь мне». Пророк благословил его и принял его дар, и поселил дочь свою и зятя своими соседями. Он глубоко радовался щедрости Харисы и многим другим проявлениям щедрости в Медине -и к нему самому, и к другим.

Но один такой поступок, случившийся в это время, оказался сопряжён с некоторым разочарованием. Пророк высоко ценил Абу Любабу из рода Аус, и по пути к Бадру послал его обратно из Равха', чтобы тот управлял Мединой в его отсутствие. Позднее в том же году сирота, находившийся под опекой Абу Любабы, пришёл к Пророку и заявил свои права на одну обильно плодоносящую пальму, которую, по его словам, опекун неправильно присвоил себе. Послали за Абу Любабой, и тот сказал, что пальма принадлежит ему, -что действительно было так. Пророк выслушал дело и вынес решение в пользу опекуна и против сироты, который горько скорбел о потере дерева, всегда считавшегося им своим. Видя это, Пророк попросил отдать пальму ему в дар, намереваясь подарить её сироте, но Абу Любаба отказался. «О Абу Любаба, -сказал он, -тогда сам отдай её сироте, и такая же будет твоей в Раю». Но чувство юридической справедливости было в Абу Любабе слишком сильно возбуждённо всем этим делом, и он снова отказался. Тогда другой из помощников, Сабит ибн ад-Дахдаха, сказал Пророку: «О Посланник Божий, если я куплю эту пальму и отдам её сироте, будет ли у меня в Раю такая же?» -«Воистину, будет», -последовал ответ. Тогда он пошёл к Абу Любабе и предложил ему за эту единственную пальму целый пальмовый сад. Предложение было принято, и Ибн ад-Дахдаха отдал пальму сироте.[5] Пророк чрезвычайно обрадовался ради него, но огорчился из-за Абу Любабы.

[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 505

49.РАЗРОЗНЕННЫЕ ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Одним из важных побочных результатов Бадра и предшествовавших ему походов было то, что Джухайна и другие соседние племена побережья Красного моря теперь прочно вступили в союз с Мединой. Это означало, что прибрежная дорога в Сирию была для мекканских караванов фактически закрыта; и тем самым вставал вопрос: нельзя ли ещё более ослабить могущество курайшитов, закрыв им доступ ко всему северу -не только на западе, но и на востоке? Эта скрытая опасность отнюдь не ускользнула от внимания самих курайшитов, и они уже приняли некоторые меры, чтобы укрепить свои союзы с племенами Сулайм и Гатафан, через земли которых должны были проходить караваны, если они выбирали северо-восточный путь к верховьям Персидского залива, а оттуда -в Ирак. Эти племена жили на великой равнине Неджда к востоку от Мекки и Медины. Караваны из Мекки делали свою седьмую остановку в середине плодородной полосы, занятой племенем Сулайм; и именно это племя курайшиты теперь особенно побуждали не упускать ни одного случая тревожить окраины Ясриба там, где они покажутся наиболее уязвимыми.

В последующие месяцы Пророк получил предупреждение о трёх готовившихся набегах на восточные окраины оазиса -двух со стороны Сулайма и одном со стороны Гатафана. И всякий раз он предупреждал их, немедленно выступая в их земли, и всякий раз они узнавали о его приближении и исчезали прежде, чем он достигал места их сбора. Но одна из этих экспедиций всё же оказалась необычайно успешной. Она была направлена против гатафанских племён Са‘лаба и Мухариб, и на этот раз Пророк решил преследовать неуловимых бедуинов в их полу скрытые укрепления в холмах к северу от Неджда, при помощи человека из Са‘лабы, который принял ислам и предложил свои услуги в качестве проводника. С равнины они поднялись в земли Мухариб, и внезапный ливень промочил некоторых из людей, в том числе и самого Пророка, прежде чем они успели укрыться. Пророк немного отошёл от остальных, снял с себя две мокрые одежды и повесил их сушиться на дерево, а сам лёг под этим деревом и вскоре уснул. Но все их движения -и особенно его -были замечены множеством невидимых глаз; и он проснулся, увидев над собою человека с обнажённым мечом в руке. Это был не кто иной, как Ду‘сур, вождь Мухариб, который сам во многом был одним из главных устроителей того набега, о котором Пророк был заранее предупреждён. «О Мухаммад, -сказал он, -кто защитит тебя от меня в этот день?» -«Бог», -ответил Пророк. Тогда Джибриль, весь в белом, явился между ними и, положив руку человеку на грудь, отбросил его назад. Меч выпал из его руки, и Пророк схватил его. Джибриль исчез из виду Ду‘сура, и тот понял, что видел ангела. «А кто защитит тебя от меня?» -сказал Пророк. «Никто», -ответил Ду‘сур. -«Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и что Мухаммад -Посланник Божий». Пророк вернул ему меч, и это глубоко тронуло того. Они вместе пришли в лагерь, и Ду‘сур был наставлен в религии. Затем он возвратился к своему народу и стал призывать их к исламу.

К тому времени, когда войско возвратилось из Неджда, Ка‘б ибн аль-Ашраф уже покинул Мекку и вернулся в свою крепость среди Бану Надир, неподалёку от окраин Медины. Помимо стихов, в которых он побуждал курайшитов отомстить за Бадр, он сочинял и другие -сатирические, направленные против Пророка и его сподвижников; а среди арабов одарённый поэт был подобен множеству людей, ибо его стихи переходили из уст в уста. Если он был добр, то становился силой добра; если зол -силой зла, которую следовало подавить любой ценой. Пророк молился: «О Господи, избавь меня от сына аль-Ашрафа, каким бы образом Ты ни пожелал, -за зло, которое он возвещает, и за стихи, которые он читает». Затем он сказал присутствовавшим: «Кто выступит ради меня против сына аль-Ашрафа? Ибо он причинил мне великое зло». Первым вызвался человек из племени Аус - Мухаммад ибн Маслама, из рода Са‘да ибн Му‘аза. Пророк велел ему посоветоваться с Са‘дом, и нашлось ещё четверо добровольцев. Но они понимали, что без обмана и лжи ничего сделать не удастся, а им было известно, насколько ложь отвратительна Пророку; потому они пришли к нему и открыто сказали, что у них на уме. Он ответил, что они вольны говорить всё, что послужит их цели, ибо обман в войне дозволен как часть её стратегии, а Ка‘б объявил им войну.

Ка‘ба выманили из его крепости под ложным предлогом, а затем убили. С негодованием и в смятении иудеи из Надира пришли к Пророку и стали жаловаться, что одного из их главных людей вероломно умертвили без всякой причины. Пророк хорошо знал, что большинство из них столь же враждебно исламу, как был враждебен Ка‘б, и с великой скорбью уже примирился с этой мыслью. Но необходимо было показать им, что если враждебные мысли ещё терпимы, то враждебные действия -нет. «Если бы он остался таким, как остаются другие, столь же мыслящие, -сказал он, -его не убили бы хитростью. Но он вредил нам и сочинял против нас стихи; и всякий из вас, кто поступит так же, будет предан мечу».[1] Затем он предложил им заключить с ним особый договор в дополнение к прежнему общему соглашению, и они на это согласились.

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 192

50.ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БИТВЕ

Мекканцы остро ощущали утрату своего красноморского караванного пути. Один из недостатков единственной оставшейся дороги состоял в том, что на равнине Неджда колодцы были сравнительно далеко один от другого. Но теперь, когда летние месяцы клонились к концу, это путешествие можно было без труда совершить, просто увеличив число верблюдов, везущих воду; и было решено отправить в Ирак богатый караван, состоявший главным образом из серебряных слитков и серебряной посуды стоимостью около ста тысяч дирхемов. Возглавить его должен был Сафван. Некоторые из иудеев Медины тайно знали о караване, и один из помощников случайно услышал их разговор о нём. Пророк знал, что Зайд обладает даром вождя, и теперь послал его во главе сотни всадников перехватить караван близ Курады, одного из главных водопоев на этом пути. Сравнительно малочисленный, а потому более управляемый отряд позволил Зайду осуществить всё необходимое для действенной засады. Их внезапное, яростное и неожиданное нападение обратило в бегство Сафвана и его спутников, тогда как Зайд со своими людьми торжественно вернулся в Медину, сам став теперь охраной для всех мекканских вьючных верблюдов с их богатым грузом серебра и прочих товаров, а также нескольких пленников.

В Мекке бедствие при Кураде усилило и ускорило приготовления, которые шли с самого Бадра ради неотразимого нападения на Медину. Прошёл священный месяц раджаб, вместе с ним середина зимы и новый, 625 год по христианскому летосчислению. В следующем месяце состоялся брак Хафсы. Затем наступил рамадан, и в этот месяц поста, к великой радости всех верующих, Фатима родила сына. Пророк произнёс слова призыва к молитве в ухо новорождённого младенца и назвал его аль-Хасан, что означает «прекрасный». Луна достигла полноты, а через день или два после этого настала годовщина Бадра; и в последние дни месяца Пророку было доставлено запечатанное письмо гонцом, проехавшим верхом из Мекки в Медину за три дня. Письмо было от его дяди ‘Аббаса и предупреждало, что войско в три тысячи человек уже готово выступить против Медины. Семьсот из этих людей были в доспехах, и имелся конный отряд в двести человек. Верблюдов было столько же, сколько людей, не считая вьючных животных и тех, которые несли носилки с женщинами.

К тому времени, когда письмо прибыло, курайшиты уже были в пути. Абу Суфьян, главнокомандующий, взял с собой Хинд, а также ещё одну свою жену. Сафван тоже вёз с собой двух жён, другие вожди -по одной. Джубайр, сын Мут‘има, остался в Мекке; но он отправил с войском своего абиссинского раба по имени Вахши, который, как и многие его соотечественники, был искуснейшим метателем копья. Вахши редко когда промахивался; и Джубайр сказал ему: «Если ты убьёшь Хамзу, дядю Мухаммада, в отмщение за моего дядю, ты свободен». Хинд узнала об этом, и во время стоянок, когда она проходила мимо Вахши в лагере или видела, как он проходит мимо, она говорила ему: «Делай своё дело, о

отец мрака, -утоли, а потом насладись!» Она уже дала ему понять, что и у неё, равно как и у его хозяина, есть жажда, которую нужно утолить, и награда для того, кто её утолит.

У переселенцев и помощников оставалась ещё неделя до появления врага; но за это время надо было найти внутри стен Медины место для всех, кто жил на окраинах оазиса, вместе с их скотом. Это было сделано, и ни одной лошади, ни одного верблюда, ни одной коровы, овцы или козы не оставили за стенами. Оставалось выяснить, каков план действий мекканцев. Пришла весть, что они идут западной дорогой, ближе к побережью. В надлежащее время они повернули вглубь страны, сделали короткую остановку примерно в пяти милях к западу от Медины, затем пошли несколько миль на северо-восток и разбили лагерь на полосе возделанной земли в долине под горой Ухуд, возвышающейся над Мединой с севера.

Пророк выслал разведчиков, и те на следующее утро вернулись с известием, что численность неприятеля действительно такова, как было сказано в письме. Вместе с курайшитами были сто человек из Сакифа, а также отряды из Кинаны и других союзных племён. Более трёх тысяч верблюдов и двести лошадей пожирали всю траву и все ещё неубранные посевы к северу от города, и вскоре там не осталось бы ни одной зелёной былинки. Само войско не подавало признаков того, что готово к немедленным действиям. И всё же в ту ночь город тщательно охранялся, и оба Са‘да -из Ауса и Хазраджа, то есть Ибн Му‘аз и Ибн ‘Убада, -настояли на том, чтобы нести стражу у двери Пророка, а с ними был Усайд и крепкий отряд телохранителей.

Сам Пророк ещё не был вооружён. Но ему приснился сон: будто он облачён в неприступную кольчугу и сидит верхом на баране. В руке у него был меч, и он заметил на нём зарубку; и он увидел некий скот, который знал как свой собственный, и этот скот был заклан у него на глазах. На следующее утро он рассказал сподвижникам, что видел, и истолковал сон так: «Неприступная кольчуга -это Медина; зарубка на моём мече -удар, который будет нанесён мне самому; закланный скот -это некоторые из моих сподвижников, которым суждено быть убитыми; а что до барана, на котором я ехал, -это вождь их отряда, которого мы убьём, если Бог пожелает»[1].

Первая его мысль была -не выходить из города, а выдержать осаду за его стенами. Однако он желал, чтобы его мнение было подтверждено другими, ибо это было ещё не окончательное убеждение, и потому созвал совет -следует ли выступать или нет. Первым заговорил Ибн Убайй: «Наш город, -сказал он, -дева, которую никогда не насиловали против нас. Никогда, когда мы выходили из него навстречу врагу, это не обходилось без тяжёлых потерь; и никто не входил в него против нас, чтобы не потерпеть потерь сам. Так

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 209

оставь же их, о Посланник Божий. Жалка будет их участь, пока они здесь стоят; а когда они уйдут, то уйдут удручёнными и не достигшими своей цели, не добившись никакого блага».

Многие из старших сподвижников -и из переселенцев, и из помощников -склонялись к мнению Ибн Убайя. Тогда Пророк сказал: «Оставайтесь в Медине и поместите женщин и детей в укрепления». Лишь после того, как он произнёс это, стало видно, что большинство молодых людей сгорает от желания выйти против неприятеля. «О Посланник Божий, -сказал один из них, -веди нас навстречу врагу. Пусть они не думают, будто мы их боимся или слишком слабы для них». Эти слова встретил гул одобрения в разных концах собрания, и другие говорили почти то же самое, прибавляя, что бездействие и отказ от возмездия за разорённые посевы лишь осмелят курайшитов в будущем -не говоря уже о племенах Неджда. Хамза, Са‘д ибн ‘Убада и некоторые другие из более опытных теперь тоже начали склоняться к этой точке зрения. «При Бадре, -сказал один из них, -у тебя было всего триста человек, и Бог даровал тебе власть над ними. А теперь нас много, и мы ждали этого случая и молились Богу о нём, и вот Он привёл его к самому нашему порогу»[2]. Тогда поднялся один из самых старых присутствующих, человек из Ауса по имени Хайсама. Он повторил многие из уже приведённых доводов против того, чтобы оставаться в обороне. Затем заговорил уже более лично. Его сын Са‘д был одним из немногих мусульман, павших при Бадре. «Минувшей ночью, -сказал он, -я видел во сне моего сына. Прекрасен был его облик, и я видел, как ему было дано исполнять всякое своё желание среди плодов и рек райского сада. И он сказал: “Приди к нам и стань нашим спутником в Раю. Всё, что обещал мне мой Господь, я нашёл истинным”. А я стар и жажду встречи с моим Господом. Так помолись же, о Посланник Божий, чтобы Он даровал мне мученичество и общество Са‘да в Раю».[3] Пророк помолился за Хайсаму -вероятно, безмолвно, ибо слова этой молитвы не сохранились. Затем поднялся другой из помощников, на этот раз человек из Хазраджа, Малик ибн Синан. «О Посланник Божий, -сказал он, -перед нами одно из двух благ: либо Бог дарует нам победу над ними, а это именно то, чего мы желаем; либо Бог дарует нам мученичество. Мне всё равно, что из этого будет, ибо, воистину, благо в обоих».[4]

Теперь стало ясно -не только по сказанным словам, но и по тому общему одобрению, с которым их встречали, -что большинство против того, чтобы оставаться за городскими стенами, и Пророк решил атаковать. В полдень они собрались на пятничную молитву, и темой его проповеди была священная война и всё то, чего она требует: серьёзность, усилие, стойкость; и он сказал, что победа будет за ними, если они останутся непоколебимыми. Затем он велел им готовиться к встрече с неприятелем.

После молитвы двое мужчин остались, чтобы поговорить с Пророком: каждому предстояло принять важное решение. Одним из них был Ханзала, сын самозваного ханифа Абу ‘Амира,

---

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 210-211
[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 212-213
[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 212-213

который в эту самую минуту, неизвестно его сыну, находился в неприятельском лагере у подножия Ухуда. Это был день свадьбы Ханзалы -день, назначенный ещё несколько недель назад. Он был обручён со своей двоюродной сестрой Джамилей, дочерью Ибн Убайя, и не хотел откладывать свадьбу, но в то же время был твёрдо намерен сражаться. Пророк велел ему совершить брак и провести ночь в Медине. До восхода солнца боя всё равно быть не могло, и у Ханзалы будет достаточно времени, чтобы рано утром присоединиться к нему на поле битвы. По расспросам он легко узнает, каким путём прошло войско.

Другим человеком был ‘Абдаллах ибн ‘Амр из Бану Салима, одного из родов Хазраджа. Это был тот самый человек, который почти три года назад вышел в паломничество язычником, а ислам принял в долине Мина и тотчас принёс присягу Пророку при второй ‘Акабе. И вот теперь, за две или три ночи до того, ‘Абдаллах увидел сон, сходный с тем, о котором рассказывал в собрании Хайсама. Во сне к нему пришёл человек, и он узнал в нём одного из помощников по имени Мубашшир, который сказал ему: «Пройдёт немного дней -и ты придёшь к нам». -«А где ты?» -спросил ‘Абдаллах. -«В Раю, -сказал Мубашшир. -Мы там делаем всё, что нам угодно». -«Разве ты не был убит при Бадре?» -спросил ‘Абдаллах. -«Да, -ответил Мубашшир, -но потом я был возвращён к жизни». -«О отец Джабира, -сказал Пророк ‘Абдаллаху, когда тот рассказал ему сон, -это означает мученичество».[5] ‘Абдаллах и сам знал это в сердце своём, но всё же хотел, чтобы Пророк подтвердил его мысль. Затем он пошёл домой готовиться к войне и проститься со своими детьми. Жена его недавно умерла, оставив ему одного сына -Джабира, уже достигшего юношеского возраста, -и семерых дочерей, куда более младших, чем их брат. Джабир уже вернулся из мечети и возился со своим оружием и доспехами. Не быв при Бадре, он тем более горел желанием выйти с Пророком теперь. Но у отца были иные мысли. «Сын мой, -сказал он, -не годится, чтобы мы оставили их» -он разумел своих дочерей -«без мужчины. Они малы и беспомощны, и я боюсь за них. А я выйду с Посланником Божиим, быть может, ради мученичества, если Бог дарует мне его; потому я поручаю их твоему попечению».

Все вновь собрались на послеполуденную молитву, и к тому времени люди из Верхней Медины уже успели собраться и присутствовали в мечети. После молитвы Пророк взял с собой в дом Абу Бакра и ‘Умара, и они помогли ему облачиться для сражения. Люди выстроились снаружи; и Са‘д ибн Му‘аз со своими соплеменниками стал упрекать их, говоря: «Вы принудили Посланника Божия выйти, хотя он этого не хотел, -между тем как к нему нисходит веление с Неба. Возвратите решение в его руки и дайте ему снова решить самому». Когда Пророк вышел, он уже обвил чалму вокруг шлема и надел нагрудник, под которым была кольчуга, подпоясанная кожаным ремнём для меча. Он уже препоясался мечом и повесил щит за спину. К этому времени многие уже раскаялись в том, какой курс навязали, и, едва он появился, сказали: «О Посланник Божий, не нам противиться тебе в чём бы то ни было; делай же то, что тебе покажется наилучшим». Но он ответил им: «Не

[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 266

подобает пророку, когда он уже надел доспехи, снимать их с себя прежде, чем Бог рассудит между ним и его врагами. Так исполняйте то, что я велел вам, и исполняйте это, и выступайте с именем Божиим. Победа будет вашей, если вы останетесь стойкими»[6]. Затем он велел подать три копья и прикрепил к ним три знамени. Знамя Ауса он дал Усайду, знамя Хазраджа -Хубабу, тому самому, кто советовал ему о колодцах при Бадре, а знамя переселенцев -Мус‘абу. Снова он назначил слепого ‘Абдаллаха ибн Умм Мактума руководить молитвами в своё отсутствие. Затем он сел на своего коня Сакба[7] и попросил свой лук, который повесил через плечо, а в руку взял копьё. Более никто не был верхом. Два Са‘да шли впереди него, и с обеих сторон его окружали люди. Всего их было около тысячи человек.

[6] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 214

[7] «Бегущая вода» — так его называли потому, что он умел идти иноходью

51.ПОХОД К УХУДУ

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли Шайхайна, что лежал на полпути между Мединой и Ухудом. Билял возгласил призыв к молитве, и они совершили молитву, после чего Пророк произвёл смотр своему войску. Тогда-то он и заметил среди них восьмерых мальчиков, которые, несмотря на свой возраст, надеялись принять участие в битве. Среди них были Усама, сын Зайда, и ‘Абдаллах, сын ‘Умара, -обоим было лишь по тринадцать лет. Пророк повелел им и ещё шестерым их товарищам немедленно возвратиться домой. Они стали протестовать, и один из помощников уверил Пророка, что пятнадцатилетний Рафи ‘, из ауситского клана Харисы, уже превосходит искусством стрельбы из лука некоторых старших. Тогда Рафи ‘у было дозволено остаться. После этого Самура, сирота из одного из наджджских племён, чья мать вышла замуж за помощника из клана Рафи ‘а, заявил, что в борьбе может одолеть Рафи ‘а. Пророк велел обоим юношам показать, на что они способны, и они тут же схватились друг с другом; и Самура доказал справедливость своих слов, так что и ему было позволено остаться, тогда как прочие были отосланы обратно к своим семьям.

Мекканцы надеялись, что мусульмане выйдут против них в открытое поле и тем самым дадут им возможность с наибольшею выгодой использовать своё превосходство в силах, а в особенности конницу. Пророк это понимал, и хотя всё же решил оставить город, он был полон решимости возместить неравенство численности тем, чтобы занять такую позицию, которая дала бы преимущество его войску и в то же время оказалась бы неожиданной и потому смутила бы неприятеля. Но для этого ему нужен был проводник. Он навёл справки и, поскольку путь должен был лежать через земли Бану Хариса, принял предложенные услуги одного человека из этого племени, который в совершенстве знал местность.

В ту ночь в Медине Ханзала и Джамиля завершили своё бракосочетание. И во сне, в предутренние часы, Джамиле привиделось, будто муж её стоит у самых врат Неба; и дверь отверзлась для него, и он вошёл в неё, после чего она затворилась за ним. Пробудившись, она сказала себе: «Это -мученичество». Они совершили омовение и вместе прочли утреннюю молитву, после чего он простился с нею. Но она прильнула к нему и не хотела отпускать, и он вновь был с нею. Затем, вырвавшись из её объятий, он, не оставаясь даже для того, чтобы повторить омовение, надел кольчугу, взял оружие и поспешно вышел из дома.[1]

Пророк распорядился, чтобы войско было готово выступить из Шайхайна незадолго до рассвета. Но Ибн Убрий провёл ночь, совещаясь с ближайшими своими приверженцами, и, когда настало время снимать лагерь, он повернул назад, в Медину, уведя с собою три сотни лицемеров и колеблющихся, к великому стыду своего сына ‘Абдаллаха, который остался с

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 273

войском. Ибн Убрий даже не заговорил с Пророком, а когда некоторые из помощников стали расспрашивать его, он сказал: «Он ослушался меня и послушался мальчишек и людей без рассуждения. Не вижу я, ради чего нам терять жизнь в этом дурно избранном месте». Другой ‘Абдаллах, отец Джабира, устремился вслед за ними и воззвал: «Заклинаю вас Богом, не покидайте ваш народ и вашего Пророка в самом присутствии врага». Но они ответили только: «Если бы мы знали, что вы действительно будете сражаться, мы бы вас не оставили. Но мы не думаем, что здесь дойдёт до битвы». -«Враги Бога! -возразил он. -Бог избавит Своего Пророка от всякой нужды в вас».

Теперь, когда численность войска сократилась до семисот, они двинулись на небольшое расстояние навстречу неприятелю, а затем, всё ещё под покровом темноты, отклонились вправо и пошли через лавовое поле, пока не достигли юго-восточного конца ущелья Ухуда. Повернув снова, они двинулись вверх по ущелью к северо-западу и в предрассветном полумраке увидели впереди мекканский лагерь -немного левее себя и несколько ниже. Они шли далее, пока не оказались прямо между неприятелем и Ухудом. Достигнув тем самым намеченной цели -иметь склон местности на своей стороне, -Пророк остановил их и сошёл с коня. Билял возгласил призыв к утренней молитве, и они выстроились рядами, обратив спины к горе. То же построение сохранялось и для битвы, ибо враг теперь стоял между ними и Меккой. Совершив с ними молитву, Пророк обратился к ним с увещанием и сказал: «Воистину, в сей день вы стоите на месте, богатом и наградой и добычей, -для того, кто сознаёт, что делает, и посвящает тому душу свою в терпении, в уверенности, в искренности и в усилии».[2] Когда он окончил, Ханзала подошёл приветствовать его, ибо только что прибыл из Медины.

Тогда Пророк отобрал лучших своих лучников. Из них он оставил при себе, среди прочих, Зайда, Са‘да, своего родственника из Зухры, и Са’иба, сына ‘Усмана ибн Маз‘уна; но пятидесяти велел занять положение на возвышении немного левее главных сил. Над ними он поставил ‘Абдаллаха ибн Джубайра, мужа из племени Аус, и дал им повеление, сказав: «Стрелами вашими удерживайте от нас их конницу. Не дайте ей ударить нам в тыл. Будет ли перевес битвы за нас или против нас, -оставайтесь на этом месте. Если увидите, что мы грабим врага, не ищите себе доли в том; и если увидите, что нас убивают, не приходите к нам на помощь».[3]

Надев поверх первой ещё одну кольчугу, он взял в руку меч и, потрясая им, сказал: «Кто возьмёт этот меч вместе с его правом? » Тотчас ‘Умар шагнул, чтобы взять его, но Пророк отвернулся от него и снова сказал: «Кто возьмёт этот меч вместе с его правом? » Зубайр сказал, что возьмёт его, но Пророк и от него отвернулся, в третий раз повторив свой вопрос. «А каково же его право, о Посланник Бога? » -спросил Абу Дуджана, человек из Хазраджа.

---

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 221

[3]; Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 560

«Его право, -сказал Пророк, -в том, чтобы ты поражал им врага, пока лезвие его не согнётся». -«Я возьму его вместе с его правом», -отвечал он, и Пророк вручил меч ему.

Это был муж доблестный, гордившийся ратным делом. Его красная чалма была хорошо известна, и среди хазраджитов её называли чалмой смерти. Когда он надевал её, как сделал это теперь, обвивая ею свой шлем, они знали, что он намерен учинить великое избиение среди врагов; и никто не мог усомниться в твёрдости этого намерения, когда он, с мечом в руке, горделиво зашагал взад и вперёд между рядами. Увидев его, Пророк сказал: «Это - походка, которую Бог ненавидит, кроме как в такое время и в таком месте».[4]

[4] ; Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 561

52.БИТВА ПРИ УХУДЕ

Солнце уже взошло, и курайшиты стояли выстроенными в боевой порядок; на каждом из двух крыльев у них было по сто всадников: на правом командовал Халид, сын Валида, на левом -‘Икрима, сын Абу Джахля. Из центра Абу Суфьян отдал приказ наступать. Перед ним Талха из рода ‘Абд ад-Дар нёс знамя курайшитов, а два его брата и четверо его сыновей держались совсем рядом, каждый готовый в случае надобности тотчас принять знамя в свои руки. Талха и братья его были исполнены решимости стяжать в тот день славу своему роду. При Бадре оба их знаменосца бесславно дали взять себя в плен, и Абу Суфьян не преминул напомнить им об этом на пути к Ухуду. Мус‘аб узнал своих соплеменников с того места, где стоял перед Пророком со знаменем мухаджиров.

Едва лишь оба войска приблизились настолько, что могли слышать друг друга, Абу Суфьян остановил наступление и, выйдя немного вперёд от знамени, сказал: «О мужи Ауса и Хазраджа! Уйдите с поля и оставьте меня с моим двоюродным братом. Тогда мы удалимся от вас, ибо у нас нет нужды сражаться с вами». Но помощники ответили ему раскатом громовой брани. Тогда из мекканских рядов выступил другой человек, и Ханзала с горечью узнал своего отца, который возгласил: «О мужи Ауса! Я -Абу ‘Амир!» Он не мог поверить, что влияние его, некогда столь великое, обратилось в ничто; он обещал курайшитам, что едва лишь откроет себя, многие из людей его племени тотчас перейдут на его сторону. Но вместо этого он встретил не только проклятия, но и град камней, который в смятении обратил его вспять.

Снова был отдан приказ мекканцам идти вперёд, и неподалёку от передних рядов женщины, возглавляемые Хинд, также двинулись вперёд, ударяя в бубны и барабаны и распевая:

Вперёд, о сыны ‘Абд ад-Дара!
Вперёд, стражи тыла и чести!
Разите, разите острым мечом!

Когда же женщины почувствовали, что подошли к врагу на предельную для себя близость, они стали отбивать шаг под грохот своих барабанов, давая мужчинам продвигаться дальше них; и Хинд затянула песнь, которую некогда пела другая Хинд в одной из древних войн:

Идите вперёд -и мы обнимем вас,
И мягкие ковры постелем.
Но если обратите вспять свои спины -мы покинем вас,
Покинем -и любви вам не оставим.

Когда оба войска почти сошлись, лучники Пророка осыпали конницу Халида градом стрел, и ржание коней заглушило голоса женщин и бой их барабанов. Из мекканского центра

вперёд выступил Талха и громко вызвал кого-нибудь на единоборство. ‘Али вышел навстречу ему и в конце концов сразил его ударом, рассёкшим шлем и расколовшим череп. Пророк тотчас понял, что это и был «вождь отряда» -тот овен, который был показан ему во сне, -и громким голосом возвеличил Бога: **Аллаху акбар**, и это восклицание было подхвачено всем войском. Но овен знаменовал не одну лишь жертву: брат Талхи тотчас подхватил его знамя, и его сразил Хамза. Затем Са‘д из рода Зухра пронзил стрелой шею второго брата Талхи, а четверо его сыновей были один за другим убиты ‘Али, Зубайром и ‘Асимом ибн Сабитом из племени Аус. Двое из них были ещё живыми перенесены к своей матери Сулайфе, находившейся теперь в тылу; и когда они сказали ей, кто нанёс им смертельные раны, она поклялась, что однажды будет пить вино из черепа ‘Асима.

Ни одной женщине не было дозволено отправиться с мусульманами накануне. Но Нусайба, женщина из Хазраджа, чувствовала, что её место всё же при войске. Муж её Газиййа и двое её сыновей были там, но не это было причиной. И у других женщин были мужья и сыновья в войске, однако они довольствовались тем, что оставались дома. Но Нусайба была одной из тех двух женщин, которые вместе с семьюдесятью мужами Медины присутствовали при Второй ‘Акабе; и природа её не позволяла ей остаться позади и на этот раз. Потому рано утром она поднялась, наполнила водою кожаный мех и отправилась на поле битвы, где, по крайней мере, могла бы перевязывать раненых и подавать пить жаждущим. Однако взяла она с собой и меч, а также лук и колчан со стрелами. Расспрашивая о пути, которым пошло войско, она без труда достигла, вскоре после начала сражения, того места у подножия горы, где Пророк теперь занял позицию на сравнительно высокой площадке вместе с Абу Бакром, ‘Умаром и другими ближайшими своими сподвижниками. Мать Анаса, Умм Сулайм, пришла к той же мысли и прибыла со своим мехом воды вскоре после Нусайбы. К этой группе позади рядов присоединились также двое мужчин из Музайны, одного из бедуинских племён к западу от оазиса. Оба они были недавними обращёнными в ислам и, ничего не зная о мекканском нападении, на рассвете отправились в Медину, где нашли город более чем наполовину опустевшим. Узнав, в чём причина, они тотчас же направились к Ухуду и, приветствовав Пророка, обнажили мечи и вступили в самую гущу боя.

Абу Дуджана оставался верен обещанию своей красной чалмы. Зубайр впоследствии признавался: «В душе мне было больно, когда я попросил у Посланника Бога этот меч, а он удержал его от меня и отдал Абу Дуджане; и я сказал себе: я -сын Сафиййи, сестры его отца, я -курайшит; я подошёл к нему и попросил меч прежде того человека, а он отдал его ему и меня отстранил. Клянусь Богом, я пойду и посмотрю, что делает Абу Дуджана! -И я последовал за ним». Затем он рассказывал, как Абу Дуджана убивал всякого, кто попадался ему, так же легко, как если бы он был жнецом, а меч его -серпом; и как он сам примирился с решением Пророка и сказал себе: «Бог и Его Посланник знают лучше».

Хинд, крупная женщина внушительного вида, всё ещё находилась среди мужчин, подстрекая их к бою, и едва не была сражена Абу Дуджаной, который принял её за

мужчину. Меч его уже был занесён над её головой, когда она пронзительно вскрикнула, и, поняв, что перед ним женщина, он обратил оружие на мужчин, стоявших при ней. Тогда она присоединилась к другим жёнам и матерям в тылу, где рабы были поставлены охранять лагерь; и в то самое время, как она отступала, Вахши, абиссинец, прокладывал себе путь вперёд.

В отличие от всех прочих на поле сражения, он был озабочен лишь одним-единственным человеком, и, в отличие от них, кровь его была холодна. Хамза был безошибочно узнаваем по своему необычайно могучему сложению, по манере сражаться и по страусовому перу. Вахши увидел его издали и, держась по краю схватки, сумел добраться до сравнительно безопасного места, которое, однако же, было достаточно близко для удара метателя копья. Хамза в ту минуту стоял лицом к лицу с последним знаменосцем рода ‘Абд ад-Дар, и когда он поднял меч, чтобы нанести удар, в его доспехе на миг открылась щель. Вахши тотчас увидел свой случай и, метко взяв копьё на изготовку, бросил его с совершенной точностью. Хамза, уже убив своего противника, пошатнулся, сделал несколько шагов вперёд и пал на землю в предсмертных муках. Вахши подождал, пока тело его не перестало двигаться, затем подошёл, выдернул своё копьё и со всей поспешностью возвратился в лагерь. Как он сам впоследствии сказал: «Я сделал всё, ради чего пришёл, и убил его лишь ради своей свободы».

Смерть Хамзы почти не изменила того чувства поражения, которое начинало уже распространяться в мекканском войске. Другой абиссинец, раб семейства семерых убитых знаменосцев, теперь сам поднял знамя, но и он вскоре был убит, и какое-то время знамя лежало на земле без внимания; и хотя страусовое перо Хамзы уже не было видно, Абу Дуджана, Зубайр и другие мухаджиры и помощники сражались в тот день так, словно были живым воплощением мусульманского боевого клича: **Амит, Амит**, что означает: «Убивай, убивай». Казалось, никто не в силах был им противостоять: белое перо ‘Али, красная чалма Абу Дуджаны, ярко-жёлтая чалма Зубайра и зелёная чалма Хубаба были подобны знамёнам победы, укреплявшим ряды позади них. Абу Суфьян едва не пал от меча Ханзалы, который доблестно сражался близ центра и уже был готов сразить его, когда человек из племени Лайс ударил его сбоку копьём, поверг на землю и вторым ударом тут же убил.

По мере того как мекканцы отступали к своему лагерю, битва постепенно смещалась вниз по склону, прочь от Пророка. Он уже не мог различать во всех подробностях, что происходит, хотя видел, что до сих пор день склоняется в пользу его людей. Но вдруг внимание его отвлеклось от самой битвы, и глаза его поднялись вверх, как у того, кто следит за полётом птиц. Через мгновение он сказал стоявшим рядом: «Вашего спутника» -он имел в виду Ханзалу -«омывают ангелы».[1]А впоследствии он сказал Джамиле, словно ища объяснения: «Я видел, как ангелы омывают Ханзалу меж небом и землёю водою из облаков

[1] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 568

в серебряных сосудах».[2] Тогда она поведала ему о своём сне и о том, как, боясь опоздать к битве, Ханзала не совершил того полного омовения, которое обыкновенно совершил бы.

Мусульмане продолжали теснить врага, пока в одном месте неприятельские ряды не были совершенно прорваны. Путь к их лагерю оказался открыт, и вперёд хлынула толпа тех, кто жаждал добычи. Между тем пятьдесят избранных лучников находились на некотором расстоянии влево от Пророка. Земля между ним и ими сперва спускалась к равнине, а затем вновь поднималась к той выгодной высоте, на которую он поставил их. Они видели передние ряды, и зрелище товарищей, которые, как им казалось, уже собирались обогатиться вражескими трофеями, оказалось для большинства из них слишком сильным искушением. Напрасно их начальник, ‘Абдаллах ибн Джубайр, напоминал им приказ Пророка ни при каких обстоятельствах не оставлять своего места. Они отвечали, что Пророк не имел в виду, чтобы они оставались там вечно. Битва, говорили они, уже окончена, а неверные обращены в бегство. Около сорока из них стремглав сбежали вниз по склону в сторону лагеря, оставив ‘Абдаллаха во главе твёрдого, но роковым образом ослабленного ядра лучников.

До сей поры мекканская конница была бесполезна. В центре оба войска настолько переплелись между собой, что конная атака угрожала бы столь же собственным людям, сколь и врагам; а выйти в тыл мусульманского войска всадники не могли, не подвергнувшись прежде на большом протяжении земли стрелам лучников. Но Халид увидел то, что произошло теперь, и, поняв, что настал его час, повёл своих людей во весь опор на тот пост, где стояли лучники. ‘Абдаллах и его люди тщетно пытались задержать их стрелами; затем они отбросили луки и сражались до смерти мечом и копьём. Из верных десяти не осталось в живых ни одного; и, развернувшись, Халид ввёл своих людей в тыл главным силам неприятеля. ‘Икрима последовал его примеру, и мекканские всадники произвели великое опустошение в незащищённых рядах верующих.

Тогда ‘Али и его спутники повернулись навстречу новой опасности, а некоторые из язычников, прежде обращённые в бегство, собрались вновь и вернулись в бой. Ход битвы внезапно переменился, и боевой клич курайшитов: «О ‘Узза! О Хубал! » -снова зазвучал по всему полю. Многие мусульмане в тылу, избежавшие гибели от конницы, теперь пали духом и побежали к горе, где знали, что могут найти убежище. Пророк звал их возвратиться, но слух их был закрыт для его голоса, и мысль их не знала уже ничего, кроме бегства. Большинство мусульман продолжало сражаться, но первоначальный натиск уже был утрачен, и перевес численности стал оборачиваться против них. Шаг за шагом их теснили назад, и всё сражение двигалось к Ухуду, к тому месту, где стоял Пророк.

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 274

Он и его сподвижники, включая двух женщин, выпускали один за другим залпы стрел по неприятелю, и их небольшая группа увеличивалась за счёт тех, кто из главных сил, когда день стал клониться против мусульман, прежде всего подумал о безопасности Пророка. Среди первых, кто присоединился к ним, были двое мужей из Музайны -Вахб и Харис. Вскоре небольшой отряд вражеской конницы приблизился слева. «Кто пойдет на этот отряд? » -сказал Пророк. «Я, о Посланник Бога», -немедленно ответил Вахб и стал стрелять в них с такою быстротою и искусством, что стрелы его сыпались на них, словно из целой группы лучников, и они отступили. «Кто возьмётся за этот эскадрон? » -сказал Пророк, когда ещё один отряд всадников направился к ним. «Я, о Посланник Бога», -отвечал Вахб, и вновь сражался он так, словно был не одним человеком, а многими, -и опять враги отступили. Затем из рядов показался ещё третий конный отряд. «Кто устоит против этих? » -сказал Пророк. «Я устою», -сказал Вахб. «Тогда встань и радуйся, -сказал Пророк, - ибо Рай -твой». И Вахб поднялся с радостью и, обнажая меч, сказал: «Клянусь Богом, я не дам пощады и не прошу пощады». Затем он ринулся в самую их середину, пробился сквозь них и вышел с другой стороны, между тем как Пророк и его сподвижники прекратили стрелять, поражённые его доблестью и отвагой. «О Боже, помилуй его! » -сказал Пророк, когда Вахб вновь врезался в середину вражеского отряда и бился до тех пор, пока они не сомкнулись вокруг него со всех сторон и не убили его. После его нашли с двадцатью колотыми ранами от копий, каждая из которых сама по себе была бы смертельна, не говоря уже о том, что сделали с ним мечи. Никто из видевших его бой не забыл его до конца жизни. ‘Умар в последующие годы говорил: «Из всех смертей та, которой я более всего желал бы умереть, -это смерть музайнита»[3]. А Са ‘д из рода Зухра десять лет спустя утверждал, что всё ещё слышит в ушах звук голоса Пророка, возвещавшего Вахбу благую весть о Рае.

Главная же масса сражающихся приближалась всё ближе, ибо мусульман медленно оттесняли назад по склону. Среди боевых кличей обеих сторон слышались и отдельные выкрики самих бойцов -вызовы на единоборство или заявления о совершённом ударе либо выпущенной стреле: «Прими это! И я -сын такого-! Абу Дуджана называл себя сыном Хараши, который был его дедом. Нередко личность хваставшего оставалась неясною. Один из ансаров, то есть помощников, был слышан кричащим: «Прими это! Я -юный ансар! » Сам Пророк в тот день по крайней мере однажды сказал: «Я -Ибн аль- ‘Аватик»,[4] то есть: «Я -сын ‘Атик», разумея многих своих прародительниц,[5] носивших это имя. Но теперь раздался вызов, чья принадлежность не могла быть не узнана: из рядов выехал один всадник и сказал: «Кто выйдет против меня? Я -сын ‘Атика». Это был ‘Абд аль-Ка ‘ба, старший сын Абу Бакра, единственный полнородный брат ‘Аиши и единственный член их семьи, не принявший ислама. Абу Бакр бросил лук на землю и, обнажив меч, уже хотел ринуться на

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 275

[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 280

[5] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 3, 32-34 указывает более десяти женщин с этим именем, включая мать Хашима и мать Луайя. Имя ‘Атика по своему значению близко имени Тахира, то есть «Чистая»

него, но Пророк оказался проворнее. «Вложи меч в ножны, -сказал он, -и возвратись на своё место, и даруй нам благо твоего присутствия».[6]

Ещё один отряд конницы прорвался в тыл мусульман и вышел вперёд перед ‘Абд аль-Ка ‘бой, который теперь отступил. «Кто из вас продаст себя за нас? » -сказал Пророк.[7] И пятеро помощников обнажили мечи, бросились на врага и сражались, пока не были убиты, кроме одного, который получил смертельную рану. Но помощь уже была близка, чтобы заменить их: ‘Али, Зубайр, Талха, Абу Дуджана и другие, бывшие прежде в передних рядах битвы, пробились обратно сквозь толпу сражающихся. Они достигли стороны Пророка, но не прежде, чем острый камень, пущенный врагом, ударил его в уста, рассёк нижнюю губу и выбил один из зубов. Кровь струилась по его лицу, но, насколько мог, останавливая её, он уверил ‘Али и остальных, что ранен не тяжко; и они снова возвратились в бой, кроме Талхи, который был слишком ослаблен потерей крови и теперь лишился чувств. «Позаботься о своём двоюродном брате», -сказал Пророк Абу Бакру; но Талха почти сразу же пришёл в сознание, а вместо него выступили Са ‘д из Зухры и Харис ибн Симма из Хазраджа, и вместе с новым подкреплением они с такою силой ударили на неприятеля, что на время его ряды отхлынули от тел пяти помощников, только что продавших свои жизни. Пророк взглянул на них и призвал на них благословение, а тот, кто ещё не умер, собрав последние силы, стал ползти к нему по земле. Пророк послал двух человек перенести его, а сам подставил умирающему под голову свою ногу вместо подушки и держал её неподвижно, пока человек не умер, положив щёку на неё.

«Знайте, что Рай -под сенью мечей»,[8] -сказал Пророк; и впоследствии он вспоминал именно это время и это место как благословенные столь дивно, что однажды воскликнул: «О, если бы я был оставлен погибнуть вместе с моими сподвижниками у подножия горы!»[9]

Враг постепенно начинал вновь отвоёвывать потерянную землю. В маленькой группе вокруг Пророка запас стрел должен был скоро иссякнуть, да и, по всему, время для стрельбы из лука подходило к концу. Если бы враг продолжил наступление, каждому пришлось бы вскоре обнажить меч для последней рукопашной схватки, где на одного верующего приходилось бы в среднем по четыре язычника. И вдруг одинокий всадник вылетел сбоку и устремился прямо туда, где стоял Пророк. «Где Мухаммад? -закричал он. -Да не переживу я его, если он переживёт меня! » Это был Ибн Ками’а, человек из одного из окраинных кланов курайшитов, уже успевший совершить большое кровопролитие среди мусульман. Одним быстрым взглядом он окинул группу и своим острым глазом узнал того, кого искал; пришпорив коня, он обрушил меч в ударе, которому, как он был уверен, ни один шлем не устоит. Но Талха, стоявший рядом с Пророком, бросился навстречу мечу и каким-

[6] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 257
[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 572
[8] Бухари 52, 22
[9] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 256

то образом сумел немного отклонить удар, хотя и ценой того, что на всю оставшуюся жизнь лишился действия пальцев на одной из рук. Лезвие, едва не задев верх шлема Пророка, скользнуло вдоль его края, оцарапало висок, вонзило два кольца в щёку и, уже ослабев от первого удара, опустилось на плечо, прикрытое двойною кольчугой. Удар сбоку по голове на миг оглушил его, и он пал на землю, после чего нападавший отступил столь же быстро, как и появился. Но другие уже сомкнулись, чтобы напасть; и Шаммас[10] из Махзума встал перед Пророком и сражался как человек вдохновенный -Пророк описывал его как живой щит, -пока не был сражён, и другой человек занял его место, поддержанный Нусайбой, которая теперь обнажила меч.

Послышался чей-то голос -быть может, самого Ибн Ками'и, -восклицающий: «Мухаммад убит! » Этот крик был подхвачен по всему полю, вперемежку с возгласами в честь аль-'Уззы и Хубала. Скалы Ухуда ответили ему эхом, и мусульмане, уже обратившиеся в бегство, были объяты укором совести и скорбью, а многие из тех, кто ещё сражался на равнине, пали духом и стали, как могли, выходить из боя. Но было и немало исключений, и одним из них был Анас, сын Надра, именем которого назван был его племянник Анас, слуга Пророка. То была его сестра, дочь Надра, которой Пророк сказал, что её сын, убитый стрелой при Бадре, находится в Фирдаусе, высшем Раю. Анас наткнулся на двух товарищей, для которых жизнь, казалось, уже утратила всякий смысл и которые не могли решиться ни продолжать бой, ни подниматься на склон в поисках спасения. «Что, сидите вы здесь? » -воскликнул он. «Посланник Бога убит», -отвечали они.? -сказал Анас. -«Встаньте и умрите, как умер он».[11] И он устремился туда, где бой был всего гуще. Там он встретил Са 'да ибн Му 'аза, который потом рассказывал Пророку, что Анас крикнул ему: «Рай! Я чую его благоухание, веющее с той стороны Ухуда». «О Посланник Бога, -сказал Са 'д, -я не мог сражаться так, как сражался он». Впоследствии нашли Анаса мёртвым, с более чем восемьюдесятью ранами, до такой степени изуродованного, что никто не мог узнать его, кроме сестры, узнавшей его по пальцам.[12]

Что же касается верующих, искавших теперь убежища на высотах над равниной, то отступление для них облегчалось тем, что большинство врагов сочло битву уже оконченной и также ослабило своё рвение. Мёртвые ещё не были сосчитаны, но было очевидно, что они с избытком отомстили за тех, кто пал при Бадре; и теперь, убив человека, который один был причиною всей этой смуты, они, должно быть, положили конец новой религии и почти восстановили прежний порядок вещей. **Я ла-ль-'Узза! Я ла-Хубал!**

Нигде внезапное ослабление усилия со стороны курайшитов не было столь заметно, как среди тех, кто почти окружил маленькую группу человек в двадцать, служивших телохранителями Пророку. Мекканцам стало ясно, что это -люди, которых невозможно

[10] См.с.82
[11] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 280
[12] Бухари 56, 12

взять в плен и которые, сражаясь до смерти, непременно сами будут сеять смерть вокруг. Поэтому, коль скоро главная их цель уже была достигнута, для них выгоднее было теперь жить и давать жить другим, празднуя победу.

Пророк почти тотчас пришёл в себя, и, когда враги отступили, поднялся на ноги и, знаком повелев спутникам следовать за ним, повёл их к устью ущелья, которое, казалось, давало удобнейший путь к безопасной высоте, откуда можно было бы наблюдать за движением неприятеля. Но теперь сильная боль мучила его из-за щеки: металлические кольца глубоко вонзились в плоть; потому они ненадолго остановились, и Абу ‘Убайда, захватив одно кольцо, а затем другое зубами, вытащил их. Рана вновь начала кровоточить, и Малик из Хазраджа припал к ней устами, высосал кровь и проглотил её. Это был тот самый человек, который в Медине сказал: «Перед нами одно из двух благ». Кроме Шаммаса, казавшегося мёртвым, он был наиболее тяжко ранен из всех присутствовавших. Пророк сказал: «Кто желает увидеть человека, чья кровь смешалась с моей кровью, пусть взглянет на Малика, сына Синана». Абу ‘Убайда также был включён в это число, ибо, стараясь вытащить кольца, он вырвал два собственных зуба, и уста его были в крови. Пророк сказал им: «Кого коснулась моя кровь, того не достигнет огонь».[13]

Когда небольшая группа поднималась по ущелью, её заметили некоторые из тех, кто уже искал убежища на Ухуде, и они стали спускаться им навстречу. Ка ‘б ибн Малик шёл впереди остальных и с удивлением увидел человека, станом и осанкою совершенно подобного Пророку, хотя походка его была теперь медленнее. Но когда Ка ‘б приблизился, он увидел несравненное и безошибочно узнаваемое сияние его глаз сквозь прорези забрала, обернулся и закричал тем, что были позади: «О мусульмане, радуйтесь! Это -Посланник Бога! » Пророк знаком велел ему молчать, и он не повторил доброй вести вновь, однако она уже пошла из уст в уста, и люди поспешно стекались, желая сами убедиться в её истинности. Столь велико было ликование, что казалось, будто поражение внезапно обратилось в победу.

Но радостный крик Ка ‘ба услышал одинокий всадник из курайшитов, остановившийся как раз на том месте, которое они только что покинули. Это был Убайй, брат Умаййи, некогда поклявшийся, что, восседая на своём коне по имени ‘Ауд, он поразит Пророка насмерть. Узнав, будто жертва его уже мертва, он, по-видимому, подъехал туда, чтобы взглянуть на тело и удостовериться, не осталось ли в нём жизни; и, услышав крик Ка ‘ба, помчался вверх по ущелью по пятам мусульман. Они обернулись ему навстречу. «О Мухаммад! -крикнул он. -Если ты спасёшься, да не спасусь и я! » Некоторые из сподвижников сомкнулись вокруг Пророка, другие уже готовы были напасть на Убайя, когда Пророк приказал им удержать руки; и те, кто стоял подле него, потом говорили, что он стряхнул их с себя так, словно это были не более чем мухи на спине верблюда. Затем он взял копьё у Хариса ибн ас-Симмы и

[13] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 247

вышел перед всеми. Не смея пошевелиться, они смотрели на него в благоговении, видя в нём суровую и смертельную решимость. Как сказал один из них: «Когда Посланник Бога с намерением устремлялся к какой-либо цели, не было на свете серьёзности, которая могла бы сравниться с его серьёзностью».[14] Убайй приближался с обнажённым мечом, но прежде чем успел нанести удар, Пророк уже пронзил его в шею. Тот заревел, как бык, покачнулся и едва не вылетел из седла, но, удержавшись, повернул коня и поскакал вниз по склону без остановки, пока не достиг мекканского лагеря, где уже собрались его племянник Сафван и другие из его рода. «Мухаммад убил меня», -сказал он голосом, которого не мог обуздать. Они осмотрели рану и отнеслись к ней пренебрежительно, но он был убеждён, что она смертельна, каковой она вскоре и оказалась. «Он сказал мне, что убьёт меня, -говорил он, - и, клянусь Богом, если бы он только плюнул на меня, и тогда убил бы меня». Так неужели Мухаммад вовсе не был убит? -начали они размышлять. Но Убайй, по-видимому, уже был вне себя, да и к тому же одного человека в шлеме легко принять за другого.

Когда Пророк и его сподвижники достигли верха ущелья, ‘Али пошёл наполнить свой щит водою из углубления в скале. Он подал его Пророку, но запах застоя оттолкнул того, и, несмотря на жажду, он не мог заставить себя пить её, хотя некоторую часть употребил на то, чтобы смыть кровь с лица. Затем, поскольку и здесь они всё ещё оставались слишком доступны для нападения с равнины, он приказал двигаться дальше, выше, и попытался взобраться на выступ скалы, откуда можно было подняться ещё выше. Но он был слишком слаб для этого усилия, и тогда Талха, с великим насилием над своими ранами, присел под уступом и, взяв Пророка себе на спину, поднял его на нужную высоту. В тот день Пророк сказал о нём: «Кто желает увидеть мученика, ходящего по лицу земли, пусть взглянет на Талху, сына ‘Убайдуллаха».[15]

К тому времени, как они нашли место, способное послужить временным станом, солнце достигло зенита, и они совершили полуденную молитву. Пророк, который руководил ею, всё время оставался сидя, и все последовали его примеру. Затем они легли отдыхать, и многие из них уснули глубоким и освежающим сном, тогда как сменные дозорные стояли на страже в удобном месте, откуда была видна вся равнина.

[14] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 251
[15] Ибн Хишам «*Сира*», 571

53.**МЕСТЬ**

Курайшиты теперь были заняты своими убитыми и ранеными. Потери их были невелики: из трёх тысяч погибло лишь двадцать два человека. Затем они стали считать потери неприятеля и нашли около шестидесяти пяти мёртвых, многих из которых не знали. Из мухаджиров было только трое: Хамза из рода Хашима, Мус‘аб из рода ‘Абд ад-Дара и ‘Абдаллах ибн Джахш. Несколько других тел, лежавших поодаль от середины поля, равно как и раненые, ускользнули от их внимания. Среди них был и Шаммас, ещё живой, но не в силах двинуться. Напрасно они искали тело Мухаммада; и пока шли эти поиски, Вахши возвратился к телу Хамзы, распорол ему живот, вырезал печень и принёс её Хинд. «Что мне будет за то, что я убил убийцу твоего отца?» - сказал он. «Вся моя доля добычи», - отвечала она. «Вот печень Хамзы», - сказал он; и она взяла её, откусила кусок, прожевала, проглотила часть в исполнение своего обета, а остальное выплюнула. «Покажи мне, где он», - сказала она; и когда они подошли к телу, она отсекла ему нос, уши и другие части плоти. Затем сняла с себя ожерелья, подвески и ножные украшения и отдала их Вахши, велев женщинам, бывшим при ней, изувечить и другие тела убитых. И все они сделали себе украшения мести из того, что отсекли от тел мусульман, а Хинд, взойдя на скалу, издала победный напев. Один-два человека из курайшитов также попытались утолить свою жажду мщения надругательством над мёртвыми, но их бедуинские союзники пришли от этого в негодование.

Абу Суфьян ударял остриём копья по краю рта Хамзы и говорил: «Вкуси это, мятежник!» В это время мимо проходил Хулайс, вождь одного из родов Кинаны. Громким голосом, так, чтобы Абу Суфьян мог его слышать, он сказал: «О сыны Кинаны! Неужели это глава Курайша делает то, что вы видите, с телом своего мёртвого двоюродного брата?» - «Да поразит тебя Бог, - сказал Абу Суфьян, - не разглашай этого. Это была лишь минутная слабость, не более».[1]

Тем временем Абу ‘Амир наткнулся на тело своего сына Ханзалы и горько возрыдал над ним, говоря: «Разве я не предостерегал тебя от этого человека? » - он разумел Пророка. - «Но ты был послушным сыном своему отцу, благородным нравом при жизни, и в смерти своей лежишь среди цвета своих сподвижников. Если Бог воздаст добром этому убитому», - и он указал на Хамзу, - «или кому-либо из последователей Мухаммада, да воздаст Он и тебе добром! »[2] Затем он сурово взглянул на Хинд и других женщин и громко сказал: «О курайшиты! Не смейте уродовать Ханзалу, хотя он и был врагом и вашим, и моим!» И они уважили его волю.

---

[1] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, 582

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 274

Теперь уже предполагали, что Убайй не ошибся и что Пророк вместе со своим войском находится где-то на высотах над равниной. Но битва была окончена: не могло быть и речи о нападении на гору, а рабам уже велено было сворачивать лагерь. Итак, похоронив своих убитых и насытившись местью над телами врага, они нагрузили на верблюдов доспехи и всё прочее, что успели снять с убитых, и приготовились выступать. Но прежде чем двинуться, Абу Суфьян сел на свою гнедую кобылу и подъехал к подножию горы, к тому месту, что было ближе всего к стоянке Пророка и его сподвижников, и во весь голос закричал: «Война идёт попеременно, и этот день - за тот день. Возвеличься, о Хубал! Дай перевес своей религии!»

Пророк велел ‘Умару пойти и ответить ему, сказав: «Бог - Всевышний, Превознесённый в величии. Мы не равны: наши убитые - в Раю, ваши - в Огне». И ‘Умар подошёл к краю обрыва, под которым стоял Абу Суфьян, и ответил ему так, как велел Пророк. Тогда Абу Суфьян, узнав его голос, крикнул ‘Умару: «Заклинаю тебя Богом, ‘Умар, убили ли мы Мухаммада? » - «Нет, клянусь Богом, - ответил ‘Умар, - он и сейчас слушает то, что ты говоришь». - «Я принимаю твоё слово как более правдивое, нежели слово Ибн Ками’и», - сказал Абу Суфьян. Он уже хотел уехать, но, обернувшись ещё раз, прибавил: «Некоторые из ваших мёртвых были изувечены. Клянусь Богом, я не нахожу в этом удовольствия, но и не гневаюсь. Я этого не запрещал, но и не приказывал». Потом он сказал: «Пусть Бадр будет местом нашей встречи в будущем году!» Услышав это, Пророк послал другого из своих сподвижников к краю утёса, чтобы тот крикнул в ответ: «Это - обязательный срок между нами».[3]

Абу Суфьян подъехал туда, где на дальнем краю равнины ожидало его войско, и они двинулись к югу. ‘Умар не мог с такой дальности ясно различить их построение, и тогда Пророк послал Са‘да из рода Зухра на равнину, чтобы тот последовал за ними и посмотрел, что они делают. «Если они ведут своих коней, - сказал он, - а сами едут на верблюдах, значит, они направляются в Мекку; но если они едут на конях, а верблюдов ведут, значит, идут на Медину. И клянусь Тем, в Чьей длани душа моя, если таково их намерение, я настигну их и сражусь с ними». Са‘д спустился в ложбину, где со времени их прибытия к Ухуду был привязан жеребец Пророка Сакб, и, проехав вслед за мекканцами до тех пор, пока не смог хорошо их разглядеть, поспешил назад с радостною вестью, что всадники их сидят на верблюдах, а коней ведут рядом. Как позднее рассказывал один из них, а именно ‘Амр[4], участвовавший вместе с Халидом в решающей конной атаке: «Мы слышали, что Ибн Убайй возвратился в Медину с третьей частью войска и что некоторые люди из Ауса и Хазраджа остались в городе. Мы не могли быть уверены, что те, кто отступил, не вернутся

[3] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», 583
[4] См.с.81

вновь к нападению; к тому же многие из нас были ранены, а почти все наши кони были изранены стрелами, и потому мы продолжали наш путь».[5]

[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 299

54.ПОГРЕБЕНИЕ МУЧЕНИКОВ

Затем Пророк повёл своих сподвижников вниз, на равнину. Харис ибн ас-Симма был послан вперёд отыскать тело Хамзы, но, найдя его, он был столь поражён увиденным и столь ужаснулся при мысли, что ему придётся сообщить об этом Пророку, что не решился тотчас возвратиться; тогда вслед за ним был послан ‘Али. Он нашёл Хариса, стоящего в оцепенении над изувеченным телом, и оба они вместе возвратились назад. Увидев, что было совершено, Пророк сказал: «Никогда ещё не испытывал я такого гнева, как ныне; и если Бог дарует мне впредь победу над курайшитами, я изувечу тридцать их мёртвых».[1] Но вскоре после этого было ниспослано откровение: **И если вы наказываете, то наказывайте подобным тому, чем вы были наказаны. А если терпите, то это - лучше для терпеливых.**[2] И не только не исполнил он своей угрозы, но после каждой битвы прямо запрещал глумление над мёртвыми. Более того, относительно самой сечи он повелел им щадить человеческое лицо как наиболее богоподобную часть тела: «Когда кто-либо из вас наносит удар, пусть избегает лица… ибо Бог сотворил Адама по Своему образу».[3]

‘Абдаллах ибн Джахш был сражён неподалёку от Хамзы, и тело его также было изувечено. Но когда Пророк отвёл от них взор, чтобы искать других павших, глазам его предстало зрелище совсем иного рода. Одним из ближайших тел к телам его двух родичей было тело Ханзалы. Ни один мужчина и ни одна женщина из курайшитов не осмелились коснуться его, и он лежал там таким, каким уложили его ангелы, с волосами, всё ещё влажными от воды, на земле, иссушённой полуденным зноем. Никто не проходил мимо него, не вознеся благодарения, ибо в его красоте и покое было нечто от знамения небесного, возвещавшего скорбящим о нынешнем состоянии их убиенных родичей.

Неподалёку лежали и тела Хайсамы и Ибн ад-Дахдаха - Хайсамы, которому его погибший сын явился во сне, призывая поспешить к нему, и Сабита ибн ад-Дахдаха, того самого, что подарил пальму сироте. Увидев Сабита, Пророк сказал: «Пальмы с низко склонёнными, отягощёнными гроздьями - как же много их у сына Дахдаха в Раю!»[4]

Когда один из кланов Ауса разыскивал своих убитых, они, к великому своему удивлению, нашли среди них человека из своих по имени Усайрим, которого ещё накануне упрекали за то, что он не стал мусульманином. Всякий раз, как с ним заговаривали об исламе, он отвечал: «Если бы я знал, что всё, что вы говорите, - истина, я бы не медлил». И вот теперь он лежал на поле брани - смертельно раненый, но ещё живой. «Что привело тебя сюда? - спросили они. - Забота ли о своём народе, или же ислам?» - «Это был ислам, - отвечал он. -

---

[1] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», 583
[2] Коран 16, 126
[3] Высказывания Пророка, Ахмад ибн Мухаммад ибн Ханбал, I, 251; Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 45, 32
[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 505

Внезапно я уверовал в Бога и в Его Посланника и вступил в ислам. Потом взял меч и рано утром вышел, чтобы быть с Посланником Бога; и сражался, пока не получил удар, который поверг меня здесь». Сказать больше он уже не мог, и они оставались с ним, пока он не умер. Потом они сообщили об этом Пророку, и он уверил их, что Усайрим - из обитателей Рая; и в последующие годы Усайрима вспоминали как человека, который вошёл в Рай, ни разу не совершив ни одной из пяти ежедневных молитв.

Среди убитых они нашли и чужака - так, по крайней мере, показалось сначала, пока один из них не узнал в нём Мухайрика, учёного раввина из иудейского рода Са‘лаба. Как им потом рассказали, ранним утром того дня он созвал своих единоплеменников, призывая их соблюсти свой договор с Пророком и выступить вместе с ним против язычников; а когда они возразили, что ныне суббота, он сказал: «Вы не блюдёте субботу поистине». Затем он призвал их в свидетели, что Мухаммад - единственный его наследник. «Если я буду убит в этот день, - сказал он, - моё имущество принадлежит Мухаммаду, дабы он распорядился им так, как укажет ему Бог». С этими словами, взяв свой меч и прочее оружие, он направился к Ухуду, где и сражался, пока не был убит. С тех пор значительная часть милостыни, раздаваемой в Медине, происходила из богатых пальмовых рощ, которые Пророк унаследовал от Мухайрика, «лучшего из иудеев», как он называл его.

Как только стало ясно, что мекканцы намерены возвратиться тем путём, каким пришли, тем самым обходя Медину широким кругом, женщины стали выходить из города, чтобы ухаживать за ранеными и собственными глазами увидеть, насколько правдивы или ложны те слухи, которые с полудня один за другим доходили до них. Среди первых пришли Сафийя, ‘Аиша и Умм Айман. Пророк был встревожен, увидев приближающуюся Сафийю, и сказал Зубайру: «Помоги мне с матерью твоей и вели немедленно вырыть могилу для Хамзы. Ступай навстречу ей и уведи её назад, дабы она не увидела, что стало с её братом». И Зубайр пошёл к ней и сказал: «Матушка, Посланник Бога велит тебе возвратиться». Но Сафийя уже услышала весть у края поля. «Зачем мне возвращаться? - сказала она. - Я уже знаю, что брат мой изувечен; но это было ради Бога, а то, что ради Него, мы принимаем всецело. Обещаю, что останусь спокойной и терпеливой, если Бог того пожелает». Зубайр вернулся к Пророку, и тот велел ему дать ей идти. Тогда она подошла, взглянула на брата, прочла над ним молитву и произнесла аят возвращения: **Воистину, мы принадлежим Богу, и воистину, к Нему мы возвращаемся**; и все обрели утешение, вспомнив контекст этого аята из откровения, ниспосланного после Бадра: **О те, которые уверовали! Обращайтесь за помощью к терпению и молитве. Поистине, Аллах - с терпеливыми! Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: "Мертвые!" Нет, живые! Но вы не чувствуете. Мы испытываем вас кое-чем из страха, голода, недостатка в имуществе и душах и плодах, - и обрадуй терпеливых, -тех, которые, когда их постигнет бедствие**

говорят: "Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!" Это - те, над которыми благословения от их Господа и милость, и они - идущие верным путем..[5]

После этого Сафийя стала и прочла молитву над телом сына своей сестры Умаймы - ‘Абдаллаха ибн Джахша; вскоре к ней присоединилась и Фатима. Обе женщины оплакивали своих мёртвых, и Пророку было облегчением плакать вместе с ними. Затем Фатима перевязала раны своему отцу. Вскоре показалась и Хамна, сестра ‘Абдаллаха и двоюродная их сестра; и скорбь их усилилась от того, что надлежало поведать ей о смерти её мужа Мус‘аба, как и о смерти её брата и дяди. Когда битва уже далеко продвинулась, Пророк видел, как ему казалось, что Мус‘аб всё ещё несёт знамя, и окликнул его. Но тот человек ответил: «Я не Мус‘аб», - и тогда Пророк понял, что это был ангел и что Мус‘аб, должно быть, уже убит или выведен из строя. Теперь он стоял у тела умершего и читал аят: **Среди верующих есть люди, которые правдивы в том, в чем заключили с Аллахом завет. И среди них - такие, что уже кончили свой предел, и такие, что еще ожидают и не переменили никакой замены.**[6]

Он повелел, чтобы всех мёртвых принесли и положили возле тела Хамзы и чтобы были вырыты могилы. Хамзу завернули в плащ, и Пророк совершил над ним погребальную молитву, после чего молился над каждым из умерших; всего он прочёл семьдесят две молитвы. Как только какая-либо могила была готова, в неё клали по двое или по трое. Хамза и его племянник ‘Абдаллах были положены вместе в одну могилу. Пророк сам руководил каждым погребением. «Ищите ‘Амра, сына Джамуха, и ‘Абдаллаха, сына ‘Амра, - сказал он. - В этом мире они были друзьями неразлучными, так положите же их в одну могилу». Но Хинд, жена ‘Амра и сестра ‘Абдаллаха - отца Джабира, - уже собрала вместе оба тела, а с ними и тело своего сына Халлада. Она пыталась отвезти их в Медину, но, когда её верблюд достиг края равнины, он отказался идти дальше - по повелению Бога, как сказал ей Пророк, - и ей пришлось вновь вернуть тела на поле битвы. Поэтому всех троих положили в одну могилу, и Пророк стоял возле них, пока их не предали земле. «О Хинд, - сказал он, - все они вместе в Раю: ‘Амр, и сын твой Халлад, и брат твой ‘Абдаллах». - «О Посланник Бога, - сказала Хинд, - моли Бога, чтобы Он поместил и меня вместе с ними».

В отличие от большинства павших, возле этого мужа из племени Музайна не оказалось никого из его соплеменников: его племянник тоже пал в бою. Тогда Пророк подошёл к нему и, став рядом, сказал: «Да будет Бог доволен тобою, как и я доволен тобою».[7] Тело его уже было завёрнуто в зелёный полосатый плащ, который был на нём, и когда его опустили в могилу, Пророк натянул его так, чтобы покрыть лицо, но ноги остались неприкрытыми. Тогда он велел собрать на равнине душистую руту и прикрыть ею его ступни. И то же велел

[5] Коран 2, 153-158
[6] Коран 33, 23
[7] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 277

он сделать со многими из мёртвых, чтобы и лица их, и ноги были прикрыты, прежде чем над ними будет насыпан прах.

Когда последняя могила была засыпана, Пророк велел привести своего коня, сел на него, и они двинулись вниз по ущелью тем же путём, которым пришли на рассвете. Когда достигли начала лавового поля, он приказал им стать рядами, чтобы воздать Богу хвалу и благодарение; и мужи выстроились двумя рядами лицом к Мекке, а женщины стали позади них - всего четырнадцать женщин. Затем он возвеличил Бога и вознёс молитву, говоря: «О Боже, прошу у Тебя Твоего благословения, и Твоей милости, и Твоей щедрости, и Твоего снисхождения. О Боже, прошу у Тебя вечного блаженства, которое не увядает и не проходит. О Боже, прошу у Тебя безопасности в день страха и изобилия в день нужды».[8]

[8] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 315

55.**ПОСЛЕ УХУДА**

Солнце клонилось к закату, когда они приблизились к городу, и, едва достигнув Мечети, совершили вечернюю молитву. Затем Пророк прилег отдохнуть и погрузился в такой глубокий сон, что не услышал призыва Билала к ночной молитве и, проснувшись, совершил ее один у себя дома. Два Са'да из числа Помощников и другие вожди Ауса и Хазраджа провели ночь у дверей Мечети, поочередно стоя на страже, ибо всегда оставалась возможность, что курайшиты вернутся; и рано утром следующего дня, когда молитва была совершена, Пророк велел Билалу возвестить им и прочим, что врага надлежит преследовать. «Но пусть не выходит с нами никто, - сказал он, - кроме тех, кто был при вчерашнем сражении».

Когда вожди возвратились к своим соплеменникам, они увидели, что большинство воинов либо сами перевязывают свои раны, либо находятся на попечении женщин, ухаживавших за ними; ведь почти никто из участников битвы при Ухуде не остался невредим, а многие были тяжко ранены. Но, услышав призыв Пророка, они, как могли, перевязали свои раны и вновь приготовились выступить - все, кроме Малика и Шаммаса. Малик, дошедший теперь до крайней слабости, находился на попечении своей семьи. Шаммас же, у которого в Медине не было никого из ближайших родных, был вынесен с поля битвы без чувств в покои 'Аиши. Но Умм Саляма заявила свое право ухаживать за своим соплеменником, и потому его передали ей. Поскольку смерть его казалась неминуемой, Пророк оставил распоряжение не хоронить его в Медине, но положить его рядом с его товарищами-мучениками при Ухуде.

Сам Пророк был одним из первых, кто оказался готов, хотя теперь едва мог шевелить правым плечом, принявшим на себя удар, предназначавшийся для его головы. Когда Тальха пришел узнать, в какое время выступать, он с изумлением увидел его верхом у дверей мечети, с опущенным забралом, так что из всего его лица были видны только глаза. И хотя сам Тальха был ранен, он побежал к себе домой, чтобы приготовиться.

Среди людей Бану Салима, вышедших в поход, было сорок раненых, у некоторых из них насчитывалось более десяти рубленых, колотых или стрельчатых ран; и когда они выстроились перед Пророком в назначенном месте, он, увидев, в каком они состоянии, возрадовался силе их душ, превозмогавших немощь тел, и сказал в молитве: «О Боже, помилуй Бану Салима! » Из всех родов только один человек вышел, не сражавшийся при Ухуде, и это был Джабир. Услышав тем утром призыв, он пришел к Пророку и сказал: «О Посланник Божий, я жаждал быть при битве, но отец оставил меня присматривать за моими семью малолетними сестрами. И потому на мученичество Бог предпочел ему меня, хотя я сам надеялся на него. Так позволь же мне теперь идти с тобой, о Посланник Божий». И Пророк позволил ему выступить вместе с прочими.

Первую остановку они сделали милях в восьми от Медины. Враг к тому времени стоял лагерем у Раухы, что было недалеко впереди. Услышав об этом, Пророк велел своим людям рассеяться по широкому пространству и собрать как можно больше дров, какие только удастся найти, складывая каждому свои дрова в особую кучу. К заходу солнца они приготовили более пятисот сигнальных костров, и, когда наступила ночь, каждый зажег свой. Их пламя было видно далеко окрест, словно там стояло огромное войско.

Это впечатление было подтверждено для Абу Суфьяна одним человеком из Хуза'а, который, хотя и оставался еще идолопоклонником, был расположен к мусульманам и нарочно солгал ему, будто весь город Медина вышел их преследовать, включая и тех, кто остался в стороне от Ухуда, и всех их союзников. «Клянусь Богом, - сказал он, - вы не успеете сняться с места, как уже увидите чубы их конницы». Некоторые из курайшитов хотели было вернуться и напасть на Медину, но теперь все единодушно решили как можно скорее двигаться к Мекке. И все же Абу Суфьян послал на прощание весть Пророку через нескольких всадников, направлявшихся в Медину за припасами. «Скажите Мухаммаду от меня, - сказал он, - что мы решили идти на него и на его сподвижников и стереть с лица земли тех из них, кто еще остался. Скажите ему это, а когда на обратном пути достигнете 'Указа, я навьючу вашего верблюда изюмом». Когда они передали это послание Пророку, он ответил словами недавнего Откровения: **« Достаточно нам Аллаха, Он - прекрасный доверенный! »**.[1]

Он и его Сподвижники провели понедельник, вторник и среду в своем лагере, зажигая каждую ночь костры; это были дни столь нужного им отдыха и изобилия. Предыдущее лето дало превосходный урожай плодов, и Са'д ибн 'Убада навьючил тридцать верблюдов финиками, а также были приведены другие животные для заклания. В четверг они возвратились в Медину.

Шаммас умер вскоре после того, как они выступили, и был погребен при Ухуде. Малик тоже умер в их отсутствие, но его семья похоронила его в Медине. Тогда Пророк велел перенести его тело к Ухуду и похоронить его там.

Вернувшись с битвы при Ухуде, 'Абдаллах, сын Ибн Убри, провел часть ночи после сражения, прижигая рану, тогда как его отец пространно рассуждал о безрассудстве выхода навстречу неприятелю. «Клянусь Богом, - говорил он, - как будто я все это заранее видел». «То, что Бог совершил для Своего Посланника и для мусульман, было благом», - сказал его сын. Но Ибн Убри не желал слушать никаких доводов. «Если бы убитые были с нами, они не были бы убиты», - твердил он. И во время недавнего отсутствия сына из Медины вместе с прочими воинами он тоже не молчал, да и иудеи не переставали с еще большей уверенностью повторять: «Мухаммад - не более чем искатель царской власти. Ни один

[1] Коран 3, 173

Пророк не терпел подобного поражения. Он был поражен и в собственном теле, и в своих сподвижниках».

Многое из того, что говорили иудеи и лицемеры, было пересказано 'Умару, когда он вернулся из похода с кострами. Он тотчас же отправился к Пророку и попросил у него позволения убить виновных, но Пророк запретил ему это. «Бог даст Своей религии восторжествовать, - сказал он, - и укрепит Своего Пророка». Затем он сказал: «О сын Хаттаба, поистине курайшиты уже никогда более не добьются от нас такого дня, как тот, и мы приветствуем Угол!»[2] - то есть он хотел сказать, что они войдут в Мекку и поцелуют Черный камень.

Хотя руки 'Умара были связаны, Ибн Убри все же не избежал последствий. Он имел обыкновение занимать почетное место в Мечети во время пятничной молитвы, и никто не думал оспаривать у него это из-за его положения в Медине. Когда Пророк восходил на кафедру для проповеди, он вставал и говорил: «О люди, это Посланник Божий. Да будет Бог через него щедр к вам и да дарует вам силу! Помогайте же ему, чтите его, слушайте его и повинуйтесь ему». Затем он снова садился. Но когда на другой день после их возвращения, в первую пятницу после Ухуда, он, как обычно, поднялся, чтобы говорить, те из Помощников, что сидели ближе всего к нему, схватили его с обеих сторон, говоря: «Сядь, враг Божий. Ты недостоин держать речь после того, что ты сделал». И он вышел из собрания, пробираясь между тесно сидевшими людьми. Один из Помощников, встретивший его у дверей Мечети, сказал ему: «Вернись, и пусть Посланник Божий испросит для тебя прощение». Но тот ответил: «Клянусь Богом, я не хочу, чтобы он просил для меня прощения».

В дни, последовавшие за Ухудом, Пророк получил многие Откровения, касающиеся этой битвы, и из них явствовало, что значительная часть двух родов всерьез помышляла покинуть войско незадолго до начала сражения, но Бог укрепил их и даровал им твердость. Одним из этих двух были Бану Салима из Хазраджа, чье поведение так порадовало Пророка, когда они выступали в погоню за врагом. Когда они и Бану Хариса из Ауса услышали это Откровение[3], они сказали, что речь в нем идет именно о них, но что они не сожалеют о своей минутной слабости, ибо она принесла им силу от Бога, а та была лучше их собственной силы. Другие аяты были ниспосланы относительно тех, кто уцелел после внезапного натиска конницы и в панике бежал к горе, а в особенности - относительно тех из них, кто прежде сам побуждал Пророка выйти на бой, дабы обрести мученичество: **«Или вы думали, что войдете в рай, когда Аллах еще не узнал тех, которые усердствовали**

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 317
[3] Коран 3, 122

из вас, и узнал терпеливых? Вы желали смерти прежде, чем встретили ее. Вы ее уже увидели в то время, как смотрели!! »[4]

Но Откровение вместе с тем ясно давало понять, что те, кто ослушался приказа, искупили свою вину на поле битвы и были прощены. Частью их искупления была их великая скорбь, когда они услышали, что Пророк убит.[5] Утверждалось также - в связи с зримыми развалинами, оставшимися от прежних цивилизаций, - что установившийся порядок вещей в Аравии исчезнет и что ислам восторжествует: «**До вас уже прошли примерные обычаи; походите по земле и посмотрите, каков был конец считающих ложью! Это - разъяснение людям и руководство и увещание для богобоязненных. Не слабейте и не печальтесь в то время как вы стоите выше, если вы из верующих!»**.[6]

Было и еще одно указание на будущее, иного рода: **« И Мухаммад - только посланник, до которого были посланники. Разве ж если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять? Кто обращается вспять, тот ни в чем не повредит Аллаху, и Аллах воздаст благодарным»**.[7]

[4] Коран 3, 142-143
[5] Коран 3, 152-155
[6] Коран 3, 137-139
[7] Коран 3, 144

56.ЖЕРТВЫ МЕСТИ

Более двух месяцев ничто не нарушало мира.

Затем пришла весть, что Бану Асад ибн Хузайма замышляют набег на оазис. Несмотря на то что семейство Джахш и другие асадиты, прежде жившие в Мекке, уже приняли ислам, основная масса этого широко расселённого и могущественного племени из Неджда по-прежнему оставалась ближайшим союзником курайшитов, которые теперь подстрекали его воспользоваться тем ослаблением, какое, как им казалось, мусульманам нанёс Ухуд. Поэтому нужно было показать и им, и всей Аравии, что Ухуд принёс мусульманам не слабость, а силу. И Пророк отправил в их земли, к северу от центральной пустыни, отряд в сто пятьдесят хорошо вооружённых и отлично посаженных на коней людей под начальством своего двоюродного брата Абу Саламы, приказав ему сделать всё возможное, чтобы застать их лагерь врасплох. Это им удалось; но после короткой схватки, с небольшим кровопролитием с обеих сторон, бедуины отступили и рассеялись во все стороны, тогда как мусульмане спустя одиннадцать дней возвратились в Медину, ведя с собою большое верблюжье стадо и трёх пастухов. Поход достиг своей главной цели: он подтвердил, что мощь ислама нисколько не умалилась.

Примерно в то же время пришла весть об опасности другого задуманного набега, на сей раз с юга; но в этом случае Пророк прозрел, что вся вражда против ислама сосредоточена в одном человеке, необычайно злом, - в вожде лихьянитской ветви Хузайля. Если избавиться от него, опасность с той стороны станет ничтожной; и потому он послал ‘Абдаллаха ибн Унайса, человека из Хазраджа, с приказанием убить его.
«О Посланник Божий, - сказал ‘Абдаллах, - опиши мне его, чтобы я узнал его».
«Когда ты увидишь его, - сказал Пророк, - он напомнит тебе шайтана. Несомненным знаком для тебя будет то, что при одном взгляде на него тебя охватит дрожь».
Так и случилось; и, убив этого человека, ‘Абдаллах спасся живым.

Теперь всякая мысль о задуманном набеге на Медину была оставлена; но, без сомнения, в отместку за смерть одного из своих вождей люди из Хузайля в следующем месяце напали на шестерых мусульман, которые шли, чтобы наставлять в вере два меньших соседних племени. Столкновение произошло в Раджи‘е, у водопоя неподалёку от Мекки. Трое людей Пророка пали в бою, а трое были взяты в плен, причём один из них позднее был убит, когда попытался бежать. Среди павших был ‘Асим из Ауса, тот самый, что при Ухуде убил двух знаменосцев курайшитов. Их мать поклялась пить вино из его черепа, и люди из Хузайля вознамерились продать ей его голову для исполнения этой клятвы. Но тело ‘Асима до наступления ночи охранял от них рой пчёл, а ночью его унесло наводнением, так что клятва матери так и не исполнилась. Что же до двух пленников, Хубайба из Ауса и Зайда из Хазраджа, то их продали курайшитам, которые всё ещё жадно искали всякий случай отомстить за павших при Бадре. Хубайба купил союзник Бану Науфаль и передал одному

из людей этого рода, чтобы тот убил его за своего отца. Сафван купил Зайда с той же целью, и оба они содержались в заточении в Мекке, пока не миновали священные месяцы.

После появления новой луны месяца Сафар их вывели за пределы заповедного святилища, в Тан‘им. Там они впервые встретились с тех пор, как были заключены в темницу; они обнялись и увещевали друг друга к терпению. Затем Бану Науфаль и прочие, бывшие с ними, отвели Хубайба на небольшое расстояние, и, увидев, что его собираются привязать к столбу, он попросил позволения прежде совершить молитву; и он совершил два рака‘ата обрядовой молитвы. Говорят, что именно он положил начало обычаю, по которому осуждённый молится так перед смертью. Затем его привязали к столбу и сказали:
«Отрекись от ислама, и мы отпустим тебя на волю».
«Я не отрекусь от ислама, - ответил он, - даже если бы за это мне досталось всё, что есть на земле».
«Разве ты не желаешь, - сказали они, - чтобы Мухаммад был на твоём месте, а ты сидел бы у себя дома?»
«Я не пожелал бы, чтобы Мухаммада уколола хотя бы одна колючка ради того, чтобы самому сидеть у себя дома», - ответил он.
«Отрекись, о Хубайб, - настаивали они, - а не то мы непременно убьём тебя».
«Быть убитым за Бога - дело ничтожное, если я умираю в Нём», - сказал он, а затем добавил:
«Что же до того, что вы отвратили моё лицо от стороны святыни» - он разумел Мекку, ибо они повернули его в другую сторону, - «поистине Бог говорит: “Куда бы вы ни обратились, там Лик Божий”».[1]
Потом он сказал:
«О Боже, здесь нет никого, кто передал бы Твоему Посланнику мой привет мира; так передай ему Ты мой привет мира».
И в это время Пророк сидел в Медине вместе с Зайдом и другими своими сподвижниками, и на него сошло состояние, подобное тому, какое бывало при ниспослании Откровения; и они услышали, как он произнёс:
«И на нём да будет мир и милость Божия!»
А затем он сказал:
«Это Джибриль, который приветствует меня миром от Хубайба».[2]

У курайшитов было с собою около сорока мальчиков, отцы которых были убиты при Бадре, и каждому мальчику они дали по копью и сказали:
«Вот тот, кто убил ваших отцов».
Они пронзали его копьями, но не убили; тогда один человек положил свою руку поверх руки одного из мальчиков и нанёс Хубайбу смертельную рану, и другой сделал то же

[1] Коран 2, 115
[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 360

самое; однако он ещё целый час оставался жив, непрестанно повторяя два свидетельства ислама: **Нет бога, кроме Бога, и Мухаммад - Посланник Бога.**

Затем был предан смерти и его товарищ по плену, Зайд; и он также совершил два рака‘ата молитвы, прежде чем его привязали к столбу, и дал почти те же ответы на те же вопросы. Ахнас ибн аш-Шарик, союзник рода Зухра, который вместе с другими вышел в Тан‘им, невольно заметил: «Ни один отец не любит сына так, как сподвижники Мухаммада любят Мухаммада».

Когда ‘Убайда умер после своего поединка с ‘Утбой в начале битвы при Бадре, он оставил вдову, которая была значительно моложе его, - Зайнаб, дочь Хузаймы из бедуинского племени ‘Амир. По природе она была необыкновенно щедра и ещё до времён ислама была известна как «мать бедных». Спустя год после вдовства она всё ещё оставалась незамужней; и когда Пророк предложил ей вступить с ним в брак, она с радостью согласилась. Для неё было устроено четвёртое помещение в его доме, примыкавшем к Мечети, и, по-видимому, именно в связи с этим новым союзом Пророка посетил Абу Бара’, престарелый вождь племени Зайнаб. Когда перед ним был изложен ислам, старик ясно дал понять, что не испытывает к нему неприязни. Однако тогда он ещё не принял его, а попросил, чтобы к его племени были посланы несколько мусульман для наставления всего народа. Пророк сказал, что боится нападения на них со стороны других племён. Бану ‘Амир были одной из ветвей Хавазина, и их земли лежали к югу от Сулейма и других племён Гатафана, от которых оазис Ясриба должен был постоянно держаться настороже. Но Абу Бара’ обещал, что никто не нарушит покровительства, которое он, как вождь ‘Амира, им дарует; и Пророк избрал сорок своих сподвижников, в высшей степени достойно представлявших ислам как благочестием, так и знанием, и поставил во главе их человека из Хазраджа, Мунзира ибн ‘Амра. Среди них был и ‘Амир ибн Фухайра, вольноотпущенник, которого Абу Бакр выбрал некогда, чтобы тот сопровождал его самого и Пророка во время хиджры.

В Медине не знали, что власть Абу Бара’ в племени оспаривается; между тем его племянник, мечтавший занять его место, убил одного из сподвижников, посланного вперёд с письмом от Пророка, и призвал своё племя перебить остальных. Когда же племя почти единодушно поддержало покровительство Абу Бара’, этот неудавшийся честолюбец послал подстрекательскую весть двум родам Сулейма, которые недавно участвовали во враждебных действиях против Медины. Те тотчас выслали конный отряд и перебили у колодца Ма‘уна всю делегацию ничего не подозревавших мусульман в их лагере, кроме двух человек, ушедших пасти верблюдов. Одним из них был Харис ибн ас-Симма, столь доблестно сражавшийся при Ухуде. Другим - ‘Амр из рода Дамра племени Кинана. Возвращаясь с пастбища, они с тревогой увидели множество стервятников, низко круживших над лагерем, как над полем битвы, когда сражение уже окончено; и нашли своих товарищей лежащими мёртвыми в собственной крови, а рядом - всадников Сулейма, столь поглощённых оживлённым спором между собою, что, казалось, они даже не заметили

пришедших. ‘Амр хотел уйти в Медину с вестью о случившемся, но Харис сказал: «Я не из тех, кто отступает от битвы на поле, где пал Мунзир», и бросился на врага, убив двоих, прежде чем он и ‘Амр были одолены и взяты в плен.

По какой-то странности они не желали убивать ни одного из них, даже Хариса, хотя двое их людей только что пали от его руки, и они спросили его, что с ним делать. Он ответил, что желает лишь одного: чтобы его отвели туда, где лежит тело Мунзира, дали ему оружие и отпустили сразиться с ними со всеми. Они исполнили его просьбу, и он убил ещё двоих, прежде чем был наконец сам убит. ‘Амра же они отпустили и велели ему назвать имена всех его павших товарищей. Он подходил с ними к каждому и называл его имя и род.

Затем они спросили, не недостаёт ли кого-нибудь.
«Не могу найти вольноотпущенника Абу Бакра, - сказал он, - по имени ‘Амир ибн Фухайра».
«Какое место он занимал среди вас?» - спросили они.
«Он был одним из лучших среди нас, - ответил ‘Амр, - одним из первых сподвижников нашего Пророка».
«Хочешь, я скажу тебе, что с ним стало?» - сказал спрашивавший.
Тогда они позвали одного из своих, Джаббара, который собственноручно убил ‘Амира, и Джаббар рассказал, как он подкрался к нему сзади и пронзил его копьём между лопатками. Остриё вышло у ‘Амира из груди, и, испуская последний вздох, он произнёс: «Я восторжествовал, клянусь Богом».

«Что бы это могло значить? » - подумал Джаббар, чувствуя, что скорее уж он сам вправе говорить о торжестве. В изумлении он выдернул своё копьё - и изумился ещё более, когда невидимые руки подняли тело высоко в воздух, пока оно не исчезло из виду. Когда Джаббару объяснили, что под «торжеством» разумелся Рай, он принял ислам. А Пророк, услышав об этом событии, сказал, что ангелы вознесли ‘Амира в ‘иллиййун[3], одно из высочайших райских обиталищ.[4]

Люди Сулейма возвратились к своему племени, и там вновь и вновь пересказывали случившееся; с этого и началось их обращение. Что же касается освобождённого уцелевшего, ‘Амра, ему сказали, будто побоище было устроено по наущению Бану ‘Амир; и, возвращаясь в Медину, он убил двоих людей из этого племени, думая отомстить за своих погибших товарищей. Но оба эти человека были в действительности совершенно невиновны, оставались верны Абу Бара’ и признавали его покровительство верующим; поэтому Пророк настоял, чтобы ближайшим родственникам их была выплачена кровная цена.

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 349
[4] Коран 83, 18-19

57.БАНИ НАДИР

Иудейское племя Бану Надир издавна состояло в союзе с Бану ‘Амир, и Пророк решил обратиться к ним с просьбой помочь ему в уплате виры за кровь. И вот он отправился к ним вместе с Абу Бакром, ‘Умаром и несколькими другими своими сподвижниками и изложил им это дело. Они согласились исполнить его просьбу и пригласили их остаться, пока для них приготовят трапезу. Пророк принял их приглашение, и некоторые из иудеев удалились, среди них и один из их вождей, Хуйай, будто бы затем, чтобы распорядиться о приёме гостей. Пока они сидели там, перед одной из крепостей, к Пророку явился Джибрил, невидимый для всех, кроме него, и сообщил ему, что иудеи замышляют убить его и что он должен немедленно возвратиться в Медину. Тогда он поднялся и, не сказав ни слова, покинул собрание, и все подумали, что он вскоре вернётся к ним. Но когда прошло некоторое время и он не возвращался, Абу Бакр предложил остальным сподвижникам тоже уйти, и они, простившись с иудеями, отправились к дому Пророка. Он объяснил им, что произошло, а затем послал Мухаммада ибн Масламу к Бану Надир, велев ему передать им свои слова. Тот со всей поспешностью направился к их крепостям, и несколько их вождей вышли к нему навстречу. «Посланник Бога, - сказал он им, - послал меня к вам, и он говорит: “Замыслив убить меня, вы нарушили договор, который я заключил с вами”». Затем, подробно изложив им все обстоятельства их заговора, как велел ему Пророк, он передал суть его послания: «Я даю вам десять дней, чтобы покинуть мою землю, - говорит Пророк. - Кто из вас после этого срока будет замечен здесь, тому отрубят голову». «О сын Масламы, - сказали они, - мы никогда не думали, что человек из Ауса принесёт нам такое известие». «Сердца изменились», - ответил он.

Большинство из них уже начали готовиться к уходу, но Ибн Убайй послал им весть, убеждая остаться и обещая свою поддержку; и Хуйай не без труда склонил их стоять твёрдо, ибо был уверен, что их бедуинские союзники не оставят их в этот час, не говоря уже об их могущественных союзниках внутри города - иудеях Бану Курайза; и, разослав ко всем ним настоятельные просьбы о помощи, он послал своего брата к Пророку с такими словами: «Мы не оставим наших жилищ и нашего имущества, так поступай же, как хочешь». «Аллаху Акбар, - сказал Пророк, - Бог превелик», и его сподвижники, сидевшие при нём, повторили вслед за ним это возвеличивание. «Иудеи объявили войну», - сообщил он им. Тотчас он собрал войско и, вручив знамя ‘Али, выступил к поселениям Надира, лежавшим немного к югу от города. Послеполуденную молитву они совершили в просторном дворе, который иудеи к тому времени уже оставили, поскольку он находился вне их укреплений. После молитвы Пророк повёл своих воинов к крепостям.

На валах стояли лучники и пращники; у них были также наготове камни на случай, если стены подвергнутся приступу. Обе стороны обменивались стрелами и камнями до самой темноты. Иудеи были изумлены стремительностью нападавших; но на следующий день, думали они, непременно придёт помощь от Курайзы и Ибн Убаййя, а ещё через два-три дня

к ним присоединятся их союзники из Гатафана. Тем временем мусульманское войско непрестанно увеличивалось за счёт людей из Медины, которые по той или иной причине не смогли выступить вместе с Пророком с самого начала. Ко времени ночной молитвы сильно возросшее войско стало достаточно многочисленным, чтобы окружить врага со всех сторон. Пророк совершил с ними молитву, а затем возвратился с десятью своими сподвижниками в Медину, оставив ‘Али во главе лагеря. Всю ночь они возглашали литанию возвеличивания, пока не настало время рассветной молитвы. Пророк вновь присоединился к ним в течение утра.

Шли дни, и Бану Надир начали отчаиваться в помощи, которую многие из них считали несомненной. Бану Курайза отказались нарушить свой договор с Пророком; Бану Гатафан хранили загадочное молчание; и Ибн Убайй вновь вынужден был признать, что ничего не может сделать. По мере того как надежды осаждённых таяли, взаимная вражда между ними усиливалась. Племя уже давно было раздираемо недоброжелательством и ожесточением; а теперь, когда они оказались совершенно отрезаны от внешнего мира и ниоткуда не было видно помощи, положение стало для них невыносимым. Совсем уже нестерпимым оно стало тогда, когда, по прошествии десяти дней или более, Пророк приказал срубить несколько пальм, росших в виду стен. Это было жертвой, ибо он знал, что эта земля по существу уже принадлежит ему; однако это было сделано с Божественного дозволения,[5] которое можно было принять и как повеление, и мера эта немедленно сокрушила упорство врага. Они гордились своими пальмами, которые были одним из главных источников их дохода; и если бы им пришлось теперь покинуть свою землю, они всё же продолжали бы считать её своей, ибо имели основание надеяться, что в недалёком будущем получат возможность возвратить её. Курайшиты обещали искоренить ислам в этом оазисе. Но если пальмы будут уничтожены, то на их восстановление понадобятся долгие годы. Срублено было лишь несколько, но до каких пределов может дойти это разорение? Хуйай послал к Пророку весть, что они покинут свою землю, однако Пророк ответил, что более не согласен дозволить им увезти с собой всё их имущество в изгнание. «Оставьте вашу землю, - сказал он, - и возьмите с собой всё, что смогут унести ваши верблюды, кроме оружия и доспехов». Хуйай сперва отказался, но соплеменники заставили его согласиться; и они вновь принялись за приготовления, прерванные двумя неделями ранее. Двери их домов и даже притолоки были погружены на верблюдов; и когда всё было готово, они выступили на север, по дороге в Сирию. Никогда на памяти живущих не видывали каравана столь великолепного. Когда они проходили через многолюдный рынок Медины, верблюды шли один за другим, и каждый из них, проходя мимо, вызывал изумление как богатством своей сбруи, так и ценностью ноши. Роскошные завесы на ходагах были откинуты, дабы показать женщин в одеждах из шёлка, парчи или бархата, зелёных либо красных; почти все они были отягчены украшениями из чистейшего золота, оправленного рубинами, изумрудами и иными драгоценными камнями. Было известно, что Бану Надир богаты, но до сих пор

[5] Коран 59, 5

никто, кроме них самих, не видел и малой доли их сокровищ. Они двигались под звуки бубнов и свирелей и с гордостью объявляли, что, если и оставили позади свои пальмы, то в иных местах у них есть другие, столь же прекрасные, и именно к ним они теперь направляются. Многие из них остановились и поселились на землях, которыми владели в Хайбаре; другие же пошли ещё дальше на север и обосновались в Иерихоне или в южной Сирии. Согласно Откровению, земля Бану Надир и всё то, что они оставили после себя, стало достоянием Пророка, дабы быть розданным бедным и нуждающимся, и в особенности **беднякам, выселившимся, которые изгнаны из своих земель и имущества**.[6] Лишь двоим из Помощников была выделена доля - по причине их бедности. Но, отдав основную часть Переселенцам, Пророк сделал их независимыми и тем самым снял с Помощников тяжкое бремя.

[6] Коран 59,8

58.ВОЙНА И МИР

В месяцы, последовавшие затем, вскоре после наступления нового, 626 года по Р. Х., Фатима родила ещё одного сына. Пророк столь возрадовался имени Аль-Хасан, что теперь нарёк младшего брата Аль-Хусайном, то есть «маленьким Хасаном», иначе говоря - «маленьким прекрасным». Примерно в ту же пору его новая жена, Зайнаб, «мать бедных», занемогла и скончалась, не прошло и восьми месяцев со времени их брака. Он сам совершил над нею погребальную молитву и похоронил её на кладбище Баки‘, неподалёку от могилы своей дочери Рукаййи. В следующем месяце умер его двоюродный брат Абу Саляма - от раны, полученной при Ухуде, которая слишком рано затянулась, а затем открылась вновь. Пророк был с ним в его последние мгновения и молился за него, когда тот испускал дух; и именно Пророк закрыл ему глаза, когда он уже умер.

Абу Саляма и жена его составляли союз редкой преданности; и она хотела, чтобы он заключил с нею обещание: если один из них умрёт, другой не вступит более в брак. Но он сказал ей, что, если первым умрёт он, она должна снова выйти замуж, и произнёс такую молитву: «О Боже, даруй Умм Саламе после меня мужа, который будет лучше меня и который не причинит ей ни печали, ни обиды». По прошествии четырёх месяцев после его смерти Пророк пришёл и просил её руки. Она ответила, что опасается быть для него неподходящей супругой. «Я уже женщина, чья лучшая пора миновала, - сказала она, - и я мать сирот. К тому же нрав мой исполнен крайней ревности, а у тебя, о Посланник Божий, уже есть не одна жена». Он отвечал: «Что до возраста, то я старше тебя; что до твоей ревности, я попрошу Бога удалить её от тебя; а что до твоих осиротевших детей, то о них позаботятся Бог и Его Посланник». Так они сочетались браком, и он поселил её в доме, который прежде принадлежал Зайнаб.

Несмотря на сказанное ею о своих летах, Умм Салама была ещё в самой поре молодости: ей было не более двадцати девяти лет. Ей было всего восемнадцать, когда она вместе с Абу Салямой переселилась в Абиссинию. Что до её ревности, то она не без основания боялась, что этот брак станет для неё испытанием, и не одна лишь она разделяла подобные опасения. ‘Аиша без труда приняла Хафсу, а также и Зайнаб; но с этой новой женой было иначе - отчасти, несомненно, потому, что сама она была уже старше, ибо шёл почти её четырнадцатый год. Она часто встречалась с Умм Саламой, и именно вместе с нею готовила всё к свадьбе Фатимы. Но никогда прежде она не смотрела на неё как на возможную соперницу. Теперь же, когда вся Медина говорила о новом браке Пророка и о великой красоте его невесты, её охватили тревога и смятение. «Я была глубоко опечалена, - говорила она, - тем, что мне рассказывали о её красоте; и я стала оказывать ей любезности, чтобы иметь возможность внимательно её разглядеть, и увидела, что она во много раз прекраснее, чем мне о ней говорили. Я сказала об этом Хафсе, а она ответила: “Нет, это только твоя ревность; она вовсе не такова, как о ней говорят”. Тогда и она стала ласкова к Умм Саламе, чтобы самой судить своими глазами, и сказала: “Я наблюдала её; она не такова, как ты

утверждаешь, далеко не такова, и всё же она поистине красива". Тогда я пошла взглянуть на неё вновь, и, клянусь жизнью моей, она оказалась такою, как сказала Хафса. Но всё же я ревновала»[1]

Между тем приближалось время второй встречи при Бадре - согласно прощальному вызову Абу Суфьяна после Ухуда, вызову, который Пророк принял. Но год тот был годом засухи, и Абу Суфьян видел, что на пути не найдётся ни единой былинки зелени для верблюдов и коней. Весь корм для похода пришлось бы везти с собой из Мекки, а запасы их уже были истощены. Однако он страшился бесчестия - нарушить срок встречи, который сам же и предложил. Желательно было, чтобы именно Мухаммад оказался тем, кто нарушит условленное; между тем из Ясриба пришли известия, что он уже делает приготовления к выступлению. Нельзя ли было склонить его изменить решение? Тогда Абу Суфьян вступил в совет с Сухайлем и ещё с одним-двумя вождями Курайша, и они составили план. Случилось, что в это время в Мекке находился друг Сухайля по имени Ну'айм, один из знатнейших мужей Бану Ашджа', ветви Гатафана. Они полагали, что могут ему доверять, и поскольку он не был из Курайша, он мог выступить как сторонний и беспристрастный наблюдатель. Они предложили ему двадцать верблюдов, если он сумеет склонить мусульман отказаться от намерения выступить к Бадру. Ну'айм согласился и тотчас отправился в оазис, где нарисовал устрашающую картину тех сил, которые Абу Суфьян якобы собирался вести к Бадру. Он говорил со всеми частями общины: с Переселенцами, с Помощниками, с иудеями и с лицемерами; и всякий раз завершал своё суждение об опасности настоятельным советом: «Посему оставайтесь здесь и не выходите против них. Клянусь Богом, я не думаю, чтобы хоть один из вас ушёл живым». Иудеи и лицемеры были рады вести о мекканских приготовлениях к войне и помогали распространять эти слухи по всему городу. Не преминул Ну'айм произвести впечатление и на самих мусульман, многие из которых склонялись к мысли, что выходить к Бадру было бы, поистине, крайне неразумно. Известие об этих настроениях дошло до Пророка, и он начал опасаться, что никто не выйдет вместе с ним. Но Абу Бакр и 'Умар убеждали его ни в коем случае не нарушать обещанного Курайшу. «Бог поддержит Свою религию, - говорили они, - и Он дарует силу Своему Посланнику». «Я выступлю, - сказал Пророк, - даже если придётся выступить одному».

Эти немногие слова стоили Ну'айму его верблюдов и сделали тщетными все его старания в тот самый миг, когда ему уже начинало казаться, что он преуспел. Но, помимо собственной воли, он был поражён полным крушением своей миссии: в Медине действовала некая сила, совершенно выходившая за пределы его влияния и его опыта, и в сердце его были посеяны семена ислама. Пророк выступил, как и было первоначально

[1] Мухаммад Ибн Са'д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир* 8, 66

задумано, с полутора тысячами людей на верблюдах и с десятью всадниками. Многие из них взяли с собой товары, намереваясь торговать на ярмарке в Бадре.

Тем временем Абу Суфьян сказал Курайшу: «Выйдем в путь, проведём на дороге одну или две ночи, а затем возвратимся. Если Мухаммад не выступит, он услышит, что мы двинулись и затем вернулись лишь потому, что он не вышел нам навстречу. Это будет поставлено ему в укор, а нам - в заслугу». Но случилось так, что Пророк и его сподвижники провели на ярмарке в Бадре восемь дней; и те, кто там присутствовал, повсюду разнесли весть, что Курайш нарушил своё слово, тогда как Мухаммад и его последователи своё слово сдержали и явились, чтобы сразиться с Курайшем, как и обещали. Когда до Мекки дошла весть об этой великой нравственной победе их врага и о собственном нравственном поражении в глазах Аравии, Сафван и другие с горечью упрекали Абу Суфьяна за то, что он вообще предложил вторую встречу при Бадре. Однако это унижение всё же послужило к тому, чтобы ещё сильнее разжечь их приготовления к окончательной и долговечной мести, которую они замышляли обрушить на основателя новой религии и на её последователей.

После возвращения из Бадра Пророк провёл в Медине месяц мира, а затем, в начале пятого года ислама, в июне 626 года, пришла весть, что некоторые ветви Гатафана вновь замышляют набег на оазис. Он тотчас выступил в равнину Неджда с четырьмястами людьми; но враг, как и прежде, исчез, едва только мусульмане приблизились к нему. Именно в этом походе, когда они были ближе всего к столкновению, Пророк получил Откровение, наставлявшее его, как совершать «Молитву страха», то есть как войску надлежит сокращать обрядовую молитву и изменять её движения во времена опасности и как одним следует стоять на страже, пока другие молятся.[2]

Одним из Помощников, вышедших с этим отрядом, был Джабир, сын ‘Абдаллаха. В последующие годы он рассказывал о случае, происшедшем на одном из их становищ: «Мы были с Пророком, когда один из сподвижников принёс птенца, которого поймал; и одна из родительских птиц подлетела и бросилась в руки тому, кто взял её детёныша. Я видел на лицах людей великое изумление, и Пророк сказал: “Удивляетесь ли вы этой птице? Вы забрали у неё птенца, и она бросилась вниз, движимая милосердною нежностью к своему

---

[2] Коран 4, 101-102 **А когда вы передвигаетесь по земле, то нет на вас греха, чтобы вы сокращали молитву, если боитесь, что вас подвергнут испытанию те, которые не веровали. Поистине, неверующие - для вас явный враг! И когда ты находишься среди них и совершаешь для них молитву, то пусть стоит вместе с тобой один ряд из них, и пусть они возьмут свое оружие. А когда совершат поклонение, то пусть будут позади вас, и пусть придет другой отряд, который не молился, и пусть они молятся вместе с тобой, но пусть возьмут предосторожность и оружие. Те, которые не веруют, хотели бы, чтобы вы небрегли своим оружием и достоянием, и они напали бы на вас единым устремлением. И нет греха на вас, если у вас есть неприятность от дождя или вы больны, что вы сложите свое оружие, - но держитесь осторожно! Поистине, Аллах уготовал неверным унизительное наказание!**

птенцу. Но клянусь Богом, Господь ваш милосерднее к вам, нежели эта птица - к своему детёнышу”[3]. И он велел тому человеку вернуть птенца туда, где тот его нашёл».

И ещё он сказал: «У Бога - сто милостей, и одну из них Он ниспослал среди джиннов, людей, скота и хищных зверей. Благодаря ей они бывают добры и милосердны друг к другу, и благодаря ей дикое животное склоняется в нежности к своему детёнышу. А девяносто девять милостей Бог удержал у Себя, дабы ими явить милость рабам Своим в День воскресения».[4]

Джабир также рассказывал, как на обратном пути в Медину большая часть войска ушла вперёд, тогда как Пророк и ещё несколько человек ехали в хвосте. Но верблюд Джабира был стар и слаб и не мог поспевать за главной силой, так что вскоре Пророк настиг его и спросил, почему он так отстал. «О Посланник Божий, - сказал он, - этот мой верблюд не может идти быстрее». «Заставь его опуститься на колени», - сказал Пророк, сам также заставив своего верблюда преклонить колени. Затем он сказал: «Дай мне ту палку», - и я подал её ему; тогда он взял её и ткнул ею моего верблюда раз или два. После этого он велел мне сесть верхом, и мы поехали далее; и, клянусь Тем, Кто послал Посланника с истиной, мой верблюд стал обгонять его.

«По дороге я беседовал с Посланником Божиим, и он сказал мне: “Продашь ли ты мне этого своего верблюда?” Я сказал: “Я подарю его тебе”. “Нет, - сказал он, - но продай его мне”. Джабир понял по тону голоса Пророка, что от него ожидают торга. “Я попросил его, - рассказывал Джабир, - самому назначить мне цену, и он сказал: ‘Я возьму его за один дирхем’. ‘Нет, - сказал я, - тогда ты дал бы мне слишком мало’. ‘За два дирхема’, - сказал он. ‘Нет’, - отвечал я; и он всё повышал цену, пока не дошёл до сорока дирхемов, то есть до одной унции золота, на чём я и согласился. Тогда он спросил: ‘Ты уже женат, Джабир?’ И когда я ответил, что да, он сказал: ‘На женщине, бывшей замужем прежде, или на девице?’ ‘На женщине, уже бывшей замужем’, - сказал я. ‘Почему же не на девушке, - сказал он, - чтобы ты играл с нею, а она - с тобою?’ ‘О Посланник Божий, - сказал я, - мой отец был сражён в день Ухуда и оставил мне семерых дочерей, и потому я взял в жёны женщину материнского склада, которая соберёт их вокруг себя, причешет им волосы и позаботится об их нуждах’. Он согласился, что я сделал хороший выбор; а затем сказал, что, когда мы достигнем Сирара, который был всего милях в трёх от Медины, он принесёт в жертву верблюдов и проведёт там день, и она услышит весть о нашем возвращении домой и начнёт стряхивать пыль со своих подушек. ‘У нас нет подушек’, - сказал я. ‘Будут’, - сказал он. ‘Так вот, когда возвратишься, сделай то, что надлежит сделать’».

---

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 349

[4] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 49, 4

«Наутро после нашего возвращения я привёл моего верблюда и заставил его опуститься на колени у двери Пророка. Пророк вышел и велел мне оставить верблюда и совершить два рак ‘ата в Мечети, что я и сделал. Затем он велел Билялю отвесить мне одну унцию золота, и тот дал мне немного больше, чем нужно было по весам. Я взял золото и хотел уйти, но Пророк окликнул меня. “Возьми своего верблюда, - сказал он, - он твой, и сохрани за собой ту цену, что была тебе уплачена” ».[5]

Именно в эти месяцы, между одним походом и другим, Салман Перс пришёл к Пророку, ища у него совета и помощи. Его хозяин, иудей из Бану Курайза, так тяжко обременял его работою на своём имении к югу от Медины, что он никогда не мог близко сблизиться с мусульманской общиной. Для него было совершенно невозможно быть при Бадре или Ухуде, или участвовать в одном из тех меньших походов, которые Пророк возглавлял или отправлял в течение последних четырёх лет. Неужели не было никакого выхода из его нынешнего положения? Он спрашивал своего хозяина, какой выкуп требуется для его освобождения, но цена оказалась выше всякой меры и была ему не по средствам. Он должен был уплатить сорок унций золота и посадить триста финиковых пальм. Пророк велел ему составить с хозяином соглашение о выплате золота и посадке деревьев. Затем он призвал своих сподвижников помочь Салману с пальмами; и они помогли - один внёс тридцать пальмовых отростков, другой двадцать, и так далее, пока не набралось всё число. «Ступай и выкопай для них ямы, Салман, - сказал Пророк, - а когда окончишь, дай мне знать: моя рука сама посадит их». Сподвижники помогли Салману подготовить землю, и Пророк собственноручно посадил все триста отростков; и каждый из них пустил корень и пошёл в рост.

Что же касается остальной части выкупа, то кусок золота величиной с куриное яйцо был подарен Пророку из одной шахты, и он отдал его Салману, велев выкупить себя этим золотом. «Сколько же это покроет из того, что я должен уплатить?» - сказал Салман, полагая, что цена была сильно недооценена. Тогда Пророк взял у него золото и, положив его себе в рот, покатал его языком. Затем он возвратил его Салману, сказав: «Возьми и выплати им из него весь выкуп сполна». И Салман отвесил им из этого куска сорок унций, и так стал свободным человеком.[6]

Затем в Медине был ещё один месяц мира; после чего, во главе тысячи человек, Пророк предпринял быстрый переход на север протяжённостью около пятисот миль до окраины Думат аль-Джандаля, оазиса на рубежах Сирии, который сделался пристанищем грабителей, большей частью из Бану Кальб. Не раз уже они расхищали запасы масла, муки и прочих товаров, направлявшихся в Медину. Кроме того, были основания думать, что они вступили в некое соглашение с Курайшем, а это значило, что, когда настанет день общего

[5] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 664
[6] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», 141-142

натиска на ислам, они сомкнутся с севера. Пророк и его сподвижники непрестанно имели тот день в мыслях; и хотя непосредственным итогом этого похода стало лишь рассеяние грабителей и захват их стад, пасшихся на южных пастбищах оазиса, поход достиг и другой желанной цели: он внушил северным племенам вообще чувство присутствия в Аравии новой и быстро возрастающей силы. Прошли те годы междоусобной розни, что делали Ясриб столь уязвимым для внешнего нападения. На место той розни пришла тесно спаянная, расширяющаяся мощь, способная наносить удары далеко и широко с поразительной быстротой, и тем более страшная, что она знала: нападение - вернейшее средство защиты.

Таково было внешнее впечатление; но тем, кто был способен приблизиться теснее, сила эта представлялась ещё большей, чем казалась, ибо основанием её было единство, само по себе чудесное. Откровение сказало Пророку: **Если бы ты израсходовал все то, что на земле, то не объединил бы их сердца, но Аллах объединил их сердца.**.[7] И всё же присутствие Пророка было одним из величайших средств осуществления этого единства. По Промыслу, притягательность этого присутствия была сделана столь могущественной, что ни один человек нормальной доброй воли не мог ей противостоять. «Никто из вас не уверует по-настоящему, пока я не стану ему дороже его сына, его отца и всех людей вместе»[8]. Но это изречение Пророка было не столько требованием, сколько подтверждением правоты любви, уже данной ему, - любви, которая так часто находила своё выражение в словах: «Да будут мой отец и моя мать выкупом за тебя».

Время мира не было для Пророка временем покоя. Он выставлял как идеал, чтобы треть каждого круга в двадцать четыре часа посвящалась поклонению, треть - труду и треть - семье. Эта последняя треть включала и время, проводимое во сне и за трапезой. Что до поклонения, то значительная его часть совершалась ночью. Помимо вечерней и рассветной молитвы, они творили добровольные молитвы по тому же образцу. Коран предписывал также долгие чтения собственных своих аятов, а Пророк рекомендовал различные литании покаяния и хвалы. Долгое ночное богослужение было утверждено как норма уже первыми Откровениями; но община, получившая те откровения, была духовной избранной малостью. Медина тоже имела свой первоначальный избранный круг верующих. Однако быстрое распространение ислама в последние годы сделало этих избранных чем-то вроде меньшинства; и именно о них говорится как о «группе из тех, кто с тобой» в аяте, ниспосланном теперь, чтобы ослабить чувство обязанности, связанное с долгими ночными бдениями: **Поистине, Господь твой знает, что ты простаиваешь меньше, чем две трети ночи, и половину ее и треть; и люди из тех, что с тобою. И Аллах размеряет ночь и**

[7] Коран 8, 63
[8] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 16

день. Знает Он, что вы не учтете этого, и обратился Он к вам. Читайте же, что легко вам из Корана.[9]

И всё же избранные из сподвижников продолжали много молиться ночью; и о последней трети ночи Пророк упоминал как об особенно благословенной: «Каждую ночь, когда до конца её остаётся ещё треть, Господь наш - благословен и превознесён Он! - нисходит к нижнему небу и говорит: “Кто взывает ко Мне, чтобы Я ответил ему? Кто возносит ко Мне молитву, чтобы Я даровал ему просимое? Кто просит у Меня прощения, чтобы Я простил его?”»[10] Тогда же было открыто и другое определение верующих: **Их бока отклоняются от их лож; они взывают к своему Господу со страхом и желанием и расходуют из того, чем Мы их наделили. Не ведает душа, что скрыто для них из услады глаз в награду за то, что они творили.**[11]

Равное распределение часов дневного круга между тремя требованиями - поклонения, труда и семьи - могло быть лишь приблизительным. Что до семьи, то у Пророка не было собственной комнаты, и каждый вечер он переходил в творили. жены, которой приходил черёд дать ему дом на следующие двадцать четыре часа. Днём его часто навещали дочери и тётка его Сафийя, или же он сам навещал их. Фатима нередко приводила к нему двух своих сыновей. Хасану теперь было около полутора лет, а восьмимесячный Хусайн уже начинал ходить. Пророк любил и свою маленькую внучку Умаму, почти всегда сопровождавшую мать свою Зайнаб. Раз или два он приносил её с собой в Мечеть, усадив себе на плечо, и держал там, пока читал аяты Корана, опуская её на землю перед поясными поклонами и земными поклонами и вновь поднимая её себе на плечо, когда возвращался в прямое положение.[12] Ещё одним любимцем был пятнадцатилетний Усама, сын Зайда и Умм Айман, чрезвычайно дорогой Пророку ради обоих его родителей, а также и ради него самого. Как внук дома, он часто бывал внутри него или у его дверей.

Большую часть дней по полудни Пророк навещал Абу Бакра, как делал это ещё в Мекке. До известной степени требования семьи и труда здесь совпадали, ибо он нередко желал говорить с Абу Бакром о делах государства, так же как говорил о них с Зайдом и со своими двумя зятьями - ‘Али и ‘Усманом. Но труд грозил вторгнуться во всю жизнь Пророка, ибо ни один голос во всей Медине не мог сравниться с его голосом в разрешении трудного дела, в ответе на вопрос или в улаживании спора. Даже те, кто не верил, что он - Пророк, искали его помощи в случае нужды, если только гордость не удерживала их.

Ссоры между мусульманами и иудеями были нередки, и нередко виной тому было неуместное рвение - как, например, тогда, когда один из Помощников ударил иудея только за то, что услышал, как тот произнёс клятву. «Разве ты клянёшься, - сказал мусульманин, -

---

[9] Коран 73,20
[10] Бухари 19, 12
[11] Коран 32, 16-17
[12] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 8, 26

“Тем, Кто избрал Мусу превыше всего человечества”, когда Пророк находится среди нас?» Иудей пожаловался Пророку, и лицо его было полно гнева, когда он укорял обидчика. В самом Коране Бог упоминается как говорящий***: О Муса! Я избрал тебя пред людьми для Моих посланий и Моего слова..***[13] Коран также говорит: **Поистине, Аллах избрал Адама и Нуха и род Ибрахима и род Имрана пред мирами**.[14] Но, угадав то, что было на уме у этого человека, Пророк добавил: «Не говорите, что я лучше Мусы».[15] Он также сказал, возможно имея в виду другой случай неуместного усердия: «Пусть никто из вас не говорит, что я лучше Юнуса».[16] А Откровение уже дало им слова как часть исламского исповедания: **Не различаем мы между кем бы то ни было из Его посланников"**.[17]

Помимо всего, что касалось благополучия общины в целом - как во внутренней её гармонии, так и в её отношениях с остальною Аравией и с землями за её пределами, - едва ли проходил день, чтобы один или несколько верующих не искали его совета или помощи в связи с каким-нибудь чисто личным затруднением: либо материальным, как недавно в случае Салмана, либо духовным, как тогда, когда однажды Абу Бакр привёл к нему человека из Бану Тамим по имени Ханзаля, поселившегося в Медине. Ханзаля сперва обратился со своей бедой к Абу Бакру, но тот почувствовал, что в данном случае ответ должен исходить от высшей власти. Лицо этого человека было исполнено скорби, и когда Пророк спросил его, в чём дело, он сказал: «Ханзаля - лицемер, о Посланник Божий». Пророк спросил, что он имеет в виду, и тот ответил: «О Посланник Божий, когда мы с тобой и ты говоришь нам об Огне и о Рае, то нам кажется, будто всё это стоит перед самыми нашими глазами. Но стоит нам выйти от тебя, как ум наш поглощают жёны, дети и имущество, и многое мы забываем». Ответ Пророка ясно показал, что идеалом было стремиться сохранить сознание духовных реальностей, не изменяя при этом строя повседневной жизни: «Клянусь Тем, в Чьей руке душа моя, - сказал он, - если бы вы неизменно оставались такими, какими бываете в моём присутствии, или такими, какими бываете в часы поминания Бога, ангелы приходили бы брать вас за руки, когда вы лежите на своих ложах и когда идёте своими путями. Но нет, о Ханзаля: то так, то эдак; то так, то эдак; то так, то эдак! »[18]

Таких требований к времени Пророка невозможно было избежать; однако возрастала нужда оградить его и иными способами, и защита, пришедшая теперь, была не лишена связи со следующим совершенно неожиданным событием, которое ещё более подчеркнуло его единственное в своём роде привилегированное положение. Случилось однажды, что он пожелал поговорить с Зайдом о чём-то и пришёл к нему домой. Зайнаб отворила дверь, и,

---

[13] Коран 7, 144
[14] Коран 3, 33
[15] Бухари 65; Сура 7
[16] Бухари 65; Сура 37
[17] Коран 2, 285
[18] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 49, 2

пока она стояла на пороге, говоря ему, что Зайд отсутствует, но всё же приглашая войти, между этими двумя двоюродными родственниками промелькнул такой взгляд, что каждый из них ощутил существование глубокой и прочной уз любви. В тот миг Пророк понял, что Зайнаб любит его, и что он любит её, и что она знает о его любви к ней. Но что это могло значить? Поражённый силою своего чувства, он отказался войти; и, когда он повернулся, чтобы уйти, она услышала, как он сказал: «Слава Богу Бесконечному! Слава Тому, Кто располагает сердцами людей!» Когда Зайд возвратился, она рассказала ему о посещении Пророка и о том славословии, которое услышала. Зайд тотчас отправился к нему и сказал: «Мне сказали, что ты приходил к моему дому. Почему же ты не вошёл - ты, кто мне дороже отца и матери? Неужели Зайнаб нашла благоволение в твоих глазах? Если так, я оставлю её». «Удержи при себе жену твою и бойся Бога», - сказал Пророк с некоторой настойчивостью. В другой раз он сказал: «Из всего дозволенного наиболее ненавистен Богу развод».[19] И когда Зайд пришёл вновь на следующий день с тем же предложением, Пророк снова настойчиво велел ему сохранить жену. Но брак между Зайдом и Зайнаб не был счастливым, и Зайд нашёл, что более не может его терпеть; так что по обоюдному соглашению с Зайнаб он развёлся с нею. Однако это ещё не делало Зайнаб пригодной в жёны для Пророка, ибо хотя Коран и оговорил лишь то, что мужчинам запрещено жениться на жёнах сыновей, происшедших от их собственных чресл, всё же в обществе крепко держался обычай не делать различия между сыновьями по рождению и сыновьями по усыновлению. Да и сам Пророк, казалось, не мог быть для неё супругом, ибо у него уже было четыре жены - предел, дозволенный исламским законом.

Прошло несколько месяцев, и затем в один из дней, когда Пророк разговаривал с одной из своих жён, сила Откровения объяла его; и, придя в себя, он прежде всего сказал: «Кто пойдёт к Зайнаб и принесёт ей благую весть, что Бог дал её мне в жёны, и притом с Неба?» Поблизости находилась Сальма - служанка Сафийи, которая уже давно считала себя членом дома Пророка, - и она поспешно отправилась в дом Зайнаб. Услышав это дивное известие, Зайнаб возвеличила Бога и бросилась ниц в земном поклоне, обратившись к Мекке. Затем сняла с себя серебряные браслеты и ножные кольца и отдала их Сальме.

Зайнаб была уже не молода - ей шёл почти сороковой год, - но она сохранила свою необычайную красоту. Кроме того, это была женщина великого благочестия: она много постилась, подолгу бодрствовала ночами и щедро раздавала бедным. Умея искусно работать с кожей, она делала обувь и другие вещи; и всё, что зарабатывала таким трудом, служило для неё средством милостыни. В её случае не могло быть речи ни о каком формальном бракосочетании, ибо брак был объявлен в ниспосланных аятах как уже

[19] Абу Да’уд Сиджистани

совершившийся союз: **Мы женили тебя на ней**.[20] Оставалось лишь привести невесту к жениху, и это было сделано без промедления.

Те же аяты говорили и о том, что впредь усыновлённых сыновей должно именовать по их настоящим отцам, которые их породили; и с того дня Зайд стал именоваться Зайдом ибн Харисой вместо Зайда ибн Мухаммада, как его называли с самого усыновления, совершившегося около тридцати пяти лет тому назад. Но это изменение не уничтожало самого усыновления как такового и никоим образом не ослабляло любви и близости между усыновившим и усыновлённым, которые теперь приближались соответственно к шестидесятому и пятидесятому году жизни. Это было лишь напоминанием о том, что между ними нет кровного родства; и именно в этом смысле Откровение продолжало: **Мухаммад не был отцом кого-либо из ваших мужчин, а только - посланником Аллаха и пророков.**[21]

В то же время другие Откровения подчёркивали великую разницу между Пророком и его последователями. Им не следовало обращаться к нему по имени, как они обращались друг к другу. Дозволение, которое Бог даровал ему - в силу его нового брака - иметь более четырёх жён, относилось лишь к нему одному, а не ко всей общине. Более того, его жёнам был дан титул *матерей верующих*, и положение их было таково, что в очах Божиих было бы чудовищным, если бы они, бывши однажды в браке с Пророком, потом были отданы замуж за другого мужчину. Если же верующие желали просить милости у одной из них - ибо их заступничества у Пророка искали нередко, - то делать это следовало из-за занавеси. Им также было сказано: **О те, которые уверовали! Не входите в дома пророка, если только не будет разрешена вам еда, не дожидаясь ее времени. Но когда вас позовут, то входите, а когда покушаете, то расходитесь, не вступая дружески в беседу. Это с вашей стороны удручает пророка, но он стыдится вас, а Аллах не стыдится истины**.[22]

Подобные предписания были необходимы по причине великой любви, которую они к нему питали, и их желания как можно дольше и как можно чаще пребывать в его присутствии. Те, кто находился при нём, всегда неохотно оставляли его. И их нельзя было бы винить, если бы они оставались, ибо, когда он говорил с кем-нибудь, он обращался к нему столь полно и делал его предметом столь полного внимания, что этот человек легко мог вообразить себя настолько привилегированным, что может позволить себе вольности, на которые другие не отважились бы; и когда он брал человека за руку, то никогда не отпускал её первым. Но, ограждая Пророка, Откровение в то же время ввело в богослужебную жизнь новый элемент, который позволял его народу выражать свою любовь и пользоваться исходящим от него духовным сиянием, не обременяя чрезмерно его своим присутствием: **Воистину, Бог и ангелы Его ниспосылают благословение на Пророка. О вы, которые**

[20] Коран 33, 37
[21] Коран 33, 40
[22] Коран 33, 53

уверовали! Призывайте благословение на него и приветствуйте его приветствием мира.[23] А вскоре после того Пророк сказал одному из своих сподвижников: «Ко мне пришёл ангел и сказал: “Всякий, кто один раз призовёт на тебя благословение, того Бог благословит десятикратно” ».[24]

[23] Коран 33, 56

[24] ‘Абд Аллах ибн ‘Абд ар-Рахман ад-Дарими

59.**РОВ**

Иудеи из изгнанного племени Бану Надир, поселившиеся в Хайбаре, были исполнены решимости вернуть себе землю, которую утратили. Все их надежды теперь сосредоточились на приготовлениях курайшитов к последнему нападению на Пророка; и к концу пятого года ислама - это было приблизительно на рубеже нового, 627 года по Р. Х. - эти приготовления были доведены до завершения тайным посещением Мекки Хуйайем и другими иудейскими вождями из Хайбара.

«Мы с вами заодно, - сказали они Абу Суфьяну, - чтобы искоренить Мухаммада».

«Дражайшие из людей для нас, - отвечал он, - те, кто помогает нам против Мухаммада».

Тогда он, и Сафван, и другие вожди курайшитов ввели иудеев внутрь Ка‘бы, и там вместе они принесли Богу торжественную клятву не изменять друг другу, пока не достигнут своей конечной цели и намерения. Затем курайшитам пришло на мысль воспользоваться этим случаем и спросить иудеев, как те судят о правоте в их споре с основателем новой религии.

«О иудеи, - сказал Абу Суфьян, - вы - люди первого Писания, и вам ведомо знание. Скажите же нам, каково наше положение по отношению к Мухаммаду: чья вера лучше - наша или его?»

Они ответили:

«Ваша вера лучше его веры, и вы ближе к истине, нежели он».

На этой основе полного согласия оба союзника и построили свои замыслы. Иудеи приняли на себя труд поднять всех кочевников на равнине Неджда, имевших какие-либо счёты с Мединой; а там, где одной жажды мести было недостаточно, дело надлежало скрепить подкупом. Бану Асад охотно согласились помочь им; что же касается Бану Гатафан, им была обещана половина урожая фиников Хайбара, если они присоединятся к союзу, и их согласие увеличило войско почти на две тысячи человек - из гатафанских ветвей Фазара, Мурра и Ашджа ‘. Иудеям удалось также обеспечить участие отряда Бану Сулейм численностью в семьсот человек; он, несомненно, был бы и больше, если бы с тех пор, как произошло избиение у колодца Ма‘уна, внутри этого племени не возникла небольшая, но всё возраставшая группа, благосклонная к исламу. Что до южных соседей Сулейма, Бану ‘Амир, то они остались вполне верны своему договору с Пророком.

Сами курайшиты вместе со своими ближайшими союзниками насчитывали четыре тысячи человек. Вместе с ещё одним или двумя южными отрядами они должны были выступить из Мекки по западному прибрежному пути к Медине - тем же путём, каким они шли к Ухуду.

Второе войско, гораздо менее сплочённое, должно было сомкнуться вокруг Медины с востока, то есть со стороны равнины Неджда. В совокупности оба войска исчислялись более чем в три раза сильнее, нежели курайшиты при Ухуде. Тогда мусульмане были побеждены трёхтысячным войском. На что же они могли теперь надеяться против десяти тысяч? К тому же, вместо одного лишь отряда в двести всадников, как прежде, у курайшитов на этот раз было триста, и ещё на столько же они могли рассчитывать со стороны Гатафана.

Они выступили из Мекки согласно намеченному плану; и приблизительно в то же время, возможно не без содействия ‘Аббаса, некоторое число всадников из Бану Хуза‘а поспешно направилось в Медину, чтобы предупредить Пророка о надвигавшемся нападении и сообщить ему сведения о силе врага. Они достигли его за четыре дня, так что на приготовления у него оставалась лишь неделя. Он тотчас привёл в готовность весь оазис и обратился к своим последователям со словами ободрения, обещая им победу, если только они будут терпеливы, будут бояться Бога и повиноваться приказам. Затем, как и при Ухуде, он созвал их на совещание, на котором было высказано множество мнений о том, какой план действий лучше избрать; но наконец поднялся Салман и сказал:

«О Посланник Божий, в Персии, когда мы опасались нападения конницы, мы окружали себя рвом; так выкопаем же и теперь вокруг себя ров».

Все с воодушевлением согласились на этот план - тем охотнее, что никто не желал повторять стратегию Ухуда.

Времени было мало, и нужно было напрячь все силы до последней, чтобы в обороне не осталось опасного промежутка. Но ров не обязательно было вести непрерывной линией; во многих местах длинный ряд домов, похожих на укрепления, по краю города уже сам по себе служил достаточной защитой; а к северо-западу имелись скалистые массивы, неприступные сами по себе, и требовалось лишь соединить их между собою. Ближайшая из этих скал, известная как гора Саль‘, должна была быть включена в линию укреплений, ибо земля перед нею представляла превосходное место для лагеря. Сам ров должен был окаймлять лагерь с севера широкою дугой - от одной из скалистых возвышенностей до точки у восточной стены города. Это должен был быть и самый длинный отдельный участок рва, и вместе с тем наиболее важный.

Салман, не только предложивший этот способ защиты, но и в точности знавший, какой ширины и глубины должен быть ров, к тому же, по своей работе с Бану Курайза, знал, что у них имеются все необходимые орудия. И сами они не отказывались дать их взаймы перед лицом общей опасности; ибо, хотя любви к Пророку у них не было, большинство среди них полагало, что договор с ним представляет собой политическую выгоду, которой не следует легкомысленно лишаться. Так что у них были взяты мотыги, кирки и лопаты. Они же

предоставили корзины для фиников, крепко сплетённые из пальмового волокна, так что ими удобно было переносить вынутую землю.

Пророк поручил каждой части своей общины определённый участок рва, и сам трудился вместе с ними. Каждый день они выходили на заре сразу после молитвы и возвращались домой в сумерках. В одно из первых утр, ведя их к месту работы, он запел напоминание о том труде, каким когда-то возводилась Мечеть:

«О Боже, нет блага, кроме блага будущей жизни.

Прости же Помощников и Переселенцев ! »

И тотчас все подхватили эти слова; а иногда они пели:

«О Боже, нет жизни, кроме жизни будущей.

Помилуй же Помощников и Переселенцев ! »

Они непрестанно напоминали друг другу, что времени остаётся мало. Враг вскоре будет у них на пороге, и если кто-нибудь выказывал признаки усталости, он немедленно становился предметом насмешки. Напротив, Салман был предметом всеобщего восхищения: он был не только необычайно силён и крепок телом, но и много лет уже привык копать и переносить землю для Бану Курайза.

«Он делает работу десятерых», - говорили о нём. И между людьми началось дружеское соперничество. «Салман - наш», - заявляли Переселенцы, имея в виду, что он, покинув многие дома, искал наставления. «Нет, он из нас, - возражали Помощники, - мы имеем на него больше прав».

Но Пророк сказал: «Салман - один из нас, людей Дома».[1]

Вырытые камни и глыбы, которые могли служить метательными снарядами, складывали вдоль мединской стороны рва; землю носили в корзинах на головах и, высыпав её, наполняли корзины камнями, которые снова приносили ко рву. Лучшие камни находились у подножия горы Саль‘. Все мужчины были по пояс раздеты, а те, кто не мог раздобыть корзин, завязывали узлом снятые с себя верхние одежды, обращая их в мешки, и в них переносили и землю, и камни. Уже в первое утро за ними к лагерю последовало множество мальчиков, всем сердцем желавших принять участие в работе. Самых младших тотчас отправили домой; но многим из прочих Пророк позволил копать и носить землю с тем условием, что они должны будут покинуть лагерь, как только покажется неприятель. Что

[1] Семья Пророка

же касается тех, кого при Ухуде отослали домой, - Усамы, сына ‘Умара ‘Абдаллаха и их товарищей, - то теперь им было уже по пятнадцати лет, и им, как и другим их сверстникам, было дозволено присоединиться к рядам мужчин не только для работы, но и для грядущей битвы. Один из них, Бара’ из рода Хариса племени Аус, впоследствии будет рассказывать о великой красоте Пророка, как он запомнил его у рва: подпоясанный красным плащом, с грудью, осыпанною пылью, и с чёрными волосами, длинными настолько, что они касались плеч.

«Более прекрасного, чем он, я не видел», - говорил он.

И не он один ощущал эту красоту - и красоту всей этой картины в целом. Особенно же сам Пророк, озираясь вокруг, радовался их простоте и близости к природе - той близости к изначальному наследию человека, - и запел песнь, в которую все тотчас вступили:

«Не та это красота, что в Хайбаре бывает. Она невинней, Господи, и чище».[2]

Он трудился то с Переселенцами, то с Помощниками, то с киркою, то с лопатою, то просто как носильщик. Но где бы он ни находился, все знали, что обо всякой необычной трудности его надлежит тотчас известить. Несмотря на тяжесть работы, бывали и минуты веселья. Один обращённый из Бану Дамра, принадлежавший к Людям Скамьи, жившим в Мечети, отличался большим благочестием, но наружностью был неказист, да и родители дали ему имя Джу‘айль, которое имело ещё и дополнительное значение - «маленький жук». Недавно Пророк переменил ему это имя на прекрасное имя ‘Амр, означающее жизнь, духовное благополучие, религию. Вид этого дамрита, копавшего ров, побудил одного из Переселенцев сложить двустишие:

«Имя ему он сменил: был Джу‘айль - стал ‘Амр, И в тот день бедняку оказал он помощь».

Он повторил это ‘Амру, и слышавшие подхватили стихи и сделали из них песню, не без смеха. Пророк присоединялся к ней лишь на словах «‘Амр» и «помощь», произнося их каждый раз с особенным ударением. Потом он повёл их в другой напев:

«Господи, если б не Ты, мы бы не были наставлены, Не раздавали бы милостыни и не молились бы Тебе. Пошли же на нас спокойствие, Утверди стопы наши в час встречи. Эти враги нас теснили, хотели сбить нас с пути, Но мы отказались».[3]

Первый крик о помощи донёсся от Джабира: он докопался до такой скалы, которую ни одно из их орудий не могло сдвинуть. Пророк велел подать немного воды и плюнул в неё; затем,

---

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 446

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 448-449; Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* II/I, 51

совершив молитву, окропил этой водой скалу, и они смогли выгребать её лопатами, как кучу песка. [4] В другой день помощи попросили уже Переселенцы. После многих тщетных попыток расколоть или сдвинуть камень, в который он ударил, ‘Умар пришёл к Пророку. Тот взял у него кирку и нанёс по скале удар, от которого вспыхнуло сияние, подобное молнии. Отблеск его пал через весь город к югу. Он ударил во второй раз, и снова вспыхнул свет, но уже в сторону Ухуда и дальше, к северу. Третий удар раздробил скалу на куски, и теперь свет блеснул на восток. Салман увидел эти три вспышки и понял, что они должны иметь некий смысл, и попросил Пророка истолковать их. Тот сказал:

«Видел ли ты их, Салман? Светом первой мне были показаны замки Йемена; светом второй - замки Сирии; светом третьей - белый дворец Кисры[5] в Мадаине. Через первую Бог открыл мне Йемен; через вторую - Сирию и Запад; через третью - Восток».[6]

Большинство копавших ров и в обычное время не имели вдоволь пищи, а тяжёлая работа лишь усиливала муки голода. Особенно Джабира поразила необычайная худоба Пророка в тот день, когда он приходил ему на помощь у рва, и вечером он спросил жену, не может ли она приготовить для него еду.

«У нас ничего нет, кроме этой овцы, - сказала она, - и меры ячменя».

Тогда он заколол овцу, а на следующий день она зажарила её, смолола ячмень и испекла хлеб. И вот, когда стало уже слишком темно, чтобы продолжать работу, Джабир подошёл к Пророку, когда тот уходил ото рва, и пригласил его на угощение из баранины и ячменного хлеба.

«Пророк прижал свою ладонь к моей, - рассказывал Джабир, - и переплёл свои пальцы с моими. Я хотел, чтобы он пришёл один, но он велел глашатаю возгласить: “Идите с Посланником Божиим в дом Джабира. Отзовитесь на зов, ибо Джабир приглашает вас”».

Джабир произнёс тот аят, который верующим рекомендуется произносить в час бедствия: **Поистине, мы принадлежим Богу, и поистине, к Нему возвращаемся**, - и поспешил вперёд предупредить жену.

«Ты их позвал или он? » - спросила она.

«Нет, он сам пригласил их», - ответил Джабир.

---

[4] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.672

[5] Персидский царь Хосров

[6] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 450

«Тогда пусть идут, - сказала она, - ибо он лучше знает».

Пищу поставили перед Пророком; он благословил её, произнёс над нею Имя Божие и начал есть. Вместе с ним сидело десять человек, и, когда они насытились, они встали и ушли по домам, уступив место следующим десяти; и так продолжалось, пока все работавшие на рву не утолили голод, а баранина и хлеб ещё оставались.[7]

В другой день Пророк увидел, как в лагерь вошла девочка, державшая что-то в руке, и подозвал её к себе. Это была племянница ‘Абдаллаха ибн Равахи. По её собственным словам:

«Когда я сказала Посланнику Божию, что несу немного фиников моему отцу и моему дяде, он велел мне отдать их ему. И я высыпала их в его ладони, но они не наполнили их. Тогда он велел принести одежду, и её расстелили перед ним, а он бросил финики на неё так, что они рассыпались по всей её поверхности. Затем он велел бывшим с ним позвать копавших ров на обед; и когда они пришли, начали есть, а финики всё прибавлялись, и, когда люди наконец отошли от них, они всё ещё переливались через края одежды».[8]

[7] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.672; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди Китаб аль-Магази, 452

[8] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.672

60.**ОСАДА**

Едва лишь ров был завершен, - а на всю работу ушло шесть дней, - как пришла весть, что войско курайшитов движется вниз по долине 'Акик и теперь находится немного к юго-западу от города, тогда как Гатафан и прочие племена Неджда подходят с востока, со стороны Ухуда. Все отдаленные дома оазиса уже были оставлены, а их обитатели размещены внутри оборонительной линии. Тогда Пророк повелел, чтобы каждой женщине и каждому ребенку было отведено место в одной из верхних горниц крепостей. Сам же он расположился со своими людьми, числом около трех тысяч, на избранной позиции. Его шатер из красной кожи был поставлен у подножия горы Саль'. 'Аиша, Умм Саляма и Зайнаб поочередно находились там при нем.

Мекканское войско и его союзники разбили отдельные лагеря неподалеку от Ухуда. Курайшиты были удручены, обнаружив, что урожай оазиса уже убран. Их верблюдам предстояло кормиться акациями долины 'Акик. Между тем верблюды Гатафана питались двумя видами тамариска, растущими в зарослях на равнине близ Ухуда. Но для коней ни того, ни другого войска не было ничего, кроме корма, который они привезли с собой. Поэтому необходимо было как можно скорее покончить с неприятелем, и с этим намерением обе армии соединились и двинулись к городу. Верховным главнокомандующим был Абу Суфьян, однако каждому из вождей поочередно предстояло получить свой день чести, когда он должен был руководить собственно боем. Халид и 'Икрима вновь начальствовали над мекканской конницей, и 'Амр состоял в отряде Халида. Подойдя ближе, они воспрянули духом. Они увидели неприятельский лагерь перед собой, вне города. Они опасались, что найдут мусульман укрывшимися за крепостными стенами; но здесь, на открытом месте, их, казалось, можно было сокрушить одной лишь тяжестью численного превосходства. Однако, приблизившись, они с изумлением увидели, что между ними и лучниками, стоявшими сплошной линией по ту сторону, пролегает широкий ров. Их коням было бы нелегко даже подойти к нему, а еще труднее - переправиться через него. Уже теперь град стрел показал им, что они находятся в пределах досягаемости врага, и они отступили на более безопасное расстояние.

Остаток дня прошел в совещаниях, и наконец они решили, что лучшая надежда состоит в том, чтобы заставить неприятеля отвести значительные силы с северной стороны города для защиты других мест. Если ров окажется недостаточно охраняем, перейти его не составит большого труда. Их мысли обратились к Бану Курайза, чьи крепости преграждали подход к Медине с юго-востока.

Согласно условию, Хуйай из Бану Надир прибыл из Хайбара, чтобы присоединиться к войску, и теперь предложил Абу Суфьяну свои услуги в качестве посланца к соплеменникам-иудеям, уверяя его, что без труда склонит их нарушить свой договор с Мухаммадом; а когда их помощь будет обеспечена, на город можно будет ударить

одновременно с двух сторон. Абу Суфьян с радостью принял это предложение и побудил его не медлить.

Бану Курайза боялись Хуяя; они смотрели на него как на вестника несчастья, на человека зловещего, который уже навлек бедствие на собственный народ и навлечет его и на них, если они позволят ему настоять на своем. Боялись они его тем более, что он обладал подавляющей силой духа, противостоять которой было трудно. Если он чего-либо желал, он изнурял всякое сопротивление и сам не знал покоя, и другим не давал его, пока не достигал цели. И вот он пришел к крепости Ка'ба ибн Асада, вождя Курайзы, - именно он заключал их договор с Пророком, - и постучал в ворота, назвав себя. Ка'б сперва отказался отворить. «Да погубит тебя Бог, Ка'б, - сказал Хуйай, - впусти меня». «Да погубит тебя Бог, Хуйай, - отвечал Ка'б, прекрасно понимая, чего тот добивается. - Я заключил договор с Мухаммадом и не нарушу того, что между мной и им». «Впусти меня, - сказал Хуйай, - и давай поговорим». «Не впущу», - сказал Ка'б; но в конце концов Хуйай упрекнул его в том, что он якобы не открывает лишь потому, что не хочет разделить с ним свою пищу, и это так разгневало Ка'ба, что он отворил ворота. «Да погубит тебя Бог, Ка'б, - сказал он, - я принес тебе непреходящую славу на все времена и мощь, подобную бушующему морю. Я привел тебе Курайш, Кинану и Гатафан с их вождями и главами, полных десять тысяч, и тысячу всадников. Они поклялись мне, что не успокоятся, пока не искоренят Мухаммада и тех, кто с ним. На сей раз Мухаммад не уйдет». «Клянусь Богом, - ответил Ка'б, - ты принес мне вечный позор: тучу без воды, в которой только гром и молния, и ничего более. Да погубит тебя Бог, Хуйай. Оставь меня и дай мне пребывать в том, в чем я есть». Хуйай увидел, что тот начинает колебаться, и его красноречивый язык стал распространяться о великих выгодах, которые выпадут на долю всех, если новая религия будет стерта с лица земли. Наконец он дал перед Богом самую торжественную клятву: «Если Курайш и Гатафан возвратятся в свои земли, не сокрушив Мухаммада, я войду с тобой в твою крепость, и моя участь будет такой же, как твоя». Это убедило Ка'ба, что у ислама не может быть никакой надежды на выживание, и он согласился отречься от договора между его народом и Пророком. Хуйай потребовал показать ему сам документ. Он прочитал его и разорвал надвое. Затем Ка'б пошел известить соплеменников о том, что между ними произошло. «Какая тебе выгода, - сказали они, - если тебя убьют, в том, что вместе с тобой будет убит и Хуйай? » И сперва он встретил немалое противодействие. Именно среди Бану Курайза поселился Ибн ал-Хаййабан, тот старый иудей из Сирии, который надеялся дожить до пришествия грядущего Пророка, описывал его и настаивал, что его явление близко; и многие из них чувствовали, что Мухаммад и в самом деле тот самый человек, хотя немногие были способны заинтересоваться Пророком, если он не иудей, и еще меньше - сделать какой-либо практический вывод из всей тяжести противления Пророку, будь он иудеем или иноплеменником. Что же до большинства, то оно просто не желало нарушать политический договор; однако когда некоторые из лицемеров принесли вести, подтверждавшие слова Хуяя, а некоторые из их людей поодиночке и незаметно отправились удостовериться во всем сами, общее мнение стало склоняться в пользу Курайша и его союзников. И поистине

грозно было, стоя по мединскую сторону рва, видеть, как равнина за ним вздымается людьми и конями так далеко и широко, как только хватает глаз.

Тем временем Халид и 'Икрима, хотя и издали, осматривали ров, стараясь определить, где его легче всего будет перейти. «Что за уловка! - восклицали они с досадой. - Никогда прежде арабы не прибегали к подобному средству. Верно, при нем есть человек из Персии». К своему разочарованию, они увидели, что работа была выполнена слишком хорошо, за исключением одного короткого участка, который был немного уже прочих, но и он охранялся особенно тщательно. Одна-две попытки взять его с наскока потерпели полную неудачу. Их кони никогда прежде не видели ничего подобного рву и выказывали явное отвращение к нему. Впоследствии это могло измениться, но пока сражение не могло быть ничем иным, кроме перестрелки из луков.

Отречение Бану Курайза от своего договора не осталось тайной. Многие из лицемеров сами еще не определились, к какой стороне принадлежат, и готовы были выдавать секреты одной стороны другой. Первым из Сподвижников услышал о том, что иудеи теперь стали возможным врагом, 'Умар. Он пришел к Пророку, который сидел в своем шатре с Абу Бакром. «О Посланник Божий, - сказал он, - мне сообщили, что Бану Курайза нарушили свой договор и ведут с нами войну». Пророк был заметно встревожен и послал Зубайра выяснить истину. Затем, чтобы Помощники не почувствовали себя отстраненными, он призвал к себе двух Са'дов - из Ауса и Хазраджа - вместе с Усайдом и, сообщив им эту весть, сказал: «Ступайте и посмотрите, так ли это. Если это ложь, скажите мне ясно. Но если это правда, то дайте мне понять это каким-нибудь намеком, который я уразумею». Они достигли крепостей Курайзы вскоре после Зубайра и убедились, что те действительно отреклись от договора. Они заклинали их Богом вернуться к нему, пока не поздно, но те отвечали только: «Кто такой Посланник Божий? Между нами и Мухаммадом нет ни договора, ни соглашения». Напрасно им напоминали о судьбе Бану Кайнука' и Бану Надир. Ка'б и прочие были теперь слишком уверены в победе Курайша, чтобы слушать их; и, увидев, что тратят слова попусту, они возвратились к Пророку. «'Адаль и Кара», - сказали они ему, называя тем самым два племени, которые предали Хубайба и его товарищей людям Хузайля. Пророк понял смысл и возвеличил Бога: «Аллаху акбар! Благодушествуйте, о мусульмане».

Теперь было необходимо уменьшить силы у рва и оставить гарнизон внутри самого города, и потому Пророк отослал назад сто человек. Затем до него дошло предупреждение, что Хуйай побуждает Курайш и Гатафан послать ночью по тысяче человек к крепостям Курайзы, а оттуда совершить набег на середину города, ворваться в крепости мусульман и увести их женщин и детей. Назначенная ночь по разным причинам откладывалась не однажды, и замысел так никогда и не был осуществлен; но как только Пророк услышал об этом, он послал Зайда с отрядом из трехсот всадников патрулировать улицы, и те в течение каждой ночи возвеличивали Бога, так что казалось, будто город полон могучего войска.

В лагере кони были не нужны. Но отсутствие этих людей чувствовалось тяжко, ибо ров надлежало охранять днем и ночью, так что каждому теперь приходилось стоять на страже дольше обычного. Дни шли, и напряжение было велико: Халид, 'Икрима и их люди неустанно искали случая воспользоваться хотя бы минутной слабиной. Но перейти ров им удалось лишь однажды, и то тогда, когда 'Икрима внезапно заметил, что самый узкий участок на мгновение оказался плохо охраняем. Он сумел заставить своего коня перескочить через разрыв, и за ним последовали еще трое. Но к тому времени, когда четвертый успел перейти, 'Али и те, кто был с ним, вновь заняли узкий участок и сделали его снова неприступным, тем самым также отрезав путь к отступлению всадникам, оказавшимся уже на их стороне. Один из них, 'Амр, выкрикнул вызов на единоборство. Когда 'Али вызвался, тот отказался, сказав: «Мне тяжело убивать подобного тебе. Твой отец был моим близким другом. Ступай назад, ты еще отрок». Но 'Али настоял; тогда 'Амр спешился, и оба двинулись друг на друга. Вскоре облако пыли скрыло их из виду; затем они услышали голос 'Али, возвеличивавший Бога, и поняли, что 'Амр мертв или умирает. Тем временем 'Икрима и его спутники воспользовались общим замешательством, чтобы вернуться на ту сторону, но Науфаль из Махзума не сумел перескочить через ров, и его конь вместе с ним рухнул вниз. Его начали забрасывать камнями, но он крикнул: «О арабы, смерть лучше этого», и тогда к нему спустились и прикончили его.

Хотя этот переход через ров и окончился ничем, он показал, что такая возможность существует; и на следующий день нападения начались в разных местах еще до восхода солнца. Пророк увещевал верующих и обещал им победу, если они останутся тверды, и твердыми они остались, несмотря на первоначальную изнеможенность от слишком долгих дозоров. Место для лагеря было выбрано удачно, ибо склон, спускавшийся от горы Саль', делал ближний берег значительно выше дальнего. Снова и снова в течение дня враг пытался прорваться через ров, но ничего не мог достичь, и настоящее сражение, как и в предыдущие дни, ограничивалось обменом стрелами. Ни с той, ни с другой стороны не было убитых, но Са'д ибн Му'аз был ранен в руку стрелой, перебившей жилу, и многие кони Курайша и Гатафана были изранены.

Настало время полуденной молитвы, но не могло быть и речи о том, чтобы хоть кто-нибудь хоть на мгновение ослабил бдительность. Когда время уже истекало, те, кто стоял ближе всего к Пророку, воскликнули ему: «О Посланник Божий, мы не молились», - вещь очевидная, но тем более тревожная, ибо ничего подобного с самого начала ислама еще не случалось. Его ответ несколько их успокоил: «И я, клянусь Богом, тоже не молился». Настало время послеполуденной молитвы и прошло вместе с заходом солнца. Но и тогда враг не прекращал своих нападений, и лишь когда последний свет угас на западе, они отступили к своим двум лагерям. Едва только они скрылись из виду, Пророк отошел от рва, оставив Усайда с отрядом людей продолжать стражу, сам же повел остальных на четыре молитвы, которые теперь надлежало восполнить. Позднее тем же вечером Халид внезапно

появился вновь с отрядом всадников, в надежде застать ров без охраны, но Усайд и его лучники удержали их на расстоянии.

Откровение говорит об этом напряжении тех дней как о времени, когда **взоры ваши смутились, и сердца дошли до гортани, и стали вы думать об Аллахе разные мысли. Там испытаны были верующие и потрясены сильным потрясением!**[1]

В каждом уме вставал вопрос: сколько еще подобных дней можно будет вынести? Пища начинала истощаться, а ночи стояли необычайно холодные; и многие слабые в вере, изнуренные голодом, холодом и бессонницей, были уже почти готовы примкнуть к лицемерам, которые распространяли мысль, что невозможно и дальше противостоять такому врагу, имея между собой и им лишь ров, и что следует укрыться за городскими стенами. Но вера истинно верующих укреплялась самими лишениями, и Откровение восхвалило их за то, что в самые тягостные минуты, видя, как племена массами собираются против них, они говорили: **« Это - то, что обещал нам Аллах и Его посланник. Правдив Аллах и Его посланник! »**. И Откровение добавляло: **« И увеличило это у них только веру и покорность.»**.[2]

Они говорили так, припоминая аят, ниспосланный Пророку двумя или тремя годами ранее: **« Или вы думали, что войдете в рай, когда к вам еще не пришло подобное тому, что пришло к прошедшим до вас? Их коснулась беда и стеснение, и они подверглись землетрясению, так что посланники и те, которые уверовали с ним, говорили: "Когда же помощь Аллаха?" Да! Поистине, помощь Аллаха близка! »**.[3]

Пророк знал, что во многих душах его людей силы терпения подходят к пределу. Но знал он и то, что с каждым днем и враг все крепче ощущает на себе гнет тягот. Тогда он нашел способ тайно послать ночью слово к двум вождям Гатафана, предложив им треть урожая мединских фиников, если они выйдут из этого дела и удалятся с поля. Те прислали ответ: «Дай нам половину фиников Медины». Но он отказался увеличить свое предложение сверх трети, и они согласились, после чего он позвал 'Усмана и велел ему составить мирный договор между верующими и племенами Гатафана. Затем он призвал двух Са'дов, и они пришли к нему в шатер, - причем у вождя Ауса раненая рука была перевязана, - и он рассказал им о своем намерении. Они сказали: «О Посланник Божий, это есть нечто, чего ты сам желаешь от нас, или то, что повелел Бог и что непременно должно быть исполнено? Или же это то, что ты делаешь ради нас?» Он ответил: «Это то, что я делаю ради вас; и, клянусь Богом, я не сделал бы этого, если бы не видел, что арабы пустили в вас стрелу из одного лука и напали на вас со всех сторон, а я хотел бы ослабить хотя бы часть остроты их натиска». Но раненый Са'д сказал ему: «О Посланник Божий, мы и эти люди прежде были

[1] Коран 33, 10-11
[2] Коран 33, 22
[3] Коран 2, 214

вместе верующими в богов наряду с Богом, служителями идолов, не поклонявшимися Богу истинно и не знавшими Его. И тогда они не смели надеяться вкусить хотя бы один наш финик иначе, как в качестве гостей или по обмену. Неужели же теперь, когда Бог даровал нам ислам, наставил нас, укрепил нас тобою и им, мы станем отдавать им наше имущество? Клянусь Богом, мы не дадим им ничего, кроме меча, пока Он не рассудит между нами». «Да будет по-твоему», - сказал Пророк, и Са'д взял перо и пергамент у 'Усмана и перечеркнул написанное, сказав: «Пусть делают худшее, на что способны!»[4]

Эти переговоры, окончившиеся ничем, велись с вождями двух племен - Фазара и Мурра. Третьим союзником Курайша из числа гатафанитов было племя Ашджа', к которому принадлежал Ну'айм, тот самый человек, которого Абу Суфьян и Сухайль подкупили, чтобы по возможности устрашить мусульман и удержать их от исполнения обещания встретиться с мекканцами при втором Бадре. Его пребывание в Медине глубоко на него подействовало, и потому теперь, выйдя вместе с соплеменниками на помощь мекканцам, он испытывал смешанные чувства. Его восхищение людьми новой религии подтвердилось и возросло, когда он увидел, как они противостоят войску, более чем втрое превосходящему их числом. И вот настал час, когда, по его собственным словам, «Бог вложил ислам в мое сердце»; и в ту же ночь, - почти сразу после того, как мысль об отдельном мире с Гатафаном была оставлена, - он пробрался в город, а оттуда - в лагерь, и попросил свидания с Пророком. «Что привело тебя сюда, Ну'айм?» - спросил он. «Я пришел, - ответил тот, - чтобы исповедать веру в твое слово и засвидетельствовать, что ты принес истину. Так повели же мне, что пожелаешь, о Посланник Божий, ибо тебе стоит только приказать, и я исполню твою волю. Мой народ и другие не знают о моем исламе». «Насколько достанет твоей силы, - ответил Пророк, - посей между ними раздор». Ну'айм попросил дозволения солгать, и Пророк сказал: «Говори что хочешь, лишь бы отвратить их от нас, ибо война есть обман».[5]

Ну'айм вернулся через город и отправился к Бану Курайза, которые приняли его как старого друга и предложили ему еду и питье. «Не за этим я пришел, - сказал он, - но чтобы предостеречь вас из страха за вашу безопасность и дать вам совет». Затем он стал убеждать их, что если Курайш и Гатафан не нанесут своему врагу решительного поражения, они вернутся по домам и оставят иудеев на милость Мухаммада и его последователей. Поэтому они не должны наносить ни одного удара ради Курайша, пока им не будут даны знатные люди в качестве заложников, как ручательство того, что те не отступят, пока враг не будет сокрушен. Его совет был с восторгом принят Бану Курайза, которых все сильнее мучили именно те страхи, которых он коснулся. Итак, они согласились поступить так, как он сказал,

---

[4] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.676

[5] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.681; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 480-481

и обещали не открывать ни его собственному племени, ни Курайшу, что именно он дал им этот совет.

Затем он пришел к своему прежнему другу Абу Суфьяну и другим вождям Курайша, бывшим при нем, и сказал, что имеет сообщить им крайне важную весть, но с условием, которое они приняли: они должны поклясться никому не говорить, что он является их осведомителем. «Иудеи раскаиваются в своем обращении с Мухаммадом, - сказал он, - и послали к нему сказать: „Мы раскаиваемся в содеянном; будет ли тебе достаточно, если мы возьмем в заложники некоторых из виднейших людей Курайша и Гатафана и передадим их тебе, чтобы ты отсек им головы? Тогда мы будем сражаться вместе с тобой против тех, кто останется“». Мухаммад дал им свое согласие; так вот, если иудеи попросят у вас некоторых из ваших людей в заложники, не давайте им ни одного человека». Затем он отправился к своим соплеменникам и к другим племенам Гатафана и сказал им то же самое, что и Курайшу.

После совещания вожди двух вторгшихся армий решили пока ничего не говорить Хуяю, но проверить истинность сказанного Ну'аймом. Поэтому они послали 'Икриму к Бану Курайза с таким посланием: «Будьте готовы завтра вступить в бой, чтобы раз и навсегда избавить нас от Мухаммада». Те ответили: «Завтра суббота; да и вообще мы не будем сражаться с вами против Мухаммада, если только вы не дадите нам заложников, которые будут для нас обеспечением, пока мы не покончим с ним. Ибо мы боимся, что если битва обернется против вас, вы уйдете в свою страну, оставив нас в нашей стране с этим человеком, а нам не выстоять против него одним». Когда этот ответ был принесен Курайшу и Гатафану, они сказали: «Клянемся Богом, то, что сказал нам Ну'айм, и в самом деле истина». И они вновь послали к Бану Курайза, говоря, что не дадут им ни одного человека, но все же велят им сражаться; на это те ответили, что не нанесут ни одного удара, пока не получат заложников.

Тогда Абу Суфьян пришел к Хуяю и сказал: «Где же та помощь, которую ты обещал нам от своего народа? Они оставили нас и теперь ищут случая предать». «Клянусь Торой, нет! - сказал Хуйай. - Наступила суббота, а мы не можем нарушить субботу. Но в воскресенье они будут сражаться против Мухаммада и его сподвижников, как пылающий огонь». Лишь тогда Абу Суфьян сообщил ему о требовании заложников. Хуйай был явно поражен, и, приняв его замешательство за признак вины, Абу Суфьян сказал: «Клянусь ал-Лат, это не что иное, как ваше предательство - их и твое, ибо я считаю, что и ты вошел в предательство своего народа». «Нет, - возразил он, - клянусь Торой, ниспосланной Мусе в день Синая, я не изменник». Но Абу Суфьян не поверил ему, и Хуйай, опасаясь за свою жизнь, оставил лагерь и направился к крепостям Бану Курайза.

Что касается отношений между Курайшем и племенами Неджда, то здесь Ну'айму почти не пришлось ничего делать. Прошло уже почти две недели, а они не достигли ничего. Запасы в обоих войсках подходили к концу, тогда как все больше и больше коней ежедневно падало

- от голода, от стрел, или и от того и от другого вместе. Погибло и несколько верблюдов. Да и Курайш не мог не видеть, что Гатафан и прочие бедуины - в лучшем случае союзники нехотя. Они приняли участие в походе гораздо более в надежде на добычу, нежели из вражды к новой религии; и эти надежды, которыми их привлекли к оазису Ясриба, оказались совершенно тщетными. Упреки звучали на многих устах, и взаимное недоверие распространялось по всему войску захватчиков. Поход, в сущности, уже потерпел неудачу; и теперь последнюю печать неудачи наложило на него само Небо.

В течение трех дней после обрядовой молитвы Пророк взывал: «О Боже, Ниспославший Писание, Скорый в расчете, обрати союзников в бегство, обрати их в бегство и потряси их».[6] И когда все было окончено, был ниспослан этот аят: **« О вы, которые уверовали! Вспоминайте милость Аллаха вам, когда пришли к вам войска, и Мы послали на них ветер и войска, которых вы не видели. Аллах видит то, что вы делаете! »**.[7]

Уже несколько дней стояла необычайно холодная и сырая погода; теперь же с востока поднялся пронзительный ветер, сопровождаемый потоками дождя, которые заставили каждого искать убежища. Наступила ночь, и над равниной разразилась буря. Ветер усилился до ураганной силы, а то, чего не довершал ветер, было довершено незримыми руками. Во всем стане захватчиков скоро не осталось ни одного устоявшего шатра и ни одного горевшего костра, и люди, дрожа, сидели на земле, сбившись вместе, чтобы хоть немного согреться.

Лагерь мусульман был отчасти защищен от ветра, который не повалил ни одного их шатра. Но вся горечь этой непогоды наполняла воздух, и вместе с накопившимся напряжением осады она довела верующих до такой душевной слабости, какой они сами не сочли бы возможной. Пророк молился до глубокой ночи; затем подошел к людям, находившимся ближе всего к его шатру, и один из них, Хузайфа, сын Йамана, впоследствии рассказывал, как они услышали его слова: «Кто из вас поднимется и пойдет посмотреть, что делает неприятель, а потом возвратится, - за того я попрошу Бога, чтобы Он сделал его моим спутником в Раю?» Но никто не ответил. «Мы были так потрясены, - говорил Хузайфа, - так озябли и так изголодались, что ни один человек не поднялся на ноги». Когда стало ясно, что никто не собирается вызваться, Пророк назвал по имени Хузайфу, и тот встал и подошел к нему, побуждаемый к действию уже тем, что был выделен из всех прочих. «Я не мог не подняться, - говорил он, - когда услышал свое имя на его устах». «Ступай, - сказал Пророк, - войди в среду этих людей и узнай, что они замышляют; но ничего более не делай, пока не вернешься к нам». «И я пошел, - рассказывал Хузайфа, - и вошел в их среду, в то время как ветер и воинства Божии совершали над ними свое дело». Он рассказывал, как пробирался между скорчившимися фигурами курайшитов, - ибо именно в их лагерь он направился, -

[6] Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,*II/I, 51; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 487
[7] Коран 33, 9

пока не подошел близко к тому месту, где сидел их вождь. Они провели ночь, оцепенев от холода; а затем, под утро, когда ветер начал стихать, Абу Суфьян громко крикнул: «Люди Курайша! Наши кони и верблюды гибнут; Бану Курайза подвели нас, и нам стало известно, что они ищут случая предать нас; а теперь мы претерпели от ветра то, что видят ваши глаза. Поэтому уходите отсюда, ибо я ухожу». С этими словами он подошел к своему верблюду и сел на него, так поспешая уехать, что забыл развязать путы на его ноге и сделал это лишь после того, как заставил его подняться на трех ногах. Но 'Икрима сказал ему: «Ты глава народа и его вождь. Неужели ты столь поспешно оставишь нас и бросишь людей позади?» Тогда Абу Суфьян устыдился и, вновь заставив верблюда опуститься на колени, слез. Войско снялось с места и двинулось в путь, а он ждал, пока большая его часть уже не тронулась в обратный путь. Тогда и он сам отправился, условившись с Халидом и 'Амром, что они будут прикрывать отход с отрядом в двести всадников. Пока они ждали, Халид сказал: «Теперь всякий разумный человек знает, что Мухаммад не лгал», но Абу Суфьян оборвал его, сказав: «Тебе менее всего пристало говорить это». «Почему же?» - спросил Халид. И тот ответил: «Потому что Мухаммад унизил честь твоего отца и убил вождя твоего рода, Абу Джахля».

Как только Хузайфа услышал приказ к выступлению, он поспешил в лагерь Гатафана, но нашел это место пустым, ибо ветер сломил и их упорство, и они уже были на пути в Неджд. Тогда он возвратился к Пророку, который стоял на молитве, закутавшись от холода в плащ одной из своих жен. «Когда он увидел меня, - рассказывал Хузайфа, - он подал мне знак сесть у его ног и набросил на меня край этого покрывала. Затем, пока я все еще был под ним, он совершил поясные и земные поклоны. Когда он произнес заключительное приветствие мира, я поведал ему эту весть».[8]

Билал возгласил призыв к утренней молитве; и когда они совершили ее, полусвет приближавшегося дня открыл перед ними полную пустоту равнины по ту сторону рва. Пророк объявил, что каждому дозволено возвратиться домой, и тогда большинство поспешно двинулось к городу. Но, опасаясь, как бы союзники не оставили позади себя лазутчиков или как бы Бану Курайза не оставались настороже и не попытались убедить врага вернуться, сказав ему, что ров более не охраняется, он послал Джабира и 'Абдаллаха, сына 'Умара, вдогонку за ушедшими товарищами, чтобы вернуть их. Оба они побежали за ними, крича изо всех сил, но ни один человек даже головы не повернул. Джабир преследовал Бану Хариса до самого конца пути и некоторое время стоял, крича у дверей их домов, но никто не вышел к нему. Когда он и 'Абдаллах наконец возвратились к Пророку и рассказали ему о полном своем неуспехе, он рассмеялся и сам направился в город вместе с теми из Сподвижников, которые остались, чтобы сопровождать его.

---

[8] Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.683-684; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 488-490

61.**БАНИ КУРАЙЗА**

Они имели лишь несколько часов на отдых. Когда была совершена полуденная молитва, Джибрил явился к Пророку. Он был в великолепном одеянии, чалма его была богато заткана золотой и серебряной парчой, а на седло мула, на котором он ехал, было наброшено покрывало из узорчатого бархата. «Неужели ты уже сложил оружие, о Посланник Божий?» - сказал он. «Ангелы ещё не сложили оружия; я же только что возвращаюсь от преследования врага - ни от чего иного. Воистину, Бог в могуществе и величии Своём повелевает тебе, о Мухаммад, выступить против сынов Курайзы. Я иду к ним уже теперь, дабы заставить содрогнуться их души».[1]

Пророк повелел, чтобы никто не совершал послеполуденной молитвы, пока не достигнет земли Курайзы. Знамя было вручено ‘Али, и ещё до заката все крепости были обложены тем самым войском, в три тысячи человек, которое стояло против Курайша и их союзников у рва.

Двадцать пять ночей они пребывали в осаде, и затем послали к Пророку с просьбой позволить им посоветоваться с Абу Люба́бой. Подобно Бану Надир, они издавна были союзниками Ауса, и Абу Люба́ба был одной из важнейших связей их с этим племенем. Пророк велел ему идти к ним, и, когда он прибыл, его окружили плачущие женщины и дети, так что многое из его суровости к вероломному врагу смягчилось; и когда мужчины спросили его, должны ли они покориться Мухаммаду, он сказал: «Да», - но в то же время указал на своё горло, словно желая предостеречь их, что, по его мнению, покорность означает заклание. Этот жест противоречил его согласию и мог бы продлить осаду ещё дольше; и едва лишь он сделал его, как всепоглощающее чувство вины прибавилось к той вине, которую он уже носил в глубине своей души из-за пальмы, которую отказался отдать своему сироте-подопечному по просьбе Пророка.[2] «Едва ноги мои сдвинулись с места, - сказал он, - как я уже понял, что предал Посланника ради Бога». Лицо его изменилось в цвете, и он произнёс аят: *Воистину, мы принадлежим Богу, и воистину, к Нему возвращаемся.* «Что с тобою?» - сказал Ка‘б. «Я предал Бога и Его Посланника», - сказал Абу Люба́ба; и, спускаясь из верхней горницы, он приложил руку к бороде, и она была мокра от его слёз. Он не мог заставить себя выйти тем же путём, которым вошёл, и предстать перед своими соплеменниками из Ауса и другими людьми, которые, как он знал, с нетерпением ждали его известий и хотели сопроводить его к Пророку. Поэтому он вышел через ворота позади крепости и вскоре уже направлялся в город. Он пошёл прямо в Мечеть и привязал себя к одному из столбов, сказав: «Я не сдвинусь с этого места, пока Бог не смилуется надо мною за то, что я сделал».

---

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.684

[2] См.с.169

Пророк ожидал его возвращения, и когда наконец услышал о случившемся, сказал: «Если бы он пришёл ко мне, я бы помолился Богу, чтобы Он простил его; но раз он сделал то, что сделал, не мне освобождать его, пока Бог не смилуется над ним».[3]

Он оставался у этого столба около десяти или пятнадцати дней. Перед каждой молитвой, а также всякий раз, когда это было необходимо, его дочь приходила развязать его узы; затем, после молитвы, он велел ей вновь привязать его. Однако тяжесть его положения смягчалась сном, который он видел однажды ночью во время осады. Ему приснилось, будто он погружён в болото мерзостной слизи, из которого не может выбраться, и едва не умирает от смрада. Затем он увидел текущий поток, омылся в нём и очистился, а воздух вокруг него наполнился благоуханием. Проснувшись, он пошёл к Абу Бакру спросить, что это означает; и Абу Бакр сказал ему, что его тело означает его душу и что он войдёт в такое состояние души, которое будет тяжко угнетать его, а затем ему будет даровано облегчение; и в дни, проведённые у столба, он жил надеждою на это облегчение.

Что же до Бану Курайза, то Ка‘б предложил им: поскольку многие из них верят, что Мухаммад есть пророк, пусть войдут в его религию и тем спасут свои жизни и имущество. Но они сказали, что смерть предпочтительнее и что у них не будет ничего, кроме Торы и закона Мусы. Тогда Ка‘б сделал иные предложения, указывая им другие возможные пути действия, но и они оказались неприемлемы. Между тем там были трое юношей из Бану Хадль - то есть потомков Хадля, брата Курайзы, - которые во всё время осады находились в крепостях своих сородичей, и они повторили первое предложение, сделанное Ка‘бом. В юности они знали Ибн аль-Хаййабана, того старого сирийского иудея, что пришёл жить среди них, и теперь повторяли его слова об ожидаемом Пророке: «Час его близок к вам. Будьте первыми, кто достигнет его, о иудеи; ибо он будет послан проливать кровь и брать в плен женщин и детей тех, кто станет противиться ему. Да не удержит вас это от него».[4] Но единственным ответом им было: «Мы не оставим Тору». Тогда той же ночью трое юношей спустились из крепости и, сказав стражам из мусульман, что намерены принять ислам, присягнули на верность Пророку. Из самих же Бану Курайза лишь двое последовали их примеру. Один из них, ‘Амр ибн Су‘да, с самого начала отказывался одобрить нарушение договора с Пророком и формально отмежевался от этого. Теперь он предложил, что если они не хотят принимать ислам, то могут предложить Пророку платить дань или подать, - «хотя, клянусь Богом, я не знаю, примет ли он это». Но они ответили, что лучше быть убитыми, нежели согласиться платить дань арабам. Тогда он сам покинул крепость и, пройдя через стражу как мусульманин, провёл ту ночь в Мечети Медины. Но его больше никогда не видели, и доныне неизвестно, куда он ушёл и где умер. Пророк сказал о нём: «Это человек, которого Бог спас за его верность». Другой человек, Рифа‘а ибн Самау’аль, ускользнул от стражи и нашёл прибежище у Сальмы бинт Кайс, тётки Пророка по матери,

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 507
[4] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.136

единокровной сестры Амины, которая была замужем за хазраджитом из Бану ан-Наджжар. Именно в её доме Рифа‘а принял ислам.

На следующий день, несмотря на предостережение Абу Любáбы, Бану Курайза отворили ворота своих крепостей и покорились суду Пророка. Мужчин вывели с руками, связанными за спиной, и отвели им место по одну сторону лагеря. По другую сторону были собраны женщины и дети, и Пророк поручил их ‘Абдуллаху ибн Салляму, бывшему верховному раввину Бану Кайнука‘. Оружие и доспехи, одежды и домашняя утварь были вынесены из каждой крепости и собраны вместе в одном месте. Кувшины с вином и перебродившим финиковым напитком были открыты, и содержимое их вылито.

Кланы Ауса отправили к Пророку депутацию с просьбой явить их прежним союзникам ту же снисходительность, какую он явил Бану Кайнука‘, бывшим союзниками Хазраджа. Он ответил им: «Будет ли вам угодно, о люди Ауса, если один из вас сам произнесёт над ними суд?» И они согласились. Тогда он послал в Медину за их вождём, Са‘дом ибн Му‘азом, чья рана ещё не зажила и о котором заботились в шатре при Мечети. Пророк поместил его там, чтобы чаще навещать его, а Руфайда, женщина из Аслама, ухаживала за его раной. Некоторые из его соплеменников пришли к нему и, посадив его на осла, привезли в лагерь. «Поступи хорошо с твоими союзниками, - говорили они ему по дороге, - ибо Посланник Божий поставил тебя судьёй над ними только для того, чтобы ты обошёлся с ними снисходительно». Но Са‘д был человеком справедливости; подобно ‘Умару, он некогда был против пощады пленникам при Бадре, и мнение их было подтверждено Откровением. Многие из курайшитов, выкупленных тогда за деньги, затем выступили против мусульман при Ухуде и вновь - у рва; а в последнем походе сила вторгшегося войска в значительной мере была обусловлена враждебною деятельностью изгнанных иудеев Бану Надир. Если бы их предали смерти вместо того, чтобы позволить им уйти в изгнание, вторгшееся войско, быть может, сократилось бы вдвое, и Бану Курайза, несомненно, сохранили бы верность своему договору с Пророком. Опыт прошлого, по меньшей мере, не говорил в пользу мягкости. Кроме того, Са‘д сам был одним из посланцев к Курайзе в час наивысшего кризиса и видел всю мерзость их измены тогда, когда они думали, будто поражение мусульман уже несомненно. Правда, если бы он вынес суровый приговор, большинство мужчин и женщин Ауса осудили бы его; но это соображение и в иное время мало бы весило для Са‘да, а теперь не значило для него вовсе ничего, ибо он был убеждён, что умирает. Он пресёк мольбы своих соплеменников словами: «Настало для Са‘да время, когда в деле Божием он не должен внимать укору порицающего».

Са‘д был человеком могучего роста, прекрасной и величавой наружности, и когда он прибыл в лагерь, Пророк сказал: «Встаньте в честь вашего господина», - и они поднялись, приветствуя его словами: «Отец ‘Амра, Посланник Божий назначил тебя судьёй в деле твоих союзников». Он сказал: «Клянётесь ли вы тогда Богом и заключаете ли с Ним завет, что мой суд будет для них окончательным решением?» - «Да», - отвечали они. «И

обязателен ли он для того, кто находится здесь?» - прибавил он, бросив взгляд в сторону Пророка, но из почтения не называя его по имени. «Обязателен», - сказал Пророк. «Тогда я сужу так, - сказал Са‘д, - что мужчины должны быть умерщвлены, имущество разделено, а женщины и дети обращены в плен».[5] Пророк сказал ему: «Ты произнёс суд по суду Божию, нисходящему свыше семи небес».

Женщин и детей отвели в город, где их разместили, а мужчины провели ночь в лагере, читая Тору и увещевая друг друга к стойкости и терпению. Поутру Пророк повелел выкопать на рыночной площади рвы - длинные, глубокие и узкие. Мужчин, числом около семисот, - по одним рассказам больше, по другим меньше, - приводили небольшими группами, и каждую группу усаживали возле того рва, который должен был стать её могилой. Затем ‘Али, Зубайр и другие из младших сподвижников отсекали им головы, каждому - одним ударом меча.

Когда Хуйайа привели на рынок, он обратился к Пророку, сидевшему в стороне с несколькими своими старшими сподвижниками, и сказал ему: «Я не виню себя за то, что противился тебе; но тот, кто оставляет Бога, сам будет оставлен». Потом он обратился к своим соплеменникам и сказал: «Повеление Божие не может быть неправедным: это предписание, и решение, и избиение, которое Бог вписал в Свою книгу против сынов Исраиля». Затем он сел у края рва, и ему отсекли голову.

Последние были обезглавлены уже при свете факелов. Затем одного старика, Зубайра ибн Баты, дело которого ещё не было решено, отвели в дом, где находились женщины. На следующее утро, когда им сообщили о смерти их мужчин, город наполнился звуками их причитаний. Но престарелый Зубайр унимал их, говоря: «Молчите! Разве вы - первые женщины из сынов Исраиля, которые с начала мира были взяты в плен? Если бы в ваших мужчинах было какое-нибудь добро, они спасли бы вас от этого. Но держитесь религии иудеев, ибо в ней нам надлежит умереть и в ней же надлежит жить в мире ином».

Зубайр всегда был врагом ислама и много сделал для возбуждения противодействия Пророку. Но во время междоусобиц Ясриба он пощадил жизнь человеку из Хазраджа, Сабиту ибн Кайсу, который теперь пожелал воздать ему за это и пошёл к Пророку просить позволения оставить Зубайру жизнь. «Он твой», - сказал Пророк; но когда Зубайру сообщили о дарованном ему помиловании, он сказал Сабиту: «Старик, без жены и без детей - что ему делать с жизнью?» Тогда Сабит снова пошёл к Пророку, и тот отдал ему жену и детей Зубайра. Но Зубайр сказал: «Домочадцы в Хиджазе без имущества - как смогут они

---

[5] Суд Са‘да, несомненно, был направлен прежде всего против их измены; однако фактически он в точности совпадал с иудейским законом относительно обращения с осаждённым городом, даже если бы тот был и не виновен в измене: *«И когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нём весь мужеский пол остриём меча; только женщин и детей, и скот, и всё, что будет в городе, всю добычу его возьми себе»* — **Второзаконие** 20:12.

выжить?» И вновь Сабит пошёл к Пророку, и тот отдал ему всё имущество Зубайра, кроме оружия и доспехов. Но мысли о смерти всех его соплеменников теперь всецело овладели Зубайром, и он сказал: «Клянусь Богом, прошу тебя, Сабит, ради того права, которое я имею на тебя, соедини меня с моим народом; ибо ныне, когда их уже нет, нет добра в жизни». Сначала Сабит отказался, но, увидев, что тот говорит всерьёз, отвёл его на место казни, и Зубайру было велено обезглавить его. Жена и дети его были отпущены на свободу, а имущество возвращено им - под опекою Сабита.

Что же касается прочих женщин и детей, то их вместе с имуществом разделили между теми, кто участвовал в осаде. Многие из этих пленников были выкуплены Бану Надир в Хайбаре. В счёт своей доли Пророк избрал Райхану, дочь Зайда, женщину из Бану Надир, выданную прежде замуж за человека из Курайзы. Она отличалась великой красотой и оставалась рабыней Пророка до самой своей смерти, последовавшей примерно пять лет спустя. Сперва он отдал её под попечение своей тётки Сальмы, в доме которой уже укрылся Рифа‘а. Сама Райхана поначалу не желала входить в ислам, но Рифа‘а и его родичи из Бану Хадль говорили с нею о новой религии, и вскоре один из трёх юных обращённых, по имени Са‘ляба, пришёл к Пророку и сообщил ему, что Райхана приняла ислам; и тогда он весьма возрадовался. Когда же стало ясно, что она не беременна, он пришёл к ней и предложил даровать ей свободу и сделать её своей женою. Но она сказала: «О Посланник Божий, оставь меня в твоей власти; это будет легче и для меня, и для тебя».

62.ПОСЛЕ ОСАДЫ

Когда Са’д произнес приговор над Бану Курайза, он возвратился на своё ложе больного в Мечети. Ещё прежде он молил Бога: если Ему предстоит совершить через него ещё какое-либо сражение против Его врагов, то да оставит Он его в живых; а если нет - да даст ему умереть. И теперь состояние его стало стремительно ухудшаться. Однажды ночью, вскоре после осады, Пророк нашёл его, по-видимому, без сознания. Он сел у его изголовья, бережно приподнял ему голову и положил к себе на грудь, а затем произнёс молитву: «О Господи, поистине Са‘д подвизался на Твоём пути, с полнотою веры в Твоего Посланника, не оставив несделанным ничего из того, что было ему надлежало сделать. Прими же теперь его дух с наилучшим благоволением, с каким Ты принимаешь души Твоих созданий». Са‘д услышал голос Пророка и, открыв глаза, сказал: «Мир тебе, о Посланник Божий; свидетельствую, что ты довёл своё послание». Часом или двумя позже, после того как Пророк возвратился домой, к нему явился Джибриль и возвестил, что Са‘д умер.

Когда его погребальные носилки понесли на кладбище, несшие их дивились лёгкости своей ноши, ибо Са‘д был человеком тяжёлым; но когда они сказали об этом Пророку, он ответил: «Я видел, как его несли ангелы». Они опустили носилки у края могилы, и он совершил погребальную молитву, тогда как позади него молилось множество мужчин и женщин. Затем, когда тело опускали в могилу, лицо Пророка внезапно побледнело, и он трижды произнёс: **Subḥān Allah** - «Слава Богу!», - это есть утверждение абсолютной запредельности Бога, которое иногда произносится, как и теперь, перед лицом такого предела, который надлежит превзойти. Все присутствовавшие повторили эти слова, и кладбище огласилось славословиями. Потом, спустя мгновение, он произнёс слова победы: **Allahu Akbar** - «Бог Превелик», - и кладбище снова загремело, ибо это возвеличение также было подхвачено всеми присутствующими. Позднее, когда его спросили, почему он переменился в лице, Пророк сказал: «Могила стиснула вашего спутника, и он испытал тесноту, которой, если бы кто-либо из людей и мог избежать, Са‘д избежал бы. Но затем Бог даровал ему блаженное облегчение».[1]

На рассвете одного из последующих дней, когда Пророк находился в покоях Умм Саламы, он объявил ей: «Абу Любаба прощён». «Позволишь ли мне обрадовать его этой благой вестью?» - спросила она. «Если хочешь», - ответил он. Тогда она стала у дверей своей комнаты, выходивших в Мечеть, неподалёку от столба, к которому он сам себя привязал, и воскликнула: «О Абу Любаба, радуйся: Бог обратился к тебе с прощением». Люди, бывшие в Мечети, устремились к нему, чтобы освободить его, но он удержал их, сказав: «Нет, пока сам Посланник Божий не освободит меня своими руками». И Пророк, проходя мимо него на молитву, развязал его узы.

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 519

После молитвы Абу Любаба подошёл к Пророку и сказал, что желает принести жертву в искупление того, что совершил, и Пророк принял от него треть его имущества, ибо Откровение, которым он был освобождён, гласило: **« Возьми с имуществ их милостыню, которой ты очистишь и оправдаешь их»**,[2] - и относилось это не к одному лишь Абу Любабе, но и к другим добрым людям, впавшим в вину и добровольно признавшим свою неправоту.

Примерно через пять месяцев после похода ко Рву Пророк услышал, что богатый караван курайшитов идёт из Сирии, и Зайд был послан с отрядом в сто семьдесят всадников, чтобы устроить на него засаду. Они захватили весь товар, в том числе и много серебра, принадлежавшего Сафвану, и большая часть людей была взята в плен. Среди немногих спасшихся был Абу-ль-‘Ас, зять Пророка; и когда он приблизился к Медине, близ которой ему неизбежно надлежало пройти на пути в Мекку, его охватила тоска увидеть свою жену и их маленькую дочь Умаму. Под покровом ночи он, подвергая себя немалой опасности, вошёл в город и каким-то образом сумел отыскать, где жила Зайнаб. Он постучал в дверь, она отворила и впустила его.

До рассвета оставалось уже недолго, и когда Билял возгласил призыв к молитве, Зайнаб оставила его в доме с Умамой, а сама пошла в Мечеть, чтобы, как обычно, занять своё место вместе с сёстрами и мачехами в первом ряду женщин, позади мужских рядов. Пророк произнёс начальное возвеличение Бога, и мужчины повторили его вслед за ним; и в краткое мгновение тишины, наступившее затем, Зайнаб воскликнула изо всей силы своего голоса: «О люди, я беру под своё покровительство Абу-ль-‘Аса, сына Раби‘а». Затем и она сама вступила в молитву с возвеличением.

Когда Пророк произнёс заключительное приветствие мира, он поднялся и, обратившись лицом к собранию, сказал: «Слышали ли вы то, что слышал я?» И по всей Мечети пробежал гул утвердительного ответа. «Клянусь Тем, в Чьей длани моя душа, - сказал он, - я ничего об этом не знал, пока не услышал того, что услышал. Даже самый последний из мусульман может даровать покровительство, обязательное для всех остальных мусульман». Затем он пошёл к своей дочери и сказал: «Прими его со всяческой честью, но не допускай его к себе как мужа, ибо по закону ты ему не принадлежишь». Она рассказала отцу, что Абу-ль-‘Ас тяжко скорбит об утрате товаров, которые он сам приобрёл посредством обмена в Сирии для разных людей из курайшитов, доверивших ему своё имущество, ибо он был одним из самых надёжных людей в Мекке. Тогда Пророк послал сказать тем из участников похода, которые захватили имущество Абу-ль-‘Аса: «Этот человек, как вам известно, связан с нами родством, и вы взяли его имущество. Если бы вы были столь добры, чтобы возвратить ему его, это было бы мне приятно; если же не захотите, то это - добыча, которую Бог даровал вам, и право на неё принадлежит вам более, чем кому-либо». Они ответили, что возвратят

[2] Коран 9, 103

её ему, и дошли в этом до того, что вернули даже старые водяные мехи, маленькие кожаные сосуды и куски дерева. Всё было возвращено ему без единого изъятия; и так как были заметны признаки того, что он помышляет принять ислам, один из людей сказал ему: «Почему бы тебе не принять ислам и не оставить эти товары себе, ведь они принадлежат идолопоклонникам?» Но он ответил: «Скверным было бы началом моего ислама, если бы я предал вверенное мне». Он отвёз товары в Мекку и возвратил их владельцам. Затем он вернулся в Медину, принял ислам и принёс присягу верности. И тогда Зайнаб вновь соединилась со своим мужем, и великая радость воцарилась в семье Пророка и по всему городу.

63.ЛИЦЕМЕРЫ

Удачная засада Зайда на восточном караванном пути вновь обратила мысли курайшитов к западной дороге, которой они столь явно отдавали предпочтение; и потому они стали подстрекать своих союзников по побережью Красного моря - Бану-л-Мусталик, один из родов Хуза'а, - совершить набег на Медину, надеясь, без сомнения, что нападающие смогут привлечь на свою сторону и другие прибрежные племена и тем самым снова откроют для них этот путь. Но прочие роды Хуза'а были расположены к Пророку благосклоннее, чем полагали мекканцы, и весть об этом замысле достигла его заблаговременно. Так ему представился случай явить свою неослабевшую и даже возросшую силу и на западном пути, в пределах всего нескольких переходов от самой Мекки. Спустя восемь дней, значительно раньше, чем Бану-л-Мусталик успели приготовиться к выступлению, он уже стоял лагерем на их земле, у одного из их водопоев. Оттуда он двинулся дальше и благодаря быстрому маневру сумел окружить кочевников, которые сдались почти без сопротивления. Из мусульман был убит лишь один человек, а из неприятеля - не более десяти. Около двухсот семейств попали в плен, а добыча включала около двух тысяч верблюдов и пять тысяч овец и коз.

Войско простояло там еще несколько дней, однако его пребывание было сокращено из-за одного досадного происшествия. У одного из колодцев вспыхнула ссора между двумя людьми из прибрежных племен - из Гифара и Джухайны - о том, кому принадлежит ведро, и они вступили в драку. Гифарит, которого 'Умар нанял вести свою конницу, закричал, призывая на помощь: «О Курайш!» - тогда как джухайнит воззвал к своим традиционным союзникам из Хазраджа; и наиболее горячие из Мухаджиров и Помощников бросились к месту происшествия. Мечи уже были обнажены, и кровь, быть может, пролилась бы, если бы некоторые из ближайших Сподвижников не вмешались с обеих сторон. Обычно на этом дело и кончилось бы. Но случилось так, что в этом походе участвовало больше лицемеров, чем обыкновенно; местность была знакомая, богатая водой, и с самого начала была надежда на легкую победу и на добычу, вполне стоившую усилий. Они, однако, вовсе не были готовы изменить свой взгляд на вещи и по-прежнему упорствовали в том, чтобы смотреть на походы, выходившие из Ясриба, как на набеги Хазраджа и Ауса, лишь дополненных вспомогательными силами. А потому лагерь, по их разумению, принадлежал сынам Кайлы; курайшитские переселенцы находились там, как и везде, лишь по снисхождению.

В таком расположении духа Ибн Убри сидел в стороне с кружком своих приближенных, когда до них донесся шум ссоры, и один из них пошел узнать, в чем дело. Он возвратился и доложил - что было сущей правдой, - что человек 'Умара всецело был виноват и именно он нанес первый удар. Это вновь раздуло тлевшие еще после испытания Рвом угли горечи. В последние пять лет напряжение все возрастало, пока присутствие Мухаммада и прочих Мухаджиров не навлекло на них всю Аравию. К этому прибавилось и то, что богатые и гостеприимные иудейские племена, игравшие столь важную роль в жизни общины, были

искоренены: два из них изгнаны, а третье истреблено. Междоусобные войны в оазисе, несомненно, требовали разрешения, но Ибн Убри был убежден, что, будь он возведен на царство, он сумел бы положить конец раздорам, не вовлекая свой народ в еще более опасные вражды. И вот теперь эти нищие изгнанники дошли до того, что осмелились заградить дорогу своим благодетелям к колодцу! «Неужели они дошли уже до этого? - сказал Ибн Убри. - Они ищут первенства над нами, теснят нас в нашей собственной стране, и ничто не подходит к нам и к этим курайшитским оборванцам так, как старая пословица: „Откорми свою собаку - и она начнет пожирать тебя“. Клянусь Богом, когда мы возвратимся в Медину, более высокий и более могущественный из нас изгонит более низкого и более слабого».

Юноша из Хазраджа по имени Зайд, сидевший на краю круга, тотчас пошел к Пророку и передал ему слова Ибн Убри. Пророк изменился в лице, и 'Умар, бывший при нем, предложил немедленно приказать отсечь голову изменнику; но он сказал: «А что, если люди станут говорить, о 'Умар, что Мухаммад убивает своих сподвижников?» Между тем один из Помощников отправился к Ибн Убри и спросил его, действительно ли он произнес то, что передал юноша; и Ибн Убри сразу же пришел к Пророку и поклялся, что ничего подобного не говорил. Некоторые из хазраджитов, находившиеся при этом, тоже выступили в его защиту, желая избежать смуты. Пророк сделал вид, будто дело закрыто; однако еще более надежным способом избежать осложнений было занять умы людей чем-нибудь иным, и он тотчас приказал снять лагерь.

Никогда прежде не бывало, чтобы он выступал в такой час: был еще лишь ранний полдень; и, делая только краткие остановки во время молитв, он вел их через полуденный зной, затем всю ночь напролет и от рассвета до той поры следующего дня, когда жара стала нестерпимой. Когда наконец им было велено разбить лагерь, люди были слишком утомлены, чтобы делать что-либо, кроме сна.

Во время этого перехода Пророк доверительно сообщил Са'ду ибн 'Убаде, который для мусульман мало-помалу сменял Ибн Убри как первого человека Хазраджа, что он верит: юный Зайд сказал правду. «О Посланник Божий, - сказал Са'д, - ты, если пожелаешь, сам изгонишь его, ибо он - низший и слабейший, а ты - высший и сильнейший». Но все же он просил его обойтись с Ибн Убри мягко; да и сам Пророк не намеревался более возвращаться к этому делу. Однако вскоре после его беседы с Са'дом дело было изъято из его рук, ибо на него снизошло Откровение и была ниспослана та сура, что именуется **сурой “Лицемеры”**, где один из них, хотя и не назван по имени, приведен как сказавший именно те слова, которые передал Зайд. Пророк, однако, не огласил эту суру до самого возвращения в Медину. Но он подъехал к Зайду и, наклонившись к нему, взял его за ухо. «Мальчик, - сказал он, - твое ухо услышало истину, и Бог подтвердил твои слова».

Между тем 'Абдаллах, сын Ибн Убри, был глубоко удручен, ибо знал, что отец его действительно произнес эти слова. Ему также передали, что 'Умар хотел, чтобы Пророк велел казнить его отца, и он страшился, как бы приговор не был произнесен и приказ не был отдан в любую минуту. Тогда он пришел к Пророку и сказал: «О Посланник Божий, мне передали, что ты намерен казнить 'Абдаллаха ибн Убри. Если это непременно должно быть исполнено, то дай этот приказ мне, и я принесу тебе его голову. Хазраджиты прекрасно знают, что нет среди них человека, который был бы благочестивее меня в сыновней преданности к своему отцу; и я боюсь, что если ты поручишь это другому, душа моя не вынесет вида убийцы моего отца, ходящего среди людей, и я убью его; а убив таким образом верующего ради неверующего, я войду в огонь Геенны». Но Пророк сказал: «Нет; лучше будем обращаться с ним мягко и поддерживать с ним наилучшее общение, пока он остается с нами».[1]

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.726-728

64.**ОЖЕРЕЛЬЕ**

В этом походе Пророка сопровождали ‘Аиша и Умм Салама; и во время одной вечерней остановки, через два или три дня после того изнурительного перехода, ониксовое ожерелье, бывшее на ‘Аише, расстегнулось и незаметно соскользнуло на землю. Когда она заметила пропажу, было уже слишком темно, чтобы искать его, а идти без него ей не хотелось. Мать её возложила это ожерелье ей на шею в день свадьбы, и оно было одним из самых дорогих для неё украшений. Место то было безводным, и Пророк намеревался лишь ненадолго остановиться там, но теперь велел разбить лагерь до рассвета. Причина перемены плана быстро передавалась из уст в уста, и многие негодовали, что целое войско задержано в таком неприветливом месте ради одного ожерелья. Некоторые из сподвижников пошли и пожаловались Абу Бакру, который был весьма смущён и бранил дочь за небрежность. Ни одного колодца не было поблизости, а весь запас воды, который люди несли с собой, уже был израсходован, ибо они рассчитывали наполнить мехи и сосуды в следующем лагере, куда стремились попасть, богатом водой. Совершить на рассвете молитву казалось невозможным, потому что нечем было сделать омовение. Но в последние часы ночи Пророку был ниспослан аят о очищении землею - событие неизмеримой важности для практической жизни общины: **А если не найдёте воды, то очищайтесь чистою землею, проведя ею по лицам вашим и рукам вашим.**[1] Чувства, столь взволнованные во всём стане, тотчас улеглись, и Усайд воскликнул: «Это не первое благословение, которое вы приносите нам, о семейство Абу Бакра!»

Когда настал день, ожерелье всё ещё не находилось; но когда уже потеряли всякую надежду найти его и собирались выступать без него, верблюд ‘Аиши поднялся с того места, где простоял на коленях всю ночь, - и вот ожерелье лежало под ним на земле.

Одна из следующих стоянок была в приятной долине, с длинными полосами ровного песка. Две палатки Пророка, как обычно, были поставлены несколько поодаль от прочих, и в тот день была очередь ‘Аиши быть с ним. Впоследствии она рассказывала, как он предложил ей устроить бег наперегонки. «Я подобрала подол своей одежды, - говорила она, - и Пророк сделал то же. Потом мы побежали, и он победил. “Это - за тот прежний бег, - сказал он, - в котором ты победила меня”». Он напоминал о случае, бывшем ещё в Мекке, до хиджры. ‘Аиша прибавляла, поясняя: «Он пришёл тогда в дом моего отца, и у меня было что-то в руке. Он сказал: “Дай мне это сюда”, а я не захотела и убежала от него; он погнался за мной, но я оказалась быстрее его».[2]

Застёжка ожерелья ‘Аиши держалась плохо, и на одной из последних остановок перед прибытием в Медину оно вновь соскользнуло с её шеи. Это случилось уже после того, как

---

[1] Коран 4, 43

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 427

был отдан приказ выступать, а она отошла от лагеря по естественной надобности. Когда она возвращалась, она и Умм Салама уже сидели в своих хаудаджах, опустили занавеси и сняли покрывала с лиц. Лишь тогда ‘Аиша заметила свою потерю; выскользнув из-под занавеси, она возвратилась искать ожерелье. Между тем люди уже оседлали верблюдов и подвели их к хаудаджам, которые были укреплены на спинах животных. Они привыкли к значительной разнице в весе между ними - весу тридцатилетней женщины в сравнении с весом четырнадцатилетней девочки, к тому же хрупкой для своих лет, - и не заметили, что на сей раз более лёгкий из двух хаудаджей оказался ещё легче обычного; потому они отвели верблюдов, чтобы присоединиться к выступавшему войску, ни на миг не усомнившись. «Я нашла своё ожерелье, - рассказывала ‘Аиша, - и вернулась к лагерю, но там не было ни души. Тогда я пошла к тому месту, где стоял мой хаудадж, думая, что они хватятся меня и возвратятся за мной; и, пока я сидела там, веки мои отяжелели, и я уснула. Я лежала так, когда мимо проходил Сафван[3], сын Му‘атталя. Он по какой-то причине отстал от войска и не ночевал в стане. Увидев меня, он подошёл и остановился надо мной. Он привык видеть меня прежде, чем нам был ниспослан приказ о покрывале; и, узнав меня, сказал: “Воистину, мы принадлежим Богу, и воистину, к Нему мы возвращаемся. Это жена Посланника Бога”». Его произнесение аята возвращения разбудило её, и она тотчас закрыла лицо покрывалом. Сафван предложил ей своего верблюда и сам повёл его пешком до следующей стоянки.[4]

Когда войско прибыло туда, хаудадж ‘Аиши уже был снят с верблюда и поставлен на землю; и, поскольку она не выходила из него, все предположили, что она спит. Велико было изумление, когда под конец остановки, после того как люди отдохнули, она въехала в лагерь на верблюде, ведомом Сафваном. Так начался тот соблазн, которому суждено было потрясти Медину; и языки лицемеров не замедлили подхватить его. Но пока ни Пророк, ни ‘Аиша, ни большинство сподвижников ещё вовсе не ведали о надвигающейся беде.

Добыча была разделена, как обычно, и среди пленниц оказалась Джувайрийя, дочь Хариса, вождя побеждённого клана. Она досталась одному из помощников, назначившему за неё высокий выкуп, и она пришла к Пророку просить его заступничества в деле её освобождения. В тот день он находился в покоях ‘Аиши; именно она отворила ей дверь и позднее рассказывала о случившемся так: «Это была женщина великой прелести и красоты. Ни один мужчина не смотрел на неё без того, чтобы душа его не была пленена; и когда я увидела её у двери моей комнаты, сердце моё исполнилось тревоги, ибо я знала, что Пророк увидит в ней то же, что увидела и я. Она вошла к нему и сказала: “О Посланник Бога! Я Джувайрийя, дочь Хариса, владыки своего народа. Ты знаешь, какое несчастие постигло меня, и я пришла просить твоей помощи в деле моего выкупа”. Он ответил: “Не хочешь ли

[3] Сафван, сын Му‘атталя, — молодой человек из Бану Сулайм, пришедший жить в Медину и потому причислявшийся к мухаджирам.

[4] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.726-728; Бухари 52, 15; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 426-428

ты лучшего, чем это?" - "А что может быть лучше?" - спросила она. И он сказал: "То, что я сам уплачу твой выкуп и женюсь на тебе"». [5]

Джувайрийя с радостью приняла это предложение, но брак ещё не был совершен, когда её отец прибыл с несколькими верблюдами в качестве выкупа за неё. Это было не то число, которое он первоначально намеревался привести: в долине ʻАкик, незадолго до прибытия к оазису, он напоследок взглянул на прекрасных животных и был столь пленён двумя из них, что отделил их от остальных и спрятал в одном из ущелий долины, не в силах расстаться с ними. Остальных же он привёл к Пророку и сказал: «О Мухаммад! Ты взял мою дочь, и вот её выкуп». - «Но где, - сказал Пророк, - те два верблюда, которых ты спрятал в ʻАкике?» - и далее с полной точностью описал ущелье, где они были привязаны. Тогда Харис сказал: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Бога, и что ты, Мухаммад, - Посланник Бога»; и двое его сыновей вместе с ним приняли ислам. Он велел привести и тех двух верблюдов и вместе с прочими отдал их Пророку, который возвратил ему дочь. После этого и она сама приняла ислам, и Пророк попросил её отца отдать её ему в жёны, что тот и сделал;[6] и для неё были устроены отдельные покои.

Когда стало известно, что Бану-ль-Мусталик ныне приходятся Пророку родственниками по браку, мухаджиры и помощники отпустили своих пленников, ещё не успевших быть выкупленными. Около ста семейств получили свободу. «Я не знаю, - сказала ʻАиша, имея в виду Джувайрийю, - женщины, которая была бы большим благословением для своего народа, чем она».[7]

[5] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.729
[6] [6] Ибн Хишам «*Сира*», 729
[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», то же

65.**ЛОЖЬ**

Вскоре после её возвращения в Мединy ‘Аиша занемогла. К тому времени клевета, которую лицемеры шепотом распространяли насчёт неё самой и Сафвана, уже повторялась по всему городу. Немногие принимали её всерьёз, хотя среди тех, кто всё же придавал ей веру, был и её собственный двоюродный брат Мистах, из рода Мутталиба. Но верили ли люди тому или нет, знали об этом все - кроме неё самой. И всё же она чувствовала некоторую сдержанность со стороны Пророка и замечала отсутствие той нежной заботы, какую он выказывал ей в её прежние болезни. Он входил в комнату и говорил тем, кто за нею ухаживал: «Как вы все сегодня?», - включая её в общий круг, но не обращаясь к ней особо. Глубоко уязвлённая, но слишком гордая, чтобы жаловаться, она попросила у него дозволения перейти в дом родителей, где мать могла бы ходить за нею. «Как тебе угодно», - сказал он.

Чтобы передать то, что произошло, обратимся к словам самой ‘Аиши: «Я пришла к матери, ничего не зная о том, что говорилось, и оправилась от болезни примерно двадцать дней спустя. И вот однажды вечером я вышла вместе с матерью Мистаха - а её мать была сестрой матери моего отца, - и когда она шла рядом со мной, то запнулась о подол своей одежды и воскликнула: “Да споткнётся Мистах!” “Клянусь жизнью Бога, - сказала я, - скверно так говорить о человеке из Переселенцев, который сражался при Бадре!” “О дочь Абу Бакра, - сказала она, - неужели весть ещё не дошла до тебя?” “Какая весть?” - спросила я. Тогда она рассказала мне, что говорили клеветники и как люди это повторяли. “Неужели это может быть?” - сказала я. “Клянусь Богом, именно так!” - отвечала она, и я возвратилась домой в слезах и плакала, и плакала, пока мне не стало казаться, что плач разорвёт мне печень. “Да простит тебя Бог! - сказала я матери. - Люди ведут свои речи, а ты не говоришь мне ни слова!” “Доченька моя, - сказала она, - не принимай этого так тяжко; ибо редко бывает, чтобы красивая женщина была замужем за мужчиной, который её любит, и чтобы прочие жёны не были полны пересудов о ней, а другие не повторяли того, что они говорят”. И я пролежала без сна всю ту ночь, и слёзы мои не переставали течь».[1]

Но в действительности, какие бы ревности ни существовали между одной и другою, жёны Пророка были все женщинами благочестивыми, и ни одна из них не приняла участия в распространении этой клеветы. Напротив, они защищали ‘Аишу и отзывались о ней хорошо. Из тех же, кто был главным образом виновен, ближе всего к дому Пророка стояла его двоюродная родственница Хамна, сестра Зайнаб, повторявшая этот навет в надежде тем самым послужить интересам своей сестры: ибо обыкновенно полагали, что если бы не ‘Аиша, то именно Зайнаб была бы любимейшей женою Пророка; и Зайнаб много страдала

[1] Бухари 52,15

из-за неразумного рвения сестры, проявленного будто бы ради неё. Другим из клеветников, помимо Мистаха, был поэт Хассан ибн Сабит; а за всем этим в тени стояли Ибн Убрий и прочие лицемеры, с которых всё и началось.

Пророк горячо надеялся на Откровение, но когда ничего не приходило, он расспрашивал не только своих жён, но и других близких ему людей. Усама, который был ровесником ‘Аиши, с жаром выступил в её защиту. «Всё это ложь, - сказал он. - Мы не знаем о ней ничего, кроме добра». Его мать, Умм Айман, столь же решительно восхваляла её. Что же до ‘Али, то он сказал: «Бог не стеснил тебя одною ею, и есть много женщин, кроме неё. Но расспроси её служанку, и она скажет тебе правду». Тогда Пророк велел позвать ту служанку и сказал: «О Бурайра, видела ли ты когда-нибудь в ‘Аише что-либо такое, что могло бы возбудить против неё подозрение? » Она отвечала: «Клянусь Тем, Кто послал тебя с истиной, я знаю о ней только добро; а если бы было иначе, Бог сообщил бы это Своему Посланнику. Не в чем мне упрекнуть ‘Аишу, разве только в том, что она ещё девочка, молода годами, и когда я меся тесто и прошу её присмотреть за ним, она засыпает, а её ручной ягнёнок подходит и съедает его. За это я уже не раз её бранила».

Когда в следующий раз Пророк пришёл в Мечеть, он взошёл на кафедру и, воздав хвалу Богу, сказал: «О люди, что скажете вы о тех, кто причиняет мне боль касательно моего дома, сообщая о нём то, что не соответствует истине? Клянусь Богом, я не знаю о моём доме ничего, кроме добра, и ничего, кроме добра, не знаю о том человеке, о котором они говорят, - человеке, который никогда не входит в дом мой иначе как в моём присутствии». Едва он это произнёс, как Усайд поднялся на ноги и сказал: «О Посланник Божий, если они из Ауса, мы сами с ними расправимся; а если они из наших братьев Хазраджа, то дай нам повеление, ибо они заслуживают того, чтобы им отсекли головы». Но прежде чем он успел окончить, Са‘д ибн ‘Убада уже вскочил на ноги, ибо Хассан был из Хазраджа, да и люди, тонко сплёвшие эту клевету в самом начале, были оттуда же. «Клянусь жизнью Бога, ты лжёшь! - сказал он. - Не убьёте вы их, да и не сможете. И не говорил бы ты так, будь они из твоего народа». «Клянусь жизнью Бога, сам ты лжец! - сказал Усайд. - Убьём мы их; а ты - лицемер, заступающийся за лицемеров». К этому времени оба племени уже готовы были схватиться друг с другом, но Пророк дал им знак прекратить, и, сойдя с кафедры, успокоил их и отпустил с миром.

Если бы ‘Аиша знала, что Пророк публично защищал её с кафедры, это, несомненно, сильно бы её утешило. Но тогда она ничего об этом не знала. Ей было известно только, что он расспрашивает о ней других, а это наводило на мысль, что он сам не знает, что и думать, и это глубоко терзало её. Она не ожидала, чтобы он сам по себе заглянул ей в душу, ибо знала, что знание сокровенного приходит к нему из иного мира. «Я знаю только то, что Бог даёт мне знать», - говорил он. Он не стремился читать мысли людей; но она ожидала, что он должен знать: её преданность ему такова, что то, в чём её обвиняют, для неё невозможно.

Во всяком случае, недостаточно было того, чтобы сам он верил в невинность ‘Аиши и Сафвана. Положение было серьёзным, и необходимо было получить такое свидетельство, которое убедило бы всю общину. И именно для этого сама ‘Аиша, более чем все остальные, оказалась наименее полезной: теперь настало время, чтобы молчание её было нарушено. Не то чтобы что-либо сказанное ею самой могло разрешить кризис; но Коран обещал, что вопросы, задаваемые в пору его ниспослания, получат ответ.[2] В данном случае Пророк уже наполнил воздух вопросами - одним и тем же вопросом, повторяемым разным людям; но, быть может, чтобы обещанный ответ был дарован Небом, требовалось, чтобы этот вопрос был поставлен и тому лицу, которого он касался ближе всего.

«Я была у родителей, - говорила ‘Аиша, - и плакала две ночи и день; и вот, когда они сидели при мне, одна женщина из Помощников попросила позволения войти к нам, и я велела впустить её; она вошла, села и плакала вместе со мною. Затем вошёл Пророк и сел; а не сидел он со мною с тех пор, как люди начали говорить обо мне то, что говорили. Прошёл уже целый месяц, и не приходило ему с Неба никакой вести обо мне. После того как он произнёс свидетельство: “Нет божества, кроме Бога”, он сказал: “О ‘Аиша, до меня дошло о тебе то-то и то-то; и если ты невинна, то, несомненно, Бог объявит о твоей невинности; а если ты совершила нечто дурное, то проси у Бога прощения и покайся пред Ним; ибо поистине, если раб признаёт свой грех, а затем кается, Бог смягчается к нему”. Едва он договорил, как слёзы мои иссякли, и я сказала отцу: “Ответь Посланнику Божию за меня”; но он сказал: “Я не знаю, что сказать”. Когда же я попросила мать, она сказала то же самое; а я была лишь девочкой, молодой годами, и немного было у меня Корана, который я могла бы читать. Тогда я сказала: “Я хорошо знаю, что вы слышали то, что говорят люди, и оно улеглось в ваших душах, и вы этому поверили; и если я скажу вам, что невинна, - а Бог знает, что я невинна, - вы мне не поверите; тогда как, если бы я призналась в том, в чём Бог знает меня чистой, вы бы поверили мне”. И я стала шарить в памяти в поисках имени Я‘куба, но не могла его вспомнить, и тогда сказала: “Но я скажу, как сказал отец Йусуфа: **Да, украсили вам ваши души дело, но - терпение прекрасное... У Аллаха надо искать помощи в том, что вы расписываете**”.[3] Затем я отвернулась к своему ложу и легла на него, надеясь, что Бог объявит о моей невинности. Не то чтобы я думала, будто Он ниспошлёт Откровение ради меня, ибо мне казалось, что я слишком ничтожна, чтобы мой случай был упомянут в Коране. Но я надеялась, что Пророк увидит во сне видение, которое снимет с меня обвинение.

«Он всё ещё сидел среди нас, и все мы по-прежнему были там, когда на него снизошло Откровение: его охватили те муки, какие охватывали его в такие минуты, и пот, словно жемчужины, капал с него, хотя день был зимний. А затем, когда тяжесть отпустила его, он сказал голосом, дрожавшим от радости: “О ‘Аиша, хвали Бога, ибо Он объявил тебя

[2] Коран 5, 101
[3] Коран 12, 18

невинной”. Тогда мать моя сказала: “Встань и подойди к Посланнику Божию”, а я сказала: “Нет, клянусь Богом, не встану и не пойду к нему, и не стану хвалить никого, кроме Бога”».[4]

Слова оправдания были таковы: **Те, которые пришли к тебе с ложью - группа из вас**.… **Вот, вы встречаете это своими языками и говорите своими устами то, о чем у вас нет знания, и считаете, что это ничтожно, а у Аллаха это велико**.. **И отчего бы вы, когда услышали это, не сказали: "Не годится нам говорить об этом. Хвала Тебе! Это - великая ложь**”. **Увещевает вас Аллах, чтобы вы никогда не возвращались к чему-нибудь подобному, если вы верующие**..[5]

Новое Откровение коснулось также всего вопроса о прелюбодеянии вообще и, предписывая наказание за него, вместе с тем установило и наказание за оклеветание честных женщин: клеветники должны были быть подвергнуты бичеванию. Этот приговор был исполнен над Мистахом, Хассаном и Хамной, которые наиболее явно распространяли клевету и признали свою вину. Что же до лицемеров, действовавших более скрытно, то они, хотя и были замешаны во всём не менее прочих, всё же высказывались лишь намёками и не признавались в каком-либо участии; и потому Пророк предпочёл не преследовать их, а предоставить Богу.

Абу Бакр имел обыкновение выдавать своему родственнику Мистаху денежное содержание по причине его бедности; но теперь он сказал: «Никогда более, клянусь Богом, не дам я ничего Мистаху и никогда больше не окажу ему благодеяния после того, что он сказал против ‘Аиши и после того горя, какое навлёк на нас». Но тогда было ниспослано Откровение: **И пусть не перестают обладающие щедростью из вас и достатком давать родственникам и бедным и выселившимся по пути Аллаха, и пусть они прощают и извиняют. Разве вы не хотите, чтобы Аллах простил вам? Поистине, Аллах - прощающий, милосердный**!. [6] Тогда Абу Бакр сказал: «Да, поистине я желаю, чтобы Бог простил меня». И он вновь стал давать Мистаху то, что давал ему прежде, и сказал: «Клянусь, я никогда уже не отниму этого у него!» И Пророк также, по прошествии некоторого времени, явил великую щедрость к Хассану; а его двоюродную родственницу Хамну, вдову Мус‘аба, он выдал замуж за Тальху, от которого она родила двух сыновей.

[4] Бухари 52, 15
[5] Коран 24, 11, 15-17
[6] Коран 24, 22

66.ДИЛЕММА КУРАЙШИТОВ

Пророк соблюдал пост месяца Рамадан в Медине и оставался там также и в течение следующего месяца.

Однажды ночью, к концу этого месяца, он увидел во сне, что вошёл в Ка‘бу с обритою головой, и ключ её был у него в руке. На другой день он рассказал об этом своим сподвижникам и пригласил их совершить вместе с ним малое паломничество; после чего они поспешно начали приготовления, чтобы выйти как можно скорее. Сообща они купили семьдесят верблюдов, предназначенных для жертвоприношения в пределах священной территории. Их мясо затем должно было быть роздано бедным Мекки. Пророк решил взять с собою одну из своих жён, и когда бросили жребий, он пал на Умм Саламу. Среди паломников были также две женщины из Хазраджа, присутствовавшие при второй ‘Акабе, - Нусайба и Умм Мани‘.

Каждый человек взял с собою меч и всё, что могло понадобиться для охоты; но перед самым выступлением ‘Умар и Са‘д ибн ‘Убада предложили идти в полном вооружении. Курайшиты, говорили они, вполне могут воспользоваться случаем и напасть на них, невзирая на священный месяц. Но Пророк отказался, сказав:

«Я не возьму оружия; я выступил не ради иной цели, кроме как для совершения паломничества».

На первой остановке он велел привести к нему жертвенных верблюдов и сам посвятил одного из них, повернув его головой в сторону Мекки, сделав знак на его правом боку и возложив на шею гирлянды, после чего приказал посвятить таким же образом и остальных. Затем он послал вперёд человека из Хуза‘а, из рода Ка‘б, чтобы тот принёс ему вести о том, какова будет реакция курайшитов.

Голова Пророка была непокрыта, и он уже облачился в издревле установленное паломническое одеяние из двух кусков нешитой ткани: один был подпоясан вокруг чресл и покрывал нижнюю часть тела, другой был наброшен на плечи. Теперь он ввёл себя в состояние освящения для паломничества, совершив два рак‘ата молитвы, после чего начал произносить паломнический возглас: **Labbayk Allahumma Labbayk**, то есть: «Вот я перед Тобою, о Боже, к Твоим услугам». Большинство последовало его примеру, но некоторые предпочли подождать, пока они несколько продвинутся в пути, ибо состояние паломничества влекло за собой известные ограничения относительно охоты.

Когда курайшиты услышали о выходе паломников из Медины, их охватило тревожное смятение, как Пророк и предвидел, и они тотчас созвали собрание в совете. Никогда прежде перед ними не стояла более тяжкая дилемма. Если они, хранители святилища,

воспрепятствуют приближению более чем тысячи арабских паломников к Святому Дому, то это будет самым вопиющим нарушением тех законов, на которых основывалось всё их собственное величие. Но если они допустят, чтобы их враги вошли в Мекку мирно и беспрепятственно, это станет огромной нравственной победой Мухаммада. Весть об этом разойдётся по всей Аравии и будет у всех на устах; а сверх того, она как бы возложит венец поражения на их собственное недавнее, безуспешное нападение на Медину. Быть может, хуже всего было то, что исполнение древних обрядов этими паломниками послужило бы к тому, чтобы сделать новую веру ещё более привлекательной и утвердить её притязание быть религией Ибрахима. По совокупности всех обстоятельств нельзя было и помыслить о том, чтобы позволить им прийти.

«Клянёмся Богом, этого не будет, - говорили они, - пока среди нас останется хотя бы один глаз, в котором ещё теплится отблеск жизни».

Когда паломники достигли ‘Усфана, лазутчик, посланный вперёд, вернулся к ним с вестью, что курайшиты выслали Халида с отрядом в двести всадников, чтобы преградить им путь. Тогда Пророк спросил, нет ли проводника, который мог бы провести их другой дорогой, и человек из Аслама повёл их сперва немного к побережью, а затем окольным и трудным путём, пока они не достигли прохода, ведущего вниз к Худайбийе, открытой местности под Меккой, на самом краю священной территории. Благодаря этому обходу они всё время оставались вне поля зрения Халида, но в одном месте, когда для него было уже слишком поздно занимать иную позицию, они подняли такую пыль, что он понял, что произошло, и во весь опор поскакал с своим отрядом назад в Мекку, чтобы предупредить курайшитов об их приближении.

Для паломничества Пророк выбрал свою любимую верблюдицу Касву; и, достигнув конца прохода, она остановилась и опустилась на колени. Скалы загудели от криков многих людей: **Hal! Hal!** - так кричат, заставляя верблюда подняться, - но она оставалась недвижной, словно приросла к земле.

«Касва упрямится», - сказали они.

Но Пророк хорошо знал, что это было знамением: дальше Худайбийи им пока идти не следует.

«Она не упрямится, - сказал он, - это не в её природе; но удерживает её Тот, Кто удержал слона».

И, имея в виду курайшитов, он добавил:

«Чего бы они ни потребовали от меня в этот день из того, что чтит права Божии, я им это уступлю».[1]

Потом он обратился к Касве, и она тотчас поднялась на ноги и понесла его вниз, к краю Худайбийи, а за ним последовали и прочие паломники. Здесь он велел разбить стан; но воды почти не было, лишь остатки её на дне одного-двух углублений, и люди жаловались на жажду. Тогда Пророк подозвал Наджию, человека из Аслама, ведавшего жертвенными верблюдами, и велел ему принести в ведре столько воды, сколько можно было набрать из самого большого углубления. Тот исполнил приказ. Совершив омовение, Пророк прополоскал рот и сплюнул воду обратно в ведро. Затем, вынув стрелу из колчана, сказал:

«Спустись с этой водой и вылей её в воду углубления; потом помешай её этой стрелой».

Наджия сделал, как ему было велено, и вода, чистая и свежая, так быстро и так обильно забила вверх от прикосновения стрелы, что он едва не был захлёстнут ею прежде, чем успел выбраться. Паломники собрались по краю водоёма, и каждый напился досыта; так же напились и животные.

Один или двое лицемеров были среди паломников, в том числе и Ибн Убайй; и когда он сидел, утоляя жажду, один из его соплеменников обратился к нему со словами:

«Стыдись, о отец Хубаба! Разве не настало теперь время тебе увидеть, в каком ты положении? Что может быть больше этого?»

«Я и прежде видел подобное», - сказал Ибн Убайй.

Тогда тот человек стал упрекать его так сурово и угрожающе, что Ибн Убайй вместе со своим сыном пошёл к Пророку, желая предупредить беду и сказать, что его неправильно поняли. Но прежде чем он успел заговорить, Пророк сам сказал ему:

«Где же ты видел подобное тому, что видел сегодня?»

Он ответил:

«Я никогда не видел подобного».

«Тогда почему же, - сказал Пророк, - ты сказал то, что сказал?»

---

[1] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.741; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 587

«Прошу у Бога прощения», - ответил Ибн Убайй.

«О Посланник Божий, - сказал его сын, - попроси прощения и для него».

И Пророк сделал это.[2]

Утолив жажду, паломники вскоре смогли и насытиться благодаря дару верблюдов и овец, присланному двумя бедуинскими вождями, чьё племя, Бану Хуза‘а, прежние хранители Святилища, включало в себя роды Аслам, Ка‘б и Мусталик. Все они теперь, один за другим, были расположены к Пророку. Для тех из них, кто ещё не принял ислам, существовало политическое преимущество в этом союзе, нужном для противовеса договору, который их великие враги, Бану Бакр, издавна имели с курайшитами. Это положение вскоре должно было породить события величайшей важности. Пока же между Хуза‘а и Бакр не было войны, и Хуза‘а терпели курайшиты, хотя и смотрели на них с подозрением. Один из их знатных людей, Будайл ибн Варка‘, находился в Мекке, когда пришла весть, что паломники разбили стан в Худайбийе. Теперь он вместе с несколькими своими соплеменниками отправился к Пророку, чтобы сообщить ему о настроениях курайшитов.

«Клянутся Богом, - сказал он, - что не оставят открытым путь между тобой и Домом, пока последний из их бойцов не погибнет».

Пророк ответил:

«Мы пришли сюда не для битвы; мы пришли лишь совершить обходы вокруг Дома. Кто станет у нас на пути, с тем мы будем сражаться; но я готов дать им срок, если они того пожелают, чтобы они приняли свои меры предосторожности и затем оставили путь для нас свободным».

Будайл и его спутники вернулись в Мекку, и курайшиты встретили их угрюмым молчанием. Когда те предложили передать, что сказал им Мухаммад, ‘Икрима, сын Абу Джахля, заявил, что они не желают этого слушать. Тогда ‘Урва, один из их союзников из Сакифа - мать его была мекканкой, - возразил, что подобное поведение нелепо. И тогда Сафван сказал Будайлу:

«Скажи нам, что вы видели и что вы слышали».

И он рассказал им о мирных намерениях паломников, а также о том, что Пророк сказал, что готов дать курайшитам время приготовиться к их приходу. Тогда ‘Урва сказал:

---

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 589

«Будайл принёс вам благородную уступку, какой не отвергнет ни один человек без вреда самому себе. Так примите хотя бы его рассказ о ней; но пошлите меня, чтобы я сам получил подтверждение от Мухаммада, и я посмотрю на тех, кто с ним, и буду для вас разведчиком, чтобы принести вам о нём вести».

Курайшиты приняли его предложение, но к тому времени они уже послали в качестве разведчика и возможного посланца человека, командовавшего всеми их союзниками из бедуинских племён, известных под общим именем Ахабиш. Это был Хулайс из Бану-ль-Харис, одного из родов Кинаны. Именно он некогда укорял Абу Суфьяна за надругательства над телами при Ухуде. Когда Пророк увидел, что он приближается, он понял - либо по его походке и облику, либо по тому, что слышал о нём, - что это человек благочестивый и исполненный великого почтения к святыням. Поэтому он приказал вывести ему навстречу животных, которых они намеревались принести в жертву; и когда семьдесят верблюдов в торжественном порядке прошли мимо Хулайса, отмеченные знаками посвящения и украшенные праздничными уборами, он был так глубоко поражён этим зрелищем, что, не заходя даже к Пророку, прямо возвратился к курайшитам и заверил их, что намерения паломников совершенно мирны.

Раздражённые мекканцы сказали ему, что он всего лишь человек пустыни и не понимает положения дел. Это была великая тактическая ошибка, как они вскоре поняли, но слишком поздно.

«О курайшиты, - сурово сказал он, - не для этого, клянусь Богом, мы согласились быть вашими союзниками и не для этого скрепили с вами договор. Неужели тому, кто пришёл почтить Дом Божий, будет запрещён доступ к нему? Клянусь Тем, в Чьей длани моя душа: либо вы позволите Мухаммаду совершить то, ради чего он пришёл, либо я уведу Ахабиш - всех до единого».

«Потерпи, Хулайс, - сказали они, - пока мы не достигнем условий, которые сможем принять».

Между тем ‘Урва из Сакифа уже прибыл в лагерь паломников и беседовал с Пророком. Сев перед ним, он сначала держался с ним как равный и, обращаясь к нему, брал его за бороду; но Мугира, один из Переселенцев, стоявший рядом, ударил его руку плоской стороной меча, и тот отнял её. Несколько мгновений спустя, когда он осмелился снова коснуться бороды Пророка, Мугира ударил его уже сильнее, сказав:

«Убери руку от бороды Посланника Божия, пока она у тебя ещё есть, чтобы её убрать».

После этого ‘Урва уже не позволял себе никакой дальнейшей фамильярности с Пророком; но, поговорив с ним довольно долго, он остался в лагере ещё на несколько часов. Он обещал

курайшитам быть для них не только послом, но и разведчиком, и потому старался всё заметить. Но сильнее всего поразили его вещи, которых он вовсе не приходил смотреть, - вещи, подобным которым он никогда прежде не видел. И когда он возвратился в Мекку, то сказал курайшитам:

«О люди! Меня посылали послом к царям - к Кесарю, к Хосрову и к Негусу, - но я не видел царя, которого люди чтили бы так, как сподвижники Мухаммада чтут Мухаммада. Если он что-либо приказывает, они почти опережают его слово, спеша исполнить приказ; когда он совершает омовение, они едва не дерутся за воду его омовения; когда он говорит, их голоса смолкают в его присутствии; и они не смотрят ему прямо в лицо, но опускают взоры из благоговения перед ним. Он предложил вам благородную уступку; так примите же её от него».[3]

Пока ‘Урва ещё находился в лагере, Пророк посадил человека из рода Ка‘б по имени Хираш на одного из своих верблюдов и послал его к курайшитам послом. Когда тот прибыл, ‘Икрима подрезал жилы у верблюда; но Хулайс и его люди вмешались и спасли жизнь посланца, заставив курайшитов отпустить его обратно к Пророку.

«О Посланник Божий, - сказал он, возвратившись, - пошли человека, который будет лучше защищён, чем я».

Тогда Пророк подозвал к себе ‘Умара, но ‘Умар сказал, что курайшиты хорошо знают, сколь велика его вражда к ним, и что никто из его рода, Бану ‘Ади, не обладает достаточной силой, чтобы защитить его.

«Но я укажу тебе, - сказал он, - человека, который в Мекке сильнее меня, богаче родичами и лучше защищён, - ‘Усмана ибн ‘Аффана».

И Пророк послал ‘Усмана, и тот был хорошо принят своими родственниками из ‘Абду Шамс и другими; и хотя они вновь подтвердили ему свой отказ допустить кого-либо из находившихся теперь в Худайбийе к Ка‘бе, ему лично они предложили совершить обход вокруг неё, но он отказался. Курайшиты уже прежде послали подобное предложение и Ибн Убайю; но он ответил:

«Я не совершу обхода вокруг Дома, пока Посланник Божий не совершит его».

Пророку сообщили об этом, и это доставило ему радость.

---

[3] Бухари 54, 15; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 593-600

67.”**ЯВНАЯ ПОБЕДА”**

Именно во время отсутствия 'Усмана в Мекке на Пророка снизошло состояние, подобное тому, какое бывало при ниспослании Откровения, но при этом он оставался в полном обладании своих способностей. Он дал указание одному из своих Сподвижников, и тот стал обходить лагерь, возглашая: «Святой Дух нисшел на Посланника и повелевает принести присягу. Так выйдите же во Имя Бога, чтобы дать свою клятву»[1]. Между тем Пророк сел под акацией, покрытой молодой весенней листвой, едва распускавшейся на ветвях; и один за другим Сподвижники подходили к нему и приносили ему клятву верности. Первым достиг его Синан, принадлежавший к тому же племени, что и семья Джахш, а именно к Бану Асад ибн Хузайма. Возглашающий не сказал ничего о содержании этой присяги, и потому Синан произнес: «О Посланник Божий, я приношу тебе присягу на то, что пребывает в твоей душе», - и прочие клялись так же. Затем Пророк сказал: «Я приношу присягу за 'Усмана», - после чего протянул левую руку, как руку своего зятя, и, обхватив ее правой, заключил эту клятву. Только один человек из присутствовавших не откликнулся на возглас, и это был лицемер Джадд ибн Кайс, который попытался укрыться за своим верблюдом, но все же был замечен.

Тогда Курайш послал Сухайля для заключения договора, а с ним - двух его соплеменников, Микраза и Хувайтиба. Они совещались с Пророком, и Сподвижники слышали, как их голоса то повышались, то понижались, смотря по тому, легко или трудно было прийти к согласию по тому или иному пункту. Когда наконец соглашение было достигнуто, Пророк велел 'Али записать условия, начав с ниспосланных слов освящения: **Bismi Llāhi r-Raḥmāni r-Raḥīm**, «Во Имя Бога, Благого, Милостивого», - но Сухайль воспротивился. «Что до *Рахмана*, - сказал он, - я не знаю, кто это такой. Пиши же: **Bismika Allāhumma**, “Во Имя Твое, о Боже”, как ты прежде имел обыкновение писать». Некоторые из Сподвижников воскликнули: «Клянусь Богом, мы не напишем ничего, кроме **Bismi Llāhi r-Raḥmāni r-Raḥīm**», - но Пророк не обратил на них внимания и сказал: «Пиши: **Bismika Allāhumma**», - и продолжал диктовать: «Таковы условия перемирия между Мухаммадом, Посланником Божиим, и Сухайлем, сыном 'Амра»; однако Сухайль снова возразил. «Если бы мы признавали тебя Посланником Божиим, - сказал он, - мы не препятствовали бы тебе войти в Дом и не сражались бы с тобой; но пиши: Мухаммад, сын 'Абдаллаха». 'Али уже написал слова: «Посланник Божий», - и Пророк велел ему вычеркнуть их, но тот ответил, что не может этого сделать. Тогда Пророк велел ему указать пальцем на эти слова, и сам вычеркнул их. Затем он велел ему написать вместо них: «сын 'Абдаллаха», - и тот написал.

Далее в документе говорилось: «Они согласились сложить бремя войны на десять лет, в продолжение коих люди будут в безопасности и не будут поднимать друг на друга руки с насилием; при том условии, что если кто-либо из Курайша придет к Мухаммаду без

[1]Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 604

дозволения своего покровителя, Мухаммад возвратит его им; но если кто-либо из тех, кто с Мухаммадом, придет к Курайшу, они не будут его возвращать. Не будет ни хитрости, ни вероломства. И кто пожелает вступить в союз и договор Мухаммада, тот может сделать это; и кто пожелает вступить в союз и договор Курайша, тот может сделать это». В это время в лагере находились некоторые знатные люди из Хуза'а, пришедшие посетить паломников, тогда как один или двое представителей Бакра последовали вслед за Сухайлем; и в этом месте люди Хуза'а вскочили на ноги и сказали: «Мы - одно с Мухаммадом в его союзе и в его договоре». Тогда люди Бакра сказали: «Мы - одно с Курайшем в его союзе и в его договоре». И впоследствии это соглашение было утверждено вождями обоих племен. Договор завершался словами: «Ты, Мухаммад, удалишься от нас в нынешнем году и не войдешь в Мекку при нас и вопреки нам. Но в следующем году мы выйдем из Мекки, а ты войдешь в нее со своими Сподвижниками и пробудешь в ней три дня, не имея при себе иного оружия, кроме оружия путника, - мечей в ножнах»[2]

По причине видения Пророка Сподвижники были уверены в успехе своего похода; и когда они услышали условия договора и поняли, что, дойдя до самого края священного предела, должны теперь возвратиться домой, ничего не совершив, это оказалось для них почти невыносимо. Но худшее было еще впереди: пока они сидели в угрюмом и готовом вспыхнуть молчании, послышался звон цепей, и в лагерь, с кандалами на ногах, ввалился юноша. Это был Абу Джандаль, один из младших сыновей Сухайля. Отец заключил его под стражу из-за его ислама, опасаясь, что он убежит в Медину. Его старший брат 'Абдаллах находился среди паломников и уже готов был приветствовать его, когда Сухайль схватился за цепь, висевшую на шее его узника, и жестоко ударил его по лицу. Затем он обратился к Пророку и сказал: «Наше соглашение было заключено до того, как этот человек пришел к тебе». «Это верно», - сказал Пророк. «Тогда возврати его нам», - сказал Сухайль. «О мусульмане! - закричал Абу Джандаль во весь голос. - Неужели меня вернут идолопоклонникам, чтобы они мучили меня из-за моей религии?» Пророк отвел Сухайля в сторону и просил его, как милости, отпустить сына на свободу, но Сухайль непреклонно отказался. Его спутники-послы, Микраз и Хувайтиб, до тех пор молчавшие, теперь, почувствовав, что это происшествие становится дурным началом перемирия, вмешались. «О Мухаммад, - сказали они, - мы берем его под свое покровительство от твоего имени». Это значило, что они поселят его אצל себя, вдали от отца, - и они исполнили свое обещание. «Терпи, Абу Джандаль, - сказал Пророк. - Бог непременно пошлет тебе и тем, кто с тобой, облегчение и выход. Мы согласились на условия перемирия с этими людьми и дали им наше торжественное слово, как и они - нам, и теперь не нарушим своего обещания».

В этот миг 'Умар более уже не мог сдерживаться. Встав, он подошел к Пророку и сказал: «Разве ты не Пророк Божий?» И тот ответил: «Да». «Разве мы не правы, а наши враги не заблуждаются?» - сказал он, и Пророк вновь согласился. «Так почему же мы так униженно

[2] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.747-748

уступаем в деле чести нашей религии?» - сказал 'Умар, на что Пророк ответил: «Я - Посланник Божий и не ослушаюсь Его. Он дарует мне победу». «Но разве ты не говорил нам, - продолжал настаивать 'Умар, - что мы придем к Дому и обойдем его?» «Да, - сказал Пророк, - но разве я сказал тебе, что мы придем к нему именно в этом году?» 'Умар признал, что нет, не сказал. «Воистину, ты придешь к Дому, - сказал Пророк, - и совершишь обход вокруг него». Но 'Умар все еще кипел негодованием и пошел к Абу Бакру, чтобы излить перед ним свои чувства. Он задал ему в точности те же вопросы, какие задал Пророку; но хотя Абу Бакр не слышал этих ответов, он дал ему на каждый почти те же самые слова. А в конце прибавил: «Так держись же за его стремя, ибо, клянусь Богом, он прав». Это произвело на 'Умара впечатление, и хотя чувства его еще не улеглись, он более не давал им выхода, и когда Пророк призвал его подписать договор, он молча поставил свое имя. Пророк также велел сыну Сухайля, 'Абдаллаху, подписать его. Среди прочих мусульман, подписавших договор, были 'Али, Абу Бакр, 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф и Махмуд ибн Маслама.

Часть общей горечи, казалось, несколько улеглась; но когда Сухайль и прочие покинули лагерь, уводя с собой плачущего Абу Джандаля, души людей вновь взволновались. Пророк стоял в стороне с теми, кто подписал документ. Теперь он оставил их и направился к главной массе паломников. «Встаньте и заколите ваших жертвенных животных, - сказал он, - и обрейтесь». Но никто не двинулся с места, и он повторил это во второй и в третий раз, однако они лишь смотрели на него в оцепенелом и недоуменном молчании. Это не было с их стороны мятежом; но, потрясенные неожиданным оборотом событий, они и в самом деле недоумевали перед повелением совершить нечто, что им было известно как обрядово неправильное; ибо, согласно преданию Авраама, жертвоприношения следовало совершать внутри священной территории, и то же относилось к обряду обривания головы. И все же их кажущееся неповиновение опечалило Пророка, который удалился в свой шатер и рассказал Умм Саламе о случившемся. «Выйди, - сказала она, - и не говори ни слова ни одному человеку, пока сам не принесешь свою жертву». Тогда Пророк подошел к верблюду, которого сам посвятил в жертву, и заколол его, произнеся громким голосом, так, чтобы люди услышали: **Bismi-Llāh, Allāhu Akbar**. При этих словах люди вскочили на ноги и бросились совершать свои жертвоприношения, тесня и едва не опрокидывая друг друга в поспешности исполнить повеление; и когда Пророк позвал Хираша - того человека из Хуза'а, которого он прежде посылал в Мекку до 'Усмана, - чтобы он обрился, многие из Сподвижников принялись стричь и брить друг другу головы с такой горячностью, что Умм Саляма, как она впоследствии говорила, боялась, как бы не были нанесены смертельные раны. Но некоторые из них лишь подрезали пряди своих волос, зная, что это по преданию также допустимо как замена. Между тем Пророк удалился в шатер вместе с Хирашем; и когда обряд был совершен, он встал у входа с обритой головой и сказал: «Да помилует Бог тех, кто обрил головы! » Тогда те, кто лишь подстриг волосы, возразили: «И тех, кто подрезал волосы, о Посланник Божий!» Но Пророк повторил то, что сказал вначале, и голоса протеста зазвучали еще громче. Тогда после нового повторения и третьего

громового возражения он прибавил: «И тех, кто подрезал волосы». Когда впоследствии его спросили, почему сперва он молился только за тех, кто обрил головы, он ответил: «Потому что они не усомнились».

Вернувшись в шатер, Пророк собрал с земли свои пышные черные волосы и набросил их на стоявшую поблизости мимозу, после чего люди столпились вокруг, каждый стараясь взять себе хоть немного ради благословения. И Нусайба не захотела уступать мужчинам: она тоже подошла к дереву и сумела схватить несколько локонов, которые хранила до самого дня своей смерти.

Земля лагеря была устлана волосами паломников. Но внезапно поднялся сильный порыв ветра, поднявший их с земли и понесший в сторону Мекки, в священную область; и все возрадовались, приняв это за знак, что их паломничество было принято Богом по силе их намерения, и теперь они поняли, почему Пророк повелел им совершить жертвоприношения.

После того как они выступили в обратный путь к Медине, совесть 'Умара начала мучить его; и тревога его еще более усилилась, когда он подъехал к Пророку, желая вступить с ним в разговор, а Пророк, как ему показалось, был заметно сдержан и отдален. 'Умар поехал вперед, говоря себе: «О 'Умар, пусть твоя мать оплакивает теперь своего сына!» Позднее он рассказывал, что был так смущен тем, что поставил под вопрос мудрость Пророка, что боялся ниспослания особого Откровения, осуждающего его. Страх его достиг высшей точки, когда он услышал за собой топот скачущего коня и всадник призвал его назад, к Пророку. Но все его тревоги исчезли в одно мгновение, когда он увидел лицо Пророка, сиявшее радостью. «На меня низошла сура, - сказал он, - которая милее мне всего, что есть под солнцем».

Новое Откровение не оставляло никакого сомнения в том, что поход, из которого они теперь возвращались, должен считаться победоносным, ибо начиналось словами: **« Мы даровали тебе явную победу»**.[3] В нем говорилось также и о недавнем договоре присяги: **« Был доволен Аллах верующими, когда они присягали тебе под деревом; и Он узнал, что у них в сердцах, и низвел на них Свою сакину и дал им в награду близкую победу»**.[4] То Божественное благоволение, о котором здесь говорится, есть не что иное, как обещание **Riḍwān** [5]тому, кто исполнил свою клятву; и потому эта блаженная присяга известна как **Пакт Ридвана**. Нисхождение **Sakīnah**[6], Духа Мира, упоминается и в другом аяте: **« Он - тот, который низвел сакину в сердца верующих, чтобы они увеличили веру с их верой; Аллаху принадлежат воинства небес и земли; Аллах знающ, мудр! чтобы Он ввел**

[3] Коран 48, 1
[4] Коран 48, 18
[5] См.с.95
[6] Иудейское Shekinah

верующих мужчин и женщин в сады, где внизу текут реки, для вечного пребывания там, и избавил их от дурных деяний, и это у Аллаха - великая милость! ».[7]

Видение Пророка, побудившее его к этому походу, упомянуто так: **« Оправдал Аллах Своему посланнику видение по истине: "Вы непременно войдете в запретную мечеть, если угодно Аллаху, в безопасности, обрив головы и укоротив, не боясь!" Он знал то, чего вы не знали, и утверждал до этого близкую победу.»**.[8]

[7] Коран 48, 4-5
[8] Коран 48, 27

68.**ПОСЛЕ ХУДАЙБИЙИ**

Абу Басир из Бану Сакиф был юношей, семья которого переселилась из Таифа и обосновалась в Мекке как союзники Бану Зухра. Он принял ислам, и домашние заключили его под стражу; однако ему удалось бежать, и он пешком добрался до Медины, явившись туда вскоре после возвращения Пророка из Худайбийи. Вслед за ним прибыл посланец курайшитов, потребовавший его выдачи. Пророк, сказав Абу Басиру те же слова утешения, какие прежде сказал Абу Джандалю, объявил ему, что по условиям договора обязан возвратить его в руки посланца. Сподвижники, включая ‘Умара, к тому времени уже более или менее примирились с условиями мира, и потому, когда Абу Басира увели человек из Курайша и вольноотпущенник, которого он привёл с собою для подмоги, мухаджиры и помощники, бывшие при этом, спокойно повторяли вслед за словами Пророка: «Будь твёрд духом! Бог непременно укажет тебе выход».

Надежды их исполнились скорее, чем можно было ожидать. Несмотря на молодость, Абу Басир был человеком находчивым, и уже на первой остановке сумел завладеть мечом посланца и убить его; после чего вольноотпущенник, по имени Каусар, стремглав бежал назад в Медину. Он беспрепятственно вошёл в Мечеть и бросился к ногам Пророка, который случайно находился там и, завидев его, сказал: «Этот человек видел нечто страшное». Каусар с трудом выговорил, что его спутник убит и что его самого едва не настигла та же участь; и вскоре появился сам Абу Басир - с обнажённым мечом в руке. «О Пророк Бога, - сказал он, - твоя обязанность исполнена: ты возвратил меня к ним, а Бог избавил меня». - «Увы его матери!»[1] - воскликнул Пророк. - «Какой дивный он был бы разжигатель войны, будь у него только другие люди!» Но если бы курайшиты прислали новых послов, требуя его выдачи, он обязан был бы поступить так же, как поступил в первый раз. Однако подобная мысль была далека от ума Абу Басира, который теперь предложил считать оружие и доспехи убитого человека, вместе с верблюдами, добычей, разделить её на пять частей и распределить согласно закону. «Если бы я сделал так, - сказал Пророк, - они сочли бы, что я не исполнил условий, которые клялся соблюдать». Потом он обратился к перепуганному оставшемуся в живых из двух мекканцев. «Добыча, взятая у твоего спутника, - твоё дело», - сказал он. - «А ты отведи этого человека назад к тем, кто тебя послал», - прибавил он, указывая на Абу Басира. Каусар побледнел. «О Мухаммад, - сказал он, - мне дорога моя жизнь. Сил моих против него недостаточно, и нет у меня рук двух человек». Мусульмане исполнили свой долг; но представитель Курайша отказался принять пленника под свою стражу. Тогда Пророк сказал Абу Басиру: «Иди, куда пожелаешь».

[1] Обычное образное выражение: человек так вспыльчив и безогляден, что матери недолго осталось ждать дня, когда ей придется его оплакивать

Он направился к берегам Красного моря, всё ещё слыша в ушах слова: «Будь у него только другие люди». И не он один понял скрытое в этих словах позволение и указание. ‘Умар внимательно следил за всем происшедшим; и сумел передать слова Пророка мусульманам в Мекке, а также сообщить им, где находится Абу Басир, - сведения эти он вскоре получил от дружественно настроенных людей из прибрежных племён, приходивших в Медину. Сын Сухайля, Абу Джандаль, уже не находился под столь строгим надзором своих стражей, как прежде, когда за ним следил собственный отец; да и вообще договор привёл к заметному ослаблению бдительности в Мекке по отношению к молодым мусульманам-заключённым, ибо Мухаммад показал, что, если они бегут в Медину, он сдержит слово и возвратит их. Потому Абу Джандаль пробрался к Абу Басиру; то же сделали и другие юноши, среди них Валид, брат Халида. Абу Басир устроил с ними лагерь в стратегически важном месте на мекканском караванном пути в Сирию. Они признали его своим предводителем; он руководил ими в молитве и наставлял их в вопросах обрядов и прочих сторонах религии, ибо многие из них были новообращёнными; они же глубоко его почитали и охотно ему повиновались. Курайшиты радовались тому, что безопасность их любимой северной дороги вновь, казалось, восстановлена. Но не менее семидесяти молодых людей присоединились к стану Абу Басира, и они стали ужасом для караванов. Наконец, потеряв множество людей и немало товаров, курайшиты послали Пророку письмо, прося принять этих разбойников в свою общину и обещая, что более не будут требовать их возвращения в Мекку. Тогда Пророк написал Абу Басиру, что теперь он может прийти в Медину вместе со своими спутниками. Но тем временем молодой вождь тяжко занемог, и когда письмо прибыло к нему, смерть уже стояла рядом. Он прочёл его и умер, сжимая в руках. Его спутники совершили над ним молитву, похоронили его и устроили над местом его погребения мечеть; затем сами отправились в Медину и присоединились к Пророку.[2]

Когда они достигли лавового поля, верблюд Валида споткнулся и сбросил его, так что он рассёк себе палец о камень. Перевязывая его, он обратился к нему в стихах, сказав:

Что ты такое, как не палец, льющий кровь, И нет иной на тебе раны, как на пути Божием.

Но порез загноился, и рана оказалась смертельной. И всё же до самой смерти он успел написать своему брату Халиду письмо, увещевая его принять ислам.

Лишь одна мусульманка в то время бежала из Мекки и нашла убежище в Медине, - это была Умм Кульсум, сводная сестра ‘Усмана, дочь его матери Арвы и ‘Укбы, который был казнён на пути от Бадра. Но теперь было ниспослано откровение, запрещавшее возвращать верующих женщин неверным. Поэтому, когда двое её родных братьев пришли, чтобы забрать её назад, Пророк отказался выдать её им, и курайшиты приняли этот отказ без

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 624-629; Бухари 54; Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.751-753

протеста: в договоре о женщинах не было сказано ничего. Тогда Зайд, Зубайр и ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф посватались к ней, и Пророк посоветовал ей выйти за Зайда, что она и сделала.

В месяц, последовавший за заключением договора, ‘Аиша и её отец понесли тяжёлую утрату, за которой вскоре последовала и великая радость. Умм Руман заболела и умерла. Её похоронили на кладбище Баки‘; Пророк прочёл над нею молитву и сам сошёл в её могилу. Неизбежно весть о её смерти достигла Мекки и дошла до ушей её сына ‘Абд аль-Ка‘бы; и вполне возможно, что именно эта утрата побудила его к тому шагу, который он, без сомнения, обдумывал уже некоторое время. Как бы то ни было, вскоре после смерти матери он пришёл в Медину и принял ислам. Когда он принёс присягу, Пророк изменил его имя на ‘Абд ар-Рахман.

И не он один в ту пору вступил в ислам. По мере того как шли недели и месяцы, становилось всё очевиднее, почему Коран назвал перемирие явной победой. Люди Мекки и Медины теперь могли встречаться в мире и свободно беседовать друг с другом; и в течение следующих двух лет община ислама увеличилась более чем вдвое.

Вскоре после возвращения паломников был ниспослан аят, который всех исполнил радости: **Может быть, Аллах установит между вами и теми, с кем вы из них враждуете, любовь;.**[3] Эти слова, казалось, относились вообще к многочисленным обращениям, происходившим в то время. Но некоторые усматривали в них и более частное указание - на неожиданное тесное родство, которому теперь надлежало установиться между Пророком и одним из вождей Курайша.

За несколько месяцев до Худайбийи пришла из Абиссинии весть о смерти ‘Убайдуллаха ибн Джахша, двоюродного брата и зятя Пророка. Он был христианином ещё до принятия ислама, и вскоре после переселения в Абиссинию вновь возвратился к христианству. Это сильно опечалило его жену Умм Хабибу, дочь Абу Суфьяна, которая осталась мусульманкой; и когда прошло четыре месяца после смерти мужа, Пророк послал Негусу просьбу выступить от его имени и утвердить брак между ним и вдовою, если она согласится. Самой же ей он не посылал прямого письма; но ей приснился сон, в котором кто-то назвал её «матерью верующих», и она истолковала это так, что станет женою Пророка. На следующий день она получила весть от Негуса, подтвердившую её сон; тогда она избрала своего родственника Халида ибн Са‘ида[4], чтобы тот выдал её замуж, и он вместе с Негусом заключил этот союз в присутствии Джа‘фара и других братьев. Затем Негус устроил свадебный пир у себя во дворце, и все мусульмане были на него приглашены.

---

[3] Коран 60, 7

[4] См. с. 47

Пророк также послал Джа‘фару слово, что ему будет угодно, если он и его община теперь переселятся в Медину. Джа‘фар тотчас начал готовиться в путь, и Негус дал им два судна. Было решено, что Умм Хабиба отправится вместе с ними; а в Медине уже начали строить для неё покои рядом с покоями прочих жён.

Негус не был единственным царствующим властителем, к которому Пророк послал письмо в ту пору. Когда он рассёк кажущуюся несокрушимой скалу у рва, он увидел в свете, вспыхнувшем от первого удара, замки Йемена, тогда как в свете от третьего и последнего удара ему явился белый дворец Хосрова в Мадаине. Что касается той уверенности, которая была дарована ему тогда о будущем распространении державы ислама, то между этими двумя огнями существовала связь, ибо Йемен уже находился под властью Персии; и потому Пророк побуждён был написать персидскому монарху, возвещая ему о своём пророческом достоинстве и призывая его к исламу. Быть может, он и не питал больших надежд на успех этого послания, но необходимо было предложить ему возможность избрать верный путь прежде, чем предпринимать что-либо иное.

Что же касается второго из трёх огней, то он открыл ему замки Сирии; и через него Пророк получил уверенность в распространении ислама в тех землях, а также и на Западе. Теперь он продиктовал письмо Ираклию, римскому императору, в тех же выражениях, что и письмо в Персию, и послал его к наместнику Сирии. Другое подобное письмо было отправлено в Александрию, к Мукаукису, правителю Египта.

Между тем Хосров уже из других источников слышал о возрастающем могуществе арабского владыки Ясриба, объявлявшего себя Пророком. И потому он послал приказ Бадану, своему наместнику в Йемене, собрать более точные и ясные сведения о Мухаммаде. Бадан немедленно отправил в Медину двух послов, чтобы они своими глазами увидели всё и привезли ему вести. Следуя обычаю, распространённому при персидском дворе, они сбрили бороды и отпустили длинные усы. Вид их был отвратителен Пророку. «Кто велел вам так поступать?» - воскликнул он. «Наш господин», - отвечали они, разумея Хосрова. - «Мой Господь, - сказал Пророк, - повелел мне отпускать бороду и укорачивать усы». Затем он отослал их, велев прийти к нему снова на следующий день. В ту ночь Джибриль сообщил ему, что в тот самый день в Персии произошло восстание, во время которого Хосров был убит, а сын его воцарился вместо него. И когда послы возвратились, он поведал им об этом и велел сообщить своему господину, наместнику. Потом сказал: «Скажите ему, что религия моя и царство моё простираются далеко за пределы владений Хосрова; и передайте ему от меня: вступи в ислам, и я оставлю тебе то, чем ты владеешь, и поставлю тебя царём над твоим народом в Йемене».

Они возвратились в Сан‘у, сами не зная, что и думать, и передали эту весть Бадану, который сказал: «Посмотрим, что случится. Если сказанное им окажется истиной, то он - пророк, которого послал Бог». Но ещё прежде, чем он успел отправить человека в Персию, чтобы

удостовериться в правде происшедшего, прибыл гонец от Сироя, нового шаха, возвестивший о случившемся и потребовавший признания его власти. Вместо ответа Бадан принял ислам, как и оба его посланца, и другие персы, находившиеся при нём. После этого он послал весть в Медину, и Пророк утвердил его правление над Йеменом. Так началось исполнение того, что было явлено в первой вспышке света у рва.

Письмо Пророка достигло Мадаина уже после смерти Хосрова, и потому было вручено его преемнику, единственным ответом которого было разорвать его в клочья. «Так же, о Господи, разорви и царство его», - сказал Пророк, когда узнал об этом.

В те же недели, последовавшие за возвращением паломников, была предпринята попытка покушения на жизнь Пророка средством, которое ещё никогда прежде против него не употребляли. В каждом поколении иудеев Аравии находился один или двое, сведущих в искусстве колдовства; и один из таких людей жил ещё тогда в Медине - по имени Лабид, искусный чародей, обучивший и своих дочерей этому тонкому ремеслу, дабы знание его не умерло вместе с ним. Лабид теперь получил щедрую плату за то, чтобы наложить на Пророка как можно более смертоносное заклятие. Для этого ему нужны были расчёсанные волосы Пророка, которые он сам или одна из его дочерей сумели добыть, вероятно, при посредстве человека совершенно невинного. Он завязал на волосах одиннадцать узлов, и дочери его дули заклинания на каждый из узлов. Затем он привязал волосы к веточке мужской финиковой пальмы, на которой ещё оставалась наружная оболочка пыльцы, и бросил всё это в глубокий колодец. Колдовство могло быть разрушено только развязыванием узлов.

Вскоре Пророк почувствовал, что с ним происходит нечто серьёзное. С одной стороны, память его стала ослабевать, а с другой - ему начинало казаться, будто он совершил какие-то действия, которых на самом деле не совершал. Его также охватила слабость, и, когда ему подавали пищу, он не мог заставить себя есть. Он молил Бога об исцелении, и во сне увидел, будто рядом с ним находятся двое: один сидит у его головы, другой - у ног. Он услышал, как один из них сообщает другому точную причину его недуга и называет имя колодца.[5] Проснувшись, он увидел Джибриля, который, подтверждая увиденное во сне, дал ему две суры Корана, одна из которых содержит пять аятов, а другая - шесть. Пророк послал ‘Али к колодцу, велев ему читать над ним эти две суры. И с каждым аятом один из узлов развязывался, пока не развязались все, и Пророк не восстановил вполне силу своего ума и тела.[6]

Первая из этих двух сур такова:

[5] Бухари 49, 10

[6] Байдави о Кораническом аяте 4 из 113-ой суры

1. (1). Скажи: "Прибегаю я к Господу рассвета

2. (2). от зла того, что он сотворил,

3. (3). от зла мрака, когда он покрыл,

4. (4). от зла дующих на узлы,

5. (5). от зла завистника, когда он завидовал!".[7]

Вторая же:

1. (1). Скажи: "Прибегаю к Господу людей,

2. (2). царю людей,

3. (3). Богу людей,

4. (4). от зла наущателя скрывающегося,

5. (5). который наущает груди людей,

6. (6). от джиннов и людей!".[8]

Эти две суры помещены в самом конце Корана. Их называют «двумя прибеганиями к защите», и их непрестанно читают ради охраны от всякого рода зла.

Пророк велел засыпать колодец и выкопать поблизости другой, чтобы заменить его. Он велел привести Лабида, и тот признался, что наложил на него заклятие ради платы, однако никакого наказания Пророк на него не наложил.

[7] Коран, 113-ая сура

[8] Коран 114-ая сура. Согласно мнению некоторых источников, две суры, которые были прочитаны по этому случаю, не были тогда ниспосланы впервые, а были дарованы Пророку в Мекке ещё до хиджры.

69.ХАЙБАР

Перемирие с Меккой дало возможность сосредоточить внимание на опасностях, таившихся к северу. Наибольшей из них был город Хайбар, населенный иудеями, которые по большей части оставались непримиримо враждебны исламу. Колдун Лабид почти наверняка был подкуплен оттуда, хотя это еще могло быть делом частного лица. Но существовали куда более явные и общие причины для выступления против изгнанных Бану Надир и их хайбарских соплеменников. Нельзя сказать, чтобы они сами были склонны вторгаться в Ясриб. За исключением одного-двух человек, они не приняли прямого участия в походе Рва; однако именно они всячески ободряли Курайш к нападению, и именно их влияние побудило их союзников из Гатафана стать тогда на сторону Курайша. Во многом именно через них Гатафан и поныне оставался, по существу, в состоянии войны с оазисом. Медина никогда не могла бы познать полноты мира, пока Хайбар оставался таким, каков он был.

Уже давно было ясно, что рано или поздно в том направлении должно быть предпринято нечто решительное; и теперь время пришло, ибо Пророк был уверен, что близкая победа, обещанная в недавнем Откровении, - победа, которая к тому же должна была принести богатую добычу, - не может быть ничем иным, как завоеванием Хайбара. Но эта победа не предназначалась всем, кто лишь исповедовал ислам на словах. Откровение ясно показывало, что те бедуины, которые не откликнулись на его призыв к Малому паломничеству, были побуждаемы преимущественно корыстными расчетами. Поскольку в паломничестве не было надежды на добычу, оно не стоило для них усилий. Поэтому им не должно было быть позволено участвовать в завоевании одной из, без сомнения, богатейших общин всей Аравии.

Это значило, что выступать придется с меньшей силой, хотя в этом было и то преимущество, что замысел можно было скрывать до последнего мгновения. Но даже когда о нем стало известно, его передавали из уст в уста скорее как шутку, нежели как действительное известие. Неприступная мощь Хайбара была почти притчей во языцех. Курайш и прочие враги ислама надеялись, что весть верна, потому что в таком случае Мухаммад, наконец, потерпит сокрушительное поражение; но вместе с тем они опасались, что этого не может быть, ибо знали: он не безумен. Что же до самих людей Хайбара, то их уверенность была столь велика, что они отказывались верить в это. Они даже не потрудились просить помощи у союзников, пока из Медины не пришло достоверное известие, что Мухаммад готовится выступить. Лишь тогда Кинана, их фактический вождь, поспешил к Гатафану, предлагая им половину годичного урожая фиников, если они пришлют подкрепление. Те согласились и обещали выслать войско в четыре тысячи человек. Иудеи Хайбара имели обычай ежедневно облачаться в доспехи и выстраивать всю свою боевую силу, числом в десять тысяч. Помощь Гатафана доводила бы это число до четырнадцати тысяч; между тем, согласно вестям из Медины, вторгающееся войско насчитывало всего лишь тысячу шестьсот человек.

Перед самым выступлением к Пророку пришел один из людей Ауса, известный как Абу 'Абс, со своей нуждой. У него был верблюд для езды, но одежда его превратилась в лохмотья, и у него не было средств ни на дорожные припасы, ни на то, чтобы оставить что-либо для содержания семьи, не говоря уже о покупке новой одежды. И таких было немало, хотя его случай был крайним. Но многое было истрачено на Паломничество, и все, что до сих пор было приобретено в виде добычи, перевешивалось все возрастающим числом нищих новообращенных, приходивших в Медину со всех сторон. Пророк дал Абу 'Абсу прекрасный длинный плащ - все, что можно было дать в тот миг; но в пути, день или два спустя, заметил, что на нем уже другой, гораздо худший плащ, и спросил его: «Где тот плащ, который я тебе дал?» - «Я продал его за восемь дирхамов, - ответил Абу 'Абс. - Затем на два дирхама купил фиников себе в дорогу, два дирхама оставил семье на пропитание, а на четыре дирхама купил себе плащ». Пророк рассмеялся и сказал: «О отец 'Абса, поистине ты и твои товарищи очень бедны. Но клянусь Тем, в Чьей руке моя душа, если вы уцелеете и проживете еще немного, у вас будет изобилие припасов, и вы будете оставлять изобильное своим семьям. У вас будет избыток дирхамов и рабов; и это не будет для вас благом».[1]

В одном месте пути, между двумя стоянками, Пророк остановил войско и подозвал к себе человека из Аслама, известного как Ибн ал-Аква', у которого, как он знал, был прекрасный голос. «Сойди с верблюда, - сказал он, - и спой нам одну из своих верблюжьих песен». Бедуины пели своим верблюдам, когда ехали с места на место. Они распевали стихи на старинные напевы - однообразные, томительные и жалобные; и под печально-спокойные размеры одной из таких мелодий Ибн ал-Аква' запел теперь слова, которым Пророк научил их, когда они копали ров:

«О Боже, если б не Ты, мы не были бы наставлены,
Не подавали бы милостыню и не молились бы Тебе».

Так начиналась эта песнь; и когда он окончил, Пророк сказал ему: «Да помилует тебя Бог», - на что 'Умар возразил: «Ты сделал это неизбежным, о Посланник Божий. Лучше бы ты позволил нам еще дольше наслаждаться им!» Он имел в виду, как понимали все, что Пророк предсказал ему близкое мученичество; ибо из опыта они уже заключили, что когда он призывал милость на кого-либо, то тому, вероятно, оставалось жить недолго.

Спустя два с половиной дня пути они были уже на расстоянии одного вечернего перехода от цели. Теперь было важно занять такую позицию, которая сделала бы их заслоном между Хайбаром и его союзниками из Гатафана. С этой целью Пророк попросил проводника, и в течение ночи они достигли открытого пространства перед самыми стенами. Было очень темно, потому что молодой серп луны уже зашел; и настолько бесшумно было их

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 636

приближение, что в городе никто не шелохнулся, и ни одна домашняя птица или скотина не подняла тревоги. Лишь на заре, когда закричали петухи, молчание было нарушено. Призыв к молитве в мусульманском лагере в то утро прозвучал приглушенно; и, совершив молитву, они в безмолвии смотрели перед собой на этот «сад Хиджаза», который усиливающийся свет мало-помалу открывал их взору, когда над богатыми пальмовыми рощами и хлебными полями начали выступать громады крепостей. Солнце взошло, и когда земледельцы вышли со своими лопатами, мотыгами и корзинами, они с изумлением увидели перед собой угрюмо молчащее войско. «Мухаммад и его войско!» - закричали они и в страхе бросились назад в свои твердыни. «Аллаху акбар!» - сказал Пророк и, обыгрывая в торжестве буквы имени, добавил: **Kharibat Khaybar!** («Хайбар сокрушен!»). Затем он торжественно запечатлел его поражение, прочитав ниспосланный аят, который говорит о наказании Божием: « **А когда оно сойдет на их площадь, то плохо будет утро увещеваемых!**»[2] Но вместо слов «когда оно нисходит» он сказал: «когда нисходим мы».

Иудеи спешно собрали военный совет. Но, несмотря на предостережение одного из своих вождей, они решили положиться на свои стены. Никакого сравнения, говорили они, нет между крепостями Ясриба и их собственными горными цитаделями, как они любили называть свои твердыни. Это решение - сражаться разрозненными отрядами - во многом проистекало из их величайшей слабости, а именно из отсутствия единства. То, что Откровение поведало Пророку об иудеях Ясриба, было истинно и для хайбарцев: **« Ярость их между ними сильна: ты думаешь, что они вместе, а сердца их врозь»**.[3] Несчастье их состояло в том, что теперь они внезапно столкнулись с войском, которое, хоть и было малочисленно, было проникнуто той дисциплиной, о которой говорит ниспосланный аят: **« Поистине, Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они - плотное здание!»**;[4] с войском людей, чьи души радовались обетованию слов: **« Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!" Поистине, Аллах - с терпеливыми»**.[5]

В первый день, когда Пророк атаковал ближайшую крепость, гарнизоны остальных не выступили единым войском для удара по осаждающим, а оставались за своими стенами и заняты были укреплением собственных позиций. Такая тактика уменьшала неравенство численности, но зато подвергала стойкость мусульман испытанию долгой кампанией на чужой земле и множеством битв вместо одной. Люди Хайбара были одними из самых искусных стрелков Аравии. Никогда прежде мусульмане не проходили столь суровой школы в пользовании щитами; и в начале кампании женщины в лагере были непрестанно заняты перевязкой стрелковых ран. Из жен Пророка жребий второй раз подряд пал на Умм Саляму; а среди прочих женщин, сопровождавших войско, чтобы ухаживать за ранеными и

[2] Коран 37, 177
[3] Коран 59, 14
[4] Коран 61, 4
[5] Коран 2, 249

поддерживать снабжение водой позади строя, были тетка Пророка Сафийя, Умм Айман, Нусайба и Умм Сулайм, мать Анаса.

Несколько дней не приносили никакого успеха; но на шестую ночь, когда 'Умар командовал стражей, в лагере был схвачен лазутчик, и в обмен на свою жизнь он дал им ценные сведения о различных крепостях, указав, какую из них взять легче всего, и посоветовав начать с той, которая плохо охранялась и в просторных подвалах которой хранилось множество оружия, в том числе и военные машины, употреблявшиеся в прежние времена против других крепостей, ибо Хайбар, подобно Ясрибу, часто страдал от междоусобиц. На следующий день эта крепость была взята, и машины были извлечены, чтобы использовать их при других приступах: баллиста для метания камней и два testudos для подведения людей к стенам под непробиваемой крышей, чтобы они могли проломить вход. Отчасти благодаря этим машинам более легкие крепости одна за другой падали. Первое серьезное сопротивление встретили они у твердыни по имени На'им. Здесь гарнизон выступил в большом числе, и в этот день все атаки мусульман были отбиты. «Завтра, - сказал Пророк, - я вручу знамя человеку, которого любит Бог и Его Посланник. Бог дарует нам победу его руками; это не тот, кто обращает вспять в бегстве».

В прежних походах Пророк употреблял в качестве знамен сравнительно небольшие флаги. Но к Хайбару он привез великое черное знамя, сделанное из плаща 'Аиши. Его называли «Орлом», и теперь он вручил его 'Али. Затем он вознес молитву за него и за прочих своих Сподвижников, чтобы Бог даровал им победу. После еще одного дня ожесточенного боя, в котором выдающимся образом отличились Зубайр и Абу Дуджана в красной чалме, 'Али повел своих людей в последний натиск, который отбросил гарнизон в глубь крепости, оставив мусульман хозяевами ворот. Крепость сдалась, но не раньше, чем многие ее люди успели бежать в другие твердыни через задний выход.

«Где же Бану Гатафан?» - этот вопрос звучал по всему Хайбару, но ответа не находил. На самом деле они действительно выступили с войском в четыре тысячи человек, как и обещали. Но после дня пути ночью они услышали странный голос, - не знали, с земли он или с неба, - и голос этот трижды подряд крикнул: «Ваши люди! Ваши люди! Ваши люди!» Тогда людям показалось, что их семьи в опасности, и они поспешно возвратились, откуда пришли, только чтобы найти все в полном порядке. Но, вернувшись, они уже не захотели выступать вторично, отчасти потому, что многие были убеждены: теперь они прибудут слишком поздно, чтобы успеть разделить разгром неприятеля.

Самая неприступная из твердынь Хайбара называлась Крепостью Зубайра. Она венчала высокую скалу, к воротам которой вел крутой подъем, тогда как со всех прочих сторон вздымались отвесные обрывы. Большинство воинов, спасшихся из других крепостей, присоединились к гарнизону этой цитадели, который твердо оставался внутри стен. Пророк осаждал их три дня, и затем один иудей из другой крепости пришел к нему и сказал, что у

них есть скрытый источник, который позволит им держаться почти бесконечно; и он предложил открыть ему эту тайну при условии, что его жизнь, имущество и семья будут в безопасности. Пророк согласился, и этот человек показал ему, где можно выкопать запруду и преградить подземный ручей, протекавший под скалами цитадели. Изнутри к нему вели ступени, и, поскольку поток никогда не пересыхал, они не держали запасов воды. Когда же источник был перекрыт, жажда вскоре вынудила их выйти и сражаться, и после жестокой битвы они были побеждены.

Последней из твердынь, оказавшей какое-либо сопротивление, был Камус. Он принадлежал семье Кинаны, одному из богатейших и могущественнейших родов Бану Надир. Некоторые из них давно жили в Хайбаре, тогда как другие члены семьи, включая самого Кинану, недавно поселились там после изгнания из Ясриба. Именно они особенно рассчитывали на помощь Гатафана, и неисполнение теми своего обещания нанесло им тяжелый удар; а затем их еще более деморализовали дурные вести, принесенные всеми теми беглецами, которые теперь стеклись в Камус. Тем не менее они продержались четырнадцать дней; затем Кинана послал слово, что желает вступить в переговоры с Пророком, и тот ответил, что готов их вести. Тогда вождь спустился из крепости с другими членами своего рода; и было условлено, что никто из гарнизона - ни они сами, ни их семьи - не будет ни предан смерти, ни обращен в плен, при условии, что они покинут Хайбар и все их имущество перейдет в собственность победителей. Затем Пророк прибавил еще одно условие, а именно: его обязательство щадить их жизни и отпускать на свободу теряет силу в отношении всякого, кто попытается скрыть какую-либо часть своего имущества. Кинана и прочие согласились на это; и Пророк призвал Абу Бакра, 'Умара, 'Али и Зубайра, а также десять иудеев в свидетели этого соглашения.

Но вскоре и иудеям, и мусульманам стало ясно, что значительные богатства скрываются. Где же знаменитое сокровище Бану Надир, которое они привезли с собой из Медины и которое столь пышно выставляли напоказ в своем шествии по ее улицам? Пророк расспросил об этом Кинану, и тот ответил, что с самого прибытия в Хайбар все сокровище было продано ради покупки нового оружия, доспехов и укреплений. Иудеи знали, что он лжет, и оттого еще больше трепетали, ибо многие из них теперь верили, что находятся в присутствии Пророка. Они полагали, что не обязаны следовать за ним, потому что он не был послан к ним; но пытаться обмануть его было бы, без сомнения, тщетно. Один из них, желавший блага Кинане, подошел к нему и умолял ничего не скрывать, ибо, если он это сделает, Пророк наверняка будет поставлен в известность. Кинана гневно одернул его; однако менее чем через сутки сокровище было найдено, и Кинана был казнен вместе с одним своим двоюродным братом, который оказался причастным к его сокрытию. Их семьи были обращены в плен.

После падения Камуса две оставшиеся крепости сдались на тех же условиях. Тогда иудеи Хайбара совещались между собою и послали к Пророку делегацию, предлагая, чтобы,

поскольку они искусны в ведении своих полей и садов, он позволил им остаться в их домах, а они будут платить ему ежегодную ренту в размере половины урожая. На это Пророк согласился; однако поставил условие, что если в будущем он решит изгнать их, они должны будут уйти. Затем распространился слух, что мусульмане намерены продолжить поход к Фадаку, небольшому, но богатому оазису к северо-востоку; и когда иудеи Фадака услышали об условиях, наложенных на Хайбар, они послали весть, предлагая сдаться на тех же условиях. Так Фадак стал собственностью Пророка, как и всякое иное достояние, которое было приобретено не силою оружия.

Когда все условия были окончательно согласованы и когда победоносное войско отдохнуло, вдова Саллама ибн Мишкама изжарила ягненка и отравила каждую его часть смертельным ядом, особенно сосредоточив отраву в плечах, ибо, расспросив, узнала, что Пророк предпочитает плечо ягненка прочим кускам. Затем она принесла его в лагерь и поставила перед ним; он поблагодарил ее и пригласил присутствовавших при нем Сподвижников разделить трапезу.

Так случилось, что рядом с Пророком сидел тогда человек из Хазраджа по имени Бишр, сын того самого Бара', который некогда привел мусульман Ясриба ко Второй 'Акабе и первым из всех когда-либо совершил установленную молитву в направлении Мекки. Когда Пророк взял в рот кусок ягненка, Бишр сделал то же и проглотил его; но Пророк выплюнул то, что было у него во рту, и сказал остальным: «Уберите руки ваши! Это плечо возвещает мне, что оно отравлено». Он послал за женщиной и спросил ее, не отравила ли она мясо. «Кто сообщил тебе это?» - спросила она. «Само плечо», - сказал Пророк. «Что побудило тебя сделать это?» - «Ты сам знаешь, - сказала она, - что ты сделал с моим народом; и ты убил моего отца, и моего дядю, и моего мужа. И я сказала себе: “Если он царь, то я буду хорошо избавлена от него; а если он Пророк, ему будет открыто об этой отраве”». Лицо Бишра уже стало пепельно-бледным, и вскоре он умер. Но Пророк все же простил эту женщину. [6]

Она была не единственной женщиной, потерявшей отца и мужа от рук мусульман. Среди пленниц, взятых вследствие того, что Кинана скрыл сокровище, была и его вдова Сафийя, дочь того самого Хуяйя, который убедил Бану Курайза нарушить свой договор с Пророком и был затем предан смерти вместе с ними после Битвы Рва. Ей было семнадцать лет, и с Кинаной она вступила в брак лишь за месяц или два до выступления Пророка из Медины. Этот брак, пока он длился, не был счастливым. В отличие от отца и мужа, Сафийя была натурой глубоко благочестивой. С ранней юности она слышала, как ее народ говорил о Пророке, который скоро должен был прийти, и это наполняло ее воображение. Затем стали говорить об арабе в Мекке, человеке из Курайша, который утверждал, что именно он и есть этот Пророк; а потом пришла весть, что он прибыл в Куба'. Это было семь лет назад, когда она была еще десятилетним ребенком; и она хорошо помнила, как отец и дядя с

[6] Бухари 51, 28

уверенностью отправились в Куба', чтобы убедиться, что этот человек - самозванец; но больше всего запечатлелось в ее памяти их возвращение поздней ночью, и оба они были в состоянии глубочайшего уныния. Из их слов ясно следовало, что они считают пришельца именно обещанным Пророком, но намерены противиться ему; и детский ум ее был этим смущен. [7]

Вскоре после замужества, незадолго до того как Пророк подошел к Хайбару, ей приснился сон. Она увидела на небе яркую луну и знала, что под нею лежит город Медина. Затем луна начала двигаться к Хайбару и упала ей на колени. Проснувшись, она рассказала Кинане, что увидела во сне; и тот ударил ее по лицу, сказав: «Это может означать лишь то, что ты желаешь себе царя Хиджаза, Мухаммада». След этого удара был еще виден, когда ее, уже пленницу, привели к Пророку. Он спросил ее, отчего этот след, и она рассказала ему свой сон. Между тем Дихья[1] из Бану Кальб, принявший ислам вскоре после Бадра, просил, чтобы Сафийя была дана ему как его доля в добыче Хайбара или как часть его доли, и Пророк согласился; но, услышав ее сон, послал за Дихьей[8] и сказал, что тот должен взять себе ее двоюродную сестру. После этого он сказал Сафийе, что готов отпустить ее на свободу, и предложил ей выбор: остаться иудейкой и вернуться к своему народу или принять ислам и стать его женой. «Я избираю Бога и Его Посланника», - сказала она; и они вступили в брак на первой стоянке во время обратного пути.

Но поход еще не был завершен, ибо вместо того, чтобы возвращаться прямой дорогой, какой пришли, Пророк взял немного к западу и осадил иудеев Вади-л-Кура в их крепостях. Они состояли в союзе с Хайбаром; и через три дня сдались на тех же условиях.

Ибн ал-Аква', асламит, который пел им на северном пути, был убит при Хайбаре во время штурма Цитадели. Его собственный меч каким-то образом обернулся против него и нанес ему смертельную рану, и один из Помощников заметил, что его нельзя считать мучеником. «Лжет тот, кто так говорит, - сказал Пророк. - Воистину, он проходит через сады Рая так же свободно, как пловец проходит сквозь воду».[9] Другой вопрос о мученичестве возник в Вади-л-Кура, где черный раб Пророка Каркара был убит стрелой, когда снимал седло с верблюда. Но Пророк ответил: «Он уже теперь горит в Аду под плащом, который украл в Хайбаре и который стал для него плащом пламени»[10].

Пророк имел обыкновение непрестанно предупреждать их, что привилегия жить рядом с ним в его общине налагает тяжелую ответственность, ибо Бог справедлив и будет судить

---

[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.354-355

[8] Он был человеком необыкновенной красоты, и Пророк сказал о нём: «Из всех людей, которых я видел, более всего на Джибриля был похож Дихья аль-Кальби». Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 4, 184

[9] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 662

[10] . Ибн Исхак «Жизнеописание Пророка Мухаммада», с.765

их строже, чем тех, кто жил в худшие времена, когда противиться злу было труднее. Он говорил: «Поистине, вы живете в век, когда всякий, кто опустит одну десятую закона, будет обречен. Но придет время, когда всякий, кто исполнит одну десятую закона, спасется».[11]

[11] Тирмизи 31, 79

70.КОГО ТЫ ЛЮБИШЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ

Когда победоносное войско после семинедельного отсутствия возвратилось в Медину, оказалось, что Джа'фар и его спутники уже прибыли туда. Он покинул Абиссинию двадцати семи лет от роду и теперь был сорокалетним мужчиной. Он не видел Пророка тринадцать лет, хотя между ними всё это время не прерывалась связь. Пророк обнял его и поцеловал между глазами. Потом сказал: «Не знаю, чему из двух я радуюсь больше: прибытию Джа'фара или победе при Хайбаре». Вместе с Джа'фаром была его жена Асма и трое их сыновей - 'Абдаллах, Мухаммад и 'Аун, родившиеся в Абиссинии.

С ним же приехала и Умм Хабиба; для неё уже было приготовлено жилище, и в честь её союза с Пророком был устроен второй брачный пир. Ей теперь было около тридцати пяти лет. Остальные жёны, кроме одной лишь 'Аиши, знали её ещё в Мекке. К тому же она была невесткой Зайнаб, а Сауда и Умм Салама были её близкими подругами в те первые дни, что они провели вместе в Абиссинии. Её приезда ожидали, и он не вызвал особого волнения. Куда больше тревожило жён неожиданное пополнение их дома - юная и прекрасная Сафийя. По прибытии в Медину Пророк временно поселил её в одном из домов неизменно гостеприимного Харисы; и, услышав о её красоте, 'Аиша послала к Умм Саламе, чтобы расспросить её о новой спутнице. «Она и вправду прекрасна, - сказала Умм Салама, - и Посланник Божий очень её любит». Тогда 'Аиша пошла в дом Харисы и вошла вместе с толпой женщин, пришедших навестить новобрачную. Сама она была под покрывалом и, не открывая, кто она, держалась несколько поодаль, но достаточно близко, чтобы собственными глазами убедиться: Умм Салама сказала правду. Потом она вышла, но Пророк, бывший там, узнал её и, последовав за нею, спросил: «О 'Аиша, какою ты её нашла?» - «Я увидела в ней, - сказала 'Аиша, - иудейку, как и всякую другую иудейку». - «Не говори так, - сказал Пророк, - ибо она вошла в ислам и утвердилась в своём исламе».

И всё же Сафийя была особенно уязвима среди жён из-за своего отца. «О дочь Хуяйя» - само по себе это было почтительным обращением, но в ином тоне могло прозвучать как оскорбление; и однажды она пришла к Пророку в слезах, потому что одна из её новых спутниц пыталась заставить её почувствовать себя ниже других. Он сказал: «Скажи им: мой отец - Харун, а мой дядя - Муса».

Из всех жён Сафийя была ближе всех по возрасту к 'Аише, ближе даже, чем Хафса, которой теперь было двадцать два года. Поначалу это усилило страхи 'Аиши; но по мере того как проходили недели, две самые молодые жены начали испытывать друг к другу некоторую симпатию, и Хафса тоже подружилась с новой пришедшей. «Мы разделились на две группы, - говорила 'Аиша в последующие годы, - в одной были я, Хафса, Сафийя и Сауда, а в другой - Умм Салама и остальные жёны».

'Аише тогда шёл шестнадцатый год; в некоторых отношениях она была взрослa не по летам, а в других - нет. Её чувства почти всегда ясно читались на лице, да и на языке тоже. «(Однажды) Посланник Аллаха сказал ‘Аише: “Поистине, я знаю, когда ты довольна мной, а когда сердишься на меня”. ‘Аиша спросила: “Откуда же ты знаешь это?” Он ответил: “Когда ты мной довольна, ты говоришь: ‘Нет, клянусь Господом Мухаммада!’ - а когда сердишься, говоришь: ‘Нет, клянусь Господом Ибрахима!”»[1]. В другой раз, когда Пророк пришёл к ней несколько позже, чем она ожидала, она сказала ему: «Где ты был до сих пор? » - «О светловолосая маленькая, - сказал он, - я был у Умм Саламы». - «Неужели тебе ещё мало Умм Саламы? » - сказала она; а когда он улыбнулся, не ответив, прибавила: «О Посланник Божий, скажи мне о самом себе. Если бы ты оказался между двумя склонами долины, один из которых был уже стравлен, а другой ещё нет, где бы ты пас своё стадо? » - «Там, где ещё не пасли», - сказал Пророк. - «Вот именно, - сказала она, - а я не такова, как прочие твои жёны. У каждой из них был муж до тебя - кроме меня». Пророк улыбнулся и ничего не сказал.[2]

'Аиша хорошо знала, что не может иметь Пророка только для себя одной. Она была одной женщиной, а он был как двадцать мужчин. Откровение сказало о нём: **Поистине, твой нрав - великого величия**. Он словно был целым миром в себе самом, соизмеримым с внешним миром и в каком-то таинственном смысле единым с ним. Она не раз замечала, что если раздавался гром, даже вдали, лицо его менялось в цвете; так же заметно трогал его и звук сильного порыва ветра; а по меньшей мере однажды, когда хлынул ливень, он обнажил голову, плечи и грудь и вышел под открытое небо, чтобы разделить с землёю радость принятия небесной милости прямо на свою кожу.

Но ревновала 'Аиша не меньше оттого, что он был не таков, как прочие люди; однако она знала, что ревность, в отличие от любви, принадлежит лишь этой жизни. Говоря о Рае, Откровение не раз обещало: **И изъяли Мы злобу, что в их груди**.[3] Однажды она сказала Пророку: «О Посланник Божий, кто будут твоими жёнами в Раю?» - «Ты будешь среди них», - ответил он; и эти слова она хранила до конца своей жизни, как и другие его слова, сказанные ей однажды: «Здесь Джибриль, и он передаёт тебе привет мира». - «Мир ему, и милость Божия, и благословение Его!» - ответила она.[4]

О своей ревности она позднее говорила так: «Я не ревновала ни к одной другой жене Пророка так, как ревновала к Хадидже, - из-за того, что он постоянно её поминал и потому, что Бог велел ему возвестить ей благую весть о дворце в Раю из драгоценных камней. И всякий раз, когда он закалывал овцу, он посылал добрую часть её тем, кто был её близкими

[1] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 8, 47
[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 8, 55
[3] Коран 7, 42; Коран 15,47
[4] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 7, 55

друзьями. Не раз говорила я ему: словно и не было на свете другой женщины, кроме одной только Хадиджи».[5]

Восприятие и отклик у 'Аиши были необычайно быстры. Вскоре после Хайбара, а может быть, немного прежде, Хала, мать Абу-ль-'Аса, приехала в Медину навестить своего сына, свою невестку Зайнаб и маленькую внучку Умаму; и однажды, когда Пророк находился в комнате 'Аиши, в дверь постучали, и послышался женский голос, спрашивавший позволения войти. Пророк побледнел и задрожал; и 'Аиша, мгновенно угадав причину, была захлестнута волной ревности и стала его упрекать, ибо поняла, что в голосе Халы он услышал голос её сестры Хадиджи. Позднее он подтвердил это и сказал, что даже сама её манера просить дозволения войти была такая же, как у его покойной жены.[6]

Сауда, теперь уже несколько постаревшая, отдала свой день с Пророком 'Аише, потому что была уверена: это очень его обрадует; и вся община, включая других жён, не сомневалась, что из всех тогда живших жён именно 'Аишу Пророк любил больше всех. Это было не просто предположение, ибо время от времени тот или иной из его сподвижников задавал ему вопрос: «О Посланник Божий, кого ты любишь больше всех в мире?» И хотя он не всегда отвечал одинаково, потому что сильно любил во многих направлениях - своих дочерей и их детей, 'Али, Абу Бакра, Зайда и Усаму, - среди его ответов иногда была 'Аиша, но никогда - ни одна из прочих жён. Поэтому в Медине стало входить в обычай, что если кто-нибудь хотел попросить у Пророка милости и приносил ему дар в надежде на благосклонность, как это рекомендовал Коран, то откладывал подношение до того дня, когда Пророк находился в доме 'Аиши, полагая, что тогда он счастливее всего и потому более готов оказать милость. Это породило недовольство в доме Пророка, и Умм Салама пришла к нему от имени себя и других с просьбой объявить, чтобы всякий, желающий принести ему подарок, делал это, не дожидаясь дня, когда он будет в том или ином доме. Пророк ничего ей не ответил; она спросила вторично - и он снова промолчал. Тогда она спросила в третий раз, и он сказал: «Не тревожь меня из-за 'Аиши, ибо поистине Откровение не нисходит ко мне, когда я нахожусь под покрывалом какой-либо жены, кроме той жены, что есть 'Аиша»[7]. Умм Салама сказала: «Я каюсь перед Богом в том, что тревожила тебя». Но другие жёны не захотели на этом остановиться и послали к Фатиме, попросив её вмешаться от их имени и сказать ему: «Твои жёны заклинают тебя Богом быть справедливым к ним в отношении дочери Абу Бакра». Фатима неохотно согласилась, но несколько дней откладывала это, пока наконец её двоюродная сестра Зайнаб, дочь Джахша, не пришла к ней и не настояла. Тогда она пошла к отцу и сказала то, что её просили сказать. «Доченька моя, - сказал Пророк, - разве ты не любишь того, что люблю я?» И когда она согласилась, он сказал: «Тогда люби её» - имея в виду 'Аишу. Потом он спросил: «Это ведь

[5] Бухари 53,20
[6] Бухари 53,20
[7] Бухари 51,8

Зайнаб тебя послала, не так ли?» - «Зайнаб и остальные», - сказала Фатима. - «Клянусь, - сказал Пророк, - это она всё затеяла». И когда Фатима призналась, он улыбнулся.

Она вернулась к жёнам и рассказала, что произошло. «О дочь Посланника Божия, ты ничем нам не помогла!» - сказали они. Они стали уговаривать её пойти во второй раз, но она отказалась; тогда они сказали Зайнаб: «Иди ты», - и та пошла к Пророку. В конце концов он велел 'Аише отвечать ей, и та привела такие доводы, на которые Зайнаб уже не нашлась что сказать. Пророк был обязан быть справедливым и беспристрастным к своим жёнам и побуждать других следовать его примеру; но он не нёс ответственности за справедливость других по отношению к его собственным жёнам. И его деликатность не позволила бы ему вмешаться: ему надлежало с благодарностью принимать дар, а всё прочее оставлять на совести дарителя. Когда Зайнаб ушла, он сказал 'Аише: «Ты и впрямь дочь Абу Бакра».[8]

Ревность в доме Пророка была неизбежна, и он делал всё, чтобы обращать её в шутку. Однажды он вошёл в комнату, где собрались его жёны и другие члены его семьи, и в руке у него было ожерелье из оникса, только что ему подаренное. Держа его перед ними, он сказал: «Я отдам это той, кого люблю больше всех». Некоторые из жён тотчас стали с кислой усмешкой перешёптываться: «Он отдаст это дочери Абу Бакра». Но, подержав их некоторое время в ожидании, он подозвал к себе свою маленькую внучку Умаму и надел ожерелье ей на шею.

Не менее горячо он любил и своих внуков - сыновей 'Али и Фатимы. «Самые дорогие мне из людей моего дома - Хасан и Хусайн», - говорил он. Усама тоже считался как бы внуком, и не раз Пророк брал Усаму и Хасана за руки и молился: «О Боже, я люблю их - полюби же и Ты их!»[9]

[8] Бухари 51,8; Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 8, 123
[9] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 6/1, 43

71.**ПОСЛЕ ХАЙБАРА**

За походом на Хайбар последовали шесть сравнительно небольших экспедиций; две из них, под началом соответственно ‘Умара и Абу Бакра, были направлены против враждебных кланов племени Хавазин, чьи земли перекрывали главный путь в Йемен. Остальные были посланы на восток и на север, против кланов Гатафана. Две из них были обращены против Бану Мурра, чья территория примыкала к оазису Фадак, который теперь принадлежал Пророку. Евреи Фадака, сведённые к положению его арендаторов, нуждались в защите от бедуинов; но силу этих грабителей в Медине недооценили, так что в первую экспедицию отправили лишь тридцать человек, и почти все они были убиты. Пророк тотчас же выслал второй отряд в двести человек, и враг был обращён в бегство, понеся большие потери. Были также взяты пленные, а кроме того - верблюды и овцы.

Семнадцатилетнему Усаме было дозволено участвовать в этой экспедиции. Он находился с войском за Рвом, но это была его первая настоящая кампания в полном смысле слова. Во время столкновения один из людей Мурры насмехался над ним из-за его юности. Вскоре ему пришлось об этом пожалеть. И без того стремившийся показать свою доблесть, Усама теперь был разъярён до предела и погнался за этим человеком далеко в пустыню, вопреки приказу, данному перед боем, держаться всем вместе. Наконец он настиг его и ранил, после чего тот из племени Мурра воскликнул: *La ilaha illa Llah* - нет бога, кроме Бога. Но, несмотря на это исповедание ислама, Усама нанёс ему смертельный удар.

Командиром экспедиции был Галиб ибн ‘Абд Аллах;[1] и одной из первых его мыслей после битвы было: «Где Усама? » Он и все остальные в войске знали, как сильно Пророк любит сына Зайда; и потому, несмотря на победу, лагерь, в который Усама вернулся через час после наступления ночи, был чрезвычайно мрачен. Галиб сурово отчитал его.

- Я погнался за человеком, который издевался надо мной, - сказал юноша, - и когда я настиг его и уже ранил, он сказал: *La ilaha illa Llah.*

- И тогда ты вложил меч в ножны? - спросил Галиб.

- Нет, - ответил Усама, - не прежде, чем заставил его испить чашу смерти.

Тогда весь лагерь разразился упрёками, и он, охваченный стыдом, закрыл лицо руками. Во время обратного пути он не мог заставить себя есть. Старшие хорошо знали о ниспосланном прежде откровении, связанном с одним или двумя случаями, когда верующий собирался убить неверного, а тот внезапно провозглашал ислам; и победитель, досадуя на то, что лишится доспехов и оружия, которые уже считал своей добычей, говорил: «Ты не

[1] Из племени Бани Лайс, род Кинаны

верующий» - и убивал его. В случае Усамы движущей силой была не добыча, а честь, но принцип был тот же. Ниспосланный аят гласил:

О вы, которые уверовали! Когда отправляетесь по пути Аллаха, то различайте и не говорите тому, кто предложит вам мир: "Ты не верующий", - домогаясь случайностей жизни ближней. Ведь у Аллаха - обильная добыча. Таковы были вы раньше, но Аллах оказал вам милость. Различайте же: поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!.[2]

Как только они вернулись в Медину, Усама пошёл к Пророку, и тот с любовью обнял его. Затем сказал:

- Теперь расскажи мне о своём походе.

И Усама рассказал ему обо всём, что произошло с того времени, как они выступили. Когда он дошёл до места, где убил того человека, Пророк сказал:

- Неужели ты, о Усама, убил его после того, как он произнёс: *la ilaha illa Llah*?

- О Посланник Бога, - ответил он, - он сказал это лишь для того, чтобы избежать смерти.

- Так значит, - сказал Пророк, - ты рассёк ему сердце и узнал, правду ли он говорил или лгал?

- Никогда больше не убью я человека, который скажет: *la ilaha illa Llah*, - ответил Усама.

И впоследствии он говорил: «Мне хотелось бы, чтобы я вошёл в ислам только в тот день».[3] Ибо Пророк утверждал, что вступление в религию стирает вину всех прежних грехов.

После возвращения из Хайбара Пророк сам оставался в Медине девять месяцев. Несмотря на меньшие походы, перемирие на юге и победа на севере сделали эти месяцы временем относительного мира и благополучия, хотя богатства, приобретённые в Саду Хиджаза, породили и некоторые проблемы.

Однажды утром ‘Умар пришёл к дому Посланника, и, приблизившись, услышал женские голоса, поднятые до такого тона, который он счёл неподобающим в присутствии Пророка. К тому же это были женщины из Курейша, то есть из числа мухаджиров, и это лишь укрепило его мнение, что они перенимают дурные привычки у женщин Медины, которые из поколения в поколение были менее сдержанными и более настойчивыми, чем женщины Мекки. Пророк не любил отказывать в просьбах, что им было хорошо известно, и теперь

---

[2] Коран 4, 94

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 725

они довольно настойчиво просили его отдать им разные одежды, доставшиеся ему как часть пятой доли из военной добычи. Часть комнаты была отделена занавесью, и, когда услышали голос ‘Умара, просящего разрешения войти, внезапно воцарилась полная тишина, а женщины с такой поспешностью скрылись за занавесью, что, войдя, он застал Пророка безмолвствующим от смеха.

- Да наполнит Бог твою жизнь смехом, о Посланник Бога, - сказал он.

- Поистине удивительно, - ответил Пророк, - как эти женщины, что только что были со мной, едва услышав твой голос, мгновенно скрылись за занавесью!

- Скорее уж им надлежит страшиться тебя, а не меня, - сказал ‘Умар.

Потом, обращаясь к женщинам, он воскликнул:

- О враги самих себя! Вы боитесь меня и не боитесь Посланника Бога?

- Именно так, - ответили они, - ибо ты грубее и суровее Посланника Бога.

- Это правда, о сын Хаттаба, - сказал Пророк. А затем прибавил: - Клянусь Тем, в Чьей длани моя душа: если бы сатана увидел, что ты идёшь по одной дороге, он сам избрал бы любую другую, только не твою.[4]

Новое богатство и связанное с ним облегчение положения ободрили даже Умм Айман просить Пророка о милости. Она уже давно чувствовала нужду в верблюде, которого могла бы назвать своим, и потому пришла к нему и попросила дать ей верховое животное. Он серьёзно посмотрел на неё и сказал:

- Я посажу тебя на детёныша верблюда.

- О Посланник Бога, - воскликнула она, решив, что он говорит о верблюжонке, - это мне не годится. Мне этого не надо.

- Я не посажу тебя ни на что иное, кроме как на детёныша верблюда, - сказал он.

Так препирательство продолжалось до тех пор, пока улыбка на лице Пророка не дала ей понять, что он шутит и что всякий верблюд непременно является детёнышем другого верблюда.[5]

---

[4] Бухари 62,6

[5] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 163

В другой день, однако, ‘Умар застал Пророка в менее хорошем расположении духа: голова его покоилась на руке, прижатой к щеке.

- О ‘Умар, - сказал он, - они требуют от меня того, чего у меня нет.

Ещё по дороге к Хайбару, говоря об умножении богатств, которые обещанная победа принесёт Медине, он сказал: «Не будет это вам на благо». И оказалось, что он говорил правду - это касалось и его собственного дома, и всех прочих. До тех пор Пророк и его семья жили в величайшей простоте. ‘Аиша говорила, что до Хайбара не знала, что значит есть финики досыта. Такова была бедность их всё возрастающего круга иждивенцев, что жёны Пророка просили у него только необходимое - и то не всегда. Вещи, без которых можно было обойтись, раздавались или продавались, чтобы вырученные деньги пошли на милостыню. Но теперь Пророк имел удовольствие дарить своим жёнам подарки, а они, со своей стороны, не замедлили научиться просить большего, что порой создавало трудности, ибо справедливость требовала, чтобы то, что дано одной, было дано всем. В то же время они начали пользоваться его снисходительностью и в других отношениях.

Однажды ‘Умар упрекнул свою жену за что-то, а она резко ему возразила; и когда он стал выражать своё негодование, она ответила, что жёны Пророка имеют обыкновение перечить ему - так почему же ей не делать того же?
- И есть среди них одна, - добавила она, имея в виду их дочь, - которая говорит ему всё, что думает, от утра до ночи, ничуть не смущаясь.

Это сильно встревожило ‘Умара, и он пошёл к Хафсе, которая не стала отрицать, что слова её матери справедливы.

- У тебя нет ни прелести ‘Аиши, ни красоты Зайнаб, - сказал он, надеясь поколебать её самоуверенность; а когда эти слова, по-видимому, не произвели впечатления, прибавил: - Неужели ты так уверена, что, если разгневаешь Пророка, Бог не погубит тебя в Своём гневе?[6]

Потом он отправился к своей двоюродной сестре Умм Саламе и сказал:

- Правда ли, что вы говорите Посланнику Бога всё, что у вас на уме, и отвечаете ему без должного почтения?

- О диво дивное! - воскликнула Умм Салама. - Какое тебе дело вмешиваться между Посланником Бога и его жёнами? Да, клянусь Богом, мы говорим ему то, что у нас на уме;

[6] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 131

и если он позволяет нам это, то это его дело, а если запретит - он найдёт нас более покорными ему, чем тебе.[7]

‘Умар почувствовал, что зашёл слишком далеко и что упрёк был справедлив; но сомнений быть не могло: в доме Пророка было неблагополучно.

Тот сравнительно резкий перелом, который вскоре произошёл, был отчасти вызван совсем неожиданным событием. На письмо Пророка к Мукаукису с призывом принять ислам последовал уклончивый ответ; но вместе с ответом правитель Египта прислал богатые дары: тысячу мер золота, двадцать одежд из тонкой ткани, мула, ослицу и, как венец подарка, двух коптских христианок-рабынь в сопровождении пожилого евнуха. Девушки были сёстрами - Мария и Сирин; обе были прекрасны, но Мария отличалась необыкновенной красотой, и Пророк дивился её красоте. Сирин он отдал Хассану ибн Сабиту, а Марию поселил в соседнем доме, где прежде жила Сафийя, пока для неё не было построено помещение рядом с мечетью. Туда он приходил к Марии и днём и ночью; но жёны его стали столь явно ревновать, что она чувствовала себя несчастной, и тогда он поселил её в верхней части Медины. ‘Аиша и прочие сперва испытали облегчение, но вскоре поняли, что ничего не выиграли. Ибо Пророк не стал навещать Марию реже, а увеличившееся расстояние делало его отсутствия ещё более долгими.

Они хорошо знали, что он вполне находится в своём праве - в правах, признанных ещё со времён Авраама и даже раньше. Разве не все они, кроме Сафийи, происходили от союза Авраама с рабыней Агарью? Более того, закон, ниспосланный Моисею, подтверждал такие права, и сам Коран прямо дозволял господину взять свою рабыню наложницей, если она свободно на это согласна. Но жёны знали также, что Пророк чрезвычайно чувствителен, и позаботились о том, чтобы вся его домашняя жизнь теперь была пронизана их нарочито нескрываемыми чувствами. Особенно Хафса давала волю таким проявлениям, так что Пророк в конце концов был побуждён поклясться, что больше не будет видеться с Марией; и ‘Аиша была сообщницей Хафсы в этом деле.

Откровение, которое было ниспослано теперь, известно как сура «Запрещение»[8], ибо оно начинается упрёком Пророку за то, что он запретил Марии вход в свою жизнь:

О, пророк, почему ты запрещаешь то, что разрешил тебе Аллах, домогаясь расположения своих жен?

Затем, формально освобождая его от клятвы, сура обращается к Хафсе и ‘Аише, хотя и не называя их по имени:

---

[7] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 137

[8] Коран 66

Если вы обе обратитесь к Аллаху... , ведь склонились ваши сердца. А если открыто будете противиться ему... , то ведь Аллах - его защитник, и Джибрил, и праведный из верующих, и ангелы после этого - помощники.

Следующий аят обращён ко всем жёнам:

Может быть, его Господь, если он даст вам развод, заменит ему женами лучшими, чем вы - предавшимися, верующими, благочестивыми, обращающимися, поклоняющимися, паломничающими, вдовами и девицами.

Сура завершается примерами из священной истории - двух дурных женщин и двух совершенных:

Аллах привел притчей для тех, которые не веровали, жену Нуха и жену Лута. Обе были за рабами из Наших рабов праведными, и обе изменили им. Но ни в чем не избавили они себя от Аллаха, и сказано было: "Войдите в огонь вместе с входящими!"

И приводит Аллах притчей для тех, которые уверовали, жену Фирауна. Вот она сказала: "Господи! Сооруди мне у Себя дом в раю, и спаси меня от Фирауна и его дела, и спаси меня от народа неправедного!"

...И Марйам, дочь Имрана, которая сберегла свои члены, и Мы вдунули в нее от Нашего духа. И она сочла истиной слова ее Господа и Его писания и была из числа благочестивых..

Прочитав это откровение своим жёнам, Пророк оставил их размышлять над ним и удалился в крытую веранду - это было единственное его помещение, кроме их отдельных комнат. По Медине распространилась весть, что он развёлся со своими жёнами, и той же ночью она дошла до ‘Умара. На рассвете он, как обычно, пришёл в мечеть, но сразу после молитвы, прежде чем ‘Умар успел обратиться к нему, Пророк удалился в свою веранду. ‘Умар пошёл к Хафсе и застал её в слезах.

- Почему ты плачешь? - спросил он и, не дав ей ответить, прибавил: - Разве я не говорил тебе, что это случится? Разве Посланник Бога развёлся с вами?

- Не знаю, - сказала она, - но он там, один, в этой веранде.

Вход в неё был из мечети, и ‘Умар вернулся туда. Вокруг кафедры собралась группа людей. Некоторые из них плакали. ‘Умар посидел с ними немного, а потом, не в силах долее сдерживать свои чувства, подошёл к двери веранды, где стоял чёрный абиссинский мальчик, слуга Пророка.

- Попроси для ‘Умара разрешения войти, - сказал он мальчику.

Тот вошёл, а затем вскоре вышел и сказал:

- Я упомянул тебя, но он промолчал.

‘Умар вернулся на своё место. Затем снова подошёл просить позволения войти, и снова ему сказали, что Пророк не ответил. То же повторилось и в третий раз; но как раз когда ‘Умар уже отвернулся, мальчик окликнул его и сказал, что Пророк велел ему войти.

‘Умар вошёл и увидел его лежащим на циновке. На его спине, которая была частично обнажена, ясно отпечатались следы плетения. Рядом лежала кожаная подушка, набитая пальмовым волокном, и на неё он опирался. Глаза его были опущены, и он не взглянул на ‘Умара, когда тот вошёл.

- О Посланник Бога, - сказал ‘Умар, - ты развёлся со своими жёнами?

Пророк поднял глаза и посмотрел на него.

- Нет, не развёлся, - ответил он.

- *Аллаху акбар!* - воскликнул ‘Умар так громко, что его голос услышали во всех соседних домах.

Умм Салама потом говорила: «Я плакала, и всякий, кто приходил ко мне, спрашивал: “Развёлся ли с тобой Посланник Бога?” И я отвечала: “Клянусь Богом, не знаю”. Так продолжалось, пока ‘Умар не пришёл к Пророку. Мы услышали его возглас величания - а все мы были в своих комнатах - и поняли, что Посланник Бога ответил “нет” на его вопрос».

На самом деле у всех в уме был лишь один вопрос, и они были уверены, что ‘Умар особенно озабочен им из-за своей дочери.

- Я стоял там, - рассказывал ‘Умар, - и пытался понять состояние Посланника Бога; и сказал: «Мы, мужчины Курейша, привыкли властвовать над своими жёнами, но когда пришли в Медину, то оказались среди людей, у которых жёны берут верх над мужьями».

Он увидел, как по лицу Пророка скользнула тень улыбки, и продолжал, рассказывая, что прежде говорил Хафсе в предостережение; и снова Пророк улыбнулся… Тогда он осмелился сесть. И вновь его поразила убогость комнаты: циновка на полу, три кожаные подушки - и больше ничего. Он предложил Пророку позволить себе немного больше роскоши и, для сравнения, упомянул греков и персов, но был остановлен словами:

- Неужели ты сомневаешься, о сын Хаттаба? Их блага были ускорены для них в этой их земной жизни.

Это было время новолуния, и Пророк дал понять своим жёнам, что не желает видеть ни одну из них, пока месяц не пройдёт. Когда луна совсем исчезла, он первым вошёл в комнату ‘Аиши. Обрадованная его появлением, но удивлённая, она сказала ему:

- Прошло всего двадцать девять ночей.

- Откуда ты знаешь? - спросил он.

И она ответила:

- Я считала их - как же я считала их!

- Но это был месяц в двадцать девять дней, - сказал он.

Она забыла, что лунный месяц иногда бывает не тридцать, а только двадцать девять дней. Тогда он поведал ей о другом откровении, которое получил и которое делало необходимым предложить ей выбор между двумя возможностями. Он сказал, что просил её отца помочь ему, дав ей совет в этом деле.

- Нет, - сказала ‘Аиша, - никто не будет помогать тебе в том, что касается меня. Но скажи мне, что это, о Посланник Бога?

Он ответил:

- Бог предлагает тебе такой выбор, -

и затем прочёл новониспосланные аяты:

О пророк, скажи твоим женам: "Если вы желаете ближней жизни и ее прикрас, то приходите: я дам вам насладиться и отпущу вас прекрасным способом. А если вы хотите Аллаха и Его посланника и последнего жилища, то Аллах уготовал добродеющим из вас великую награду..[9]

Она сказала:

- Воистину, я желаю Бога, Его Посланника и обитель Последней жизни.

И не было ни одной из его жён, которая не сказала бы того же.

[9] Коран 33, 28-29

72.МАЛОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Шли месяцы, и с подписания договора в Худайбийе минул почти целый год. Теперь настало время отправиться в Мекку, согласно обещанию курайшитов, что Пророку и его сподвижникам будет обеспечен безопасный доступ в Священную ограду для совершения обряда малого паломничества. Всего паломников было около двух тысяч, включая тех, кто собирался совершить паломничество в предыдущем году, за исключением немногих, умерших или павших в бою. Среди тех, кого не было при Худайбийе, находился Абу Хурайра, человек из племени Бану Даус.[1] Он прибыл в Медину вместе с другими соплеменниками во время похода на Хайбар и, будучи неимущим, присоединился к людям Суффы. При вступлении в ислам его имя было изменено на Абд ар-Рахман, но все знали его как Абу Хурайру - «человека с котёнком», буквально «отца котёнка», потому что, подобно Пророку, он очень любил кошек и часто играл с котёнком. Вскоре он снискал расположение Пророка, который в этот раз поручил ему надзор за некоторыми жертвенными верблюдами.

Когда курайшиты услышали, что паломники достигли границы священной территории, они покинули всю ложбину Мекки и удалились на вершины окрестных холмов. Предводители курайшитов собрались на горе Абу Кубайс, откуда могли смотреть вниз, на Мечеть. Оттуда же открывался широкий вид на окрестности, и вот они увидели, как паломники длинной вереницей выходят из северо-западного прохода, ведущего в долину чуть ниже города. Вскоре до их слуха донёсся неясный гул, быстро ставший различимым как древний клич паломников: **«Лаббайка Аллахумма лаббайк»** - *Вот я, о Боже, к Твоим услугам*.

Длинное шествие мужчин с непокрытыми головами, в белых одеждах, возглавлял Пророк, ехавший на Касве; рядом пешком шёл Абдаллах ибн Раваха, держа поводья. Остальные были частью верхом на верблюдах, частью пешими. Они направились прямо к Священному Дому ближайшим путём. Каждый был облачён в верхнюю одежду как в плащ, но у входа в Мечеть Пророк поправил своё одеяние: пропустил его под правой рукой, оставив плечо обнажённым, и перекинул оба конца через левое плечо так, что они спадали спереди и сзади. Остальные последовали его примеру. Всё ещё не сходя с верхового животного, он подъехал к юго-восточному углу Каабы и с благоговением коснулся Чёрного Камня своим посохом. Затем он совершил семь обходов вокруг Дома, после чего удалился к подножию небольшого холма Сафа и семь раз прошёл между ним и холмом Марва, завершив на Марве, куда к тому времени уже подвели многих жертвенных животных. Там он принёс в жертву верблюда, а Хираш - тот самый, что брил его и в Худайбийе, - сбрил ему волосы. Этим завершился обряд малого паломничества.

Затем он вернулся к Мечети, намереваясь войти в Священный Дом, хотя тот и был загромождён идолами. Но двери были заперты, а ключ находился у одного из членов рода

[1] См.стр.54-55

Абд ад-Дар. Пророк послал человека попросить его, однако вожди курайшитов ответили, что это не входит в их соглашение, ибо вход в Дом не является частью обряда паломничества. И потому в тот год никто из мусульман в него не вошёл; но когда солнце достигло зенита, Пророк велел Билялу подняться на крышу Каабы и произнести призыв к молитве. Его звучный голос наполнил всю мекканскую долину и вознёсся до самых вершин холмов: сперва с возвеличением Бога, а затем с двумя свидетельствами ислама: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога. Свидетельствую, что Мухаммад - Посланник Бога». С Абу Кубайса вожди курайшитов могли ясно различить Биляла, и вид чёрного раба на крыше Священного Дома привёл их в ярость. Но ещё более остро они сознавали, что это - торжество врага, которое может иметь неисчислимые последствия, и горько сожалели о том, что подписали договор, который год назад казался им выгодным.

Паломники провели в опустевшем городе три дня. Шатёр Пророка был поставлен в Мечети. Ночами те мекканцы, которые тайно исповедовали ислам, незаметно спускались с холмов, и происходило множество радостных встреч. Аббас, ислам которого курайшиты терпели, открыто провёл большую часть этих трёх дней с Пророком. Именно тогда он предложил ему в жёны сестру своей жены - Маймуну, ныне вдову, и Пророк согласился. Маймуна и Умм аль-Фадль были полнородными сёстрами, а вместе с ними в доме Аббаса жила их единоутробная сестра Сальма, вдова Хамзы, и её дочь Умара. Али предложил, чтобы их двоюродную родственницу, дочь Хамзы, не оставляли среди идолопоклонников; с этим согласились и Пророк, и Аббас. Поскольку Фатима была среди паломников, решили, что она увезёт Умару с собой в своём худадже.

Когда три дня истекли, Сухайль и Хувайтиб спустились с Абу Кубайса и сказали Пророку, который сидел вместе с Са‘дом ибн Убадой и другими ансарами: «Твоё время вышло, так уходи же от нас». Пророк ответил: «Разве повредило бы вам, если бы вы дали мне немного отсрочки, чтобы я мог отпраздновать среди вас свою свадьбу и приготовить для вас угощение?» - «Нам не нужно твоё угощение, - сказали они. - Уходи от нас. Заклинаем тебя Богом, о Мухаммад, и договором, который между нами, покинь нашу землю. Это была третья ночь, и теперь она уже прошла». Са‘д разгневался на их невежливость, но Пророк заставил его умолкнуть, сказав: «О Са‘д, не говори дурных слов тем, кто пришёл навестить нас в нашем лагере!» Затем он распорядился, чтобы к наступлению ночи каждый паломник покинул город. Но для своего слуги Абу Рафи‘а он сделал исключение, велев ему остаться и привести с собой Маймуну. Так и было сделано; а брак был завершён в Сарифе, в нескольких милях за пределами Священной ограды.

Этот новый союз установил ещё одно непредвиденное родство с врагом. Маймуна, Умм аль-Фадль и их единоутробные сёстры Сальма и Асма были дочерьми одной и той же матери. Но у Маймуны и Умм аль-Фадль была ещё и единокровная сестра по отцу по имени

Асма,[2] вдова великого Валида из рода Махзум. Именно она родила ему Халида, который теперь, через брак, стал племянником Пророка.

Однажды, вскоре после возвращения в Медину, Пророка разбудил от послеобеденного отдыха звук довольно горячего спора. Он узнал голоса Али, Зайда и Джа‘фара, и было ясно, что все трое спорят между собой. Ясно было и другое: чем дольше они препирались, тем дальше были от согласия. Открыв дверь комнаты, в которой находился, он позвал их к себе и спросил, в чём причина их спора. Они воскликнули, что это вопрос чести: кому из них принадлежит большее право быть опекуном дочери Хамзы, которая с тех пор, как прибыла из Мекки, жила в доме Али. «Подойдите ко мне, - сказал Пророк, - и я рассужу между вами». Когда все уселись, он сперва обратился к Али и спросил, что тот скажет в свою пользу. «Она дочь моего дяди, - ответил он, - и это я вывез её из Мекки, так что у меня больше прав на неё». Затем Пророк обратился к Джа‘фару, и тот сказал: «Она дочь моего дяди, а сестра её матери живёт в моём доме». Его жена Асма была тёткой Умары по матери. Что же до Зайда, то он просто сказал: «Она дочь моего брата», ибо Пророк, когда они впервые пришли в Медину, установил братство между Хамзой и Зайдом, а Хамза завещал Зайду ведение своих дел. Не было сомнения, что каждый из троих был убеждён в наилучшем праве на эту почётную обязанность. Поэтому, прежде чем вынести решение, Пророк сказал каждому слова похвалы. Тогда-то он и сказал Джа‘фару: «Ты похож на меня и внешностью, и нравом».[3] Лишь увидев, что сделал счастливым каждого из них, он объявил своё решение - в пользу Джа‘фара. «У тебя больше прав на неё, - сказал он. - Тётка со стороны матери подобна матери». Джа‘фар ничего не ответил, но поднялся и стал кружиться вокруг Пророка танцующими шагами. «Джа‘фар, что это?» - спросил Пророк. Тот ответил: «Так я видел у абиссинцев, когда они выражают почтение своим царям. Если Негус давал человеку вескую причину для радости, тот вставал и начинал кружиться перед ним».

Прошло немного времени, и Пророк устроил брак между Умарой и своим пасынком, её двоюродным братом Саламой, чьим отцом, Абу Саламой, был сын Барры, сестры Хамзы. По этому случаю Пророк сказал: «Отплатил ли я теперь Саламе в достаточной мере?» Он имел в виду, что обязан Саламе за то, что тот отдал ему в жёны свою мать, Умм Саламу, а теперь, в ответ, он дал Саламе невесту.

Вход Пророка в Мекку был засвидетельствован самыми видными людьми курайшитов. Но было и два примечательных исключения: Халида и Амра не было на Абу Кубайсе, как не было их и в стане на других холмах над Меккой. Оба покинули город задолго до приближения Пророка. Решение их отсутствовать было принято независимо друг от друга, и причины у каждого были свои. Но в одном они были совершенно согласны: договор в

[2] Хотя в латинской передаче это имя, за исключением диакритики, пишется теми же буквами, что и имя Асма, по звучанию оно заметно отличается, поскольку начинается с ‘айн и сад, тогда как другое начинается с алифа и сина.

[3] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 4/1, 24

Худайбийе стал великой нравственной победой Пророка, а его вступление в Мекку означает конец их сопротивления ему. Однако враждебность Амра к исламу не уменьшилась, тогда как Халид уже несколько лет был человеком раздвоенного ума. Наружно это никак не проявлялось: его воинская доблесть выдвигала его на первый план во всяком действии, которое курайшиты предпринимали против Пророка. Но позднее он признавался, что и после Ухуда, и после рва уходил с тревожным чувством, что бой был напрасен и что Мухаммад в конце концов победит; а когда Пророк ускользнул от его отряда по пути к Худайбийе, Халид воскликнул: «Этот человек пребывает под неприкосновенной защитой!» Это было его последним действием против ислама. Затем последовала поразительная победа при Хайбаре.

Но были и соображения иного рода: почти вопреки себе он испытывал личную симпатию к Пророку; а из письма своего младшего брата Валида, написанного до его смерти, он узнал, что Пророк иногда справлялся о нём и говорил: «Если бы он обратил свою грозную силу на сторону ислама против идолопоклонников, это было бы лучше для него; и мы поставили бы его выше других». К этому Валид добавил: «Так смотри же, брат мой, что ты упустил!» Кроме того, действовало и ещё более близкое семейное влияние. Мать Халида, Асма, давно благоволившая Пророку, недавно приняла ислам; а теперь его тётка Маймуна стала женой Пророка. Вскоре после этой женитьбы Халиду приснился сон: он видел себя в стране, замкнутой со всех сторон и крайне бесплодной. Потом он вышел из этой теснины в землю зелёную и плодородную, с пастбищами, простиравшимися далеко и широко. Он понял, что это было нечто вроде видения; и, разгадав его смысл, решил отправиться в Медину. Но ему хотелось поехать с товарищем. Неужели не найдётся никого, кто думал бы так же, как он? После Амра, которого нигде не было, ближайшими его боевыми соратниками были Икрима и Сафван. Он осторожно заговорил с обоими, но Сафван сказал: «Даже если бы каждый человек из курайшитов последовал за Мухаммадом, я никогда не последовал бы за ним». Икрима сказал почти то же самое; и Халид вспомнил, что у обоих их отцы были убиты при Бадре, а Сафван потерял там ещё и брата. С сожалением он отправился один, но не успел далеко отъехать от своего дома, как встретил Усмана, сына Тальхи из рода Абд ад-Дар, - того самого человека, который некогда благородно сопровождал Умм Саламу из Мекки в Медину. Усман был близким другом Халида, ближе и Сафвана, и Икримы; но опыт с двумя другими сделал Халида сдержанным, к тому же он помнил, что Усман потерял отца, двух дядьёв и четырёх братьев при Ухуде. Некоторое время они ехали молча. Потом Халид вдруг решился заговорить и, пристально взглянув на него, сказал: «Наше положение не лучше положения лисицы в своей норе. Стоит влить туда всего лишь ведро воды - и ей придётся выйти наружу!» Он сразу увидел, что Усман прекрасно понял его смысл, и тогда рассказал ему, куда едет и почему. Усман, который и сам постепенно склонялся к тому же решению, теперь решился ехать вместе с ним. Халид охотно согласился подождать, пока тот вернётся домой за провизией и одеждой; и рано утром они вдвоём отправились в путь к Медине.

Что же до Амра, то в отношении ислама он был заодно с Сафваном и Икримой, но яснее, чем они, видел шаткость положения; и, собрав вокруг себя нескольких молодых людей - своих соплеменников из рода Сахм и других, видевших в нём вождя, - он убедил их отправиться вместе с ним в Абиссинию. Он указал им, что если Мухаммад победит в уже почти неизбежной борьбе за власть, там они найдут безопасное убежище; а если курайшиты всё же одержат верх, они смогут вернуться в Мекку. «Лучше уж быть под властью Негуса, чем под властью Мухаммада», - сказал он, и они согласились.

Амр был проницательным политиком и человеком большого упорства, нелегко впадавшим в уныние. Несмотря на полную неудачу всех своих попыток ослабить то сильное впечатление, которое Джа‘фар и его спутники произвели на Негуса, он всё же старался расположить его к себе и на протяжении всех этих лет усердно поддерживал с ним отношения, всячески избегая упоминаний о мусульманских переселенцах. Но теперь они покинули страну и ушли в Медину; и вместе с ними, как ошибочно заключил Амр, должно было исчезнуть и всё благоволение Негуса к новой религии. На первой аудиенции его щедрый дар в виде кожи был принят милостиво, и Негус показался столь благосклонным, что Амр сразу решил перейти к делу и попросить убежища. Но при этом он отозвался о Пророке с пренебрежением, чем вызвал внезапную и бурную вспышку царского гнева. Амр был совершенно поражён: из слов Негуса ясно следовало, что лучший способ устроить себе будущее при его дворе - куда лучший, чем дары кожами, - стать последователем Мухаммада. Он бежал от ислама лишь затем, чтобы обнаружить, что ислам опередил его и достиг того самого убежища, где он надеялся укрыться; и, когда его замыслы рухнули, его сопротивление начало слабеть. «Ты свидетельствуешь этому, о царь?» - спросил он, имея в виду пророческую миссию Мухаммада. «Я свидетельствую об этом перед Богом», - ответил Негус. «Сделай то, что я тебе говорю, о Амр, и последуй за ним. Его дело - истина, клянусь Богом, и он восторжествует над всякой силой, выступающей против него, так же как Моисей восторжествовал над Фараоном и его войском».[4]

История не сохранила имён спутников Амра и того, что они решили делать. Но сам Амр сел на корабль, который доставил его в один из портов на йеменском побережье, где он купил верблюда и провизию и отправился на север; и, достигнув Хадды - одной из первых остановок на прибрежном пути из Мекки в Медину, - он встретил там Халида и Усмана, и остаток пути они проделали вместе.

В Медине их приняли с радостью, и Халид говорил о Пророке: «Лицо его сияло светом, когда он ответил на моё приветствие мира». Первым присягу принёс он. «Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и что ты - Посланник Бога». - «Хвала Богу, Который наставил тебя, - сказал Пророк. - Я всегда видел в тебе разум, о котором надеялся, что в конце концов он приведёт тебя лишь к добру». - «О Посланник Бога, - сказал Халид, - ты видел все те

[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 743

поля битв, на которых я сражался против тебя, упорно сопротивляясь истине. Так помолись же Богу, чтобы Он простил мне всё это». - «Ислам отсекает всё, что было прежде него», - сказал Пророк. - «Даже и это?» - спросил Халид, всё ещё заметно терзаемый угрызениями совести; и Пророк помолился: «О Боже, прости Халиду всё, чем он преграждал путь к Твоему пути».[5] Затем присягу принесли Усман и Амр; и Амр впоследствии говорил, что в тот миг не мог поднять глаз к лицу Пророка - столь велико было благоговение, которое он чувствовал.

Двоюродный брат Умара Хишам[6], брат Амра, бежал из Мекки в Медину вскоре после битвы у рва. С тех пор к нему присоединился его племянник Абдаллах, сын Амра. Абдаллаху, которому теперь шёл шестнадцатый год, была свойственна глубокая набожность и склонность к посту. Он также обещал стать одним из самых учёных сподвижников и записал многие изречения Пророка, который позволил ему их записывать. И Абдаллах, и Хишам молили о принятии ислама Амром, и его воссоединение с ними в Медине стало для них и для него самого великой радостью.

Ещё двумя радостными событиями этих месяцев было принятие ислама Акилем, братом Джа‘фара и Али, и Джубайром, сыном Мут‘има. Вера, пустившая корень в сердце Джубайра, когда он пришёл выкупать некоторых пленников Бадра, теперь разрослась так, что от неё уже нельзя было отстраниться. Акилю же, когда он пришёл принести присягу, Пророк сказал: «Я люблю тебя двойной любовью: за твоё близкое родство со мною и за ту любовь, которую я всегда видел к тебе у моего дяди».[7]

[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 741-749
[6] См. с.114-115
[7] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 4/2, 30

73.СМЕРТИ И ОБЕЩАНИЕ РОЖДЕНИЯ

Первая половина того же года радости, восьмого года после Хиджры, была также временем скорби. Первой смертью в доме Пророка стала смерть его дочери Зайнаб. Он был при ней в последние минуты и сказал слова утешения своему зятю и маленькой внучке. Затем он велел Умм Айман вместе с Саудой и Умм Саламой приготовить тело к погребению. Когда омовение было совершено, Пророк снял с себя нижнюю одежду, которую носил, и велел завернуть Зайнаб в неё прежде, чем её покроют саваном. Потом он возглавил погребальную молитву и молился также у её могилы.

Хадиджа была единственной из его жён, которая родила ему детей. Жители Медины горячо желали, чтобы ребёнок родился Пророку в их городе. Из его нынешних жён только две - Умм Салама и Умм Хабиба - имели детей от первых мужей. Но при каждом новом браке горожане вновь исполнялись надежды, и надежды эти мало-помалу угасали, ибо ни одной из позднейших жён не было суждено стать матерью ребёнка Пророка. И вот теперь, вскоре после смерти его старшей дочери, казалось, что ему снова предстоит стать отцом. Мария, его коптская невольница, ожидала ребёнка. Она и прежде была в центре внимания жителей Медины, которые хорошо знали, как Пророк к ней привязан, и старались угодить ему своим добрым к ней отношением; теперь же их заботливость удвоилась.

Примерно через три месяца после возвращения из Малого паломничества Пророк послал пятнадцать человек как мирных вестников Ислама к одному из племён на границе Сирии; но на их дружеское приветствие ответили градом стрел, и, будучи вынуждены вступить в бой, они все были убиты, кроме одного. Было и другое поражение, меньшее по числу жертв, ибо оно повлекло за собой лишь одну смерть, но более значительное в политическом отношении. Ранее Пророк уже посылал Дихью аль-Кальби к правителю Босры с письмом к кесарю, и письмо осталось без ответа. Теперь второй посланник в Босру был перехвачен одним из вождей племени Гассан и убит. Такое деяние нельзя было оставить без наказания, несмотря на опасность того, что гассаниды, по преимуществу христиане, смогут убедить представителя кесаря прийти им на помощь.

Пророк собрал войско из трёх тысяч человек и поставил во главе их Зайда, с наставлением, что, если Зайд будет убит, его место должен занять Джа'фар. 'Абдаллах ибн Раваха был назван третьим по старшинству. Если и эти трое окажутся выведенными из строя, воины должны были избрать себе предводителя сами. Затем Пророк вручил Зайду белое знамя и вместе с другими своими сподвижниками проводил войско до того места, где земля поднимается к Прощальному перевалу, проходу между холмами немного севернее Ухуда.

У 'Абдаллаха на седле, позади него, сидел мальчик-сирота, опекуном которого он был. В пути мальчик услышал, как тот читает сложенные им стихи, в которых выражал желание остаться в Сирии, когда войско вернётся домой. «Когда я услышал эти стихи, я заплакал, -

рассказывал мальчик, - а он слегка хлестнул меня кнутом и сказал: “Что тебе за беда, несчастный, если Бог дарует мне мученичество, и я обрету покой от этого мира, от его тягот, забот, скорбей и превратностей, а ты возвратишься невредимым в седле?” После этого, во время ночной стоянки, он совершил два раката молитвы, а затем долго молился. Потом позвал меня, и я сказал: “Вот я, к твоим услугам”. “Если Богу будет угодно, - сказал он, - это будет мученичество”».[1]

Когда войско достигло сирийской границы, до него дошёл слух, что не только северные племена выступили в значительной силе, но и представитель кесаря усилил их имперскими войсками. Всего, как говорили, неприятель насчитывал сто тысяч человек. Если даже допустить, что число это было сильно преувеличено, Зайд всё же решил остановиться и созвать военный совет. Большинство было за то, чтобы немедленно отправить гонца к Пророку сообщить о столь серьёзном повороте событий. Тогда он мог либо приказать им вернуться, либо прислать подкрепление. Но 'Абдаллах горячо восстал против такого решения. Прибегнув к тому же неотразимому доводу, какой уже был приведён перед Ухудом и ещё не раз будет приводиться впоследствии, он закончил речь словами: «Перед нами несомненность одного из двух благ: либо победа, либо мученичество - чтобы соединиться с нашими братьями и стать их спутниками в садах Рая. Так вперёд же, к нападению!»

Решимость 'Абдаллаха возобладала, и войско продолжило путь на север. Теперь они были уже недалеко от южного конца Мёртвого моря, отделённые от его длинной и глубокой долины горным хребтом, поднимающимся от восточного берега. Ещё несколько часов пути - и они увидели неприятеля. Каковы бы ни были точные силы объединённых арабских и византийских войск, мусульмане с первого взгляда поняли, что противник многократно превосходит их числом - в такой мере, с какой им ещё никогда не приходилось сталкиваться. И никто из них прежде не видел такой воинской пышности, как у имперских эскадронов, составлявших центр войска, с арабами на обоих флангах. Всё великолепие курайшитов, когда они спускались с холма 'Аканкаль при Бадре, было ничто в сравнении с богатством вооружения, доспехов и роскошно убранных коней, которые теперь предстали их глазам. Более того, их приближение было предугадано, и легионы уже ждали их, выстроившись в боевой порядок.

Желая избежать немедленного столкновения, ибо склон местности был не в их пользу, Зайд приказал отойти к югу, к Му'те, где положение было бы выгоднее, и там мусульмане укрепились. Противник, сознавая огромное превосходство в числе и желая сделать этот день окончательно решающим, последовал за ними к Му'те. Но когда он приблизился, Зайд, вместо того чтобы отступать дальше, как того ожидали, отдал приказ атаковать.

---

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 759

В ту минуту пространство между Му'той и Мединой как бы свернулось для Пророка, и он увидел, как Зайд с белым знаменем ведёт своих людей в сражение. Он видел, как тот много раз получал смертельные раны, пока наконец не пал на землю; тогда знамя взял Джа'фар и сражался до тех пор, пока и его жизнь не истекла вместе с кровью из его ран. Затем знамя принял 'Абдаллах, но его натиск на врага был отбит мощным ударом, в котором и он был убит, а его люди в беспорядке отброшены назад. Тогда другой ансар, Сабит ибн Аркам, подхватил знамя, и мусульмане вновь сомкнулись вокруг него; после этого он передал его Халиду, который сперва отказался от этой чести, сказав, что у Сабита на неё больше права. «Возьми же, человек, - сказал Сабит, - я взял его лишь затем, чтобы отдать тебе». И Халид принял командование, привёл ряды в порядок и так крепко остановил наступление врага, что тот отступил настолько, что мусульмане смогли отойти в полном порядке. Это была победа другой стороны, но она не принесла ей никаких плодов; а из мусульман, кроме трёх их предводителей, погибло всего пятеро. Так это стало в известной мере победой Халида; и когда Пророк рассказал своим сподвижникам о сражении и о смерти Зайда, Джа'фара и 'Абдаллаха, он сказал: «Потом один из мечей Божиих взял знамя, и Бог открыл им путь», - то есть путь к спасению; с тех пор Халида стали называть «Мечом Божиим».

Пока Пророк описывал битву, слёзы текли по его щекам; когда же пришло время молитвы, он возглавил её и тотчас удалился из мечети, не повернувшись к собранию лицом, как делал обычно. То же повторилось и на закате, и снова после ночной молитвы.

Тем временем он пришёл в дом Джа'фара. «О Асма, - сказал он, - приведи ко мне сыновей Джа'фара». С тревогой, заметив серьёзность его лица, она привела троих мальчиков. Пророк поцеловал их, и снова глаза его наполнились слезами, и он заплакал. «О Посланник Божий, - сказала она, - да будут за тебя жертвой мой отец и моя мать, что заставляет тебя плакать? Неужели дошла до тебя весть о Джа'фаре и его товарищах?» - «Да, - сказал он. - Сегодня они были сражены». Она вскрикнула от горя, и женщины поспешили к ней. Пророк вернулся домой и велел в ближайшие дни готовить пищу для семьи Джа'фара. «Горе их, - сказал он, - так поглощает их, что им не до собственных нужд».

Умм Айман, Усама и прочие из семьи Зайда были у него в доме. Он уже выразил им соболезнование; и когда возвращался, маленькая дочь Зайда выбежала на улицу в слезах и, увидев его, бросилась к нему на руки. Тогда он заплакал без удержу, и, прижимая ребёнка к себе, весь содрогался от рыданий. Случайно мимо проходил Са'д ибн 'Убада; и, ища в себе слова утешения, он тихо сказал: «О Посланник Божий, что это?» - «Это, - ответил Пророк, - тоска любящего по возлюбленному».[2]

В ту ночь Пророк увидел видение Рая и увидел там Зайда, и Джа'фара, и 'Абдаллаха, и других мучеников этой битвы; а Джа'фара он увидел летящим на крыльях, как ангел. На

[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 3/1, 32

рассвете он пришёл в мечеть; его сподвижники почувствовали, что тяжесть скорби оставила его; и после молитвы он, как обычно, повернулся лицом к собранию. Потом он снова пошёл к Асме, чтобы рассказать ей о своём видении; и она была весьма утешена.

Когда Халид и его люди вернулись в Медину, Пророк велел привести своего белого мула Дульдуля, которого подарил ему мукавкис, и, посадив перед собой в седло старшего сына Джа'фара, выехал им навстречу. Многие мужчины и женщины уже выстроились вдоль дороги, и, когда войско проходило мимо, они осыпали их насмешками и бросали им в лицо пыль. «Беглецы! - кричали они. - Вы бежали от сражения на пути Божием!» - «Нет, - сказал Пророк, - они не беглецы, а возвращающиеся, чтобы вновь вступить в бой, если того пожелает Бог».[3]

Неудача при Му'те воодушевила северных арабов усилить сопротивление новому исламскому государству, и в следующем месяце пришла весть, что племена Бали и Куда'а собираются в немалой силе на сирийской границе, намереваясь двинуться на юг. Но на этот раз, по-видимому, не было и речи о подкреплениях от кесаря. Пророк послал 'Амра во главе трёхсот человек с наставлением сражаться, где это необходимо, и приобретать союзников, где это возможно. Выбор предводителя, возможно, был отчасти обусловлен тем близким родством, которое связывало 'Амра с одним из названных племён, ибо его мать была женщиной из Бали. Благодаря ночным переходам и сравнительно уединённым стоянкам он избежал преждевременного обнаружения и за десять дней достиг сирийской границы. Зима в тот год наступила рано, и люди из Мекки и Медины, непривычные к столь северным краям, едва устроив последнюю стоянку, принялись собирать хворост. Но 'Амр запретил разводить хотя бы один огонь; а ропот был пресечён словами: «Вам велено слушать меня и повиноваться мне; так и делайте».

Скоро поняв, что враг сильнее, чем ожидалось, и что надежды на местную помощь пока мало, он послал обратно человека из Джухайны к Пророку с просьбой о подкреплении. Абу 'Убайда тотчас был отправлен с ещё двумястами воинами. Как один из самых близких сподвижников и, к тому же, участник всех военных походов, он ожидал, что первенство будет принадлежать ему; но 'Амр настаивал, что вновь прибывшие - лишь вспомогательная сила и что главнокомандующий здесь он сам. Пророк велел Абу 'Убайде позаботиться о том, чтобы между двумя отрядами было полное согласие и не возникло разделения, и старший уступил, сказав 'Амру: «Если даже ты не послушаешься меня, клянусь Богом, я послушаюсь тебя». Когда Пророк услышал об этом, он призвал благословение на Абу 'Убайду.

Теперь 'Амр повёл свои пятьсот человек через сирийскую границу, и по мере их продвижения неприятель рассеялся. Произошёл лишь один краткий обмен стрелами; всё

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 765

остальное сводилось к тому, что они находили покинутые лагеря, из которых совсем недавно ушли люди; и при отсутствии враждебных кланов дружественные элементы - отдельные люди и группы - начали показываться открыто. Так что 'Амр мог написать Пророку, что вновь утвердил влияние Ислама на сирийском рубеже.

Это влияние теперь быстро возрастало среди племён по всем сторонам ятрибского оазиса. Причины были не только духовные: Пророк уже был известен как опасный и непредсказуемый враг, а вместе с тем как могущественный, надёжный и щедрый союзник; по сравнению с ним другие союзы начинали казаться менее привлекательными и более рискованными. Во многих случаях политические и религиозные побуждения были неразделимы; но существовал и другой фактор - медленный в действии, но могущественный и глубокий, - который не имел ничего общего с политикой и в значительной мере был независим от сознательных усилий верующих распространять весть Ислама. Это было удивительное спокойствие, отличавшее тех, кто исповедовал новую религию. Коран, Книга Единобожия, был также Книгой Милости и Книгой Рая. Чтение его стихов, соединённое с учением Посланника, наполняло верующих уверенностью, что в пределах их близкой досягаемости - то есть через исполнение некоторых условий, вполне им посильных, - находится вечное удовлетворение всякого возможного желания. Возникавшее отсюда счастье было мерилом веры. Пророк настаивал: «С верующим всё благо, каковы бы ни были обстоятельства».[4]

[4] Ахмад ибн Шу'айб ан-Насаи

74.**НАРУШЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ**

Несмотря на договор, некоторые люди из Бакра по-прежнему были полны решимости продолжать свою вражду с Хуза'а; и вскоре после похода 'Амра в Сирию один из кланов Бакра совершил ночной набег на Хуза'а, и один человек из их числа был убит. В завязавшемся сражении, часть которого происходила уже на священной территории, Курайш помогал своим союзникам оружием; более того, один или два человека из Курайша сами приняли участие в бою под покровом темноты. Бану Ка'б из Хуза'а тотчас отправили в Медину делегацию, чтобы сообщить Пророку о случившемся и попросить его о помощи. Он сказал им, что они могут на него положиться, и отправил их обратно в их земли. Когда они ушли, он вошёл к 'Аише, и она по его лицу увидела, что он пребывает в великом гневе. Он попросил воды для омовения, и она слышала, как, обливаясь ею, он говорил: «Да не будет мне помощи, если я не помогу сынам Ка'ба».[1]

Тем временем мекканцы были чрезвычайно встревожены возможными последствиями случившегося и, если понадобится, отправили Абу Суфьяна умиротворить Пророка. По дороге он встретил людей Хуза'а, возвращавшихся домой, и испугался, что уже опоздал. Его страхи ещё более усилились из-за непроницаемого вида Пророка. «О Мухаммад, - сказал он, - во время заключения перемирия при Худайбийе меня не было, так давай же теперь укрепим этот договор и продлим его срок». Пророк уклонился от прямого ответа, спросив: «Разве на вашей стороне случилось нечто, что нарушило его?» - «Боже упаси!» - с тревогой сказал Абу Суфьян. «И мы тоже, - сказал Пророк, - соблюдаем перемирие на срок, согласованный при Худайбийе. Мы не станем его изменять и не примем другого вместо него». Ясно было, что большего он говорить не намерен; тогда Абу Суфьян отправился к своей дочери, Умм Хабибе, надеясь, что она согласится заступиться за него. Они не виделись пятнадцать лет. Лучшим местом, чтобы сесть, был ковёр Пророка; но когда он уже собрался опуститься на него, она поспешно выдернула его из-под него. «Доченька, - сказал он, - неужели этот ковёр, по-твоему, слишком хорош для меня - или, быть может, я слишком хорош для него?» - «Это ковёр Пророка, - сказала она, - а ты многобожник, человек нечистый». Потом добавила: «Отец мой, ты господин Курайша и его вождь. Как же так случилось, что ты не вошёл в ислам и поклоняешься камням, которые ни слышат, ни видят?» - «Вот уж диво дивное! - сказал он. - Неужто я должен оставить то, чему поклонялись мои отцы, и последовать религии Мухаммада?» Поняв, что никакой помощи от неё ждать не приходится, он пошёл к Абу Бакру и другим сподвижникам, чтобы попросить их ходатайствовать за него о возобновлении договора, ибо теперь он был уверен, хотя Пророк прямо этого и не сказал, что тот считает договор аннулированным из-за недавнего сражения. Но той же цели, что и возобновление договора, то есть предотвращению кровопролития, могло бы послужить и то, если бы какой-нибудь влиятельный человек дал всеобщее покровительство между людьми. Абу Суфьян

[1] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 791

предложил этот выход Абу Бакру, но тот лишь ответил: «Я даю покровительство только в пределах того покровительства, которое даровал Посланник Божий».

Другие отвечали почти теми же словами, и наконец Абу Суфьян пошёл в дом 'Али, делая упор на их родство, ибо оба они были правнуками двух братьев - Хашима и 'Абд Шамса. Но 'Али сказал: «Горе тебе, Абу Суфьян! Посланник Божий решил не удовлетворять твою просьбу; и никто не может говорить с ним в пользу того, что ему неприятно». Ибо сподвижники хорошо знали, что Откровение сказало Пророку: **Извини же их и попроси им прощения и советуйся с ними о деле. А когда ты решился, то положись на Аллаха, - поистине, Аллах любит полагающихся!**[2] и по опыту они уже знали, что когда Пророк достиг той степени решимости, которой он явно достиг на этот раз, бесполезно пытаться его отговаривать. Тогда Абу Суфьян обратился к Фатиме, которая была там, а перед нею на полу сидел Хасан. «О дочь Мухаммада, - сказал он, - вели своему маленькому сыну даровать покровительство между людьми, чтобы он навеки стал господином арабов». Но Фатима ответила, что мальчики покровительства не даруют; и Абу Суфьян снова, в отчаянии, обратился к 'Али и стал просить его подсказать какой-нибудь выход. «Я не вижу для тебя иного, - сказал 'Али, - кроме как самому встать и объявить о покровительстве между людьми. Ведь ты - владыка Кинаны». - «Будет ли мне от этого хоть какая-то польза?» - спросил Абу Суфьян. «Клянусь Богом, думаю, что нет, - сказал 'Али, - но другого мне для тебя не приходит в голову». Тогда Абу Суфьян пошёл в мечеть и громким голосом сказал: «Смотрите, я дарую покровительство между людьми, и не думаю, чтобы Мухаммад отказался его поддержать». Затем он пришёл к Пророку и сказал: «О Мухаммад, не думаю, что ты отречёшься от моего покровительства». Но Пророк ответил лишь: «Это то, что ты думаешь, о Абу Суфьян»[3]; и глава Омейядов вернулся в Мекку с тяжёлыми предчувствиями.

Пророк начал готовиться к походу, и Абу Бакр спросил, следует ли и ему приготовиться. Пророк сказал, что следует, и сообщил ему, что они выступают против Курайша. «Разве не нужно дождаться, пока истечёт срок перемирия?» - спросил Абу Бакр. «Они предали нас и нарушили договор, - сказал Пророк, - и я выступлю против них. Но держи в тайне то, что я тебе сказал. Пусть один думает, что Посланник Божий идёт на Сирию, другой - что на Сакиф, третий - что на Хавазин. О Боже, отними у Курайша всякое зрение на нас и всякое известие о нас и о том, что мы замышляем, дабы мы внезапно настигли их в их земле».

В ответ на эту молитву к нему с небес пришло известие, что один из мухаджиров, по имени Хатиб, каким-то образом узнал тайну и отправил Курайшу письмо, предупреждая их о надвигающемся нападении. Он передал это письмо женщине из Музайны, которая ехала в Мекку, и она спрятала его в волосах. Пророк послал вслед за нею 'Али и Зубайра; и когда

---

[2] Коран 3, 159

[3] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, с.807-808; Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 794

они, не найдя письма в её поклаже, пригрозили обыскать её саму, если она не выдаст его, она достала письмо, и они принесли его Пророку, который велел привести того, кто его написал. «Что побудило тебя сделать это, о Хатиб?» - спросил он. «О Посланник Божий, - ответил тот, - я и впрямь верую в Бога и Его Посланника. Я не изменил своей вере, и ничто иное не заняло её места. Но я - человек без положения среди людей Мекки, без влиятельной родни; и ради моего сына и моей семьи, которые находятся среди них, я хотел снискать их благосклонность». «О Посланник Божий, - сказал 'Умар, - позволь мне отсечь ему голову. Этот человек - лицемер». Но Пророк сказал ему: «Откуда тебе знать, о 'Умар, что Бог, быть может, уже воззрел на участников Бадра и сказал: “Делайте что хотите, ибо Я уже простил вас”?»[4]

Теперь Пророк разослал вестников к тем племенам, на чью помощь он полагал, с общим призывом явиться в Медину к началу следующего месяца, то есть рамадана. Бедуины верно откликнулись; и когда настал назначенный день, войско оказалось самым большим из всех, когда-либо выходивших из Медины. Ни один способный носить оружие мусульманин не остался позади. Мухаджиров было семьсот, из них триста конных; ансаров - четыре тысячи, из них пятьсот конных; а племена, в том числе присоединившиеся по дороге, довели общее число почти до десяти тысяч человек. Всадники ехали верхом на верблюдах, ведя своих лошадей рядом; и, кроме немногих ближайших сподвижников, никто из них не знал, кто именно является врагом.

Когда они прошли примерно половину пути, их встретили 'Аббас, Умм аль-Фадль и их сыновья. 'Аббас решил, что теперь настало время покинуть Мекку и жить в Медине. Пророк пригласил их присоединиться к походу, что они и сделали к радости Маймуны, которая была с Пророком.

С Пророком была и Умм Салама; и на одной из следующих стоянок ей сообщили, что в лагере находятся двое из Курайша и хотят поговорить с нею. Один из них был её единокровный брат 'Абдаллах, сын её отца и тёти Пророка 'Атики; другим - сын старшего дяди Пророка, Хариса, поэт Абу Суфьян, некогда вскормленный Халимой. С ним был его маленький сын Джа'фар. Оба эти человека прежде были близки к Пророку, но когда пришло Откровение, они обратились против него. Теперь же они пришли искать его прощения и просить Умм Саламу заступиться за них. Она пришла к Пророку и сказала: «Здесь брат твоей жены, сын твоей тёти, и сын твоего дяди, который тебе молочный брат». Но он ответил: «Мне незачем их видеть. Что до моего брата - он имел в виду её брата 'Абдаллаха, - то он сказал мне в Мекке то, что сказал[5]; а что до сына моего дяди, то он покрыл меня бесчестьем». Абу Суфьян высмеивал его в своих стихах. Она стала ходатайствовать за них, но безуспешно; и когда передала им это, Абу Суфьян сказал: «Либо он примет меня, либо

[4] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.809-810
[5] См.с.62

я возьму сына за руку и уйду в пустыню, пока мы не умрём от жажды и голода. А ведь ты, - он имел в виду Пророка, - самый терпеливый из людей, даже не считая моего родства с тобой». Когда Умм Салама повторила это Пророку, он смягчился [6]и согласился принять их в своём шатре, где оба они произнесли свидетельство веры; и оба стали добрыми мусульманами.

Во время перехода в один из этих дней Пророк увидел у дороги суку с недавно родившимися щенками, которых она кормила, и опасался, как бы её не потревожил кто-нибудь из людей. Тогда он велел Джу'айлю из Дамры встать возле неё на страже, пока не пройдут все отряды.[7] Имя Джу'айль всё ещё оставалось за ним, несмотря на новое имя - 'Амр, которое дал ему Пророк.

В Кудайде к войску присоединились Бану Сулайм - конный отряд в девятьсот человек. «О Посланник Божий, - сказал один из их представителей, - ты, может быть, думаешь, что мы лицемеры, а ведь мы - твои дяди по матери», - он имел в виду 'Атику, мать Хашима, которая была женщиной из их племени, - «поэтому мы пришли к тебе, чтобы ты испытал нас. Мы стойки на войне, доблестны при встрече, всадники, крепко сидящие в седле». Как и те, кто вышел с основным войском из Медины, они везли свои знамёна и штандарты сложенными и неразвёрнутыми. Теперь они просили Пророка развернуть их и вручить людям по его выбору из их среды; но время для поднятия знамен ещё не настало. Не сказал он им пока и того, куда они идут.

В самом начале Пророк послал человека по войску объявить: «Кто хочет сохранить пост - пусть постится; кто хочет прервать его - пусть прервёт». Во время пути в рамадан пост позволялось прерывать, с условием, что пропущенные дни будут восполнены позднее. Сам Пророк и многие другие постились до тех пор, пока не приблизились на известное расстояние к священной территории; тогда он велел прервать пост. Когда же они расположились лагерем в Марр аз-Захране, он дал понять, что пост был прерван для того, чтобы собрать силы перед встречей с врагом. Это разожгло любопытство некоторых людей до предела. От Марр аз-Захрана до Мекки можно было дойти за один долгий переход, а тем более - за два. Но, учитывая перемирие, маловероятно было, что они вышли против Курайша. В то же время их лагерь находился и на пути к землям враждебных племён Хавазина. Или, быть может, овладев северным садом Хиджаза, Пророк теперь намеревался захватить и его южный сад - до сих пор неприступный Та'иф, центр поклонения аль-Лат?

Видя, что вопрос «Кто же враг?» передаётся по всему стану от одного человека к другому, Ка'б ибн Малик вызвался пойти к Пророку и спросить его. Однако он не осмелился задать вопрос прямо; подойдя к шатру, у которого Пророк сидел снаружи, он опустился перед ним

[6] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 811
[7] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 804

на колени и прочёл четыре мелодичных стиха, которые только что сложил по этому случаю. Смысл их был в том, что люди уже дошли до того, что готовы выхватывать свои мечи и спрашивать у них, на какого врага предназначены их лезвия, и что, если бы мечи могли говорить, они сами задали бы тот же вопрос. Но единственным ответом Пророка была улыбка, и Ка'бу пришлось вернуться к людям ни с чем.

Желание войска узнать собственное назначение было не более чем праздным любопытством по сравнению с тем, как жаждали узнать ответ на тот же вопрос Курайш и Хавазин. Великое племя Хавазин в основном расселялось по склонам горной страны, господствовавшей над южной оконечностью равнины Неджда. На одном из этих склонов находился Та'иф; и именно Сакиф, жители Та'ифа и хранители его храма, первыми послали срочное известие всем родственным им кланам Хавазина, что войско в десять тысяч человек движется к югу из Ясриба и что им следует ждать худшего. Большинство кланов немедленно откликнулось, и отряды начали собираться в удобной для наблюдения точке к северу от Та'ифа.

Что же до Курайша, то хотя им и хотелось думать, что опасность грозит скорее Та'ифу, нежели Мекке, они сознавали, что нарушили договор. Это, вместе с отказом Пророка его возобновить, наполняло их тревогой почти до отчаяния. Пророк знал об этом и, чтобы ещё более усилить их страх, приказал своим людям рассредоточиться и каждому после наступления темноты развести огонь. С окраин священной территории теперь можно было видеть, как горят десять тысяч костров, и в Мекку быстро донесли весть, что войско Мухаммада гораздо больше, чем они боялись. После поспешного совещания Курайш принял предложение Абу Суфьяна снова выйти и поговорить с Пророком. С ним пошли Хаким, племянник Хадиджи, когда-то сделавший всё возможное, чтобы предотвратить битву при Бадре, и Будайль из Хуза'а, помогавший Пророку при Худайбийе и недавно сопровождавший некоторых из своих соплеменников в Медину в связи с нарушением договора. Когда они приблизились к лагерю, уже слыша ворчание верблюдов, они увидели человека на белом муле, который, по-видимому, ехал им навстречу. Это был 'Аббас, который незаметно вышел из лагеря в надежде встретить кого-нибудь, направлявшегося в город, чтобы передать с ним послание Курайшу. Он считал крайне важным, чтобы они сами прислали к Пророку депутацию, пока не стало слишком поздно. Узнав друг друга и поприветствовавшись, 'Аббас отвёл их к шатру Пророка, и Абу Суфьян сказал: «О Мухаммад, ты пришёл против своей родни с удивительным сборищем людей - одни известны, другие неизвестны». Но Пророк резко прервал его. «Это ты преступил меру, - сказал он. - Вы нарушили договор Худайбийи и поддержали нападение на Бану Ка'б, тем самым грешно осквернив священный предел Божий и Его Святилище». Абу Суфьян попытался немного изменить тему. «Ох, - сказал он, - если бы ты только обратил свой гнев и свою военную хитрость против Хавазина! Ведь они тебе дальше по родству и яростнее в своей вражде к тебе». - «Я надеюсь, - сказал Пророк, - что мой Господь дарует мне всё это: победу над Меккой, торжество в ней ислама и разгром Хавазина; и что Он обогатит меня

их имуществом как добычей, а их семьями - как пленными». Затем он сказал троим: «Засвидетельствуйте, что нет божества, кроме Бога, и что я - Посланник Бога». Тогда Хаким и Будайль произнесли своё исповедание веры; а Абу Суфьян засвидетельствовал: «Нет божества, кроме Бога», - и умолк. Когда ему велели произнести и второе свидетельство, он сказал: «О Мухаммад, в душе моей ещё остаётся сомнение насчёт этого; дай ей отсрочку». Тогда Пророк велел своему дяде отвести их на ночь в его шатёр. На рассвете по всему лагерю раздался призыв к молитве, и звук этот глубоко потряс Абу Суфьяна. «Что они делают?» - спросил он. «Молятся», - сказал 'Аббас. «И сколько раз они молятся днём и ночью?» - спросил Абу Суфьян, и, когда ему сказали, что молитв пять, он воскликнул: «Клянусь Богом, это слишком много!» Потом он увидел, как люди жадно толпятся и теснят друг друга, чтобы на них брызнула вода с омовения Пророка или чтобы им досталось хоть несколько капель из того, что осталось, и сказал: «О Абу-ль-Фадль, я никогда не видел такого владычества». - «Да пропадёшь ты! - сказал 'Аббас. - Уверуй!» - «Отведи меня к нему», - сказал Абу Суфьян; и после молитвы 'Аббас снова привёл его к Пророку, и тот засвидетельствовал его пророчество - что он и впрямь Посланник Бога. 'Аббас отвёл Пророка в сторону и сказал: «О Посланник Божий, тебе хорошо известна любовь Абу Суфьяна к чести и славе. Окажи же ему какую-нибудь милость». - «Окажу», - сказал Пророк и, подойдя к главе Омейядов, велел ему вернуться к Курайшу и сказать им: «Кто войдёт в дом Абу Суфьяна - будет в безопасности; кто запрёт за собой дверь своего дома - будет в безопасности; и кто войдёт в Мечеть - будет в безопасности».

75.**ПОКОРЕНИЕ МЕККИ**

Шатры уже были погружены на вьючных верблюдов, и Пророк наконец велел принести к нему знамёна и стяги. Он вручал их одно за другим тем, кого сам избрал знаменосцами. Затем он велел ‘Аббасу сопровождать Абу Суфьяна до узкого конца долины и удержать его там, чтобы тот мог собственными глазами увидеть, как велика проходящая мимо армия. После этого у него ещё будет довольно времени, чтобы вернуться к курайшитам и передать им своё послание, ибо один человек мог добраться до Мекки более прямой дорогой, чем войско.

- Кто это? - спросил Абу Суфьян, указывая на человека во главе первого показавшегося отряда.

- Халид ибн Валид, - ответил ‘Аббас.

Когда Халид поравнялся с ними, он трижды возгласил: *Аллаху акбар*. Вместе с ним шла конница Сулайма. За ним следовал Зубайр в жёлтом тюрбане, во главе отряда из пятисот мухаджиров и других воинов. Проезжая мимо Абу Суфьяна, он также трижды произнёс слова величания, и вся долина загремела, когда его люди единым голосом повторили за ним этот возглас. Отряд за отрядом проходили мимо, и всякий раз Абу Суфьян спрашивал, кто это такие; и каждый раз он дивился - либо потому, что названное племя прежде находилось далеко за пределами влияния курайшитов, либо потому, что оно ещё недавно было враждебно Пророку, как, например, гатафанский клан Ашджа‘, один из штандартов которого нёс Ну‘айм, бывший друг его самого и Сухайля.

- Из всех арабов эти были самыми ожесточёнными врагами Мухаммада, - сказал Абу Суфьян.

- Бог ввёл ислам в их сердца, - ответил ‘Аббас. - Всё это - по милости Божией.

Последним из отрядов был собственный отряд Пророка, состоявший целиком из мухаджиров и ансаров. Отблеск их стали придавал им зеленовато-чёрный вид: они были вооружены и закованы в доспехи так, что видны были одни лишь глаза. Пророк вручил своё знамя Са‘ду ибн ‘Убаде, который вёл передовой ряд; и, поравнявшись с двумя мужчинами у дороги, тот крикнул:

- О Абу Суфьян! Это день побоища! День, когда неприкосновенное будет нарушено! День, когда Бог унизит Курайш!

Пророк находился в середине отряда, верхом на Касве, и по обе стороны от него ехали Абу Бакр и Усайд, с которыми он беседовал.

- О Посланник Бога! - крикнул Абу Суфьян, когда тот подъехал настолько близко, что мог его слышать. - Неужели ты повелел убивать свой народ?

И он пересказал ему слова Са‘да.

- Заклинаю тебя Богом ради твоего народа, - прибавил он, - ибо ты из всех людей наиболее почтителен к родству, наиболее милосерден и благодетелен!

- Это день милости, - сказал Пророк, - день, в который Бог возвысил Курайш.

Тогда ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф и ‘Усман, стоявшие поблизости, сказали ему:

- О Посланник Бога, мы не уверены в Са‘де: как бы он не напал внезапно и яростно на курайшитов.

Тогда Пророк послал Са‘ду веление передать знамя его сыну Кайсу, человеку более мягкого нрава, и поручить ему вести отряд. Почтить сына значило почтить и отца, и в руках Кайса знамя всё равно оставалось бы у Са‘да. Но Са‘д отказался отдать его без прямого повеления самого Пророка. Тогда Пророк снял со своего шлема красный тюрбан, размотал его и послал Са‘ду как знак. Знамя тотчас было передано Кайсу.

Когда армия прошла, Абу Суфьян со всех ног поспешил в Мекку и, встав перед своим домом, закричал во весь голос быстро собиравшейся толпе:

- О люди Курайша! Мухаммад здесь с войском, которому вы не в силах противостоять. Мухаммад здесь с десятью тысячами закованных в сталь людей. И он даровал мне обещание: всякий, кто войдёт в мой дом, будет в безопасности.

Тут из дома вышла Хинд и схватила мужа за усы.

- Убейте этого жирного, никчёмного бурдюка! - воскликнула она. - Несчастный защитник народа!

- Горе вам! - закричал он. - Пусть эта женщина не обманет вас, вопреки вашему здравому смыслу, ибо пришло к вам то, чему вы не в силах противиться. Но всякий, кто войдёт в дом Абу Суфьяна, будет в безопасности.

- Да погубит тебя Бог! - сказали они. - Что нам твой дом, когда нас так много?

- И всякий, кто запрёт за собой дверь своего дома, будет в безопасности, - ответил он, - и всякий, кто войдёт в Мечеть, будет в безопасности.

После этого собравшиеся разошлись: кто по домам, кто в Мечеть.

Армия остановилась в Зу Тува, недалеко от города и в пределах видимости от него. Именно здесь двумя годами раньше был поставлен Халид, чтобы преградить им путь. Но теперь не было видно никаких признаков сопротивления. Казалось, будто город пуст - так же, как и в их прошлогодний приезд. Но теперь их пребывание не ограничивалось тремя днями; и, когда Касва остановилась, Пророк склонил голову так низко, что борода его почти коснулась седла, - в благодарении Богу. Затем он построил свои войска, поставив Халида командовать правым флангом, а Зубайра - левым. Свой собственный отряд, находившийся в центре, он разделил надвое: одну половину должны были вести Са‘д и его сын, а другую, в которой ехал и он сам, - Абу ‘Убайда. По данному знаку они должны были разделиться и войти в город с четырёх сторон: Халид - снизу, а остальные - с гор, через три разных прохода.

Высоко над собравшимся войском, на склонах горы Абу Кубайс, стояли две фигуры, которые зоркий глаз мог бы различить как слегка согбенного старика с посохом, которого вела и поддерживала женщина. Это были Абу Кухафа и Курайба, отец и сестра Абу Бакра. Тем утром, когда пришла весть о прибытии Пророка в Зу Тува, слепой старик попросил дочь вывести его на гору и рассказать, что она сможет увидеть. В юности, ещё будучи крепким человеком, он поднимался на холмы по другую сторону Мекки, чтобы увидеть войско Абрахи и его слона. Теперь он был стар и уже много лет слеп, но всё же хотел хоть через глаза дочери увидеть это десятитысячное войско, в котором были его сын и двое внуков. Курайба описала ему увиденное как густую чёрную массу, и он сказал ей, что это конница, построенная в тесный строй и ожидающая приказа. Затем она увидела, как эта чёрная масса стала расползаться, пока не разделилась на четыре отдельные части, и отец велел ей как можно скорее вести его домой. Они ещё были в пути, когда мимо них вихрем пронёсся конный отряд, и один из всадников, перегнувшись с седла, сорвал с Курайбы серебряное ожерелье. Однако большего вреда им не причинили, и они благополучно добрались до дома.

Но не они одни были на Абу Кубайсе. В другом месте горы ‘Икрима, Сафван и Сухайль собрали отряд курайшитов вместе с некоторыми союзниками из Бакра и Хузайля. Они были полны решимости сражаться; и, увидев, как отряд Халида направляется к нижнему входу в город, спустились и атаковали их. Но против Халида и его людей они устоять не смогли: те обратили их в бегство, убив около тридцати человек при потере лишь двух со своей стороны. ‘Икрима и Сафван спаслись верхом, ускакав к морю; Сухайль ушёл в свой дом и запер дверь.

Сражение было почти окончено, когда Пророк вошёл через проход Азахир в Верхнюю Мекку. Увидев внизу, в сторону рынка, блеск обнажённых мечей, он огорчился.

- Разве я не запретил сражаться? - сказал он.

Но, когда ему объяснили, что произошло, он сказал, что Бог определил это к лучшему.

Он увидел свой красный кожаный шатёр, который Абу Рафи‘ уже поставил для него неподалёку от Мечети. Он указал на него Джабиру, ехавшему рядом; и, вознеся молитву хвалы и благодарения, направился вниз, в долину.

- Я не войду ни в один из домов, - сказал он.

В шатре его ожидали Умм Салама, Маймуна и Фатима; и незадолго до его прибытия к ним присоединилась Умм Хани. Закон ислама ясно установил, что браки между мусульманками и язычниками расторгаются, и это касалось также её брака с Хубайрой, который предвидел падение Мекки и уехал жить в Наджран. Но двое её свойственников, один из которых был братом Абу Джахля, участвовали в бою против Халида, а затем, спасаясь, прибежали к ней домой в поисках убежища. Тогда пришёл ‘Али, чтобы приветствовать её; и, увидев двух махзумитов, обнажил меч и хотел было убить их, несмотря на формальную защиту, которую она им уже дала. Но она накрыла их плащом и, встав между ним и ими, сказала:

- Клянусь Богом, прежде ты убьёшь меня!

После этого он ушёл. А теперь, заперев дверь за своими подзащитными, она пришла ходатайствовать перед Пророком. Фатима была настроена не менее сурово, чем ‘Али.

- Неужели ты даёшь защиту идолопоклонникам? - сказала она.

Но с упрёками Фатимы было покончено, как только прибыл Пророк. Он с большой нежностью приветствовал свою двоюродную сестру, и когда она рассказала ему, что произошло, сказал:

- Этого не будет. Кого ты делаешь безопасным, того и мы делаем безопасным; кого ты берёшь под защиту, того и мы берём под защиту.

Он совершил большое омовение и совершил восемь рак‘атов молитвы, после чего отдохнул час или более. Затем он велел привести Касву и, надев кольчугу и шлем, опоясался мечом; но в руке держал посох, а забрало его было поднято. Некоторые из тех, кто ехал с ним тем утром, уже выстроились вне шатра и образовали для него почётное сопровождение, когда он направился к Мечети, беседуя с Абу Бакром, который шёл рядом.

Он направился прямо к юго-восточному углу Каабы и благоговейно коснулся Чёрного Камня своим посохом, произнеся при этом слова величания. Те, кто был рядом, повторили их: *Аллаху акбар, Аллаху акбар*; и этот возглас подхватили все мусульмане в Мечети, так

что вся Мекка отозвалась ему, пока Пророк не сделал рукой знак к молчанию. Затем он совершил семь обходов вокруг Священного Дома, а Мухаммад ибн Маслама держал поводья его верблюдицы. Во время Малого паломничества эта честь была оказана человеку из Хазраджа. Потому теперь было уместно, чтобы она досталась человеку из Ауса.

После этого Пророк отвернулся от Каабы к идолам, окружавшим её широким кругом, - их было триста шестьдесят. Между ними и Домом он теперь ехал, повторяя аят откровения:

Пришла истина, и исчезла ложь; поистине, ложь исчезающа!",[1]

- и, указывая на идолов одного за другим своим посохом. И всякий идол, на которого он указывал, падал лицом вниз. Завершив круг, он сошёл с верблюдицы и помолился у Стояния Ибрахима, которое в то время находилось рядом с Каабой. Затем он подошёл к колодцу Замзам, где ‘Аббас дал ему напиться; и он навеки подтвердил традиционное право сынов Хашима поить паломников. Но когда ‘Али принёс ему ключ от Каабы и ‘Аббас попросил, чтобы их семье была дарована ещё и честь хранить его, он сказал:

- Я даю вам лишь то, что вы утратили, а не то, что было бы утратой для других.

Затем он велел позвать того человека из ‘Абд ад-Дар, который прежде пришёл к нему в Медину вместе с Халидом и ‘Амром, - ‘Усмана ибн Тальху; и, вручив ему ключ, навеки подтвердил за его кланом традиционное право хранительства. ‘Усман благоговейно принял ключ и пошёл открыть дверь Священного Дома, а следом за ним вошёл Пророк. Усама и Билял были сразу за ними, и Пророк, велев им тоже войти, сказал ‘Усману запереть за ними дверь.

Кроме изображения Девы Марии с младенцем Иисусом и рисунка старца, которого считали Ибрахимом, внутренние стены были покрыты изображениями языческих божеств. Положив руку в защитном жесте на образ, Пророк велел ‘Усману проследить, чтобы все остальные изображения, кроме изображения Ибрахима, были стёрты.[2]

Он пробыл внутри некоторое время, а затем, взяв у ‘Усмана ключ, сам отпер дверь; и, стоя на пороге с ключом в руке, сказал:

- Хвала Богу, Который исполнил Своё обещание, помог Своему рабу и один рассеял союзные племена.

---

[1] Коран 17, 81

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 834; Мухаммад ибн Абдаллах аль-Азраги Muhammad ibn 'Abd Allah al-Azraqi 1, 107. Но другие источники указывают на «все» без упоминания об этих двух исключениях.

Мекканцы, укрывшиеся в Мечети, к тому времени уже были пополнены многими из тех, кто сначала прятался по домам, и теперь они сидели группами здесь и там, неподалёку от Каабы. Пророк обратился к ним:

- Что скажете вы и что думаете?

Они ответили:

- Мы говорим доброе и думаем доброе: ты благородный и великодушный брат, сын благородного и великодушного брата. Тебе повелевать.

Тогда он обратился к ним словами прощения, которые, согласно Откровению, Юсуф сказал своим братьям, когда они пришли к нему в Египет:

- Воистину, я говорю так, как сказал мой брат Юсуф: **Нет упреков сегодня над вами! Простит Аллах вам, -ведь Он - милостивейший из милостивых!**[3].

Абу Бакр тем временем вышел из Мечети, чтобы навестить своего отца, и теперь вернулся, ведя Абу Кухафу за руку, а следом шла его сестра Курайба.

- Почему ты не оставил старца в его доме, чтобы мне самому прийти к нему? - сказал Пророк.

- О Посланник Бога, - ответил Абу Бакр, - более подобает, чтобы он пришёл к тебе, нежели ты - к нему.

Пророк подал ему руку и, усадив перед собой, пригласил произнести оба свидетельства ислама, что тот охотно и сделал.

Отдав распоряжение разбить на куски Хубаля, самого большого из поверженных идолов, и сжечь всех их, Пророк велел объявить по всему городу, чтобы всякий, у кого в доме есть идол, уничтожил его. Затем он удалился на соседний холм Сафа, где некогда впервые обратился с проповедью к своим родичам. Здесь он принимал присягу тех из прежних врагов, кто теперь желал войти в ислам, - и мужчин, и женщин. Они приходили к нему сотнями.

Среди женщин была Хинд, жена Абу Суфьяна. Она явилась под покрывалом, опасаясь, что Пророк прикажет казнить её прежде, чем она примет ислам; и сказала:

---

[3] Коран 12, 92

- О Посланник Бога, хвала Тому, Кто дал победу той религии, которую и я теперь избираю для себя.

Затем она открыла лицо и сказала:

- Хинд, дочь ‘Утбы.

- Добро пожаловать, - ответил Пророк.

Среди женщин, пришедших на Сафу, была и Умм Хаким, жена ‘Икримы. Приняв ислам, она стала просить Пророка даровать её мужу неприкосновенность. Он сделал это, хотя ‘Икрима всё ещё оставался с ним в состоянии войны; и Умм Хаким разузнала, где он находится, и отправилась за ним, чтобы привести его назад.

Пророк оглядел собравшихся перед ним и, повернувшись к своему дяде, сказал:

- О ‘Аббас, где двое сыновей твоего брата - ‘Утба и Му‘аттиб? Я не вижу их.

Это были двое оставшихся в живых сыновей Абу Лахаба. Именно ‘Утба под давлением отца когда-то отверг Рукейю; и, по-видимому, теперь оба боялись появиться.

- Приведи их ко мне, - сказал Пророк.

‘Аббас привёл своих племянников, и они приняли ислам и принесли ему присягу. Тогда Пророк взял каждого из них за руку и, идя между ними, подвёл их к великому месту моления, называемому аль-Мультазам, - той части стены Каабы, которая находится между Чёрным Камнем и дверью. Там он долго молился, и, заметив радость на его лице, ‘Аббас сказал об этом. Пророк ответил:

- Я просил у моего Господа даровать мне этих двух сыновей моего дяди, и Он даровал мне их.[4]

Ближайшим к Мекке из трёх главнейших языческих святилищ был храм аль-‘Уззы в Нахле. Теперь Пророк послал Халида разрушить этот центр идолопоклонства. Когда дошла весть о его приближении, хранитель храма повесил свой меч на статую богини и воззвал к ней, чтобы она защитила себя и убила Халида - или же стала единобожницей. Халид разрушил храм и его идола, а затем вернулся в Мекку.

- Разве ты ничего не видел? - спросил Пророк.

---

[4] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир, 4*/I, 41-42

- Ничего, - ответил Халид.

- Значит, ты не уничтожил её, - сказал Пророк. - Возвращайся и уничтожь её.

Тогда Халид снова отправился в Нахлу, и из развалин храма вышла чёрная женщина, совершенно нагая, с длинными, дико развевающимися волосами.

- У меня по спине пробежала дрожь, - говорил потом Халид.

Но он воскликнул:

- ‘Узза, отречение - тебе, а не поклонение!

И, выхватив меч, рассёк её. Вернувшись, он сказал Пророку:

- Хвала Богу, Который спас нас от гибели! Я помню, как мой отец отправлялся к аль-‘Уззе с приношением в сто верблюдов и овец. Он приносил их ей в жертву, проводил три дня у её святилища и возвращался к нам, радуясь содеянному.[5]

Тем временем большинство мекканцев уже принесли присягу. Исключением был Сухайль; но, укрывшись в своём доме, он послал за сыном ‘Абдаллахом, чтобы тот походатайствовал за него перед Пророком. Ибо, несмотря на всеобщее помилование, он едва ли мог поверить, что оно распространяется и на него. Но когда ‘Абдаллах заговорил с Пророком, тот тотчас ответил:

- Он в безопасности, под покровительством Бога; пусть же выйдет.

Потом он сказал своим спутникам:

- Если встретите Сухайля - никакой суровости во взгляде! Пусть ходит свободно, ибо клянусь моей жизнью: это человек ума и чести, не из тех, кто навсегда ослепнет к истине ислама.

И Сухайль стал приходить и уходить свободно; но ислам он тогда ещё не принял.

Что же до Сафвана, то его двоюродный брат ‘Умайр добился для него у Пророка отсрочки в два месяца. После этого он отправился за ним и нашёл его ожидающим судно в Шу‘айбе, которая в те времена была портом Мекки. Сафван отнёсся с подозрением и решительно отказался менять свои намерения. Тогда ‘Умайр снова пошёл к Пророку, и тот дал ему свой тюрбан из полосатой йеменской ткани, чтобы отвезти двоюродному брату как знак его

[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 873-874

безопасности. Это убедило Сафвана, и он решил вернуться, чтобы получить ещё более ясные заверения для самого себя.

- О Мухаммад, - сказал он, - ‘Умайр говорит мне, что если я соглашусь на нечто определённое, - он имел в виду принятие ислама, - то хорошо; а если нет, то ты дал мне отсрочку в два месяца.

- Оставайся здесь, - сказал Пророк.

- Не прежде, чем ты дашь мне ясный ответ, - возразил Сафван.

- Тебе будет дана отсрочка в четыре месяца, - сказал Пророк.

И Сафван согласился остаться в Мекке.

‘Икрима был последним из этих троих, кто после победы над Меккой явился к Пророку. Однако именно он первым из них принял ислам. Он решил сесть на судно у берега Тихамы и отплыть в Абиссинию; но, когда уже собирался взойти на борт, капитан сказал ему:

- Исправь свою веру перед Богом.

- Что мне сказать? - спросил ‘Икрима.

- Скажи: нет бога, кроме Бога, - ответил тот и ясно дал понять, что из страха кораблекрушения не возьмёт на борт никого, кто не засвидетельствует этого.

Эти четыре слова - *la ilaha illa Llah* - вошли в душу ‘Икримы, и в тот миг он понял, что мог бы произнести их искренне. Но он так и не взошёл на корабль: ведь единственная причина, по которой он хотел отплыть, состояла именно в том, чтобы спастись от этих слов, то есть от послания Мухаммада, выраженного в *la ilaha illa Llah*. Если он способен принять это послание на борту, значит, способен принять его и на суше.

- Наш Бог на море - тот же Бог, что и на земле, - сказал он себе.

Тут к нему присоединилась жена и сообщила, что Пророк даровал ему безопасность в Мекке, и они немедленно возвратились.

Пророк знал, что он идёт, и сказал своим сподвижникам:

- ‘Икрима, сын Абу Джахля, направляется к вам как верующий. Не поносите же его отца, ибо поношение мёртвого причиняет боль живому и не достигает умершего.

По прибытии в Мекку ‘Икрима направился прямо к Пророку, который встретил его с лицом, полным радости, и, после того как тот формально принял ислам, сказал ему:

- Сегодня ты ни о чём не попросишь меня, чтобы я не даровал тебе этого.

- Я прошу тебя, - сказал ‘Икрима, - помолиться Богу, чтобы Он простил мне всю мою вражду к тебе.

И Пророк помолился так, как он просил. Тогда ‘Икрима заговорил о деньгах, которые он тратил, и о битвах, которые вёл, чтобы удержать людей от следования истине; и сказал, что впредь будет тратить вдвое больше и сражаться с удвоенным усердием на пути Божием. И он сдержал своё обещание.

76.БИТВА ПРИ ХУНАЙНЕ И ОСАДА ТАИФА

Последнее решительное выступление Пророка против курайшитов не заставило Хавазин прекратить дальнейшее сосредоточение своих сил. Не успокоили их и вести о том, как легко он овладел Меккой и уничтожил всех её идолов; особенно велик был их страх при известии о судьбе святилища аль-‘Уззы, бывшего сестринским храмом их собственного храма аль-Лат. К тому времени, когда пришельцы провели в Мекке две недели, Хавазин собрали в долине Аутас, к северу от Таифа, войско численностью около двадцати тысяч человек.

Оставив в Мекке одного человека из рода Абду Шамс в качестве наместника и назначив Му‘аза ибн Джабаля, молодого, но хорошо сведущего человека из хазраджитов, наставлять новообращённых во всём, что касалось религии, Пророк выступил со всем своим войском, увеличившимся теперь ещё на две тысячи курайшитов. Большинство из них недавно присягнули ему, но некоторые, в том числе Сухайль и Сафван, ещё не приняли ислам и находились здесь просто для того, чтобы защищать свой город от Хавазин. Перед выступлением Пророк послал к Сафвану попросить взаймы сто кольчуг, которыми тот, как было известно, владел, и оружие, полагавшееся к ним. «О Мухаммад, - сказал Сафван, - это что же: “Отдай, не то я возьму”?» - «Нет, это заём, который будет возвращён», - ответил Пророк; после чего Сафван согласился также предоставить верблюдов для перевозки доспехов и оружия, которые он передал Пророку, когда они достигли последнего стояния.

Из племён Хавазин против них выступили Сакиф, Наср, Джушам и Са‘д ибн Бакр. Главнокомандующим у них был тридцатилетний человек из племени Наср по имени Малик, который, несмотря на молодость, уже приобрёл славу великой храбрости и княжеской щедрости. Вопреки совету старших он велел взять с собой всех женщин, детей и скот, полагая, что, имея их в тылу войска, мужчины будут сражаться отважнее. Он выслал трёх разведчиков, чтобы те принесли ему сведения о войске, приближавшемся из Мекки; но вскоре они вернулись почти безмолвные, в каком-то странно сокрушённом состоянии, так что у них от ужаса подкашивались суставы, а у некоторых они как будто и вовсе были вывихнуты. «Мы видели белых людей на пегих конях, - сказал один, - и тотчас были поражены тем, что ты видишь». «Мы сражаемся не с земными людьми, - сказал другой, - а с людьми Неба. Послушай нашего совета и отступи; ибо если наши воины увидят то, что видели мы, их постигнет то же, что постигло нас». - «Позор вам! - сказал Малик. - Вы трусы этого стана». И до того жалок был их телесный и душевный упадок, что он велел держать их под стражей вдали от остальных воинов, чтобы они не распространили в войске панику. Затем он сказал тем, кто был при нём: «Покажите мне человека храброго». Но и выбранный человек вернулся в том же состоянии, что и прочие: он увидел тех же устрашающих всадников в авангарде противостоящего войска. «Самый их вид невыносим», - пролепетал он. Но Малик не пожелал слушать, и с наступлением темноты приказал двинуться в долину Хунайн, через которую, как он знал, враг непременно должен был пройти. Он велел остановиться у своего конца Хунайна, там, где дорога начинала спускаться в русло долины.

По обе стороны лежали овраги, некоторые из них были просторны и с широкими входами, так что сверху их было видно, но снизу они были совершенно скрыты. В одном или двух из них он разместил большую часть своей конницы с приказом ринуться вниз на врага по его знаку. Остальная часть войска была выстроена на самой дороге, близ вершины ущелья.

Пророк расположился той ночью лагерем неподалёку от другого конца долины; а совершив с людьми утреннюю молитву, он ободрил их и возвестил им победу, если они останутся стойкими. Небо было затянуто тучами, так что, когда они начали спускаться в русло долины, было ещё почти темно. Как и прежде, впереди шёл Халид, начальствуя над Сулеймом и другими. За ним следовала мусульманская часть нового мекканского отряда. Сам Пророк, сидя верхом на Дульдуле, на этот раз находился в середине войска, с тем же отрядом мухаджиров и ансаров, но окружённый как никогда прежде множеством людей из своего рода, включая двоюродных братьев Абу Суфьяна и Абдаллаха, присоединившихся к нему на пути в Мекку, двух старших сыновей Аббаса - Фадля и Кусама, - а также двух сыновей Абу Лахаба. В арьергарде находились те из мекканцев, которые ещё не приняли ислам.

Авангард почти завершил спуск, когда в полумраке над ними, на противоположном склоне, вырисовалось неподвижное войско Хавазин. Это было грозное зрелище, тем более что позади самого войска находились тысячи верблюдов - без всадников или с женщинами на спинах, - и в тусклом свете зари они казались частью самого войска. Дорога в том направлении была явно преграждена; но прежде чем успели запросить новые указания или отдать новые распоряжения, Малик подал условный знак. Отряды Хавазин внезапно вырвались из оврагов и обрушились на Халида и его людей. Натиск был столь яростен и столь внезапен, что он не смог собрать Бану Сулейм: они почти не оказали сопротивления, а тотчас обратились в беспорядочное бегство, сметая ряды мекканцев, стоявших за ними и теперь бросившихся бежать вверх по тому склону, по которому только что спустились. Страшная давка коней и верблюдов закупорила ущелье в самых узких местах, но Пророк находился там, где мог немного податься вправо, и теперь он твёрдо остановился у края дороги с небольшой группой тех, кто ехал рядом с ним: Абу Бакром, ‘Умаром и другими мухаджирами, некоторыми ансарами, а также всеми присутствовавшими мужчинами из его рода. Сын Хариса, Абу Суфьян, стоял возле него и держался за кольцо на узде Дульдуля.

Пророк звал остальных присоединиться к нему, но его слова тонули в грохоте битвы. Тогда он обратился к Аббасу, обладавшему необыкновенно мощным голосом, и велел ему кричать: «О сподвижники Древа! О сподвижники акации!» И тотчас со всех сторон раздался ответный зов - **«Ляббайк!»**, «Вот мы, к твоим услугам», - когда ансары и мухаджиры стали стекаться к нему. Вскоре с ним уже было сто человек, и, растянувшись поперёк теснины, они на время сдержали натиск врага. Аббас продолжал кричать, и многие из тех, кто бежал, теперь вернулись в бой. Пророк приподнялся на стременах, чтобы его лучше видели и чтобы самому лучше видеть. Враг готовил новый натиск, и он воззвал: «О Боже, я прошу

Тебя о Твоём обещании!» Затем он велел своему молочному брату подать ему несколько камешков и, взяв их в руку, бросил их в лицо врагу, как сделал это некогда при Бадре. И течение битвы вдруг изменилось без видимой причины - вернее, причина была не видна верующим, но была видна врагу, как прежде была видна и их разведчикам; а потом пришло откровение:

Аллах помог вам уже во многих местах и в день Хунайна, когда вас восхитила ваша многочисленность. Но она ни от чего вас не избавила, и стеснилась для вас земля там, где была широка. Потом вы повернулись, обратив тыл. Потом низвел Аллах Свой покой на Своего посланника и на верующих, и низвел войска, которых вы не видели, и наказал тех, которые не веровали; это - воздаяние неверным.Потом обратится Аллах после этого к тем, к кому пожелает: ведь Аллах - прощающий, милостивый!.[1]

Разгром был страшен: Малик сражался с великой храбростью, но в конце концов отступил вместе с людьми Сакифа в свой укреплённый город Таиф. Основная часть Хавазин была преследуема с большими потерями до самой Нахлы. Оттуда они вернулись в свой стан при Аутасе; но Пророк послал отряд, чтобы вытеснить их и оттуда, и они ушли в горы.

Мусульмане потеряли многих людей в самом начале сражения, особенно Бану Сулейм, на которых пришёлся главный удар первой засады. Но после первого натиска погибло сравнительно немного. Одним из этих немногих был Айман, старший брат Усамы, павший рядом с Пророком.

Женщины и дети Хавазин, находившиеся за боевыми рядами, все были взяты в плен; а помимо верблюдов, овец и коз среди добычи оказалось также четыре тысячи унций серебра. Пророк поставил над ней Будайля и велел всё это, включая пленных, отправить в близлежащую долину Джи‘рана, примерно в десяти милях от Мекки.

Среди подразделений Хавазин был и отряд из Бану Са‘д ибн Бакр - того самого племени, среди которого Пророк провёл младенчество и раннее детство; и одна из старших пленниц укоряла своих пленителей, говоря: «Клянусь Богом, я - сестра вашего вождя». Ей не поверили, однако всё же привели к Пророку. «О Мухаммад, я твоя сестра», - сказала она. Пророк с изумлением посмотрел на неё: это была старая женщина лет семидесяти или более. «Есть ли у тебя какой-нибудь знак этого?» - спросил он, и она тотчас показала след от укуса. «Это ты укусил меня, - сказала она, - когда я несла тебя в долине Сарар. Мы были там с пастухами. Твой отец был моим отцом, и твоя мать была моей матерью». Пророк увидел, что она говорит правду: это и в самом деле была Шайма, одна из его молочных сестёр; и, расстелив для неё свой плащ, он велел ей сесть. Глаза его наполнились слезами, когда он стал расспрашивать её о Халиме и Харисе, его молочных родителях, и она сказала ему, что оба они умерли, дожив до глубокой старости. После разговора он предложил ей

[1] Коран 9, 25-27

остаться при нём либо возвратиться к Бану Са‘д. Она сказала, что хочет принять ислам, но всё же избрала возвращение к своему племени. Пророк щедро одарил её и, намереваясь дать ещё больше, велел ей оставаться с её соплеменниками, находившимися в стане, сказав, что увидится с ней снова по возвращении. Затем он двинулся с войском на Таиф.

У Сакифа было в городе достаточно припасов, чтобы продержаться целый год. Были у них и все средства противостоять осадным орудиям, которые Пророк велел пустить в ход, когда всё прочее оказалось тщетным; к тому же они были искусными стрелками. Между сторонами происходило много ожесточённых перестрелок, но прошло полмесяца, а мусульмане не стали ближе к взятию города, чем были в первый день. Единственным достигнутым результатом стало обращение некоторых людей в ислам, ибо однажды Пророк велел через глашатая объявить, что всякий раб из Сакифа, который перейдёт к мусульманам, будет освобождён. Около двадцати рабов ухитрились выбраться из города и, придя в лагерь, принесли присягу. Прошла почти ещё неделя, когда Пророку приснился сон: ему дали чашу с маслом, и петух подлетел, клюнул её и расплескал. «Не думаю, что сегодня ты получишь от них то, чего желаешь», - сказал Абу Бакр, и Пророк согласился. Быть может, он и сам уже пришёл к выводу, что осада Сакифа - не лучший путь к их покорению. Как бы то ни было, теперь он велел снять осаду и идти к Джи‘ране. Когда они отходили от города, некоторые люди попросили Пророка проклясть его жителей. Не ответив им, он поднял руки в мольбе и сказал: «О Боже, наставь Сакиф на прямой путь и приведи их к нам».

Среди тех, кто пал под стенами Таифа, был и единоутробный брат Умм Саламы, двоюродный брат Пророка Абдаллах, столь недавно принявший ислам.

77.**ПРИМИРЕНИЯ**

Когда войско достигло Джи'раны, пленные находились в большом ограждённом месте, укрываясь от солнца; их было около шести тысяч - женщин и детей. Большинство из них были очень бедно одеты, и Пророк послал одного человека из Хуза'а в Мекку купить для каждого новую одежду, с уплатой из серебра, входившего в состав добычи. Верблюдов было около двадцати четырёх тысяч; что же касается овец и коз, то никто и не пытался их сосчитать, но полагали, что их было около сорока тысяч, более или менее.

Многие из людей нетерпеливо ждали своей доли добычи, но Пророк пока не хотел связывать себя никакими необратимыми решениями, ибо ожидал, что Хавазин пришлют к нему делегацию с просьбой о великодушном обращении. Однако была одна область распределения, которую он не желал откладывать. Его пятая часть добычи служила тем же целям, что и средства, получаемые в виде милостыни; и недавнее Откровение ввело новую категорию людей, имевших право пользоваться такими средствами, а именно тех, чьи сердца надлежит примирить. В ниспосланном аяте говорилось: **Милостыни - только для бедных, нищих, работающих над этим, - тем, у кого сердца привлечены , на выкуп рабов, должникам, на пути Аллаха, путникам, - по становлению Аллаха. Аллах - знающий, мудрый!**.[1] Непосредственным примером людей, чьи сердца следовало примирить, были те курайшиты, которые недавно вошли в Ислам под давлением обстоятельств, когда их мир - мир арабского язычества - был сокрушён утверждением новой религии в Мекке.

Пророк дал теперь Абу Суфьяну сто верблюдов, и когда тот вслед за этим попросил не забыть и двух своих сыновей - Язида и Му'авию, - каждому из них также было дано по сто, так что в действительности Абу Суфьян получил триста. Это не ускользнуло от внимания других, и когда племянник Хадиджи Хаким получил сто, он попросил ещё двести, которые Пророк тотчас же ему назначил. Как и в случае с Абу Суфьяном, всякое колебание или неохота разрушили бы саму цель дара. Но Хакиму Пророк всё же сказал: «Это имущество - прекрасное зелёное пастбище. Кто возьмёт его с великодушием души, тому оно будет благословенно; но кто возьмёт его из гордыни души своей, тому оно не будет благословенно, и он будет подобен тому, кто ест и не насыщается. Верхняя рука лучше нижней; и начинай давать тем из своей семьи, кто зависит от тебя». «Клянусь Тем, Кто послал тебя с истиной, после тебя я уже ничего не приму ни от одного человека», - сказал Хаким, решив, что отныне его рука никогда не будет нижней; и он взял только сто верблюдов, отказавшись от притязания на остальное.[2]

---

[1] Коран 9, 60

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 945

К той же категории получателей относились и те, кто стоял на пороге и ещё не принял окончательного решения войти в Ислам. Некоторым из них тоже было дано по сто верблюдов. Наиболее важными среди них были Сафван и Сухайль. Оба они сражались при Хунайне, и когда один из необращённых мекканцев в тылу выразил удовлетворение первоначальным бегством мусульман, Сафван резко его одёрнул: «Если уж мне и иметь над собой властителя, - сказал он, - то пусть это будет человек из Курайша, а не Хавазин!» После того как он получил свои сто верблюдов, Сафван сопровождал Пророка, когда тот ехал через долину Джи'рана осматривать добычу. Из главной долины выходило множество боковых ущелий, и в одном из них пастбище было особенно роскошным, так что оно было полно верблюдов, овец и коз, а также пастухов, стерегущих их. Видя, как сильно поразило Сафвана это зрелище, Пророк сказал ему: «Нравится ли тебе это ущелье?» И когда Сафван с горячностью ответил утвердительно, он добавил: «Оно твоё - и всё, что в нём». «Свидетельствую, - сказал Сафван, - что ни у одной души не может быть такой доброты, если только это не душа Пророка. Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и что ты - Его Посланник».

Что касается Сухайля, то именно в Джи'ране исчезли и его последние сомнения - либо благодаря новой близости с его сыном 'Абдаллахом, либо оттого, что он стал свидетелем чудесной победы при Хунайне, либо через переживание присутствия Пророка и его великодушия, либо же вследствие всего этого вместе; но как только он вошёл в Ислам, он вошёл в него без остатка. И три года спустя, когда 'Абдаллах пал в бою и Абу Бакр сказал слова утешения скорбящему отцу, тот ответил: «Мне передали, что Посланник Божий сказал: “Мученик будет ходатайствовать за семьдесят человек из своего народа”. И я надеюсь, что мой сын ни с кого не начнёт прежде, чем с меня».

Среди других, вошедших в Ислам в Джи'ране, были некоторые видные люди из Махзума: два брата Абу Джахля; сводный брат Халида Хишам, родной брат юного Валида, который умер; и второй сын тётки Пророка 'Атики - Зухайр, брат которого недавно пал мучеником при Та'ифе. Это был тот самый Зухайр, который примерно десятью годами ранее, вопреки Абу Джахлю, первым заговорил в Собрании в пользу отмены бойкота против Бану Хашим и Бану-ль-Мутталиб. Его мать, 'Атика, уже приняла Ислам прежде обоих своих сыновей.

Мусульманское войско провело теперь в долине уже несколько дней, но делегация от Хавазин всё не являлась, и тогда Пророк распределил каждому его долю добычи. Едва он закончил это, как делегация прибыла; среди них был и брат его приёмного отца Хариса. Четырнадцать из них уже были мусульманами. Остальные теперь тоже вошли в Ислам и, настаивая на том, что всё племя Хавазин должно рассматриваться как его молочные родственники, просили о его великодушии. «Мы носили тебя на коленях, - сказали они, - и кормили тебя грудью». Он ответил им, что ждал их до тех пор, пока не решил, что они уже не придут, и что добыча уже роздана. Затем, хотя и зная заранее ответ, спросил их, что им дороже - их сыновья и жёны или их имущество; и когда они сказали: «Верни нам наших

сыновей и наших жён», он сказал: «Что касается тех, которые достались мне и сынам 'Абд аль-Мутталиба, то они ваши; а за вас перед другими людьми я буду ходатайствовать. Когда я возглавлю полуденную молитву, скажите тогда: “Мы просим Посланника Божия ходатайствовать за нас перед мусульманами, и просим мусульман ходатайствовать за нас перед Посланником Божиим” ».[3]

Они сделали так, как им было велено, и Пророк обратился к собранию и объяснил, что эти люди просят вернуть им их детей и их жён. Переселенцы и ансары тотчас передали своих пленников Пророку. Что же до племён, то некоторые из них сделали то же, а некоторые отказались; но отказавшихся убедили отпустить своих пленников в обмен на будущую компенсацию, и таким образом все были возвращены своему народу, кроме одной молодой женщины, доставшейся по жребию двоюродному брату Пророка по материнской линии - Са'ду из Зухры, - и пожелавшей остаться с ним.

Пророк дал своей молочной сестре ещё несколько верблюдов и некоторое число овец и коз, а затем простился с ней. Потом, когда делегация уже уходила, он спросил их о вестях от их вождя Малика. Они сообщили, что он присоединился к Сакифу в Та'ифе. «Передайте ему, - сказал Пророк, - что если он придёт ко мне как мусульманин, я возвращу ему его семью и его имущество и дам ему сто верблюдов». Он намеренно поселил семью Малика у своей тётки 'Атики в Мекке и удержал его имущество от распределения.

Когда это послание достигло Малика в Та'ифе, он ничего не сказал Сакифу, боясь, что они заключат его под стражу, если заподозрят его намерение; и, покинув город ночью, он направился в лагерь и вошёл в Ислам. Пророк поставил его во главе уже многочисленной и всё более растущей мусульманской общины Хавазин, велев не давать Сакифу ни минуты покоя. Таким образом, снятие осады Та'ифа оказалось не более чем кратчайшей передышкой. Теперь на смену одной осаде должна была прийти другая - менее острая, но более неумолимая.

Пророк хорошо знал, что, хотя религия и обладает собственной силой воздействовать на души, эта сила зависит от того, чтобы религия была принята с некоторой степенью внутренней вовлечённости, а не только по имени. Именно для того, чтобы устранять преграды к такой вовлечённости, - например, чувство горечи или неудовлетворённости, - и был ниспослан принцип даров тем, чьи сердца надлежит примирить; но этот принцип поначалу был понятен далеко не многим из старших сподвижников, не говоря уже о прочих. Вдобавок к тому, что уже было сказано, богатые дары были вручены и некоторым видным бедуинам, чей Ислам вызывал сильные сомнения, тогда как более достойные люди пустыни были оставлены без внимания. Са'д из Зухры спросил Пророка, почему он дал по сто верблюдов 'Уяйне из Гатафана и Акра'у из Тамима и ничего не дал благочестивому

[3] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.877

Джу'айлю из Дамры, который, к тому же, в отличие от тех двоих, был крайне беден. Пророк ответил: «Клянусь Тем, в Чьей длани моя душа, Джу'айль стоит больше, чем целый мир людей вроде 'Уяйны и Акры'; но их души я примирил, чтобы они лучше покорились Богу, тогда как Джу'айля я вверил тому покорству[4], которое он уже явил».[5]

Со стороны переселенцев больше не было возражений; но к концу пребывания Пророка в Джи'ране среди четырёх тысяч ансаров стало расти внутреннее смущение. Многие из них были бедны, и из этой необычайно богатой добычи каждый получил лишь по четыре верблюда или соответствующее количество овец и коз. Они надеялись получить хороший выкуп за пленников, но своей долей в них без колебаний пожертвовали, чтобы угодить Пророку. Между тем они видели, как щедрые дары были розданы шестнадцати влиятельным людям из Курайша и четырём вождям других племён. Все эти получатели были людьми богатыми. Но ни один из ансаров не получил от Пророка дара. То же касалось и переселенцев; однако это не служило утешением жителям Медины, ибо большая часть даров досталась людям из Курайша, то есть близким родственникам переселенцев. «Посланник Божий вновь соединился со своим народом», - говорили ансары между собой. «Во время битвы его спутники - мы, но когда делят добычу, его спутники - его собственный народ и его семья. И нам хотелось бы знать, откуда это исходит: если это от Бога, мы примем это с терпением; но если это лишь мысль, пришедшая Посланнику Божию, то мы просили бы его и нам оказать предпочтение».

Когда чувство это сильно возросло, Са'д ибн 'Убада пришёл к Пророку и передал ему, что у них на уме и на языке. «А ты сам, о Са'д, где стоишь в этом?» - спросил Пророк. «О Посланник Божий, - ответил он, - я один из них. И мы хотели бы знать, откуда это исходит». Тогда Пророк велел ему собрать всех ансаров в одном из ограждений, прежде служивших укрытием для пленников; некоторые из переселенцев, с разрешения Са'да, тоже присоединились к ним. Затем Пророк пришёл к ним и, воздав хвалу и благодарение Богу, обратился с речью: «О люди ансаров, до меня дошло, что души ваши глубоко взволнованы против меня. Разве не нашёл я вас заблудшими - и Бог направил вас; бедными - и Бог обогатил вас; враждовавшими друг с другом - и Бог примирил ваши сердца?» - «Да, поистине», - ответили они. - «Бог и Его Посланник - наиболее щедры и наиболее милостивы». - «Не ответите ли вы мне?» - сказал он. - «Как же нам отвечать?» - спросили они в некотором смущении. - «Если бы вы захотели, - сказал он, - вы могли бы сказать мне, и сказали бы правду, и вам бы поверили: “Ты пришёл к нам отвергнутым - и мы признали тебя; одиноким - и мы помогли тебе; изгнанным - и мы приняли тебя; лишённым - и мы утешили тебя”. О ансары, неужели ваши души взволновались из-за вещей этого мира, которыми я примирил сердца людей, чтобы они покорились Богу, тогда как вас самих я вверил вашему Исламу? Неужели вы не довольны, о ансары, тем, что люди унесут с собой

[4] Ислам
[5] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 948

своих овец и своих верблюдов, а вы унесёте с собой в свои дома Посланника Божия? Если бы все люди пошли одной дорогой, а ансары другой, я пошёл бы дорогой ансаров. Да помилует Бог ансаров, и сыновей их, и сыновей сыновей их». Они заплакали так, что бороды их промокли от слёз, и в один голос сказали: «Мы вполне довольны Посланником Божиим как нашей долей и нашим уделом».[6]

[6] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.886

78.**ПОСЛЕ ПОБЕДЫ**

Из Джи'раны Пророк совершил малое паломничество, а затем вернулся в Медину. Незадолго до его прибытия его настиг 'Урва из Сакифа - тот самый человек, которого ещё при Худайбийе так поразило благоговение мусульман перед своим вождём.[1] 'Урва отсутствовал в Йемене во время недавнего похода; и рассказы, услышанные им по возвращении о чудесной победе при Хунайне, довершили уже наполовину созревшее в нём намерение присягнуть Пророку. Сделав это, он попросил позволения вернуться в Та'иф и призвать людей Сакифа к исламу. «Они убьют тебя», - сказал Пророк. «О Посланник Божий, - ответил 'Урва, - я для них дороже, чем их первенцы». - «Они убьют тебя», - повторил Пророк. Но когда 'Урва в третий раз попросил позволения, он сказал: «Что ж, иди, если хочешь». Всё случилось так, как сказал Пророк: они окружили его дом лучниками, и вскоре он был смертельно ранен стрелой. Когда родные спросили его на смертном одре, что он думает о своей смерти, он ответил: «Это милость, которую Бог по Своей щедрости даровал мне». Затем он велел похоронить его рядом с мучениками, недавно павшими при осаде Та'ифа, и так и было сделано. Когда Пророку сообщили о его смерти, он сказал: «'Урва подобен человеку из Йа-Син.[2] Он призвал свой народ к Богу, и они убили его»[3]. Речь шла о Хабибе, плотнике из Антиохии, который призывал свой народ принять весть Исы после того, как они изгнали апостола Петра и других. Они убили его; и, как сказано в Коране: **Сказано ему: "Войди в рай!" он сказал: "О, если бы мои люди знали, за что простил мне Господь мой и сделал меня из почтенных!"** [4]После смерти 'Урвы его сын и племянник покинули Та'иф и пришли к Пророку в Медину, где приняли ислам и стали жить у своего двоюродного брата Мугиры, одного из мухаджиров.

Смерть 'Абдаллаха ибн Равахи при Му'те лишила Пророка не только одного из его дорогих сподвижников, но и одного из дорогих ему поэтов, ибо, как говорят, он ставил стихи 'Абдаллаха наравне со стихами Хассана и Ка'ба ибн Малика. Но по общему признанию в ту пору были два арабских поэта, затмевавшие всех прочих. Одним из них был Лабид[5]; другим - ещё один Ка'б, сын одного из главных поэтов предыдущего поколения, Зухайра ибн Аби Сульмы. Хотя он был человеком из Музайны, большую часть жизни Ка'б провёл среди Гатафана и потому не подпал под то исламское влияние, которое было столь сильно в его собственном племени. Его брат Бужайр принял ислам после Худайбийи, но Ка'б громогласно отверг новую религию и сочинил сатирические стихи против Пророка, который дал понять, что всякий, кто убьёт этого обидчика, окажет услугу делу Божию. Бужайр уже прежде - но тщетно - уговаривал брата пойти к Пророку и просить прощения. «Он не убивает того, кто приходит к нему с покаянием», - говорил он; а теперь, после

---

[1] См.с.250
[2] Коран, сура 36
[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 961
[4] Коран 36, 26-27
[5] См.с.93

победы над Меккой, он подкрепил свои прежние призывы стихотворением, в котором были строки:

Лишь у Бога, не у 'Уззы и не у Лат,
Ты можешь искать спасенья, если спасенье ещё возможно,
В тот день, когда не будет спасения, не будет бегства от людей,
Кроме как для того, чьё сердце в чистоте покорилось Богу.

Когда со всех сторон люди во множестве стали входить в ислам, Ка'бу почудилось, будто земля смыкается над ним, и, опасаясь за жизнь, он отправился в Медину, в дом одного человека из Джухайны, своего друга, перед которым исповедал ислам. На следующий день он присоединился к собранию в мечети на утреннюю молитву, а после неё подошёл к Пророку, вложил свою руку в его руку и сказал: «О Посланник Божий, если бы Ка'б, сын Зухайра, пришёл к тебе кающимся, мусульманином, и просил бы у тебя пощады, принял бы ты его, если бы я привёл его к тебе?» Когда Пророк ответил, что принял бы, Ка'б сказал: «Я, о Посланник Божий, и есть Ка'б, сын Зухайра». Один из ансаров вскочил на ноги и попросил позволения отсечь ему голову, но Пророк сказал: «Оставь его, ибо он пришёл с покаянием и уже не тот, что прежде». Тогда Ка'б прочёл касыду, которую сочинил по этому случаю. Она была выдержана в традиционном бедуинском стиле, великолепна по языку и необычайно мелодична, с множеством ярких картин природы; но сущность её заключалась в мольбе о прощении. Завершалась она похвалой Пророку и мухаджирам, начинавшейся словами:

Посланник - свет, источник света;
Он - индийский клинок, обнажённый меч из мечей Божиих,
Среди спутников из Курайша. Когда они избрали
Ислам в долине Мекки, люди сказали им: “Уходите!”
Они ушли - не слабыми, не как беглецы,
Покачиваясь на своих верблюдах, дурно вооружённые, -
Нет, как герои, гордые и благородные видом,
Сияя в кольчугах, сплетённых, как у Дауда[6], для битвы.

Когда он закончил, Пророк снял с себя полосатый йеменский плащ и набросил его на плечи поэта в знак признания его словесного мастерства.[7] Но потом он сказал одному из своих сподвижников: «Лучше бы он хорошо сказал и об ансарах, ибо, поистине, они того достойны!» - и это было передано Ка'бу. Тогда он сочинил другое стихотворение - в похвалу

[6] Согласно Корану (34,10) Дауд изобрел кольчугу
[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.893

ансарам, воспев их доблесть и храбрость в бою, надёжность их покровительства и щедрость как хозяев.[8]

Теперь стало ясно, что ждать рождения ребёнка Марии осталось уже недолго. Сальма, принимавшая роды у Хадиджи, когда та рожала всех своих детей, к этому времени была уже пожилой женщиной. С тех пор как она помогла появиться на свет Фатиме, прошло двадцать пять лет; но, несмотря на это, она настояла, что и теперь хочет сделать то же самое для нового ребёнка Пророка. Поэтому, когда роды стали близки, она перебралась в ту часть Верхней Медины, где жила Мария.

Ребёнок родился ночью, и в ту же ночь Джибриль явился к Пророку и обратился к нему так, как никогда прежде: «О отец Ибрахима». Сразу после рождения Сальма послала своего мужа, Абу Рафи', известить Пророка, что у него родился сын; и на следующее утро в мечети, после рассветной молитвы, Пророк сообщил своим сподвижникам о рождении ребёнка. «И я назвал его, - добавил он, - именем моего праотца: Ибрахим». В Медине воцарилась великая радость, и среди женщин ансаров возникло сильное соперничество за то, кому стать кормилицей младенца. Выбор пал на жену кузнеца из Верхней Медины, жившую неподалёку от его матери; и Пророк навещал сына почти каждый день и часто проводил там полуденный отдых.

Иногда Ибрахима приносили в дом его отца. 'Аиша рассказывала, что однажды Пророк принёс его к ней на руках и сказал: «Посмотри, как он похож на меня». - «Я не вижу никакого сходства», - ответила она. - «Разве ты не видишь, какая у него светлая кожа и какое крепкое тело?» - сказал Пророк. - «Все, кого кормят овечьим молоком, бывают полными и светлокожими», - ответила она. Одному из пастухов было велено ежедневно посылать молоко кормилице ребёнка.

После возвращения из Мекки Пророк оставался в Медине шесть месяцев, и за это время он отправил несколько небольших отрядов. Один из них, под предводительством 'Али, был направлен против племени Тайй, чьи земли лежали к северо-востоку от Медины. Ранее 'Али уже был послан разрушить святилище Манат в Кудайде у Красного моря, так что из трёх главных центров идолопоклонства в Аравии теперь оставалось только святилище аль-Лат в Та'ифе. Но храм Фулса был центром идольского культа для тех из племени Тайй, кто не был христианином; и главной целью нынешнего набега было разрушение именно этого храма. Тайй был племенем поэта Хатима[9]. Его сын 'Адий, христианин, как и отец, после смерти Хатима стал вождём племени.

При внезапном приближении 'Али и его людей 'Адий бежал со своей ближайшей семьёй, кроме одной сестры, которая вместе со многими другими была взята в плен. Когда её

[8] Ибн Хишам «*Сира*», 893
[9] См.с.37

привели в Медину к Пророку, она бросилась к его ногам и стала просить освободить её. «Мой отец, - сказала она, - всегда освобождал пленника, хорошо принимал гостя, насыщал голодного и утешал страждущего. Он никогда не отказывал тому, кто просил о милости. Я - дочь Хатима». Пророк ответил ей добрыми словами, а затем, обратившись к окружавшим, сказал: «Отпустите её, ибо её отец любил благородные обычаи, и Бог также любит их».

Тем временем человек из её племени пришёл просить за неё, и Пророк отдал её ему, снабдив верблюдом и прекрасной одеждой. Она отправилась искать своего брата 'Адия и убедила его поехать в Медину. Там он принял ислам, присягнув Пророку, который утвердил его вождём Тайй; впоследствии он оказался верным и влиятельным союзником.

Именно в эти же месяцы, в начале раджаба, до Пророка дошла весть о смерти Негуса. После следующей обязательной молитвы, которую совершили в мечети, он повернулся к собранию и сказал: «В сей день умер праведный человек. Встаньте же и совершите молитву за вашего брата Асхаму[10]». И он возглавил заупокойную молитву. Позднее из Абиссинии пришли сообщения, что над могилой царя постоянно видели сияющий свет.[11]

[10] Бухари 63,37
[11] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.223

79.**ТАБУК**

Вскоре после битвы при Хунайне император Ираклий возвратил Святой Крест в Иерусалим, и это ознаменовало окончательное завершение победы византийцев над персами - той самой победы, которую предсказало Откровение и о которой было сказано, что **в тот день возрадуются верующие**.[1] И в самом деле, было чему радоваться: персы были вынуждены вывести свои войска и из Сирии, и из Египта. Но что касается Сирии, то одна опасность, казалось, лишь сменилась другой. Только с той стороны новое исламское государство могло, по-видимому, ожидать угрозы.

В Медине всё настойчивее ходили слухи, будто Ираклий выдал своему войску жалованье за целый год вперёд, готовя долгий поход против Йасриба. Говорили также, что византийцы уже двинулись на юг до самой Балки и собрали арабские племена Лахм, Джузам, Гассан и ‘Амила. Эти вести были частью преувеличены, а частью - наоборот, искажали истину в меньшую сторону. Прежде всего ещё не было широко известно, что во время персидской кампании Ираклию приснился сон, в котором он увидел торжество по всей Сирии царства «обрезанного мужа», которого он отождествил с автором письма, призывавшего его к исламу. Сон этот был столь ясен и столь силён, что удерживал его от движения на юг и даже в некоторой степени ослаблял его защиту самой Сирии. Теперь он удалился из Иерусалима в Хомс; и там, будучи убеждён, что вся эта область в конце концов будет захвачена, предложил своим полководцам заключить договор с Пророком: уступить ему Сирию при условии, что за её северные пределы дальнейшее продвижение не пойдёт. Но их изумление перед такой мыслью и крайнее отвращение к ней заставили его отказаться от этого намерения; однако своего сна он уже никогда не забывал.

Пророк, со своей стороны, был столь же уверен, что Бог откроет Сирии путь для его исламских войск; и то ли потому, что счёл время пришедшим, то ли потому, что хотел дать своим людям подготовку к неизбежной северной кампании, он теперь объявил поход против византийцев и начал собирать войско - самое многочисленное и лучше всего снаряжённое из всех, что он когда-либо возглавлял.

До сих пор он обычно не раскрывал сразу своей истинной цели и старался держать приготовления в наибольшей тайне. Но на этот раз никакой тайны не было: в Мекку и к союзным племенам были разосланы приказы немедленно направить в Медину всех имеющихся у них вооружённых и конных людей для сирийского похода.

Было начало октября 630 года. Это время года и без того всегда бывало жарким, но в тот год стояла засуха, и зной был тяжелее обычного. К тому же наступил сезон обильных спелых плодов, так что уже было две причины не желать участвовать в походе; третьей же

[1] Коран 30, 4

была грозная слава императорских легионов. Лицемеры и многие из менее ревностных мусульман приходили к Пророку с разными отговорками, прося разрешения остаться дома; то же делали и многие бедуины.

Были и четверо людей искренней веры - Ка‘б ибн Малик, ещё двое из Хазраджа и один человек из Ауса, - которые не принимали сознательного решения остаться и не приносили никаких оправданий; но сам уход из Медины в такую пору казался им столь нежеланным, что они не могли заставить себя приготовиться и откладывали сборы со дня на день, пока наконец не настало утро, когда было уже поздно и войско ушло.

Но большинство принялось собираться со всей поспешностью, а богатые люди наперебой жертвовали деньги. Один лишь ‘Усман дал столько, что этого хватило бы на посадку и снаряжение десяти тысяч человек. И всё же этого оказалось недостаточно для всех, кто хотел идти, и последующее Откровение[2] навеки сохранило память о «семерых плачущих» - пяти нуждающихся ансарах и двух бедуинах из Музайны и Гатафана, - которых Пророк с сожалением был вынужден отпустить, потому что не имел возможности дать им верховых животных; и, уходя от него, они не могли сдержать слёз.

Когда все бедуинские отряды прибыли, войско насчитывало тридцать тысяч человек, в том числе десять тысяч всадников. Лагерь был разбит за пределами города, и Абу Бакру было поручено начальство над ним до тех пор, пока всё не будет готово к выступлению; тогда сам Пророк выехал и принял командование.

‘Али он оставил заботиться о своей семье, но лицемеры пустили слух, будто Пророк тяготился им и рад был избавиться от его присутствия. Услышав это, ‘Али так огорчился, что надел доспехи, взял оружие и настиг Пророка на первой остановке, собираясь просить позволения присоединиться к походу. Он рассказал ему, что говорят люди, и Пророк сказал:

- Они лгут. Я велел тебе остаться ради того, что я оставил после себя. Возвращайся же и будь моим заместителем в моей семье и в твоей. Разве ты не доволен, о ‘Али, тем, что ты для меня - как Харун для Мусы, с той лишь разницей, что после меня уже не будет пророка?[3]

Во время движения на север случилось однажды на рассвете, что Пророк задержался с омовением. Люди уже стояли рядами для молитвы и ждали его, пока не испугались, что солнце взойдёт прежде, чем они успеют помолиться. Тогда было решено, что имамом станет ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф, и они уже совершили один из двух рак‘атов, когда появился Пророк. ‘Абд ар-Рахман хотел было отступить назад, но Пророк сделал ему знак остаться на месте, а сам присоединился к молящимся. Когда они произнесли приветствие

[2] Коран 9, 92
[3] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.897

мира, которым завершается молитва, Пророк встал и восполнил пропущенный рак‘ат. Потом он сказал:

- Вы поступили правильно, ибо, воистину, пророк не умирает, пока не будет возглавлен в молитве благочестивым человеком из своего народа.[4]

Тем временем в Медине, примерно через десять дней после выступления войска, один из четырёх верующих, оставшихся позади, - Абу Хайсама из Хазраджа - вышел в свой сад в день великой жары, под тень деревьев. Там стояли две хижины, и он увидел, что жёны окропили их водой, а в каждой для него уже была приготовлена еда и охлаждена вода в глиняных сосудах. Он остановился на пороге одной из хижин и сказал:

- Посланник Бога сейчас под палящим солнцем, под горячими ветрами, а Абу Хайсама - в прохладной тени, с готовой едой и двумя прекрасными женщинами, пребывающими в покое на его собственном участке!

Потом он повернулся к жёнам и сказал:

- Клянусь Богом, я не войду ни в одну из ваших хижин, пока не догоню Посланника.

И велел приготовить ему припасы. Они сделали это, и, оседлав своего верблюда, он поспешил по следам войска.

Примерно на полпути между Мединой и Иерусалимом Пророк однажды ночью сказал:

- Завтра, если Бог пожелает, вы придёте к источнику Табука. Не достигнете его, пока солнце не станет жарким. И кто бы ни пришёл к нему, пусть не касается его воды, пока не приду я сам.

Но двое из первых, кто добрался туда, всё же напились из источника; и, когда подошла главная часть войска, воды в нём осталось меньше, чем тонкая струйка. Пророк сурово укорил этих двоих, а затем велел другим зачерпывать сколько смогут воды в сложенные лодочкой ладони и выливать её в старый кожаный мех. Когда удалось собрать достаточно, он омыл в этой воде руки и лицо и вылил её на камень, покрывавший устье источника, проводя по нему руками и молясь так, как Бог внушил ему. И тогда с громоподобным звуком вода хлынула наружу; и она продолжала течь, не иссякая, после того как все люди удовлетворили свои нужды. Он повернулся к Му‘азу[5], стоявшему рядом, и сказал:

---

[4] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 1012

[5] См.с.304

- Быть может, о Му‘аз, ты доживёшь до того дня, когда увидишь это место долиной многих садов.

И было так, как он сказал.

Пророк был огорчён и опечален тем, что четверо верующих не вышли вместе с войском; и не в последнюю очередь это касалось Абу Хайсамы, который нагнал их через несколько дней после того, как они достигли Табука. Когда одинокого всадника увидели издали, но ещё не могли разобрать, кто это, Пророк сказал, словно в молитве:

- Пусть это будет Абу Хайсама!

И когда тот подъехал и приветствовал его, он сказал:

- Горе тебе, Абу Хайсама!

Но, услышав, что произошло, благословил его.

Войско оставалось в Табуке двадцать дней. Стало ясно, что слухи об опасности со стороны византийцев были совершенно беспочвенны. Но и для обещанного завоевания Сирии, с другой стороны, время ещё не пришло. Однако за эти дни Пророк заключил мирный договор с христианской и иудейской общиной, жившей у вершины залива ‘Акаба и вдоль его восточного берега. В обмен на ежегодную дань им гарантировалась защита со стороны исламского государства.

Затем он возвратился в Медину с основною частью войска, а Халида с четырьмястами двадцатью всадниками отправил в Думат аль-Джандаль, к северо-востоку от Табука. Эта важная крепость стояла на пути из Медины в Ирак, а также на одной из дорог в Сирию. Её христианский правитель Укайдир, застигнутый Халидом во время охоты врасплох, был взят в плен и доставлен в Медину, где заключил союз с Пророком и принял ислам.

80.**ПОСЛЕ ТАБУКА**

В отличие от возвращения из Бадра, возвращение из Табука было омрачено печалью: во время отсутствия Пророка умерла ещё одна его дочь, Умм Кульсум; и на этот раз отсутствовал также и её муж. Пророк помолился у её могилы и сказал Усману, что если бы у него была ещё одна незамужняя дочь, он отдал бы и её ему в жёны.

Те из лицемеров, которые не участвовали в походе, теперь пришли к Пророку и стали приносить свои оправдания, которые он принимал, напоминая им при этом, что Бог знает самые сокровенные их мысли. Но трём верующим, оставшимся позади, он велел удалиться от него, пока Бог не решит их дело, и распорядился, чтобы никто с ними не разговаривал. Пятьдесят дней они жили как отверженные; но после утренней молитвы на пятидесятый день Пророк объявил в мечети, что Бог обратился к ним с милостью. Как было сказано в только что ниспосланном откровении: **«... А когда стеснилась земля для них со всем, что широко, и стеснились у них души, и думали они, что нет убежища от Аллаха иначе, как у Него, потом Он обратился к ним, чтобы они раскаялись: ведь Аллах - обращающийся, милостивый! »**.[1]

Собрание возликовало, и многие поспешили из мечети, чтобы сообщить трём людям эту благую весть. Самый молодой из них, Ка‘б ибн Малик, поставил себе одинокий шатёр за пределами города, и впоследствии рассказывал, как услышал топот скачущего к нему коня и голос, кричавший: «Радуйся, Ка‘б!», - после чего пал ниц перед Богом, ибо иного доброго известия быть не могло. Затем он пошёл в мечеть. «Когда я приветствовал Пророка, - рассказывал он, - лицо его сияло радостью, когда он сказал мне: “Радуйся лучшему дню, который пришёл к тебе с того дня, как родила тебя мать”. Я спросил: “Это от тебя, о Посланник Бога, или от Бога?” - “Нет, это от Бога”, - ответил он. Когда Посланник радовался благой вести, лицо его всегда светилось, как луна».[2]

С тех пор как Малик, вождь Хавазин, принял ислам, он не бездействовал. Бану Сакиф всё ещё могли гордиться неприступностью Таифа; но теперь они были со всех сторон, далеко и широко, окружены мусульманскими общинами, и любой караван, который они высылали, мог быть атакован и разграблен. Они не могли даже выгонять на пастбища верблюдов и овец без риска, что их захватят люди Малика, которые, кроме того, дали понять, что предадут смерти всякого человека из Сакифа, попавшего к ним в руки, если он не откажется от многобожия. Через несколько месяцев они решили, что у них нет иного выхода, кроме как отправить к Пророку делегацию с известием, что они принимают ислам, и с просьбой выдать им документ, который гарантировал бы безопасность их людям, их скоту и их земле.

---

[1] Коран 9, 118

[2] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.912

Возвращение из Табука было в начале Рамадана, и в том же месяце делегация из Таифа прибыла. Их приняли гостеприимно и поставили для них шатёр неподалёку от мечети. Разумеется, если они входили в ислам, их земля автоматически подпадала под защиту исламского государства. Но на некоторые их второстепенные просьбы Пророк не согласился. Они просили позволить им оставить аль-Лат неразрушенной на три года; когда он отказал, они попросили два года, затем один, и, наконец, дошли до просьбы дать им отсрочку хотя бы на месяц, но и это было отвергнуто. Тогда они стали просить, чтобы он не заставлял их собственноручно разрушать своих идолов и чтобы дал им освобождение от обязанности совершать пять ежедневных молитв. Он настоял на молитве, сказав: «Нет добра в религии, в которой нет установленной молитвы». Но он согласился освободить их от необходимости собственными руками разрушать своих идолов и повелел Мугире, племяннику ‘Урвы, возвратиться с делегацией и разрушить аль-Лат, взяв с собой из Мекки Абу Суфьяна в помощь.

После принятия ислама послы постились остаток Рамадана в Медине, а затем вернулись в Таиф. Абу Суфьян присоединился к ним в Мекке, но идола разрушил именно Мугира, фактически в одиночку. Его род принял некоторые меры для его защиты, опасаясь, как бы его не постигла та же участь, что и ‘Урву; однако никто не попытался отомстить за богиню, несмотря на плач множества женщин, оплакивавших её утрату.

Двое из тех, кто особенно тяжело переживал покорность города, не были ни его гражданами, ни почитателями его «владычицы». Когда Пророк двинулся на Мекку, Абу ‘Амир, отец Ханзалы, и Вахши-копьеметатель оба нашли убежище в Таифе, который казался неприступной крепостью. Но где им было теперь искать убежище? Абу ‘Амир бежал в Сирию, и там он и умер - «беглецом, одиноким и бездомным», - тем самым исполнив проклятие, которое сам того не желая навлёк на себя.[3] Вахши всё ещё колебался, куда идти, когда некий человек из Сакифа уверил его, что Пророк не предаёт смерти никого, кто принимает ислам. Тогда он отправился в Медину и, придя к Пророку, произнёс формальное свидетельство веры. Но едва он сделал это, как один из присутствовавших верующих узнал в нём убийцу Хамзы и сказал: «О Посланник Бога, это Вахши». - «Оставьте его, - сказал Пророк, - ибо ислам одного человека дороже мне, чем убийство тысячи неверных». Затем его взгляд остановился на чёрном лице, стоявшем перед ним. «Так это и вправду ты, Вахши?» - сказал он и, когда тот подтвердил, добавил: «Сядь и расскажи мне, как ты убил Хамзу». Когда копьеметатель кончил рассказ, Пророк сказал: «Увы, убери от меня своё лицо; не дай мне больше смотреть на тебя».[4]

Что же касается двоюродного брата Абу ‘Амира, Ибн Убайя, то в месяце, последовавшем за Табуком, он тяжело заболел, и через несколько недель стало ясно, что он умирает.

---

[3] См.с.128

[4] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.566

Традиционные рассказы расходятся в том, в каком состоянии души он умер, но все единодушны в том, что Пророк возглавил заупокойную молитву над ним и молился у его могилы, когда он был погребён. Согласно одному преданию, когда Пророк уже занял своё место для молитвы, ‘Умар подошёл к нему и воспротивился оказанию такой милости лицемеру; но Пророк, улыбнувшись, ответил ему: «Отойди за меня, ‘Умар. Мне был дан выбор - и я выбрал. Мне было сказано: “**Проси для прощения или не проси для них. Если (даже) ты будешь просить для них семьдесят раз, и то никогда не простит им Аллах. Это - за то, что они не веровали в Аллаха и Его посланника: поистине, Аллах не ведет людей распутных!**”.[5] Но если бы я знал, что Бог простит его, если я попрошу более семидесяти раз, я бы увеличил число своих молений»[6]. Затем он совершил молитву и пошёл рядом с носилками до кладбища и стал у его могилы. Вскоре после этого был ниспослан аят относительно лицемеров: **« И никогда не молись ни об одном из них, кто умер, и не стой над его могилой. Ведь они не веровали в Аллаха и Его посланника и умерли, будучи распутными! »**.[7]

Однако, согласно другим преданиям,[8] этот аят уже был ниспослан как часть откровения, пришедшего сразу после возвращения из Табука. И к Ибн Убайю он уже не относился, ибо Пророк посетил его во время болезни и увидел, что близость смерти изменила его. Тот попросил Пророка дать ему одну из своих одежд, чтобы его завернули в неё после смерти, и сопровождать его тело к могиле, на что Пророк согласился. Потом он снова заговорил: «О Посланник Бога, я надеюсь, что ты помолишься у моих носилок и попросишь у Бога прощения моим грехам». И снова Пророк согласился, а после его смерти исполнил обещанное. Сын умершего, Абдаллах, присутствовал при всех этих событиях.

Сакиф были не единственным племенем, пославшим к Пророку своих послов. В этот «год делегаций», как называется девятый год хиджры, в Медину прибывали многие другие посольства со всей Аравии. Среди них были и те, что пришли из разных частей Йемена, включая письма от четырёх химьяритских князей, возвещавших о принятии ими ислама и об отказе от многобожия и его приверженцев. Пророк ответил им приветливо; он особо подчеркнул обязанности ислама, велев им хорошо относиться к его посланцам, которых он направит для сбора налогов, полагавшихся мусульманам, христианам и иудеям, и особо уточнил, что «иудей или христианин, сохраняющий свою религию, не должен быть отвращён от неё, но должен платить подушный налог... и да будет у него защита Бога и Его Посланника».[9]

---

[5] Коран 9, 80
[6] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.927
[7] Коран 9,84
[8] Мирхонд, Rawdat al-Safa (или Rauzat-us-Safa, «Сад чистоты»), часть II, том 2, стр. 671–672, цитируя ранние источники. См. также Бухари 23, 76
[9] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.956

Недавнее откровение говорило, относительно различий в религии: **« И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь.»**.[10]

Не все делегации приходили к окончательному соглашению. ‘Амир ибн Туфайль, тот самый человек, который был виновником резни у Би’р Ма‘уны, теперь был вождём Бану ‘Амир, и под давлением своего племени явился в Медину. Но сам он был человеком надменным и в обмен на принятие ислама потребовал, чтобы Пророк назначил его своим преемником. «Это не для тебя и не для твоего племени», - сказал Пророк. - «Тогда отдай мне кочевников, а себе оставь оседлых жителей», - сказал ‘Амир. - «Нет, - ответил Пророк, - но я вверю тебе конницу, ибо ты превосходный всадник». Но бедуинскому вождю и этого было мало. «Так мне ничего не достанется?» - презрительно сказал он и, уходя, добавил: «Я наполню всю землю против тебя конницей и пешими воинами». Когда он ушёл, Пророк помолился: «О Боже, наставь Бану ‘Амир и избавь ислам от ‘Амира, сына Туфайля»; и ‘Амир был поражён нарывом и умер, не успев добраться домой. Его племя отправило другую делегацию, и, наконец, соглашение было заключено.

Поэт Лябид был одним из этих послов и теперь принял ислам. Передают, что после этого у него было намерение вовсе отказаться от поэзии. «Взамен Бог дал мне Коран», - сказал он. Но, несмотря на это, он продолжал слагать стихи до самой смерти, поставив свой дар на служение религии.

Приближалось время паломничества, и Пророк назначил Абу Бакра руководить им. Тот выступил из Медины с тремястами людьми, но вскоре после их ухода было ниспослано откровение, которое было важно донести до всех паломников в Мекке - и мусульман, и многобожников. «Никто не должен передавать что-либо от моего имени, кроме человека из людей моего дома», - сказал Пророк и велел Али немедленно выехать вслед за паломниками и настичь их. Он должен был прочесть ниспосланные аяты в долине Мина, а также ясно объявить, что после этого года никому уже не будет дозволено обходить Священный Дом нагим и что многобожники совершают паломничество в последний раз.

Когда Али нагнал остальных, Абу Бакр спросил его, не пришёл ли он возглавить поход, но тот ответил, что остаётся под его началом. И они продолжили путь вместе; Абу Бакр руководил молитвами и произносил проповеди. В день Праздника, когда все паломники собрались в долине Мина для заклания своих животных, Али огласил Божественное послание. Суть его была в том, что многобожникам даётся четыре месяца отсрочки, чтобы они могли свободно и безопасно приходить и уходить, но после этого Бог и Его Посланник

[10] Коран 5, 48

будут свободны от всяких обязательств перед ними. Им объявлялась война, и следовало убивать их или брать в плен всюду, где бы они ни были найдены.[11] Были сделаны два исключения: в отношении тех многобожников, у которых был особый договор с Пророком и которые верно его соблюдали, договор оставался в силе до истечения его срока; а если какой-либо отдельный многобожник искал защиты, ему следовало её дать и сопроводить его в безопасное место, предварительно разъяснив ему ислам. Был также ниспослан аят, который, по-видимому, был особенно обращён к недавним новообращённым из Мекки, которые могли опасаться, что изгнание многобожников лишит их не только торговых возможностей, но и многих богатых даров: **« О вы, которые уверовали! Ведь многобожники - нечистота. Пусть же они не приближаются к мечети священной после этого года! А если вы боитесь недостатка, то обогатит вас Аллах от Своей щедрости, если пожелает. Поистине, Аллах - знающий, мудрый!»**.[12]

Сам Пророк оставался дома почти весь следующий год, десятый после переселения. Ибрахим уже мог ходить и начинал говорить. У Хасана и Хусайна появилась маленькая сестра, названная в честь их тётки Зайнаб, а Фатима ожидала четвёртого ребёнка. Другими близкими людьми дома были трое сыновей Джа‘фара. Теперь они были пасынками Абу Бакра, который женился на их матери Асме; и она тоже ожидала ребёнка. Особенно дорога Пророку была её сестра, Умм аль-Фадль. В Мекке он часто навещал её, и с тех пор как Аббас переселился в Медину, он снова стал частым гостем в их доме. Старший их сын, по имени которого она получила своё кунья, теперь достиг зрелости и получал многие знаки благоволения. По меньшей мере однажды, когда настала очередь Маймуны принимать у себя Пророка, она пригласила своего племянника Фадля остаться у неё.

Делегации продолжали прибывать, как и в предыдущем году, и одной из них была делегация христиан из Наджрана, желавших заключить с Пророком договор. Они принадлежали к византийскому обряду и в прошлом получали богатые субсидии из Константинополя. Делегатов, числом шестьдесят, Пророк принял в мечети, и когда настало время их молитвы, он позволил им совершить её там же; так они и сделали, обратившись лицом к востоку.

На аудиенциях, которые они имели у него во время своего пребывания, были затронуты многие вопросы вероучения, и между ним и ими возникли некоторые разногласия относительно личности Иисуса. Тогда было ниспослано откровение: **« Поистине, Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: "Будь!" - и он стал. Истина - от твоего Господа. Не будь же сомневающимся! Кто же будет препираться с тобой об этом после того, как пришло к тебе знание, то скажи: "Приходите, призовем**

[11] Отсутствие Имен Милости подчёркивает суровый характер этого послания, которым резко открывается сура Покаяния (IX) — единственная сура Корана, не начинающаяся словами: **Бисми-Лляхи р-Рахмани р-Рахим**

[12] Коран 9, 28

наших сынов и ваших сынов, наших женщин и ваших женщин, и нас самих и вас самих, с потом воззовем и направим проклятие Аллаха на лжецов!"».[13]

Пророк прочёл это откровение христианам и предложил им встретиться с ним и его семьёй и решить их спор тем способом, который здесь был указан. Они сказали, что подумают, и на следующий день, когда пришли к Пророку, увидели, что Али находится с ним, а позади стоят Фатима и двое её сыновей. На Пророке был большой плащ, и он широко распахнул его, так что укрыл им всех, включая себя самого. По этой причине их пятерых благоговейно именуют «людьми плаща». Что же касается христиан, то они сказали, что не готовы доводить своё несогласие до взаимного призывания проклятия; и Пророк заключил с ними благоприятный договор, по которому в обмен на уплату налогов они получали полную защиту исламского государства - как для самих себя, так и для своих церквей и прочего имущества.

Безмятежное счастье первых месяцев этого года было прервано болезнью Ибрахима. Вскоре стало ясно, что он не выживет. За ним ухаживали его мать и её сестра Сирин. Пророк постоянно навещал его и был с ним, когда тот умирал. Когда ребёнок испустил последний вздох, он взял его на руки, и слёзы потекли из его глаз. Его запрет на громкие причитания породил распространённое мнение, будто всякое выражение скорби при утрате должно быть осуждаемо, и это ошибочное представление всё ещё сохранялось во многих умах. «О Посланник Бога, - сказал присутствовавший при этом Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф, - ведь именно это ты запрещал. Когда мусульмане увидят тебя плачущим, и они будут плакать». Пророк продолжал плакать и, когда обрёл голос, сказал: «Не это я запрещаю. Это движения нежности и милосердия, и тому, кто не проявляет милосердия, не будет явлено милосердие. О Ибрахим, если бы не было несомненным обещание воссоединения, и если бы это не был путь, который надлежит пройти всем, и если бы последние из нас не должны были догнать первых, - поистине, мы скорбели бы о тебе ещё большей скорбью. Но и теперь мы и вправду поражены скорбью о тебе, о Ибрахим. Глаз плачет, и сердце печалится, но не говорим мы ничего такого, что могло бы прогневать Господа».[14]

Затем он сказал слова утешения Марии и Сирин, заверив их, что Ибрахим пребывает в раю. Потом, ненадолго оставив их, вернулся вместе с Аббасом и Фадлем. Молодой человек омыл тело и подготовил его к погребению, тогда как двое старших сидели и смотрели на него. Затем тело вынесли на маленьких носилках к кладбищу. Пророк возглавил погребальную молитву и снова помолился за своего сына у края могилы после того, как Усама и Фадль опустили в неё тело. Когда земля уже была насыпана, он всё ещё оставался у могилы и, велев принести бурдюк воды, приказал окропить ею могилу. В насыпанной земле оставались неровности, и, заметив это, он сказал: «Когда кто-либо из вас делает что-либо, пусть делает это в совершенстве». И, разравнивая землю рукой, добавил о своём

[13] Коран 3, 59-61
[14] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 1/1, 88-89

собственном действии: «Ни вреда оно не приносит, ни пользы, но даёт утешение душе скорбящего».[15]

Он уже не раз подчёркивал необходимость стремиться к совершенству во всяком земном деле, и многие из его изречений указывают, что эта цель должна быть свободна от мирской привязанности и отрешённа. Передают, что Али так суммировал наставления Пророка в этом отношении: «Для этого мира действуй так, как если бы тебе жить вечно, а для будущего - так, как если бы тебе умереть завтра». Быть всегда готовым уйти - значит быть отрешённым. «Будь в этом мире как странник или как прохожий»,[16] - говорил Пророк.

В день смерти Ибрахима, вскоре после его погребения, произошло солнечное затмение; но когда некоторые люди приписали его скорби Пророка, он сказал: «Солнце и луна - два знамения из знамений Бога. Их свет не меркнет из-за смерти какого-либо человека. Если вы увидите их затмение, то молитесь, пока они не прояснятся».[17]

[15] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 1/1, 88-89
[16] Бухари 81,3
[17] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир,* 1/1, 88-89

81.СТЕПЕНИ

Во многих из обращений, которые происходили теперь, духовные побуждения были представлены весьма слабо; и вскоре после этого было ниспослано дальнейшее Откровение: **Сказали бедуины: "Мы уверовали!" Скажи: "Вы уверовали, но говорите: "Мы покорились", ибо еще не вошла вера в ваши сердца. А если вы будете повиноваться Аллаху и Его посланнику, Он ни в чем не умалит ваших дел". Поистине, Аллах прощающ, милосерд!**.[1]

Этот аят завершал иерархию Ислама, в которой покорность без веры составляла низшую степень. Более высокие степени, то есть степени веры, составляют тему - или, вернее, одну из тем - Аята Света, ниспосланного Пророку за несколько месяцев до перемирия в Худайбийе. Во всём Коране свет означает веру, и здесь упоминаются четыре степени просветления:

Аллах - свет небес и земли. Его свет - точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло - точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного - маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!.[2]

Прежде всего здесь - по восходящей - ниша: она освещена, но сама по себе не светится. Затем - кристальное стекло; выше него - сияние масла; и, наконец, само пламя. Упоминание притч напоминает другой аят, начинающийся теми же словами: Бог приводит людям притчи, - но прибавляющий причину: **быть может, они одумаются**;[3] и весь Аят Света, несомненно, есть призыв к размышлению. Но что касается различных степеней, то здесь Коран говорит лишь намёком. В других местах, начиная с самых ранних Откровений, он выражается яснее. В одном из них[4] человечество разделяется на три группы: людей правой стороны, людей левой стороны и предваривших. Люди правой стороны - это спасённые; люди левой стороны - осуждённые. Что же до опередивших, то есть достигших высшей степени, которых называют также рабами Божиими,[5] о них говорится, что они **приближённые** к Богу; тот же эпитет употребляется и по отношению к архангелам, чтобы отличить их от ангелов.

---

[1] Коран 49,14
[2] Коран 24, 35
[3] Коран 59,21
[4] Коран 56, 7-10
[5] Коран 66,6; Коран 89,29. Коран употребляет выражение **«рабы Божии»** в двух значениях: одно — совершенно всеобъемлющее, так что даже сатана является Его рабом; другое же — крайне исключительное, как в приведённых выше аятах, а также в следующем, обращённом к сатане: **«Нет**, **поистине**, **у тебя власти над Моими рабами»** (XVII, 65).

Другие ранние Откровения ввели третью степень в иерархию верных - праведных, которые стоят между опередившими и людьми правой стороны. Соотношение[6] между этими тремя степенями можно вывести из того, что Коран говорит об их блаженствах в Раю. Если людям правой стороны даётся пить чистая текущая вода, то лишь опередившие имеют непосредственный доступ к высшим источникам; праведным же подаётся питьё, смешанное из того или иного такого источника,[6] что наводит на мысль: это те, кто идёт по следам опередивших.

Различие степеней превосходства подразумевается и в упоминании Откровением сердца. Говоря о большинстве людей, оно говорит: **Не глаза слепы, но слепы сердца в груди**.[7] Пророк же, подобно прежним пророкам, говорил, что его сердце бодрствует, - то есть око его сердца открыто; и Коран указывает, что эта возможность в некоторой мере может быть разделена и другими, ибо иногда он прямо обращается к **тем, у кого есть сердца**.[8] Передаётся, что о Абу Бакре Пророк сказал: «Он превосходит вас не множеством поста и молитвы, но превосходит вас благодаря тому, что утверждено в его сердце».[9]

Пророк нередко говорил о превосходстве одних из своих последователей над другими; и в Мекке, во время победы, когда в его присутствии Халид с гневом ответил 'Абд ар-Рахману ибн 'Ауфу, укорившему его, он сказал: «Мягче, Халид, не тронь моих сподвижников; ибо если бы у тебя была гора Ухуд целиком из золота и ты израсходовал бы её на пути Божием, ты всё же не достиг бы достоинства ни одного из моих сподвижников».[10]

Согласно Откровению, различия между степенями в будущем мире ещё неизмеримо больше, чем в этом: **Взгляни, как Мы одним дали преимущества над другими, а ведь последняя жизнь - больше по степеням и больше по преимуществам**.[11] И Пророк сказал: «Люди Рая будут взирать на высокое место, которое над ними, так же, как теперь взирают на яркую звезду[12] на восточном или западном горизонте».[13]

Неравенство между людьми отражалось и в самом способе его наставления: часть его учения была предназначена лишь для немногих, способных понять. Абу Хурайра говорил: «Я сохранил в памяти два хранилища знания, полученного мною от Посланника Божия.

---

[6] Коран 76,5; Коран 83,27
[7] Коран 22, 46. См.также стр.89
[8] Коран 12,3; Коран 13,19 и т.д.
[9] Аль-Хаким ат-Тирмизи *Навадир аль-Усул*
[10] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, с.853
[11] Коран 17,21
[12] Венера
[13] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 51, 4

Одно из них я раскрыл; но если бы я раскрыл другое, вы бы перерезали мне вот это горло», - и он указал на своё горло.[14]

Во время обратного пути в Медину после побед в Мекке и при Хунайне Пророк сказал некоторым из своих сподвижников: «Мы возвратились из Малой священной войны к Великой священной войне». И когда один из них спросил: «Что же такое Великая священная война, о Посланник Божий?» - он ответил: «Война против души».[15] Душа падшего человека разделена внутри самой себя. О её низшей стороне Коран говорит: **Ведь душа побуждает ко злу**.[16] Лучшая же её часть, то есть совесть, названа **душой порицающей**;[17] именно она с помощью Духа ведёт Великую священную войну против низшей души. И, наконец, есть **душа умиротворённая**, то есть душа уже цельная, более не разделённая в самой себе, после того как битва выиграна. Таковы души тех, кто достиг высшей степени - уровня опередивших, рабов Божиих, приближённых. К этой совершенной душе Коран обращается словами: **О ты, душа упокоившаяся! Вернись к твоему Господу довольной и снискавшей довольство! Войди с Моими рабами.[18]. Войди же с Моими рабами. Войди в Мой Рай**.[19]

Двойственная природа этого блаженства напоминает как кораническое обетование двух Раёв для благословенной души, так и слова Пророка о его собственном конечном состоянии: «Встреча с моим Господом и Рай». Для души умиротворённой вхождение в **Мой Рай** соответствует «встрече с моим Господом», тогда как вхождение **среди Моих рабов** соответствует «Раю», то есть второму, сопровождающему Раю. Высший Рай, Рай Божий, «встреча с моим Господом», есть не что иное, как **Ридван**. Недавно был ниспослан следующий аят: **Обещал Аллах верующим мужчинам и женщинам сады, где внизу текут реки, - для вечного пребывания там, - и благие жилища в садах вечности. А благоволение Аллаха - больше; это - великая удача**!.[20]

Пророк говорил и о высшей степени в той мере, в какой она может быть достигнута ещё при земной жизни; и это из тех изречений, которые называются священными хадисами, ибо передают прямые слова Бога: «Раб Мой не перестаёт приближаться ко Мне добровольными благочестивыми деяниями, пока Я не возлюблю его; а когда Я возлюблю его, Я становлюсь слухом, которым он слышит, и зрением, которым он видит, и рукой, которой он берёт, и ногой, на которой он ходит».[21]

Главнейшее из добровольных благочестивых деяний - **зикр Аллаха**, что можно передать как «памятование о Боге» или «призывание Бога». В одном из первых Откровений Пророку

---

[14] Бухари 3, 42
[15] Байхаги, *Зухд*
[16] Коран 12, 53
[17] Коран 75,2
[18] То есть, со взаимным Ridwan (см.с.95)
[19] Коран 89, 27-30
[20] Коран 9, 72
[21] Бухари 81,37

было велено: **И поминай имя Господа твоего и устремись к нему всем устремлением**.[22] Более позднее Откровение говорит: **Читайте им то, что открыто тебе из писания, и выстаивай молитву; ведь молитва удерживает от мерзости и неодобряемого. А напоминание Аллаха более велико, и Аллах знает то, что вы творите!**.[23] В связи со слепотою сердца и её исцелением Пророк сказал: «Для всякой вещи есть полировка, снимающая ржавчину, и полировка сердца - памятование о Боге».[24] А когда его спросили, кто будет стоять выше всех в Божием благоволении в День воскресения, он ответил: «Мужчины и женщины, много поминающие Бога». И когда его спросили, превзойдут ли они даже человека, сражавшегося на пути Божием, он ответил: «Даже если бы он разил своим мечом неверных и идолопоклонников, пока тот не сломался бы и не покрылся кровью, всё же поминающий Бога имел бы степень выше его».[25]

[22] Коран 73,8
[23] Коран 29, 45
[24] Байхаги, Да’ават
[25] Тирмизи 45

82.**БУДУЩЕЕ**

Пророк сказал: «Лучшие из моей общины - моё поколение; затем те, что придут после них; затем те, что придут после них»[1]; и я, и он радовались выдающимся людям его поколения, то есть тем, кого он считал своими сподвижниками. Десятерым из них, однажды пришедшим к нему, он обещал Рай. Это были Абу Бакр, 'Умар, 'Усман, 'Али, 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф, Абу 'Убайда, Тальха, Зубайр, Са'д из рода Зухра и Са'ид, сын Зайда-ханифа. Некоторым из них он уже и прежде давал то же обещание, и книги его изречений сохранили многое из его великих похвал Десяти Обрадованным Раем, а также и другим, кому он возвестил благую весть о Рае; так, например, он сказал: «По троим тоскует Рай: по 'Али, 'Аммару[2] и Салману[3]». Фатиме он сказал: «Ты - высочайшая из женщин обитателей Рая, за исключением лишь Девы Марии, дочери 'Имрана»[4]. Предсказывая ту великую роль, которую суждено было сыграть 'Али как одному из главных передатчиков его мудрости будущим поколениям, он сказал: «Я - город знания, а 'Али - его врата»[5]; и вообще сказал: «Мои сподвижники подобны звёздам: за кем бы из них вы ни последовали, вы будете ведомы верно».[6]

Когда люди вернулись из Табука, они говорили между собой, что дни сражений для них, должно быть, уже окончились; и эта мысль так укрепилась с прибытием различных делегаций, продолжавших приходить на протяжении десятого года, что многие из верующих стали распродавать своё оружие и доспехи. Но когда Пророк услышал об этом, он запретил им так поступать, сказав: «Не перестанет часть моей общины сражаться за истину вплоть до явления Антихриста». Он также сказал: «Если бы вы знали то, что знаю я, вы бы мало смеялись и много плакали»[7]; и ещё: «Не приходит к вам время, после которого не наступило бы худшее»[8]. Он предостерегал их, что его община непременно последует за иудеями и христианами по пути вырождения: «Вы последуете за бывшими прежде вас пядь за пядью и локоть за локтем, так что если бы они полезли в нору ядовитой твари, вы бы и туда последовали за ними»[9]. И, говоря о том низшем пределе, до которого дойдёт человечество вообще перед концом, он сказал: «Ислам начался как нечто чуждое и вновь станет чуждым»[10]. Но при этом он обещал, что Бог не оставит их: «Во главе каждого

---

[1] Бухари 52,1
[2] См.с.79
[3] Тирмизи 46,33
[4] Ибн Хишам «*Сира*», 3,64; Коран рассказывает, как ангелы сказали Марии: « **О Марьям**! **Поистине**, **Аллах избрал тебя**, **очистил тебя и избрал тебя над женщинами миров** » (Коран 3, 42).
[5] Тирмизи 46,20
[6] Хусайн ибн Махмуд аль-Фарра аль-Багави 26 *Манагиб ас-Сахаба*
[7] Бухари 81, 27
[8] Бухари 92, 14
[9] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 47, 6
[10] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 232

столетия Бог будет посылать этой общине того, кто обновит для неё её религию»[11]. В другой раз те из его сподвижников, что были с ним, услышали, как он не раз восклицал: «О братья мои!» Они сказали ему: «О Посланник Божий, разве мы не твои братья?» Он ответил: «Вы - мои сподвижники. Но братья мои - среди тех, кто ещё не пришёл», - а в других преданиях: «кто придёт в последние дни». То, как он говорил это, наводило на мысль, что он имел в виду людей великой духовной высоты.

Он также предсказал, что, несмотря на зло последних времён, явится халиф, о котором люди будут говорить как о Махди, то есть о Праведно Ведомом: «Махди будет из моего рода; он будет широколоб и с орлиным носом. Он наполнит землю правдой и справедливостью так же, как она была наполнена неправдой и притеснением. Семь лет будет он царствовать».[12] Но наконец, к концу его царствования или уже после него, явится Антихрист - «человек, слепой на правый глаз, в котором всякий свет угас, словно то виноградина»[13], - и он произведёт великое растление на земле, и силой своих чудес всё больше и больше людей привлечёт на свою сторону. Но будет и община верующих, которая станет сражаться против него. «Когда они двинутся на бой, - сказал Пророк, - и уже будут выпрямлять ряды для молитвы в тот миг, когда прозвучит призыв, сойдёт Иса, сын Марии, и возглавит их в молитве. И враг Божий, увидев Ису, растает, как тает соль в воде. И если бы его оставили, он растаял бы до конца; но Бог убьёт его рукой Исы, и тот покажет им его кровь на своём копье».[14]

Он говорил также о многих признаках, по которым люди смогут узнать, что приближается исполнение этих последних событий; и среди этих признаков он упомянул чрезмерную высоту зданий, которые станут возводить люди. Но это пророчество было произнесено при великом случае, который следует изложить подробнее - со слов сына 'Умара, 'Абдаллаха, повторявшего слова своего отца.

'Умар сказал: «Однажды, когда мы сидели у Посланника Божия, к нам подошёл человек в ослепительно белых одеждах и с иссиня-чёрными волосами; на нём не было никаких признаков пути, хотя никто из нас его не знал. Он сел напротив Пророка колено к колену и положил ладони на его бёдра, говоря: “О Мухаммад, скажи мне, что такое предание себя Богу (ислам)”. Посланник Божий ответил ему так: “Предание себя Богу - это засвидетельствовать, что нет божества, кроме Бога, и что Мухаммад - Посланник Бога; совершать молитву, давать милостыню, поститься в рамадан и совершить, если можешь, паломничество к Священному Дому”. Он сказал: “Ты сказал истину”, - и мы удивились, что, задав вопрос, он сам же подтверждает его ответ. Затем он сказал: “Скажи мне, что такое вера (иман)”. Он ответил: “Верить в Бога, и в Его ангелов, и в Его Писания, и в Его

[11] Абу Да’уд ас-Сиджистани 36,1
[12] Абу Да’уд ас-Сиджистани 35,4
[13] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 52, 20
[14] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 52, 9

посланников, и в Последний день, и верить, что ни добро, ни зло не приходят иначе как по Его предопределению". - "Ты сказал истину", - сказал он, а потом: "Скажи мне, что такое совершенство (ихсан)". Он ответил: "Поклоняться Богу так, как если бы ты видел Его; а если ты Его не видишь, то ведь Он видит тебя". - "Ты сказал истину", - сказал он, а затем: "Скажи мне о Часе". Он ответил: "Тот, кого спрашивают о нём, знает не больше спрашивающего". Он сказал: "Тогда скажи мне о его признаках". Он ответил: "То, что рабыня родит свою госпожу[15]; и что те, кто были босыми, нагими, нуждающимися пастухами, станут возводить здания всё выше и выше". Затем незнакомец ушёл, а я пробыл ещё некоторое время после его ухода; и Пророк сказал мне: "О 'Умар, знаешь ли ты, кто был этот вопрошавший?" Я сказал: "Бог и Его Посланник знают лучше". Он сказал: "Это был Джибриль. Он пришёл к вам, чтобы научить вас вашей религии"»[16].

[15] Женщина, родив дочь, тем самым как бы сама становится для неё лишь служанкой — из-за того неуважения к родителям, которое будет свойственно детям последних времён. Вторая часть этого изречения предвещает не только смятение в общественном порядке, но и окончательную победу оседлого образа жизни над кочевым, то есть окончательное утверждение того начала, которое было положено убийством Авеля Каином.

[16] Муслим ибн аль-Хаджадж аль-Гушейри 1, 1

83.**ПОСЛЕДНЕЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО**

Когда Пророк бывал в Медине в месяц Рамадан, у него был обычай совершать духовное уединение в Мечети в течение средних десяти дней месяца, и некоторые из его сподвижников делали то же самое. Но в этом году, проведя положенные десять дней, он предложил своим сподвижникам остаться в уединении вместе с ним ещё на десять дней, то есть до конца месяца, - и они так и сделали. Каждый год в Рамадан к нему являлся Джибриль, чтобы удостовериться, что ничто из Откровения не ускользнуло из его памяти; и в этом году, после уединения, Пророк доверительно сказал Фатиме, как тайну, ещё не подлежащую разглашению другим:

- Джибриль читает мне Коран, а я ему, один раз в год; но в этом году он прочёл его со мной дважды. Я не могу не думать, что мой срок близок.[1]

Прошёл месяц Шавваль; и в одиннадцатом месяце года по всей Медине было объявлено, что Пророк сам возглавит Паломничество. Весть была послана к племенам пустыни, и множества людей стекались в оазис со всех сторон, радуясь возможности сопровождать Посланника на каждом этапе пути. Это Паломничество должно было стать не похожим ни на одно из тех, что совершались за многие сотни лет: все паломники будут поклонниками Единого Бога, и ни один идолопоклонник не осквернит Священный Дом исполнением языческих обрядов. За пять дней до конца месяца Пророк выступил из Медины во главе более чем тридцати тысяч мужчин и женщин. Все его жёны были с ним, каждая в своём хаудаже, под охраной ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Ауфа и ‘Усмана ибн ‘Аффана. Абу Бакра сопровождала его жена Асма, и на одной из первых стоянок она родила сына, которого назвали Мухаммадом. Абу Бакр хотел было отправить её обратно в Медину, но Пророк велел передать ей, чтобы она совершила полное омовение, затем вошла в состояние освящения для Паломничества и продолжала путь, как и собиралась.

На закате десятого дня после выхода из Медины Пророк достиг прохода, через который он вошёл в Мекку в день победы. Там он провёл ночь, а на следующее утро спустился верхом в Долину. Когда Кааба открылась его взору, он в благоговении поднял руки, выпустив повод своей верблюдицы, который затем взял в левую руку, а правую простёр в мольбе и произнёс:

- О Боже, умножь для этого Дома ту честь, величие, благость, благоговение и благочестие, которые он получает от людей![2]

Он вошёл в Мечеть и совершил семь обходов вокруг Каабы, после чего помолился у Стояния Ибрахима. Затем, выйдя к Сафе, он семь раз прошёл между нею и Марвой, и

[1] Бухари 61,25

[2] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 1097

бывшие с ним старались запомнить в точности слова хвалы и молитвы, которые он произносил на каждом месте остановки.

Возвратившись в Мечеть, он затем вошёл в Каабу вместе с хранителем её ключей, ‘Усманом из рода ‘Абд ад-Дар, взяв с собой, как и прежде, также Биляля и Усаму. Но вечером, когда он пришёл к ‘Аише в её шатёр, она заметила, что он печален, и спросила, почему.

- Сегодня я сделал нечто такое, чего лучше бы мне не делать, - сказал он. - Я вошёл в Дом; и может случиться, что кто-нибудь из моего народа, - он имел в виду грядущие времена, - не сможет войти в него и потому почувствует смятение в душе. А ведь нам было велено лишь обходить его, но не велено входить внутрь.[3]

И снова он отказался поселиться в каком-либо доме в Мекке, несмотря на просьбу Умм Хани остаться у неё; и на восьмой день новолуния он выехал в долину Мина, а за ним последовали остальные паломники. Проведя там ночь, он после рассвета двинулся дальше, к ‘Арафату - широкой долине примерно в тринадцати милях к востоку от Мекки, прямо за пределами священной территории.

‘Арафат лежит на дороге в Таиф и ограничен с севера и востока горами Таифа. Но отдельно от них, со всех сторон окружённый долиной, возвышается холм, который также называется ‘Арафат, или Гора Милости. Он составляет центральную часть этого места паломничества, хотя сама стоянка простирается по большей части и на низменную местность; и именно на этом холме Пророк занял своё место в тот день.

Некоторые мекканцы выразили удивление, что он зашёл так далеко, ибо, пока прочие паломники отправлялись к ‘Арафату, курайшиты имели обыкновение оставаться в пределах священной территории, говоря: «Мы - народ Божий». Но он сказал, что Ибрахим установил день на ‘Арафате как неотъемлемую часть Паломничества, и что Курайш оставил его обычай в этом отношении. В тот день Пророк особенно подчёркивал древность Паломничества, и слова «наследие Ибрахима» часто были у него на устах.

Чтобы внушить всем племенам, что отныне кровная месть положена к концу во всей общине ислама и что жизнь и имущество каждого человека священны, он велел Сафванову брату Раби‘е, обладавшему могучим голосом, провозглашать среди собравшегося множества:

- Посланник Бога говорит: знаете ли вы, какой это месяц?

Люди молчали, и он сам отвечал:

---

[3] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 1100

- Священный месяц.

Потом спросил:

- Знаете ли вы, какая это земля?

И снова, когда они молчали, ответил сам:

- Священная земля.

Затем сказал:

- Знаете ли вы, какой это день?

И опять сам дал ответ:

- День Великого Паломничества.

После этого он провозгласил, как велел ему Пророк:

- Воистину, Бог сделал неприкосновенными для вас кровь друг друга и имущество друг друга вплоть до того дня, когда вы встретите вашего Господа, так же как Он сделал неприкосновенным этот ваш день, в этой вашей земле, в этом вашем месяце.

Когда солнце перевалило за зенит, Пророк произнёс проповедь, начав её, после хвалы Богу, словами:

- Слушайте меня, о люди, ибо я не знаю, доведётся ли мне когда-либо после этого года встретиться с вами в этом месте.

Затем он увещевал их хорошо относиться друг к другу и много напоминал о том, что повелено и что запрещено. Наконец он сказал:

- Я оставил среди вас то, чего, если вы будете крепко за это держаться, будет довольно, чтобы уберечь вас от всякого заблуждения: ясное указание - Книгу Бога и слово Его Пророка. О люди, внемлите моим словам и поймите их.

Затем он сообщил им Откровение, только что ниспосланное ему и завершавшее Коран, ибо это был последний ниспосланный отрывок:

Сегодня отчаялись те, которые не веровали, в вашей религии; не бойтесь же их, а бойтесь Меня. Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией.[4]

Свою краткую проповедь он завершил горячим вопросом:

- О люди, верно ли я донёс до вас моё послание?

Могучий гул согласия - «О Боже, да!» - поднялся из тысяч глоток, и звучные слова *Аллахумма на'ам* прокатились, словно гром, по всей долине. Тогда Пророк поднял указательный палец и сказал:

- О Боже, будь свидетелем![5]

Затем были совершены положенные молитвы, а весь остаток дня 'Арафата, как он называется, был посвящён размышлению и мольбе. Но как только солнце зашло, Пророк сел на свою верблюдицу и, велев Усаме сесть позади него, поехал вниз с холма и через долину в сторону Мекки, а паломники последовали за ним. В этот момент по обычаю ездили быстро, но, как только появились первые признаки чрезмерной спешки, он воскликнул:

- Тише, тише! С покоем в душе! И пусть сильные среди вас позаботятся о слабых!

Ночь они провели в Муздалифе, уже в пределах священной территории, и там собрали мелкие камешки, чтобы побить сатану, представленного тремя столбами в 'Акабе, в долине Мина. Сауда попросила у Пророка разрешения выехать из Муздалифы ещё в предутренние часы. Будучи женщиной крупного сложения и тяжелее большинства других женщин, она сильнее страдала от жары и от дорожных тягот и хотела совершить обряд бросания камней прежде, чем соберётся множество народа. Поэтому он отправил её вперёд в обществе Умм Сулайм, под охраной 'Абдаллаха, одного из сыновей 'Аббаса.

Сам Пророк совершил утреннюю молитву в Муздалифе, а затем повёл паломников к 'Акабе, с Фадлом, сидевшим позади него на верблюдице. Именно на этом самом месте и в этот самый день двенадцать лет назад он встретил шестерых людей из Хазраджа, которые присягнули ему на верность, тем самым подготовив путь к Первому и Второму договору при 'Акабе. После бросания камней были принесены жертвы, и Пророк велел позвать человека, чтобы тот обрил ему голову. Паломники теснились вокруг него, надеясь получить хоть несколько прядей его волос. Абу Бакр потом вспоминал, как поразителен был контраст между Халидом времён Ухуда и Рва и тем Халидом, который теперь говорил:

---

[4] Коран 5, 3

[5] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.969

- О Посланник Бога, твой локон! Не отдавай его никому, кроме меня; да будут мой отец и моя мать выкупом за тебя![6]

И когда Пророк дал ему этот локон, он благоговейно прижал его к глазам и губам.

Затем Пророк велел паломникам посетить Каабу и возвратиться, чтобы провести эту ночь и ещё две следующие ночи в Мине. Сам он ждал до позднего послеполуденного часа. Потом жёны сопровождали его в Мекку - все, кроме ‘Аиши, которая не находилась в состоянии ритуальной чистоты. Несколько дней спустя, как только ей стало возможно, он отправил её за пределы священной территории под сопровождением её брата ‘Абд ар-Рахмана. Там она вновь вошла в состояние освящения, а затем, прибыв в Мекку, совершила обходы вокруг Каабы.

Тем временем отряд из трёхсот всадников, который Пророк отправил в Рамадан в Йемен и который теперь завершил эту кампанию, приближался к Мекке с юга. ‘Али выехал вперёд своих людей, стремясь как можно скорее встретиться с Пророком и совершить вместе с ним Паломничество, что он теперь и сделал. В государственной пятой доле добычи было достаточно льняной ткани, чтобы одеть всё войско, но ‘Али решил, что она должна быть передана Пророку нетронутой. Однако в его отсутствие человек, которого он оставил начальствовать, позволил себя уговорить и выдал каждому воину по новому комплекту одежды из этого льна. Обновка была весьма кстати: они были в разлуке с домом уже почти три месяца. Когда до входа в город оставалось совсем немного, ‘Али выехал им навстречу и изумился произошедшей перемене.

- Я дал им эти одежды, - сказал заместитель, - чтобы они выглядели приличнее, входя к людям.

Все воины знали, что в Мекке теперь все будут одеты в свои лучшие одежды в честь Праздника, и им хотелось выглядеть как можно лучше. Но ‘Али счёл, что не может допустить такой вольности, и приказал им снова надеть старую одежду, а новую вернуть в добычу. Это вызвало во всём войске сильное недовольство, и когда Пророк услышал об этом, он сказал:

- О люди, не порицайте ‘Али, ибо он слишком строг на пути Божием, чтобы заслуживать порицания.

Но этих слов оказалось недостаточно - или, быть может, их услышали лишь немногие, - и недовольство не утихло.

---

[6] Мухаммад ибн Умар аль-Вагиди *Китаб аль-Магази*, 1108

На обратном пути в Медину один из отрядов с горечью пожаловался Пророку на ‘Али, и лицо его изменилось.

- Разве я не ближе к верующим, чем они сами к себе? - спросил он.

И когда тот человек согласился, прибавил:

- К кому я ближе всего, к тому и ‘Али ближе всего.

Позднее в пути, когда они остановились в Гадир Хумме, он собрал весь народ и, взяв ‘Али за руку, повторил эти слова, прибавив к ним молитву:

- О Боже, будь другом тому, кто ему друг, и врагом тому, кто ему враг.

И ропот против ‘Али умолк.[7]

Одно из посольств предыдущего года было послано христианским племенем Йамамы - Бану Ханифа, чья земля лежала вдоль восточной границы Неджда. Они согласились принять ислам; но теперь один из их людей, по имени Мусайлима, объявил, что он тоже пророк. И вскоре после возвращения паломников из Мекки в Медину двое посланцев из Йамамы принесли следующее письмо:

«От Мусайлимы, Посланника Бога, к Мухаммаду, Посланнику Бога. Мир тебе! Мне даровано разделить с тобой власть. Половина земли - наша, а половина принадлежит Курайшу, хотя это народ, преступающий меру».

Пророк спросил посланцев, что они сами думают об этом деле, и они ответили:

- Наше мнение таково же, как и его.

- Клянусь Богом, - сказал Пророк, - если бы не было установлено, что посланников нельзя убивать, я отсёк бы вам головы.

Затем он продиктовал письмо, которое они должны были вручить своему господину:

«От Мухаммада, Посланника Бога, к Мусайлиме-лжецу. Мир тому, кто следует прямому пути! Воистину, земля принадлежит Богу; Он даёт унаследовать её кому пожелает из Своих рабов, и конечный исход - в пользу богобоязненных».

---

[7] Ибн Касир *Аль-Будайа ва н-нихайа*, 5, 209

Примерно в это же время явились ещё двое самозванцев: Тулайха, вождь Бану Асад, и Асвад ибн Ка‘б из Йемена. Йеменец имел кратковременный успех и быстро подчинил себе обширную область, но гордыня вскоре восстановила против него многих его приверженцев, и спустя несколько месяцев он был убит. Тулайха в конце концов был разбит Халидом и, отрёкшись от всех своих притязаний, стал опорой ислама. Что же касается Мусайлимы, то ему было суждено быть пронзённым копьём из руки Вахши, тогда как ‘Абдаллах, сын Нусайбы, нанёс ему смертельный удар мечом. Но это поражение произошло уже несколькими месяцами позже. Пока же, когда луна Паломничества убывала и начинался одиннадцатый год хиджры, все эти самозванцы оставались возможной опасностью для ислама; была и ещё женщина из Тамима по имени Саджах, объявившая себя пророчицей. Однако Пророк не был склонен принимать против кого-либо из них немедленные меры.[8]

Его внимание было обращено к северу, и в последние дни Сафара, второго месяца года, то есть в конце мая 632 года, он решил, что настало время обратить в успех поражение при Му’те. Велев готовить поход против тех арабских племён Сирии, которые во время битвы прикрывали императорские легионы в день гибели Зайда и Джа‘фара, он призвал к себе сына Зайда - Усаму - и, несмотря на его юность, поставил его во главе трёхтысячного войска.

[8] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.969

84.**ВЫБОР**

Пророк непрестанно говорил о Рае, и, когда он говорил о нём, это было так, словно говорил человек, видящий то, что описывает. Это впечатление подтверждалось и многими другими знаками; например, однажды он протянул руку, будто желая что-то взять, а затем отдёрнул её. Он ничего не сказал, но некоторые из тех, кто был с ним, заметили это движение и спросили его о нём. «Я увидел Рай, — сказал он, — и протянул руку к грозди его винограда. Если бы я взял её, вы ели бы от неё до тех пор, пока стоит мир».[1] Они уже привыкли думать о нём как о человеке, который в некотором смысле уже пребывает в Ином мире. Быть может, отчасти именно поэтому, когда он говорил о своей смерти и когда, как это иногда бывало теперь, косвенно давал понять, что она может быть близка, его слова производили на них мало впечатления. К тому же, несмотря на свои шестьдесят три года, он всё ещё сохранял стать и грацию гораздо более молодого человека, глаза его по-прежнему сияли, а в чёрных волосах было лишь несколько седых прядей. И всё же однажды его слова, сказанные в кругу жён, прозвучали настолько зловеще, что возник вопрос, которая из них первой воссоединится с ним в ином мире. Он ответил: «Та из вас, у которой самая длинная рука, скорее всех присоединится ко мне»,[2] — и тогда они принялись мерить друг другу руки. По-видимому, хотя это и не зафиксировано в предании, победительницей этого состязания должна была оказаться Сауда, ибо она была самой высокой из них и вообще самой крупной. Зайнаб же, напротив, была женщиной невысокой, и рука у неё была ей под стать. Но первой из них умерла именно Зайнаб — примерно десять лет спустя. Лишь тогда они поняли, что под словами «та, у которой самая длинная рука» Пророк имел в виду самую щедрую, ибо Зайнаб отличалась необыкновенной щедростью, подобно своей предшественнице с тем же именем, которую называли «матерью бедных».

Однажды ночью, вскоре после того как Пророк велел готовиться к сирийскому походу и ещё до того, как войско выступило, он в предутренний час позвал одного из своих вольноотпущенников, Абу Мувайхибу, и сказал: «Мне велено молить о прощении для людей кладбища; пойди же со мной». Они вышли вместе, и, когда достигли Баки‘, Пророк сказал: «Мир вам, о люди могил. Радуйтесь своему состоянию: насколько оно лучше состояния ныне живущих людей. Смуты приходят, как волны тёмной ночи, одна теснит другую, и каждая хуже предыдущей». Затем он обратился к Абу Мувайхибе и сказал: «Мне были предложены ключи от сокровищниц этого мира и бессмертие в нём, а после — Рай; и мне был дан выбор между этим и встречей с моим Господом и Раем». — «О ты, который мне дороже отца и матери, — сказал Абу Мувайхиба, — возьми ключи от сокровищниц

[1] Бухари 16,8
[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 76-77

этого мира и бессмертие в нём, а после — Рай». Но он ответил ему: «Я уже избрал встречу с моим Господом и Рай». Затем он вознёс молитву о прощении для людей Баки‘.[3]

На рассвете того дня — а может быть, на следующий день — у него так разболелась голова, как не болела никогда прежде; однако он всё же пошёл в мечеть и, совершив молитву, взошёл на минбар и призвал благословение на мучеников Ухуда, как будто — так говорили потом — делал это в последний раз. Затем он сказал: «Есть один раб среди рабов Божиих, которому Бог предложил выбор между этим миром и тем, что у Него, и раб избрал то, что у Бога». Когда он произнёс это, Абу Бакр заплакал, ибо понял, что Пророк говорит о себе и что этот выбор означает близкую смерть. Пророк увидел, что он понял, и, велев ему не плакать, сказал: «О люди, самый благодетельный ко мне из людей и в своём общении, и в том, что дарует его рука, — это Абу Бакр; и если бы я должен был взять себе из всего человечества неразлучного друга, то им был бы Абу Бакр, — но нас связывают общение и братство веры, пока Бог не соединит нас в Своём присутствии».[4] Именно тогда он, окинув взглядом многочисленные входы в мечеть из окружавших её частных домов, сказал: «Вот эти двери, вторгающиеся в мечеть. Пусть они будут заложены, кроме одной только двери Абу Бакра».[4] Прежде чем сойти с минбара, он сказал: «Я иду впереди вас, и я — ваш свидетель. Ваше свидание со мной — у Пруда[5], который, поистине, я вижу отсюда, с того места, где сейчас стою. Я не боюсь за вас того, что вы поставите богов рядом с Богом; но боюсь за вас этого мира — как бы вы не стали соперничать друг с другом в мирских приобретениях».[6]

Из мечети он вернулся в покои Маймуны, так как в тот день её очередь была принимать его у себя. Усилие, которого стоила ему речь к собранию, увеличило его жар; и спустя час или два, желая дать ‘Аише понять, что он болен, он ненадолго зашёл к ней. Её саму тоже мучила головная боль, и, когда он вошёл в её комнату, она простонала: «О, моя голова!» — «Нет, ‘Аиша, — сказал Пророк, — это: о, моя голова!» Но он пристально посмотрел на неё, будто ища на её лице знаки смертельной болезни; не найдя их, он сказал: «Я желал бы, чтобы это случилось» — он имел в виду её смерть — «пока я ещё жив, чтобы я мог просить для тебя прощения, призывать на тебя милость, завернуть тебя в саван, совершить по тебе молитву и предать тебя земле». ‘Аиша видела, что он болен, и её испугал тон его голоса, но она попыталась обратить всё в шутку и сумела вызвать на его лице краткую улыбку. Тогда он повторил: «Нет, это: о, моя голова»,[7] — и вернулся к Маймуне.

---

[3]Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, с.1000

[4] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, с.1006

[5]Питаемый Каусаром — небесной рекой, дарованной Пророку, — этот Пруд есть озеро, у которого верующие утоляют жажду, вступая в Рай.

[6] Бухари 64,17

[7] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 10

Он пытался поступать так, как поступал, когда был здоров, и продолжал, как обычно, сам вести молитвы в мечети; но болезнь усиливалась, пока не настал час, когда он уже мог молиться только сидя, и тогда велел собранию также молиться сидя. Когда он возвращался в покои той жены, чей был день, то спрашивал её: «Где я буду завтра?» — и она называла жену, к которой он должен был перейти. «А где послезавтра?» — спрашивал он. И она снова отвечала; но, поражённая его настойчивостью и почувствовав, что он жаждет быть у ‘Аиши, рассказала об этом другим жёнам, и все они пришли к нему и сказали: «О Посланник Бога, мы уступаем нашей сестре ‘Аише свои дни с тобой».[8] Он принял их дар, но теперь был слишком слаб, чтобы идти без посторонней помощи, и потому ‘Аббас и ‘Али помогли ему перебраться в покои ‘Аиши.

До него дошло, что многие ропщут на его выбор столь молодого человека, как Усама, командующим войском для сирийского похода, и что вследствие этого приготовления несколько замедлились. Он почувствовал необходимость ответить своим критикам, но жар был у него очень силён, и он сказал жёнам: «Вылейте на меня семь бурдюков воды из разных колодцев, чтобы я мог выйти к людям и увещать их». Хафса принесла в комнату ‘Аиши лохань, а остальные жёны принесли воду, и он сел в эту лохань, пока они лили на него воду. Затем они помогли ему одеться и обвязали голову, а двое мужчин отвели его в мечеть, где он сел на минбар и обратился к собравшимся, сказав: «О люди, отправьте войско Усамы, ибо, хотя вы и ставите под сомнение его начальствование, как прежде ставили под сомнение начальствование его отца, однако он достоин командования,[9] как и отец его был достоин его». Он сошёл с минбара, и его отвели обратно в дом ‘Аиши. Приготовления поспешно продолжились, и Усама со своим войском вышел до Джурфа, примерно в трёх милях к северу от Медины, где они расположились лагерем.

Когда вновь прозвучал призыв к молитве, Пророк почувствовал, что уже не может возглавлять её, даже оставаясь сидеть, и потому сказал жёнам: «Скажите Абу Бакру, чтобы он вёл людей в молитве». Но ‘Аиша боялась, что отцу её будет очень тяжело занять место Пророка. «О Посланник Бога, — сказала она, — Абу Бакр — человек очень чувствительный, голос у него слабый, и он часто плачет, когда читает Коран». — «Скажите ему, чтобы вёл молитву», — сказал Пророк, словно не слыша её слов. Она попыталась снова, на этот раз предложив, чтобы вместо него встал ‘Умар. «Скажите Абу Бакру, чтобы вёл молитву», — повторил он. ‘Аиша успела бросить умоляющий взгляд на Хафсу, и та теперь начала говорить, но Пророк заставил её умолкнуть словами: «Вы — как те женщины, что были с Иосифом.[10] Скажите Абу Бакру, чтобы вёл людей в молитве. Пусть порицающий

[8] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 30
[9] Когда, спустя некоторое время, кампания имело место, Усама доказал истину этих слов
[10] Имеется в виду своенравная жена Потифара и её подруги; см.Коран 12, 31-33

порицает, и пусть честолюбивый стремится; Бог и верующие не пожелают иного».[11] Последнюю фразу он повторил трижды, и всё время его болезни молитву вёл Абу Бакр.

Много времени Пророк лежал, покоя головой на груди или на коленях ‘Аиши; но когда приходила Фатима, ‘Аиша немного отстранялась, чтобы дать отцу и дочери возможность побыть вместе. Во время одного из таких посещений ‘Аиша увидела, как он что-то шепнул дочери, и та тут же заплакала. Потом он открыл ей другую тайну, и она улыбнулась сквозь слёзы. Когда Фатима уходила, ‘Аиша спросила её, что он сказал, но та ответила, что это тайны, которые она не может раскрыть. Позднее, однако, она сказала ей: «Пророк сообщил мне, что умрёт от этой болезни, от которой и умер, и потому я плакала. Потом он сказал мне, что я первая из его дома последую за ним, и потому я засмеялась».[12]

Он тяжко страдал в своей болезни, и однажды, когда боль была особенно сильной, его жена Сафийя сказала ему: «О Пророк Божий, о если бы мне досталось то, что досталось тебе!» Тогда некоторые из других жён переглянулись и стали шептаться между собой, будто это лицемерие. Пророк заметил это и сказал: «Пойдите прополощите рты». Они спросили, за что, и он ответил: «За ваше злословие против вашей спутницы. Клянусь Богом, она говорит искренне и правдиво».[13]

Умм Айман неотлучно находилась при нём и держала сына в курсе. Тот уже решил не двигаться дальше и оставаться в своём лагере при Джурфе, пока Бог не решит. Но однажды утром вести были таковы, что он прибыл в Медину и, в слезах, вошёл к Пророку, который в тот день был слишком болен, чтобы говорить, хотя и вполне сознавал всё. Усама склонился над ним и поцеловал его, а Пророк поднял руку ладонью вверх, чтобы просить и принять благословение Неба. Потом он сделал жест, будто выливает содержимое своей руки на Усаму, и тот печально вернулся в лагерь.

Следующий день был понедельник, двенадцатый день месяца Раби‘ I, в одиннадцатом году ислама, то есть восьмое июня 632 года по Рождестве Христовом. Рано утром жар у Пророка спал, и, хотя он был чрезвычайно слаб, призыв к молитве побудил его идти в мечеть. Молитва уже началась, когда он вошёл, и люди чуть не отвлеклись от неё от радости при его виде, но он жестом велел им продолжать. На мгновение он остановился, чтобы посмотреть на них, и лицо его просияло радостью, когда он увидел их благоговейное состояние. Потом, всё ещё сияя, он двинулся вперёд, поддерживаемый Фадлем и Саубаном, одним из своих вольноотпущенников. «Никогда я не видел лица Пророка прекраснее, чем в тот час», — говорил Анас. Абу Бакр почувствовал волнение в рядах за своей спиной. Он понял, что причина может быть только одна и что человек, чьи шаги он теперь слышит, — это Пророк. Не оборачиваясь, он отступил назад, но Пророк положил руку ему на плечо и

[11] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 20
[12] Бухари 52,12
[13] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 8, 91

снова мягко подвёл его вперёд, перед всем собранием, сказав: «Веди молитву ты», — а сам сел справа от Абу Бакра и молился сидя.

Велика была радость по поводу этого кажущегося выздоровления, и вскоре после молитвы Усама снова прибыл из своего лагеря, ожидая найти Пророка в худшем состоянии и в великой радости видя его лучшим. «Выступай, с благословением Бога», — сказал ему Пророк. И Усама попрощался с ним и ускакал обратно в Джурф, где велел людям готовиться к походу на север. Тем временем Абу Бакр получил разрешение отправиться в верхнюю часть Медины. Ещё до женитьбы на Асме он давно был обручён с Хабибой, дочерью Харджи, хазраджита, у которого он остановился десять лет назад, когда прибыл в оазис; недавно они поженились. Хабиба всё ещё жила со своей семьёй в Сунхе, и туда он теперь поехал её навестить.

Пророк вернулся в покои ‘Аиши, поддерживаемый Фадлем и Саубаном. ‘Али и ‘Аббас последовали туда за ними, но оставались недолго; и, когда они вышли, несколько проходивших мимо людей спросили ‘Али, как чувствует себя Пророк. «Хвала Богу, — сказал ‘Али, — он здоров». Но когда спрашивавшие ушли, ‘Аббас взял ‘Али за руку и сказал: «Клянусь, я узнаю смерть на лице Посланника Бога так же, как всегда умел узнавать её на лицах наших родичей. Так пойдём же и поговорим с ним. Если власть должна быть передана нам, мы узнаем это; а если не нам, то попросим его поручить нас людям, чтобы они хорошо с нами обращались». Но ‘Али сказал: «Клянусь Богом, я не пойду; ибо если он откажет нам в этой власти, то никто после него уже никогда не даст её нам».[14]

Пророк теперь снова лежал на своём ложе, положив голову на грудь ‘Аиши, словно все силы были им уже истрачены. И всё же, когда в комнату вошёл её брат ‘Абд ар-Рахман с мисваком в руке, ‘Аиша заметила, что Пророк смотрит на него так, что она поняла: он хочет его. Тогда она взяла его у брата и разжевала, чтобы смягчить. Потом подала его Пророку, и он с силой почистил им зубы, несмотря на свою слабость.

Вскоре после этого он потерял сознание, и ‘Аиша подумала, что это начало смерти; но через час он открыл глаза. Тогда она вспомнила, как он однажды сказал ей: «Ни один пророк не бывает взят смертью, пока ему не будет показано его место в Раю и не будет дан выбор — жить или умереть». И она поняла, что это уже произошло и что он вернулся из видения Иного мира. «Он уже не выберет нас!» — сказала она себе. Затем она услышала, как он прошептал: «**А кто повинуется Аллаху и посланнику, то они - вместе с теми из пророков, праведников, исповедников, благочестивый, кому Аллах оказал милость. И сколь прекрасны они как товарищи**! ».[15] И ещё раз услышала, как он прошептал: «О Боже, с высшим собранием»;[16] и это были последние слова, которые она слышала из его

[14] Ибн Исхак *«Жизнеописание Пророка Мухаммада»*, с.1011
[15] Коран 4, 69
[16] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 27

уст. Постепенно голова его становилась всё тяжелее у неё на груди, пока другие жёны не начали причитать, и тогда ‘Аиша положила его голову на подушку и присоединилась к ним в скорби.

85.ПРЕЕМСТВО И ПОГРЕБЕНИЕ

Признаки, которые первым заметил 'Аббас, вскоре стали очевидны и для других; и ещё до наступления смерти Умм Айман послала весть своему сыну, что Пророк умирает. Лагерь уже был снят для похода на север, но Усама тотчас приказал возвращаться в Медину. Многие из старших сподвижников находились при войске, в том числе и 'Умар; и когда по прибытии в город их встретили известием, что смерть уже совершилась, 'Умар отказался этому поверить. Он неверно истолковал один аят Корана, который, как ему казалось, означал, что Пророк переживёт их всех и ещё многие грядущие поколения; и теперь он стоял в мечети и обращался к людям, уверяя их, что Пророк лишь отсутствует духом и что он возвратится. Пока он говорил так, Абу Бакр прибыл верхом из Сунха, ибо весть уже быстро разнеслась по всему оазису. Не останавливаясь ни с кем заговорить, он прямо вошёл в дом своей дочери и откинул с лица Пророка покрывало, которым его закрыли. Он посмотрел на него, а потом поцеловал. «Да будут за тебя жертвой мой отец и моя мать, — сказал он, — ты вкусил ту смерть, которую Бог предопределил тебе. И после неё уже никакая смерть никогда тебя не постигнет». Благоговейно он снова опустил покрывало на его лицо и вышел к толпе мужчин, к которым всё ещё обращался 'Умар. «Тише, 'Умар! — сказал он, подходя. — Послушай меня!» Но 'Умар не обратил внимания и продолжал говорить; тогда люди, узнав голос Абу Бакра, оставили 'Умара и обратились к тому, что хотел сказать старший из них. Воздав хвалу Богу, он сказал: «О люди, кто привык поклоняться Мухаммаду — воистину, Мухаммад умер; а кто привык поклоняться Богу — воистину, Бог Живой и не умирает». Затем он прочитал аят, ниспосланный после битвы при Ухуде: **И Мухаммад - только посланник, до которого были посланники. Разве ж если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять? Кто обращается вспять, тот ни в чем не повредит Аллаху, и Аллах воздаст благодарным.**.[1]

Казалось, словно люди не знали об этом аяте до того дня, пока Абу Бакр не прочитал его перед ними. Они подхватили его от него, и он был у всех на устах. Позднее 'Умар говорил: «Когда я услышал, как Абу Бакр читает этот аят, я был так поражён, что упал на землю. Ноги более не держали меня, и я понял, что Посланник Божий умер».

'Али теперь удалился к себе в дом, и с ним были Зубайр и Тальха. Остальные переселенцы собрались вокруг Абу Бакра, и к ним присоединился Усайд и многие из его рода. Но большинство ансаров, как из Ауса, так и из Хазраджа, собралось в зале Бану Са'ида, главой которых был Са'д ибн 'Убада; и до Абу Бакра и 'Умара дошла весть, что там они обсуждают вопрос о том, где должна теперь пребывать власть, когда Пророк умер. Его власть они принимали с охотой; но, когда его не стало, многие из них склонялись к мысли, что сынами

[1] Коран 3, 144

Кайлы не должен править никто, кроме человека из Йасриба; и, по-видимому, они уже готовы были присягнуть Са'ду.

'Умар побудил Абу Бакра пойти с ним в этот зал, и Абу 'Убайда отправился вместе с ними. Са'д был болен и лежал посреди зала, завернувшись в плащ. От его имени другой из ансаров собирался обратиться к собранию, когда вошли трое курайшитов, и потому он включил их в свою речь, которая после хвалы Богу начиналась словами: «Мы — помощники Бога и боевая сила Ислама; а вы, о переселенцы, — часть нас, ибо группа из вашего народа поселилась среди нас». Продолжая в том же духе, оратор прославлял ансаров и, хотя и уделял переселенцам долю этой славы, намеренно не признавал их особого положения как первой исламской общины. Когда он кончил, 'Умар уже хотел говорить, но Абу Бакр остановил его и заговорил сам — учтиво, но твёрдо, — вновь воздав хвалу ансарам, однако указав, что община Ислама теперь распространилась по всей Аравии и что арабы в целом не примут власти никого, кроме человека из Курайша, ибо Курайш занимает среди них исключительное и срединное место. В заключение он взял 'Умара и Абу 'Убайду за руки и сказал: «Я предлагаю вам одного из этих двух мужей. Присягните кому из них пожелаете». Тогда поднялся другой из ансаров и предложил, чтобы было две власти; это привело к горячему спору, пока наконец не вмешался 'Умар, сказав: «О ансары, разве не знаете вы, что Посланник Божий велел Абу Бакру возглавлять молитву? » — «Знаем», — ответили они. И он сказал: «Так кто же из вас добровольно поставит себя выше него? » — «Да сохранит нас Бог от того, чтобы мы поставили себя выше него!»[2] — ответили они. Тогда 'Умар схватил руку Абу Бакра и присягнул ему; за ним последовали Абу 'Убайда и другие переселенцы, которые к тому времени уже подошли. Затем все присутствовавшие ансары также принесли присягу Абу Бакру, кроме Са'да, который никогда не признал его халифом[3] и впоследствии переселился в Сирию.

Какое бы решение ни было принято в том зале, в Медине никто не мог бы возглавить молитву в мечети, кроме Абу Бакра, пока он оставался там; и на следующий день на рассвете, прежде чем повести молитву, он сел на кафедру, а 'Умар встал и обратился к собранию, призывая людей присягнуть Абу Бакру, которого он назвал «лучшим из вас, спутником Посланника Божия, вторым из двоих, когда они были вдвоём в пещере»[4]. Недавнее Откровение напомнило о том, что именно Абу Бакру была дарована честь быть

[2] Мухаммад Ибн Са’д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 23

[3] По-арабски — халифа (khalifah), причём полный титул: Халифат Расул Аллах (Khalifat Rasul Allah) — наместник Посланника Божия.

[4] Коран 9, 40

единственным спутником Пророка в тот решающий миг;[5] и весь собравшийся народ единогласно принес ему клятву верности — все, кроме 'Али, который сделал это позднее.[6]

Затем Абу Бакр воздал хвалу и благодарение Богу и обратился к ним со словами: «Мне вручена власть над вами, но я не лучший из вас. Если я поступаю хорошо — помогайте мне; если же я поступаю дурно — исправляйте меня. Искренняя приверженность истине есть верность, а пренебрежение истиной есть измена. Слабый среди вас будет силён предо мною, пока я не обеспечу ему его право, если того пожелает Бог; и сильный среди вас будет слаб предо мною, пока я не отниму у него права других, если того пожелает Бог. Повинуйтесь мне, пока я повинуюсь Богу и Его Посланнику. Но если я ослушаюсь Бога и Его Посланника, вы не обязаны повиноваться мне. Встаньте же на молитву, да помилует вас Бог!»[7]

После молитвы домочадцы Пророка и его родные решили, что следует приготовить его к погребению, но разошлись во мнениях о том, как это надлежит сделать. Тогда Бог навёл на них сон, и во сне каждый из них услышал голос, говоривший: «Омойте Пророка, не снимая с него одежды». И они вошли в комнату 'Аиши, которую она на это время покинула; и Аус ибн Хаули, один из хазраджитов, стал просить, чтобы ему было позволено представлять ансаров, говоря: «Заклинаю тебя Богом, о 'Али, и нашей долей в Его Посланнике! » — и 'Али позволил ему войти. 'Аббас и его сыновья Фадль и Кусам помогали 'Али переворачивать тело, тогда как Усама лил на него воду вместе с Шукраном, одним из вольноотпущенников Пророка, а 'Али проводил рукой по всей длинной шерстяной одежде. «Да будут за тебя жертвой мой отец и моя мать, — сказал он, — как прекрасен ты и в жизни, и в смерти!» Даже по прошествии одного дня тело Пророка казалось лишь погружённым в сон, с той только разницей, что в нём уже не было ни дыхания, ни пульса, ни тепла, ни гибкости.

Теперь сподвижники стали спорить, где его похоронить. Многим казалось, что его могила должна быть рядом с могилами трёх его дочерей, Ибрахима и тех сподвижников, которых он сам хоронил и над которыми сам молился, — в Баки' аль-Гаркад; другие же считали, что он должен быть погребён в мечети. Но Абу Бакр вспомнил, что слышал от него слова: «Ни

---

[5] См.с.119

[6] Спустя несколько месяцев, после смерти Фатимы, 'Али сказал Абу Бакру: «Мы хорошо знаем твоё превосходство и то, чем наделил тебя Бог, и не завидуем никакому благу, которое Он даровал тебе. Но ты поставил нас перед уже совершившимся делом, не оставив нам выбора, и мы чувствовали, что имеем в этом некоторую долю права по причине нашей близости к Посланнику Божию». Тогда глаза Абу Бакра наполнились слезами, и он сказал: «Клянусь Тем, в Чьей длани моя душа, мне было бы дороже, чтобы между мной и родом Посланника Божия всё было благополучно, чем между мной и моим собственным родом». И в полдень того же дня в мечети он публично снял с 'Али всякое порицание за то, что тот до сих пор не признал его халифом; после чего 'Али подтвердил право Абу Бакра и присягнул ему на верность (Бухари, 64, 38).

[7] Ибн Исхак «*Жизнеописание Пророка Мухаммада*», с.1017

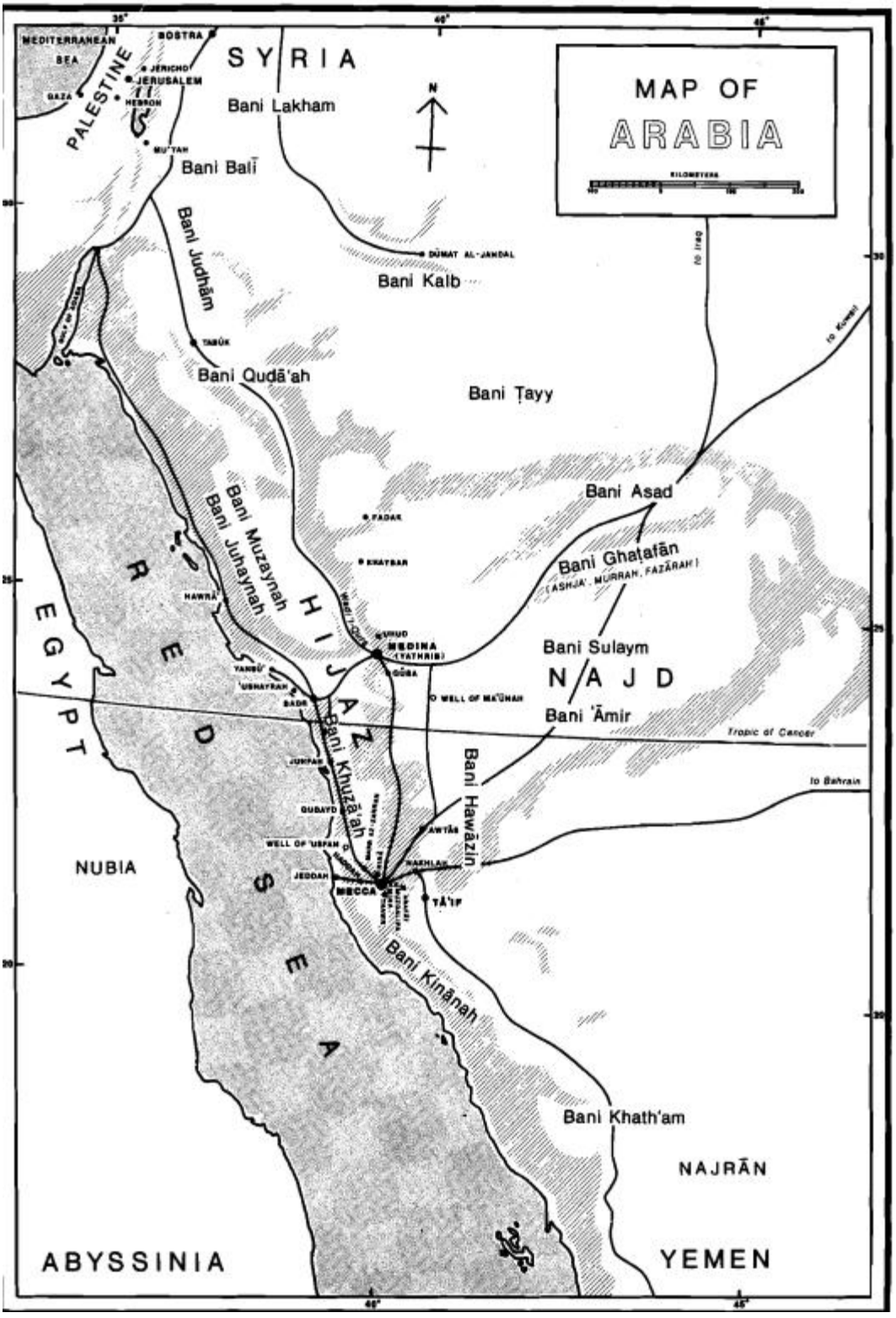
один пророк не умирает, не будучи погребён там, где умер», — и потому могилу вырыли в полу комнаты 'Аиши, возле ложа, на котором он покоился.

Затем весь народ Медины пришёл к нему и молился над ним. Люди приходили чередой, и каждая небольшая группа совершала погребальную молитву: сначала мужчины, группа за группой; когда же все мужчины простились с ним, пришли женщины, а после них дети. В ту ночь его опустил в могилу 'Али и те же люди, которые готовили его к погребению.

Велика была скорбь в Городе Света, как ныне называют Медину. Сподвижники упрекали друг друга за слёзы, но и сами плакали. «Не о нём я плачу, — сказала Умм Айман, когда её спросили о её слезах. — Разве не знаю я, что он ушёл к тому, что лучше для него, чем этот мир? Но я плачу о небесных вестях, которые были отсечены от нас».[8] И в самом деле, как будто великая дверь затворилась. Но они помнили, что он сказал: «Что мне до этого мира? Я и этот мир — как всадник и дерево, под которым он находит тень. Потом он продолжает свой путь и оставляет его позади».[9] Он сказал это, чтобы каждый из них мог сказать то же о самом себе; и если дверь теперь затворилась, то для верного она откроется в час смерти. В ушах их всё ещё звучали его слова: «Я иду впереди вас и буду вашим свидетелем. Место вашей встречи со мною — у Водоёма». Исполнив своё послание в этом мире, он ушёл, чтобы исполнить его в мире ином, где он будет и далее — для них и для других, но уже без ограничений земной жизни, — Ключом Милости,[10] Ключом Рая, Духом Истины, Счастьем Бога.

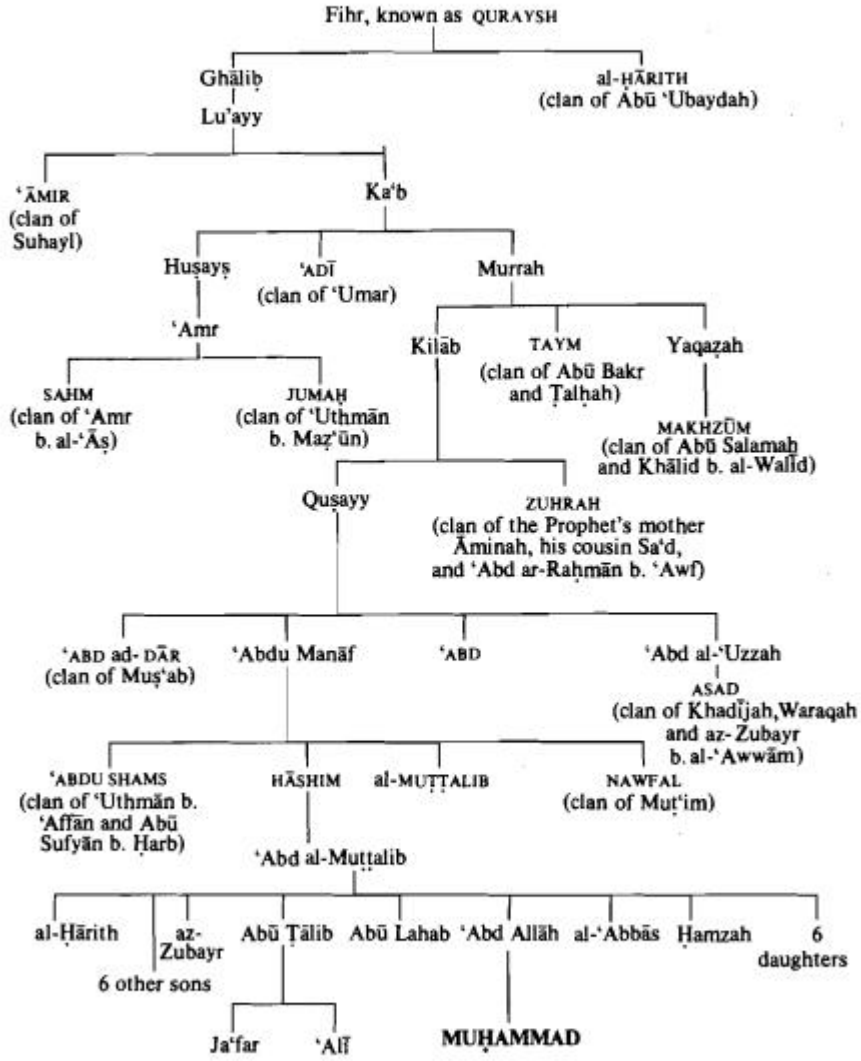
Воистину, Бог и ангелы Его осеняют благословением Пророка. О вы, которые уверовали, призывайте на него благословение и приветствуйте его миром.

[8] Мухаммад Ибн Са'д, *Китаб ат-Табагат аль-Кабир*, 2/2, 83-84
[9] Мухаммад ибн Маджах 37,3
[10] Это и другие титулы, следующие за ним, взяты из традиционных литаний имён Пророка.


MAP OF
ARABIA
SYRIA
PALESTINE
MEDITERRANEAN SEA
BOSTRA
JERICHO
JERUSALEM
GAZA
HEBRON
MU'TAH
Bani Lakham
Bani Balī
Bani Judhām
DŪMAT AL-JANDAL
Bani Kalb
TABŪK
Bani Qudā'ah
Bani Ṭayy
to Iraq
to Kuwait
Bani Asad
FADAK
KHAYBAR
Bani Muzaynah
Bani Juhaynah
HIJAZ
Bani Ghaṭafān
('ASHJA', MURRAH, FAZĀRAH)
HAWRĀ'
YANBU'
MEDINA
(YATHRIB)
QUBA
UHUD
Bani Sulaym
NAJD
USHAYRAH
BADR
WELL OF MA'ŪNAH
Bani 'Āmir
Tropic of Cancer
JUHFAH
Bani Khuzā'ah
to Bahrain
QUDAYD
AWTĀS
WELL OF 'USFAN
WAKHLAN
Bani Hawāzin
NUBIA
JEDDAH
MECCA
TĀ'IF
RED SEA
EGYPT
Bani Kināṇah
Bani Khath'am
NAJRĀN
ABYSSINIA
YEMEN

Quraysh of the Hollow

(Fihr is directly descended from Ishmael in the male line. The descendants of Fihr who came to be known as Quraysh of the Outskirts are not shown in the following tree)



The names of founders of clans are given in small capitals. These are followed by the names of one or more of their descendants who were closely connected with the Prophet or else of historical importance.

Имена осноателей родов приведены прописными буквами. За ними следуют имена двух или трех потомков, связанных с Пророком или имеющими историческую значимость. .